Индекс 70822

◆ ◆ ◆ ◆ "НАУКА" ◆ ◆ ◆ ◆

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика
Агрохимия
Азия и Африка сегодня
Акустический журнал
Алгебра и анализ
Астрономический вестник
Астрономический журнал
Биологические мембраны
Биология внутренних вод
Биология моря
Биоорганическая химия
Биофизика
Биохимия
Ботанический журнал
Вестник РАН
Вестник древней истории
Вестник Южного научного центра
Водные ресурсы
Вопросы истории естествознания и техники
Вопросы ихтиологии
Вопросы философии
Вопросы языкознания
Восток
Вулканология и сейсмология
Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)
Генетика
Геология рудных месторождений
Геомагнетизм и аэрономия
Геоморфология
Геотектоника
Геохимия
Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология
Государство и право
Дефектоскопия
Дискретная математика
Дифференциальные уравнения
Доклады Академии наук
Журнал аналитической химии
Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова
Журнал вычислительной математики и математической физики
Журнал неорганической химии
Журнал общей биологии
Журнал общей химии
Журнал органической химии
Журнал прикладной химии
Журнал технической физики
Журнал физической химии
Журнал эволюционной биохимии и физиологии
Журнал экспериментальной и теоретической физики
Записки Российского минералогического общества
Земля и Вселенная
Зоологический журнал
Известия РАН. Механика жидкости и газа
Известия РАН. Механика твердого тела
Известия РАН. Серия биологическая
Известия РАН. Серия географическая
Известия РАН. Серия литературы и языка
Известия РАН. Серия математическая
Известия РАН. Серия физическая
Известия РАН. Теория и системы управления
Известия РАН. Физика атмосферы и океана
Известия РАН. Энергетика
Известия русского географического общества
Исследование Земли из космоса
Кинетика и катализ
Коллоидный журнал
Координационная химия
Космические исследования
Кристаллография
Латинская Америка
Лесоведение
Лёд и Снег
Литология и полезные ископаемые
Математические заметки
Математический сборник
Математическое моделирование
Микология и фитопатология
Микробиология
Микроэлектроника
Мировая экономика и международные отношения
Молекулярная биология
Наука в России
Научное приборостроение
Нейрохимия
Неорганические материалы
Нефтехимия
Новая и новейшая история
Общественные науки и современность
Общество и экономика
Океанология
Онтогенез
Оптика и спектроскопия
Палеонтологический журнал
Паразитология
Петрология
Письма в Астрономический журнал
Письма в Журнал технической физики
Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики
Поверхность
Почвоведение
Приборы и техника эксперимента
Прикладная биохимия и микробиология
Прикладная математика и механика
Природа
Проблемы Дальнего Востока
Проблемы машиностроения и надежности машин
Проблемы передачи информации
Программирование
Психологический журнал
Радиационная биология. Радиоэкология
Радиотехника и электроника
Радиохимия
Расплавы
Растительные ресурсы
Российская археология
Российская история
Российский иммунологический журнал
Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова
Русская литература
Русская речь
Сенсорные системы
Славяноведение
Социологические исследования
Стратиграфия. Геологическая корреляция
США. Канада. Экономика - политика - культура
Теоретическая и математическая физика
Теоретические основы химической технологии
Теория вероятностей и ее применение
Теплофизика высоких температур
Труды Математического института имени В.А. Стеклова
Успехи математических наук
Успехи современной биологии
Успехи физиологических наук
Физика Земли
Физика и техника полупроводников
Физика и химия стекла
Физика металлов и металловедение
Физика плазмы
Физика твердого тела
Физикохимия поверхности и защита материалов
Физиология растений
Физиология человека
Функциональный анализ и его применение
Химическая физика
Химия высоких энергий
Химия твердого топлива
Цитология
Человек
Экология
Экономика и математические методы
Электрохимия
Энергия, экономика, техника, экология
Этнографическое обозрение
Энтомологическое обозрение
Ядерная физика

ISSN 0869-6063 Российская археология, 2018, № 2

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ • № 2 • 2018

ISSN 0869-6063

Номер 2

Апрель–Май–Июнь
2018

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

http://www.naukaran.com

“НАУКА”

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 2018

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор
чл.-корр. РАН Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров, акад. РАН В.И. Молодин,
д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов, д.и.н. А.А. Тишкин, акад. РАН В.Л. Янин,
проф. А. Буко (Польша), докт. М. Вемхофф (Германия), проф. Т. Дарвилл (Великобритания),
проф. Ж.-П. Демуль (Франция), чл.-корр. НАН Украины Г.Ю. Ивакин, проф. Ф. Кол (США),
Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
д.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
д.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. В.Д. Кузнецов, д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон (499)124-34-42
E-mail: ra@iaran.ru

Москва

© Российская академия наук, 2018
© ФГУП «Издательство “Наука”», 2018
© Составление. Редколлегия журнала
«Российская археология», 2018

Сдано в набор 20.02.2018 г. Подписано к печати 12.04.2018 г. Дата выхода в свет 26.04.2018 г. Формат 60 × 88$^{1}/_{8}$
Цифровая печать Усл.печ.л. 24.0 + 0.5 вкл. Усл.кр.-отт. 8.2 тыс. Уч.-изд.л. 24.5 Бум.л. 12.0
Тираж 24 экз. Зак. 172а Бесплатно

Учредители: Российская академия наук,
Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук
Исполнитель по контракту № 27-ЭА/17 ООО «Издательство РИПОЛ МЕДИА»
Оригинал-макет подготовлен ФГУП «Издательство «Наука»
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» по заказу ООО «Издательство РИПОЛ МЕДИА»

16+

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2018

К 75-летию Анатолия Пантелеевича Деревянко
Молодин В.И., Шуньков М.В. 3

Неизвестный ранее тип поделки из бивня мамонта со стоянки Авдеево (новый объект)
Хлопачев Г.А., Булочникова Е.В., Жмур О.В. 8

Пополнение бестиария Каповой пещеры (об изображении верблюда в зале Хаоса)
Дэвлет Е.Г., Пахунов А.С., Агаджанян А.К. 19

Палеоклимат и культурогенез в Восточной Европе в конце III тыс. до н.э.
Мимоход Р.А. 33

Крепости железного века в Закавказье
Кастеллучча М. 49

Палеоландшафты округи Щуровского могильника в I тыс. н.э. (данные спорово-пыльцевого анализа культурного слоя)
Трошина А.А., Сыроватко А.С. 68

Междисциплинарные исследования и реконструкция оборонительных сооружений Кушманского городища/Учкакар
Модин Р.Н., Журбин И.В., Иванова М.Г. 83

Культурная принадлежность памятников развитого средневековья южнотаежной зоны Средней Сибири
Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. 98

Публикации

Комплексное исследование каменных загонов в окрестностях Кисловодска
Коробов Д.С., Борисов А.В., Бабенко А.Н., Сергеев А.Ю., Чернышева Е.В. 113

Клад из Суджи-Замостья и проблема социокультурной интерпретации днепровских раннесредневековых кладов I группы
Родинкова В.Е., Сапрыкина И.А., Сычева С.А. 130

Спасо-Преображенский собор в Тверском кремле: итоги раскопок 2012–2014 гг.
Беляев Л.А., Сафарова И.А., Хохлов А.Н. 148

История науки

Неолит Северо-Востока Европы в балтийской перспективе
Нордквист К., Крийска А. 162

Критика и библиография

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4: Новосибирск, 2016
Кореневский С.Н. 175

А.А. Чижевский, Е.М. Черных, А.А. Хисяметдинова, А.Е. Митряков, Е.А. Спиридонова, М.Д. Кочанова, А.С. Алешинская. Скорняковское городище на Вятке. Казань, 2016
Коваль В.Ю. 182

О.В. Двуреченский. Холодное оружие московского государства XV–XVII веков. Тула, 2015.
Кирпичников А.Н. 186

Хроника

Третья международная конференция “Археология и геоинформатика” (Москва, 2017)
Коробов Д.С. 188

Ольга Сергеевна Гадзяцкая (1931–2017)
Волкова Е.В., Ковалевская В.Б., Мошкова М.Г., Петренко В.Г., Цетлин Ю.Б. 190

Памяти Айны Петровны Погожевой (1933–2017)
Ковалевская В.Б., Петренко В.Г., Гадзяцкая О.С., Мошкова М.Г., Мишина Т.Н. 191

Content

Number 2, 2018

To the 75th anniversary of A.P. Derevyanko
Molodin V.I., Shunkov M.V. 3

Previously unknown type of mammoth tusk artwork from Avdeevo site (the new dwelling structure)
Khlopachev G.A., Bulochnikova E.V., Zhmur O.V. 8

Kapova bestiary replenished (on the image of camel in the Chamber of Chaos)
Devlet E.G., Pakhunov A.S., Agadjanian A.K. 19

Paleoclimate and cultural genesis in Eastern Europe of the 3rd millennium BC
Mimokhod R.A. 33

Iron Age fortresses in Transcaucasia
Castelluccia M. 49

Paleolandscapes of the Shchurovo cemetery in the 1st millennium AD (data of the sporo-pollen analysis of the cultural layer)
Troshina A.A., Syrovatko A.S. 68

Multidisciplinary studies and reconstruction of the defense structures in Kushman settlement/Uchkakar
Modin R.N., Zhurbin I.V., Ivanova M.G. 83

Cultural attribution of the High Middle Ages sites in the southern taiga zone of Central Siberia
Mandryka P.V., Senotrusova P.O. 98

Publications

Comprehensive research of stone enclosures in the vicinity of Kislovodsk
Korobov D.S., Borisov A.V., Babenko A.N., Sergeev A.Yu., Chernysheva E.V. 113

Sudzha-Zamostie hoard and the problem of social and cultural interpretation of the Dnepr early medieval hoards, group I
Rodinkova V.E., Saprykina I.A., Sycheva S.A. 130

The Saviour-Transfiguration Cathedral in the Tver Kremlin: results of excavations in 2012–2014
Belyaev L.A., Safarova I.A., Khokhlov A.N. 148

History of science

The Neolithic of North-Eastern Europe in the Baltic perspective
Nordqvist K., Kriiska A. 162

Review of Books

Molodin V.I., Grishin A.E. Sopka-2 site on the Om River, 4. Novosibirsk, 2016
Korenevskiy S.N. 175

A.A. Chizhevskiy, E.M. Chernykh, A.A. Khisyametdinova, A.E. Mitryakov, E.A. Spiridonova, M.D. Kochanova, A.S. Aleshinskaya. Skornyakovo settlement on the Vyatka. Kazan, 2016
Koval V. Yu. 182

O.V. Dvurechensky. Cold arms of the Moscovite state of 15th – 17th centuries. Tula, 2015
Kirpichnikov A.N. 186

Chronicle

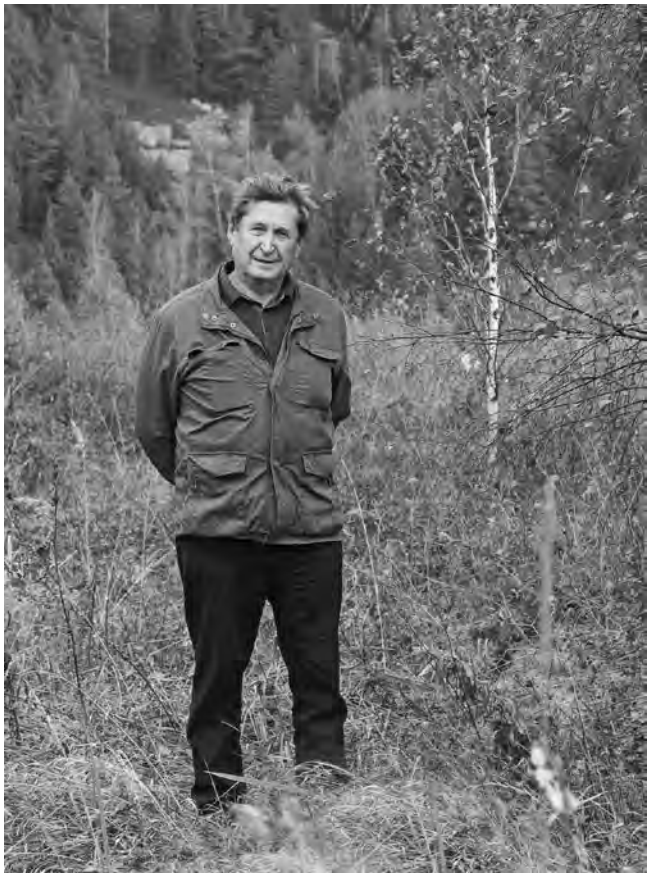
Third International Conference “Archaeology and Geoinformatics” (Moscow, 2017)
Korobov D.S. 188

Olga Sergeevna Gadzyatskaya (1931–2017)
Volkova E.V., Kovalevskaya V.B., Moshkova M.G., Petrenko V.G., Tsetlin Yu.B. 190

In memoriam Ayna Petrovna Pogozheva (1933–2017)
Kovalevskaya V.B., Petrenko V.G., Gadzyatskaya O.S., Moshkova M.G., Mishina T.N. 191

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2018, № 2, с. 3–7

К 75-ЛЕТИЮ АНАТОЛИЯ ПАНТЕЛЕЕВИЧА ДЕРЕВЯНКО



В январе 2018 г. выдающемуся ученому-археологу и историку академику Анатолию Пантелеевичу Деревянко исполнилось 75 лет. Вся его творческая жизнь является образцом служения науке, примером полной самоотдачи любимому делу.

Анатолий Пантелеевич родился в простой рабочей семье в дальневосточном селе Козьмо-Демьяновка. В детстве Анатолию пришлось испытать немало лишений, выпавших на долю поколений послевоенного времени. Еще в школьные годы он начал трудовую жизнь, работая на стройке, чтобы помочь семье.

После окончания средней школы Анатолий поступил на историко-филологический факультет Благовещенского государственного педагогического института. Судьбоносным в жизни молодого человека оказалось знакомство с выдающимся исследователем азиатских древностей А.П. Окладниковым. Попав студентом-второкурсником в археологическую экспедицию, Анатолий влюбился в археологию, и с этого момента наука стала главным смыслом его жизни. Экстерном с отличием окончив институт, он поступает в аспирантуру к Окладникову в Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (Новосибирск), в котором проходит путь от аспиранта до директора.

Поражают масштабы достижений молодого ученого уже на первом этапе творческой деятельности. Ежегодные полугодовые экспедиции, в режиме которых работала тогда команда А.П. Окладникова, не помешали Анатолию Пантелеевичу успешно подготовить кандидатскую диссертацию и блестяще защитить ее в 22 года. Именно на этом этапе молодой ученый формируется как прекрасный исследователь-полевик, способный качественно раскопать и изучить сложнейшие археологические комплексы различных эпох и культур. В это же время у ученого формируется широта творческого подхода, что позволило не только исследовать в поле археологические объекты, но и блестяще аккумулировать полученные источники – от эпохи палеолита до железного века, причем на разных территориях Восточной Сибири, Дальнего Востока и Монголии. В этот период А.П. Деревянко публикует серию монографий, до настоящего времени активно востребованных научным сообществом. Одна из них была удостоена престижной для молодых ученых премии Ленинского комсомола.

Трудно представить, но за десять лет ученый не только опубликовал девять книг и десятки статей, но и блестяще защитил докторскую диссертацию. Научная работа сочеталась с активной преподавательской деятельностью в Новосибирском государственном университете (НГУ), а также административными обязанностями в рамках родного института, в котором после защиты докторской диссертации он становится заместителем директора по научной работе. И все это в 28 лет.

Такие творческие успехи не могли остаться незамеченными. В 1974 г. А.П. Деревянко был избран председателем Совета молодых ученых страны, а в 1976 г. стал секретарем ЦК ВЛКСМ. В судьбе молодого человека наступил новый серьезный

жизненный этап, который потребовал немало усилий в овладении, по существу, принципиально новой профессией.

С позиции сегодняшнего дня можно однозначно сказать, что годы комсомольской работы оказались чрезвычайно значимыми в формировании А.П. Деревянко как уникального организатора науки. Однако и в это время Анатолий Пантелеевич ездил в экспедиции на родной Дальний Восток. Все эти годы его не покидает желание вернуться в любимую науку и вновь оказаться в Академгородке. Наконец случай представился. Поводом послужило избрание Анатолия Пантелеевича членом-корреспондентом АН СССР, которым он стал в 36 лет.

Вскоре А.П. Деревянко переезжает в Новосибирск, где сначала становиться ректором НГУ, а затем директором Института истории, филологии и философии СО АН. Ученый определяет приоритетные направления для своего института, главнейшим из которых становится мультидисциплинарное изучение древнейшего периода человеческой истории – эпохи палеолита со всеми связанными с ним проблемами. Полигонами для массированного изучения этих проблем были избраны Монголия и Горный Алтай. А далее вновь, как и прежде, пошли полугодовые экспедиции, систематические целенаправленные разведки в труднейших районах гор и пустынь.

Экспедиция Деревянко, в которой он всегда был первым поисковиком, прошла тысячи километров нелегких маршрутов по Монголии, Средней Азии, Казахстану, Алтаю, Дальнему Востоку. В результате были открыты сотни археологических объектов, а среди них – десятки уникальных, на которых развернуты стационарные раскопки, руководимые им самим и его учениками. В конце 1980-х годов Деревянко начинает фундаментальные исследования, прежде всего на Алтае, в Денисовой пещере и ее окрестностях. Чрезвычайно важно, что в этот период А.П. Деревянко формирует команду единомышленников, постоянно пополняя ее талантливой молодежью из числа выпускников НГУ и других вузов Сибири и Дальнего Востока.

Структура нового созданного Анатолием Пантелеевичем Института археологии и этнографии СО РАН была тщательно продумана и подчинена развитию главных направлений. Кроме палеолита это археология палеометалла, этнография, антропология. Руководитель и ученый всегда поддерживает все новое, даже если это новое кажется крайне дискуссионным и проблемным. А.П. Деревянко удается установить действенные научные связи с зарубежными коллегами. Он проводит несколько крупных международных конференций, организует уникальные по своей содержательности поездки сотрудников в ведущие зарубежные центры. Эффективно реализуется несколько международных проектов, которые в довольно короткий срок дали блестящие научные результаты. В этот период А.П. Деревянко воплотил в жизнь еще одну идею, создав вместе с несколькими крупными сибирскими университетами археологические лаборатории двойного подчинения, показав реальные пути подлинной интеграции академической и вузовской науки.

Столь масштабные деяния особенно поражают, если вспомнить, в какое время это происходило. Девяностые – труднейшие для науки годы борьбы за выживание. На этом сложнейшем этапе талант Анатолия Пантелеевича как организатора науки проявился особенно ярко. Сотрудники института вслед за своим лидером быстро перешли на новые принципы организации научно-исследовательского процесса, ориентированного на выполнение целевых программ и грантовую поддержку. Здесь необходимо отметить, что А.П. Деревянко был одним из создателей Российского гуманитарного научного фонда, который в тяжелых экономических условиях помог гуманитарным наукам выстоять, финансируя исследовательские и экспедиционные проекты, публикацию монографий и проведение научных мероприятий.

Следует сказать еще об одном из выдающихся начинаний Анатолия Пантелеевича – задуманной и блестяще реализованной в масштабах Сибирского отделения РАН подготовке и издании многотомной серии «Памятники фольклора народов Сибири», удостоенной Государственной премии в области науки и техники в 2002 г.

Важнейшей составляющей научной и организационной деятельности А.П. Деревянко всегда были экспедиции с их постоянными разведками и раскопками. Более того, они становятся, по сути, круглогодичными! Начинаются экспедиции ранней весной в пещерах Черногории, летом продолжаются на Алтае и в Монголии, а также в Иране и Дагестане, на берегу Каспийского моря, осенью – работы в Средней Азии и, наконец, полевые исследования завершаются поздней осенью – зимой в пещерах Вьетнама. Вот таков полевой сезон.

А.П. Деревянко удалось воплотить в жизнь свою давнюю мечту – в институте создано и успешно функционирует издательство, выпускающее монографии и сборники научных статей на самом высоком полиграфическом уровне. Любимое детище Анатолия Пантелеевича – журнал «Археология, этнография и антропология Евразии», который позволяет оперативно вводить в научный оборот но-

вейшую научную информацию. Это единственный в стране журнал гуманитарного профиля, издающийся на русском и английском языках.

Главным научным кредо ученого всегда был мультидисциплинарный подход на всех уровнях исследовательской процедуры. Поэтому не случайно серьезные силы и средства были брошены А.П. Деревянко на создание Центра коллективного пользования «Геохронология кайнозоя» в рамках Новосибирского научного центра СО РАН. Здесь сосредоточены научные структуры, оснащенные новейшим оборудованием. Особое место в Центре занимают лаборатории по датированию – радиоуглеродная, дендрохронологическая, а также уникальная установка УМС (AMS), способная датировать древние образцы на основе минимальных по объему проб.

Самый широкий спектр мультидисциплинарных исследований активно осуществляется еще на одном любимом детище А.П. Деревянко – научно-исследовательском стационаре «Денисова пещера». Анатолий Пантелеевич начал создавать его в трудные девяностые годы, когда, как уже упомянуто выше, положение в науке, мягко говоря, было крайне тяжелым. Сейчас стационар с его десятками коттеджей, удобных для жизни и плодотворной работы, является центром для всех ученых Сибирского отделения. Каждое лето здесь проводят симпозиумы и семинары кроме археологов, геологи, биологи, физики, математики. Именно в таком общении возникают новые идеи интеграции самых разных научных направлений.

Отдавая дань фундаментальной науке, Деревянко всегда был и остается ее активным популяризатором. Им написано несколько научно-популярных книг, в том числе выдержавших переиздания у нас в стране и за рубежом. В масштабах института функционируют два музея: Музей истории и культуры народов Сибири и Историко-архитектурный музей под открытым небом с жемчужиной русской деревянной архитектуры – Спасо-Преображенской церковью начала XVIII в., вывезенной экспедиционным отрядом А.П. Деревянко из Зашиверского острога на р. Индигирка в Якутии. Кроме того, А.П. Деревянко удалось создать реставрационные лаборатории, оснастить их новейшим оборудованием и подготовить великолепных профессионалов-реставраторов.

Новым, весьма значимым этапом в организаторской деятельности Анатолия Пантелеевича в последние годы стало налаживание в институте активной деятельности по спасению историко-культурного наследия Сибири. Было создано специальное подразделение, которое занимается работами на археологических объектах, расположенных в зонах новостроек. При отсутствии в стране специальной археологической службы академик Деревянко справедливо считает это направление деятельности делом государственной важности – долгом ученого. В результате блестяще реализуются археологические изыскания в рамках таких масштабных проектов, как «Богучанская ГЭС», «Газопровод Западная Сибирь – Алтай» и многих других. Для успешного проведения широкомасштабных экспедиционных работ в институте была создана собственная автобаза с парком экспедиционных машин.

Особо важный период в жизни Анатолия Пантелеевича пришелся на 2002–2013 гг., когда он работал в должности академика-секретаря Отделения историко-филологических наук и стал членом Президиума РАН. Фактически на его плечи легла полная ответственность за организацию гуманитарной науки в стране. Сейчас можно с полной уверенностью констатировать, что за эти годы удалось сделать очень многое. В масштабах России успешно реализовано несколько крупных научных программ, итоги которых были подведены в фундаментальных изданиях, выполненных под эгидой РАН. В этот период заметно вырос авторитет российской археологической науки. По его инициативе реализована идея возрождения всероссийских археологических съездов, блестяще проведенных в Новосибирске, 2006 г.; Суздале, 2008 г.; Старой Руссе–Новгороде, 2011 г.; Казани, 2014 г.; Барнауле–Белокурихе, 2017 г.

Несмотря на огромную нагрузку в качестве организатора науки, академик Деревянко остается действующим ученым. Масштабность сделанного им потрясает. Это сотни статей и десятки книг, написанных как самим ученым, так и совместно с коллегами и учениками. Поразительно еще и то, что объем печатной продукции год от года только возрастает. Последние годы были ознаменованы работами мирового класса по древнейшей истории человечества, в которых сформулирована оригинальная концепция межрегиональной эволюции человека.

В отличие от общепринятой моноцентристской точки зрения на процесс появления *Homo sapiens*, объединившей подавляющее большинство специалистов, А.П. Деревянко – убежденный сторонник модели конвергентного становления человека современного физического типа и его культуры. Теория моноцентризма подразумевает явный приоритет человека разумного над другими современными им гомининами, означающий, что все последние были только «статистами» на эволюционной сце-

не и покинули ее, вытесненные более совершенным видом. Однако моноцентристская гипотеза не смогла ответить на такой важный вопрос: почему культура верхнего палеолита, которую традиционно связывают только с человеком современного физического типа, появилась практически одновременно в весьма удаленных друг от друга регионах Евразии и при этом была далеко не так однородна, как это следовало ожидать в случае ее единственного исходного носителя. Более того, археологические материалы свидетельствуют, что каменные индустрии начальной поры верхнего палеолита в Африке, в западной части Евразии и на востоке Азии принципиальным образом отличаются друг от друга, что подразумевает по крайней мере культурную непрерывность у первобытного населения каждого региона.

Основываясь на анализе огромного массива археологических и антропологических данных из древнейших местонахождений Африки, Европы, Ближнего Востока, Центральной, Северной и Восточной Азии, А.П. Деревянко активно развивает полицентристскую концепцию происхождения человека, согласно которой формирование *Homo sapiens* шло не только в Африке, но и в разных районах Евразии, заселенных в свое время *Homo erectus*. Концепция мультирегиональной эволюции человека А.П. Деревянко и его культурно-хронологическая реконструкция основных путей расселения древнейших популяций во многом базируется на результатах исследований многочисленных новых объектов палеолита, обнаруженных экспедициями под руководством и при непосредственном участии самого академика на огромной территории от Восточной Адриатики до востока Азии.

Но самым весомым доводом в поддержку концепции мультирегиональной эволюции человека стали результаты многолетних комплексных исследований в Горном Алтае. Так, важнейшим достижением в области изучения ранней стадии палеолита в Северной Евразии стало открытие на северо-западе Алтая многослойной стоянки Карама с индустрией галечного типа, возраст которой определен в диапазоне 600–800 тыс. лет. Сегодня это древнейший археологический памятник на территории Северной и Центральной Азии.

Другой важный результат изучения алтайского палеолита – вывод о том, что культурные традиции эволюционировали здесь в течение как минимум 280 тыс. лет без заметных признаков внешних влияний, включая становление верхнего палеолита 50–40 тыс. лет назад. Начало верхнепалеолитической культуры представлено яркими наборами орудий и украшений, включая миниатюрные костяные иглы с просверленным ушком, подвески и бусины из кости, зубов животных, поделочного камня и раковин моллюсков, а также уникальными находками – браслетом из хлоритолита и кольцом из мрамора со следами станкового сверления, шлифовки и полировки.

Особенно сложен вопрос о носителях этих культурных традиций на Алтае. К сожалению, алтайский палеолит скуп на антропологические находки, которые представлены фрагментированными обломками костей и зубов, что не позволяет воссоздать первоначальный облик их обладателей. Здесь на помощь пришел палеогенетический анализ ископаемых останков людей, благодаря чему археологи получили весьма неожиданный ответ. Во-первых, расшифровка митохондриальной ДНК из костных останков, обнаруженных в пещерах Окладникова и Денисовой, помогла не только решить вопрос о видовом статусе гомининов Алтая, но и определить восточную границу ареала неандертальцев в Евразии. Во-вторых, эти результаты вошли в систему доказательств, послуживших для «реабилитации» неандертальца, который ранее был вычеркнут из родословной человечества. Следует отметить, что еще в конце прошлого века А.П. Деревянко, основываясь на своих исследованиях, не соглашался с выводом генетиков о невозможности вхождения неандертальцев в филогенетическую линию современного человека, что и было впоследствии подтверждено расшифровкой полного неандертальского генома группой профессора С. Паабо (S. Pääbo), шведского биолога, специалиста по эволюционной генетике.

А самый сенсационный результат дал анализ фаланги мизинца ребенка из Денисовой пещеры, обнаруженной в верхнепалеолитических отложениях возрастом около 50 тыс. лет. Секвенирование сначала митохондриального, а затем ядерного генома показало, что обитатели пещеры принадлежали к ранее неизвестной группе ископаемого человека, названного по месту находки «денисовцем», который существенно отличался как от неандертальцев, так и от людей современного анатомического типа.

По данным палеогенетики, неандертальские гены сегодня присутствуют у жителей Евразии, а денисовские – у населения юго-востока Азии и южной части Тихого океана. А.П. Деревянко считает, что важен не сам процент денисовских генов в генофонде современного человечества, а тот факт, что он вообще есть. Судя по новейшим палеогенетическим данным, геномы могут очень быстро видоизменяться в результате массовых миграционных процессов и метисации населения, и этот

сохранившийся процент – неоспоримое свидетельство гибридизации.

Обобщив огромный массив данных, А.П. Деревянко выдвинул гипотезу о существовании нескольких крупных географических зон: в Африке, Европе, Северной и Восточной Азии, где происходило независимое становление ранних форм человека разумного – африканской, неандертальской, алтайской и ориентальной, которые внесли свой, хотя и неравномерный, вклад в формирование современного человечества. Вместе с тем в каждой из этих зон складывались свои культурные традиции, свои модели перехода от среднего к верхнему палеолиту.

Академик А.П. Деревянко – общепризнанный авторитет отечественной и мировой археологии, один из лидеров гуманитарной науки в нашей стране. Заслуги Анатолия Пантелеевича по достоинству отмечены государством и международным научным сообществом: он кавалер орденов и медалей, иностранный член ряда зарубежных академий, почетный профессор нескольких престижных университетов. А.П. Деревянко – дважды лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники (2002 и 2012 гг.), обладатель высшей награды РАН – Большой золотой медали им. М.В. Ломоносова (2014 г.), Демидовской премии (2004 г.), премии им. академика М.А. Лаврентьева (2005 г.), премии «Триумф» (2005 г.).

В 2015 г. из-за введения возрастного ограничения должности директора в рамках реформы российской академической науки А.П. Деревянко занял пост научного руководителя Института археологии и этнографии СО РАН. Сегодня Анатолий Пантелеевич по-прежнему полон творческих сил, активно участвует в развитии нашей науки, продолжает многотомный фундаментальный труд по древнейшей истории человечества. За его спиной – горы содеянного, впереди – новые экспедиционные дороги, новые открытия и новые еще более трудные, но столь притягательные научные вершины, которые еще предстоит покорить.

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск

В.И. Молодин,
М.В. Шуньков

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2018, № 2, с. 8–18

НЕИЗВЕСТНЫЙ РАНЕЕ ТИП ПОДЕЛКИ ИЗ БИВНЯ МАМОНТА СО СТОЯНКИ АВДЕЕВО (новый объект)

© 2018 г. Г. А. Хлопачев[1], Е. В. Булочникова [2], О. В. Жмур[1*]

[1]Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН), Санкт-Петербург, Россия

[2] Научно-исследовательский институт и Музей антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

**E-mail: gak@kunstkamera.ru; zhmur@kunstkamera.ru*

Поступила в редакцию 07.12.2017 г.

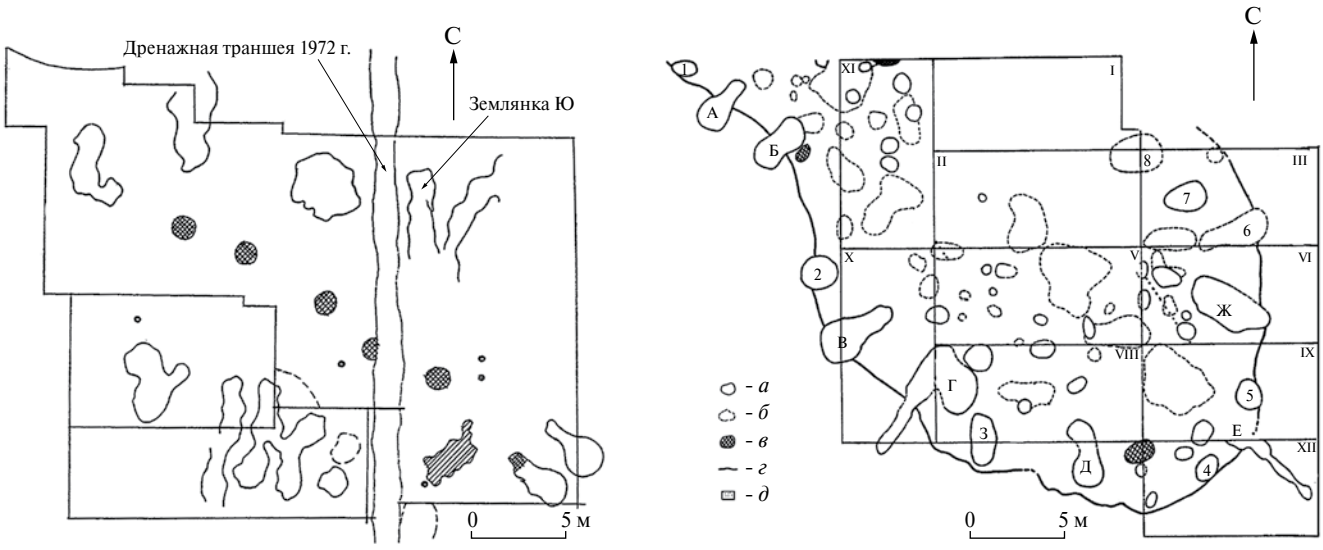
В 1991 г. в ходе раскопок землянки "Ю" на площади нового объекта верхнепалеолитической стоянки Авдеево (возраст 23–21 тыс. лет назад) найдена распавшаяся на большое количество фрагментов поделка из бивня мамонта. Поделка была взята из слоя монолитом. Ее первая реставрация ожидаемого результата не принесла. Повторная реставрация поделки выполнена в 2010–2012 гг. заведующей лабораторией реставрации и консервации Музея антропологии и этнографии РАН О.В. Жмур при участии и консультациях заведующего отделом археологии МАЭ РАН Г.А. Хлопачева. В результате предмет увеличил свою длину в два раза и получил условное название "жезл". Он представлял собой изделие длиной 40.6 см, со сложным скульптурным объемом в верхней части, который в своей нижней части плавно переходит в рукоять в форме массивного стержня с округлым сечением и приостренным концом. Скульптура в профиль больше всего напоминает зооморфное или антропо-зооморфное существо. В ней в равной мере можно видеть и фигуру коня, как его принято изображать в шахматах, и изображение вертикально стоящего человека с непропорционально большой головой, напоминающей голову волка. Размер и форма "жезла" позволяют предположить, что он мог использоваться в качестве копьеметалки. Археологический контекст обнаружения "жезла" указывает на особое отношение к нему в древности.

Ключевые слова: верхний палеолит, Русская равнина, Авдеевская стоянка, костенковско-авдеевская культура, поделка из бивня мамонта, реставрация, технико-морфологическое описание.

DOI: 10.7868/S0869606318020022

Костяные индустрии стоянок костенковско-авдеевской археологической культуры традиционно являются объектом особого внимания со стороны исследователей средней поры верхнего палеолита Европы. Ядро этой культуры образуют три стоянки – Авдеево, Костенки 1, слой I и Зарайская. На данных памятниках выявлены одинаковые крупные поселенческие структуры, каждая из которых представляет собой овальную в плане, окруженную по периметру ямами-землянками жилую площадку с многочисленными ямками и западинами различного назначения и несколькими крупными очагами вдоль ее центральной оси (Рогачев, 1953; Ефименко, 1958. С. 39, 43–208; Палеолит костенковско-борщевского района..., 1982. С. 43–50; Амирханов, 2000; Хлопачев, 2006. С. 130–132; Исследования палеолита.., 2009; Булочникова, 2011). Подобные поселенческие структуры исследователи стоянок Костенки 1 и Зарайская традиционно называют "жилыми комплексами", а исследователи стоянки Авдеево – "объектами". Каменный и костяной инвентарь этих стоянок, как и структура их поселенческих комплексов, демонстрирует высокий уровень сходства (Гвоздовер, 1953. С. 223; 1961. С. 118; 1998; Рогачев, 1953; Палеолит костенковско-борщевского района..., 1982. С. 50–62; Амирханов, 2000. С. 174, 182, 193–195; Исследования палеолита.., 2009. С. 136; Gvozdover, 1995; Giria, Breadly, 1998).

Изделия из бивня мамонта на стоянках костенковско-авдеевской культуры многочисленны и разнообразны. Они хорошо описаны в публикациях. Для стоянок костенковско-авдеевского типа на основе прежде всего материалов стоянки Авдеево разработана детальная классификация и типология костяных изделий (Гвоздовер, 1985; Gvozdover, 1995). В этой связи уже сам факт выявления в коллекции костяных изделий из нового объекта стоянки Авдеево неизвестного, никогда не публиковавшегося ранее типа поделки способен вызывать удивление. Однако такой обойденный внимани-



1 *2*

Рис. 1. Стоянка Авдеево. *1* – схема-план нового объекта (по: Grigoriev, 1995); *2* – схема-план старого объекта (по: Рогачев, 1953). Условные обозначения (*2*): *а* – ямы и землянки; *б* – западины; *в* – очаги; *г* – границы объектов; *д* – места высокой концентрации продуктов расщепления бивня; I, II – номера раскопов; А, Б – обозначения “землянок”; 1, 2 – номера ям.

Fig. 1. The Avdeevo site

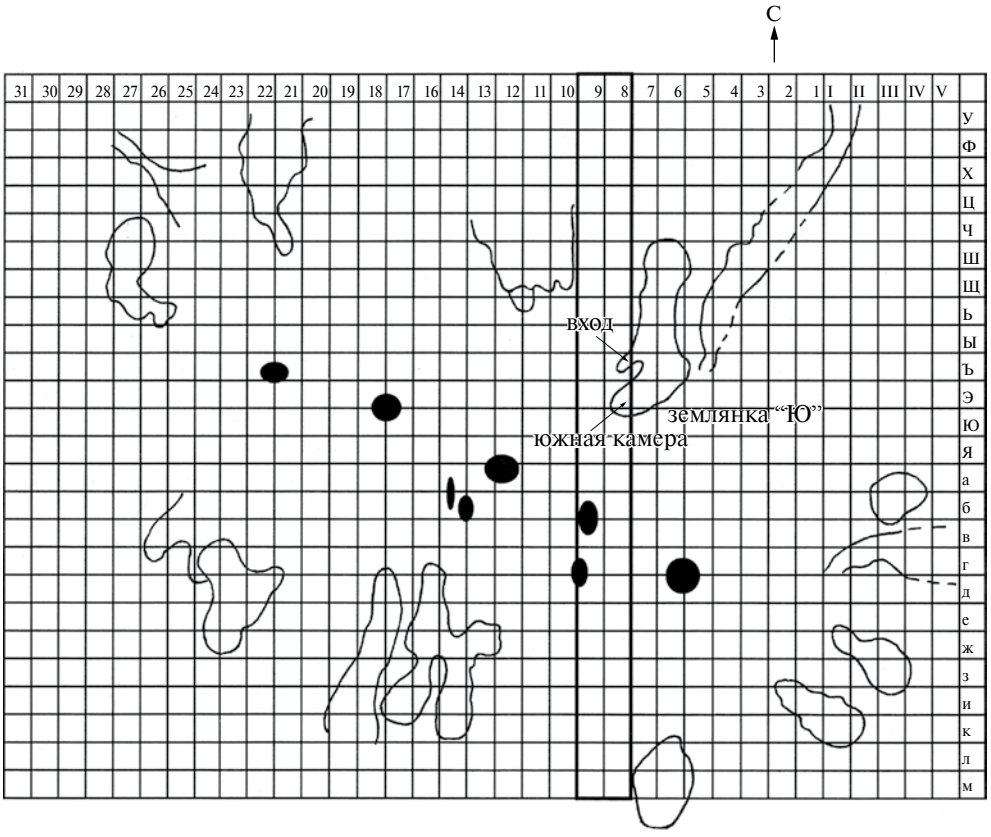


Рис. 2. Стоянка Авдеево. План нового жилого объекта (по: Булочникова, 2011). Условные обозначения: *а* – ямы и землянки; *б* – очаги.

Fig. 2. The Avdeevo site. The plan of the new dwelling structure (according to Bulochnikova, 2011)

Рис. 3. Поделка со сложной скульптурной формой в культурном слое южной камеры землянки “Ю” на новом объекте стоянки Авдеево (вид с юга).

Fig. 3. The artwork with a complex sculptural shape in the cultural layer of the southern chamber of the “Yu” pit dwelling in the new dwelling structure of the Avdeevo site (view from the south)

ем со стороны исследователей предмет существует. Завеса молчания вокруг него возникла в силу ряда обстоятельств, связанных с историей его обнаружения и не вполне удачным первым опытом реставрации.

Авдеевская стоянка (возраст 23–21 тыс. лет назад) находится близ с. Авдеево в Октябрьском р-не Курской обл. России (приблизительно в 40 км от Курска). В настоящее время на ней выявлены два жилых объекта (рис. 1). “Старый” объект исследовался в 1946–1948 гг. М.В. Воеводским (Воеводский, Алихова-Воеводская, 1950) и в 1949 г. А.Н. Рогачевым (1953). Раскопки “нового” объекта стоянки Авдеево начаты в 1972 г. М.Д. Гвоздовер и Г.П. Григорьевым, а позднее продолжены Е.В. Булочниковой. В результате этих работ вскрыта вся центральная часть нового объекта Авдеевской стоянки площадью около 400 м^2 (рис. 1, *1*; 2).

15 августа 1991 г. в ходе раскопок нового объекта стоянки Авдеево найдена уникальная поделка из бивня мамонта. Изделие представляло собой распавшийся на большое количество фрагментов предмет, в котором, как казалось, угадывалась женская статуэтка, выполненная в условно-стилизованной манере. Имея в виду самобытность предмета и очень непростую историю его восстановления, в более позднее время находке, по заведенной в авдеевской экспедиции традиции, дали собственное имя “Ника”.

Ника частично была повреждена еще в древности. Указание на это сохранились в полевом дневнике Г.П. Григорьева (1991) – исследователь отмечал, что “расползание” поделки могло начаться раньше, не в наше время (рис. 3). Она лежала в мокрой породе (Григорьев, 1991; Отчет о раскопках..., 1991), что хорошо согласуется с фактами значительной окатанности поверхности у большого количества мелких и крупных фрагментов, использованных позднее нами в ходе ее реставрации. Весьма вероятно, что эта окатанность возникла в результате расположения над тем участком землянки, где находилась Ника, дренажной траншеи, проложенной здесь в 1972 г. (рис. 1, *1*) по распоряжению районной администрации (Отчет о раскопках..., 1972). Наличие же и следов ударного расщепления, и следов окатанности у ряда фрагментов доказывает, что предмет к моменту своего захоронения был поврежден – разбит или раздавлен еще в древности. Помимо этого целостность уже фрагментированной в древности находки оказалась серьезно нарушенной при обнаружении и расчистке ее неопытным членом экспедиции. Сохранившаяся часть Ники была извлечена из слоя отдельными фрагментами. Состояние сохранности не позволило полностью

расчистить находку в слое. Она была взята с монолитом грунта (рис. 4; цв. вклейка № 2), а ее полная расчистка осуществлялась уже в Москве.

Первичную консервацию с целью максимально закрепить сохранившуюся часть поделки, чтобы обеспечить ее безопасную транспортировку в Москву, провели в экспедиции. Для этого бивень просушивался путем постепенного замещения влажной породы из монолита сухим песком с дальнейшей многократной пропиткой изделия спиртовым раствором бутирали, которого ушло достаточно много – "Изделие пьет много спирта, как лошадь", писал в своем дневнике Г.П. Григорьев (1991). К глубокому сожалению, ни талантливому реставратору НИИ антропологии МГУ М.Н. Елистратовой, ранее отреставрировавшей большую часть предметов искусства нового объекта Авдеево, ни М.Д. Гвоздовер, ни Е.В. Булочниковой, проводившей первичную реставрацию Ники, полностью восстановить предмет не удалось. Была собрана лишь одна крупная деталь. Около двух сотен небольших, мелких и мельчайших кусочков бивня в процессе первой реставрации не удалось собрать в целый объект, только некоторые получилось склеить между собой в более крупные фрагменты. По причине незавершенности реставрационных работ находка была зарегистрирована в коллекционном фонде Музея антропологии (МА) МГУ под номером 639/39 (Коллекционная опись..., 1991), но детально никогда не описывалась и не публиковалась.

Повторная реставрация находки выполнена в 2010–2012 гг. заведующей лабораторией реставрации и консервации Музея антропологии и этнографии РАН О.В. Жмур при участии и консультациях заведующего отделом археологии МАЭ РАН Г.А. Хлопачева. В результате длительной кропотливой работы сегодня, наконец, можно составить более полное представление об изначальной форме находки и ввести ее в научный оборот.

Степень сохранности и обстоятельства изъятия находки из культурного слоя, о которых шла речь выше, не позволили сразу провести полный цикл обработки, и части предмета были склеены без проведения полной очистки и укрепления бивневого материала. Большая часть мелких фрагментов осталась разрозненной и не идентифицированной. Не исключено также, что в процессе изъятия материала в набор фрагментов предмета попали кусочки бивня, не имевшие отношения к данному изделию. На начальных этапах мы не задавались целью непременно собрать какой-либо единый цельный объект. Задачей скорее было улучшение сохранности фрагментов и склеенного изделия, проведение

Рис. 4. Поделка из бивня мамонта (Ника) в монолите грунта из культурного слоя стоянки Авдеево (новый объект).

Fig. 4. The piece of artwork from the tusk of a mammoth (Nika) in a soil monolith from the cultural layer of the Avdeevo site (the new dwelling structure)

комплекса консервационных мероприятий (чистка, укрепление, склейка условно "свежих" разломов), а также исследование и сортировка фрагментов с целью оценки принципиальной возможности их дальнейшего подбора друг к другу. К моменту начала реставрации сохранилось только два фотодокумента, зафиксировавших состояние материала после извлечения из слоя. К сожалению, из-за невысокого качества этих фотоизображений опираться на них при реставрации мы не смогли. Краткое описание находки в коллекционной описи МА МГУ также оказалось малоинформативным.

Приступая к работе с крупным собранным фрагментом поделки, мы исходили из того, что большое количество клеевых швов, натеки клеящего вещества, остатки грунта и других загрязнений на склеенных фрагментах бивня неизбежно приводят к некоторому искажению формы объекта, нарастающему по мере увеличения количества склеек. Несмотря на это, после оценки степени сохранности материала и проведения пробных расчисток мы отказались от полного демонтажа старых склеек, практически полностью сохранив в исходном виде

крупную восстановленную деталь изделия. Было принято решение лишь о частичном удалении загрязнений (с возможно значимых для дальнейшего подбора фрагментов поверхностей), старых клеевых покрытий и расшивки некоторых клеевых швов. Такая обработка проводилась только на тех участках, которые вызывали сомнения в правильности подбора фрагментов или однозначно были собраны неправильно, без учета строения бивня. В значительной мере работу по демонтажу старых склеек усложняло то, что бивневые фрагменты не были укреплены пропиткой, а для склейки и консервации поверхностей использовался клей, дающий толстую плотную пленку. Даже при частичном удалении клеевой пленки с поверхностей обнаруживалась значительная рыхлость и хрупкость внутренних слоев. Часть фрагментов готова была рассыпаться практически в порошок буквально на глазах. По мере возможности такие участки и фрагменты укреплялись пропиткой, выполнявшейся либо кистевым способом, либо погружением – в зависимости от их сохранности.

В процессе консервации и сортировки материала удалось подобрать и идентифицировать местоположение довольно большого количества фрагментов бивня. Работа по их подбору проводились с оценкой и учетом различных объективных данных по материалу, таких как морфология бивня, следы обработки, конфигурация и рисунок внутренних поверхностей разломов, механические повреждения, цвет.

Для консервационной обработки и склейки использовались растворы акрилового полимера Paraloid B-72, что позволяет при необходимости достаточно легко провести расшивку и демонтаж склеенных фрагментов, не нанося поделке дополнительных серьезных повреждений. Также удалось обеспечить соответствующую прочность и надежность склеек, полностью избежав использования каких-либо мастик для заполнения пустот. Именно это даже при простом визуальном исследовании предмета дает возможность практически в полной мере объективно и критично оценить результаты проделанной работы.

Перед окончательной склейкой проводилась неоднократная предварительная сборка и корректировка положения нескольких сопредельных фрагментов для более точного выявления общего рисунка выстраивающейся фигуры или участка поверхности, возможных будущих “замков” и т.п. Во избежание последующих ошибок наиболее сложные этапы предварительной сборки сопровождались фотофиксацией. Следует заметить, что окончательная сборка и склейка проводилась только в случаях убедительного совпадения фрагментов, но не в случаях сомнительной стыковки тех или иных кусочков бивневого материала.

К сожалению, не удалось полностью собрать в единое целое все имеющиеся фрагменты. В процессе реставрации мы остановились на этапе, когда оставшиеся не идентифицированными фрагменты перестали давать достаточно информации для однозначных выводов об их местоположении. Выполнять же какие-либо операции, основываясь только на умозрительных предположениях, мы посчитали недопустимым. Именно это не позволило использовать в реконструкции один из ранее собранных крупных фрагментов – нельзя исключать и то, что это обломок другой поделки. Однако в результате сложной кропотливой работы, длившейся на протяжении нескольких лет, мы смогли существенно увеличить собранный объем изделия. Оно стало в два раза длиннее, получило некий, пусть и не совсем полноценный, но целостный по визуальному восприятию облик.

В итоге перед нами предстал предмет сложной конфигурации, что открыло более широкие возможности для поиска ему аналогий среди палеолитических материалов, а также высказать предположение о его функциональном назначении и использовании.

После реставрации поделка приобрела вид крупного, чуть изогнутого “жезла”, длиной 40.6 см, со сложной скульптурной формой на одном конце и рукоятью в виде массивного стержня с округлым сечением диаметром от 2.5 до 3 см – на другом (рис. 5; цв. вклейка № 2). Рукоять имеет следы приострения у основания, в средней части изделия она плавно переходит в сложную скульптурную форму. К сожалению, наружная поверхность “жезла” именно в этой части оказалась наиболее разрушенной, что не позволяет описать ее более точно. Скульптурная форма (рис. 6, *1*) представляет собой все тот же, с округлым сечением стержень (диаметр 2.5–3 см), в нижней части которого смоделированы два последовательных, направленных в противоположные друг от друга стороны, широких петлеобразных изгиба, переходящих затем в вертикальный, изогнутый, чуть уплощенный стержень с тесловидным окончанием. Одной своей стороной верхняя часть стержня примыкает к массивному, поставленному асимметрично навершию. При этом оно на треть своей длины располагается выше дистального конца стержня.

“Жезл” вырезан из дистального конца бивня мамонта диаметром около 6 см. Конусы роста, образующие структуру бивня, направлены от навершия в сторону его рукояти (рис. 5, *2*, цв. вклейка № 2).

1 *2*

Рис. 5. “Жезл” (*1, 2*) со сложной скульптурной формой (Ника). Бивень мамонта.

Fig. 5. The “staff” (*1, 2*) with a complex sculptural shape (Nika). Mammoth tusk

Лицевая поверхность заметно выгнута наружу, и именно с этой стороны лучше всего просматривается форма первоначальной наружной поверхности бивневой заготовки.

Навершие является наиболее массивной частью “жезла”. Место его наибольшей толщины (5.4 см) и ширины (3.5 см) приходится на среднюю часть, где оно образует с телом стержня единый объем. Боковые поверхности изделия, находящиеся ниже навершия, заметно уплощены. Само навершие выполнено в форме неправильного цилиндра длиной 10.3 и диаметром 3.7 см. Его верхнему концу мелкими продольными сколами придана конусовидная форма (рис. 6, *2*). Навершие и стержень разделяют два крупных, длиной чуть более 5 см, глубоких прореза стрельчатой формы с V-образным сечением, расположенных с противоположных сторон поделки (рис. 6, *4–6*). Они нанесены под углом к продольной оси “жезла” таким образом, что дно одного соединяется с дном другого только в одной точке и точно по центру нижнего края основания навершия (рис. 6, *3, 6*). При этом ширина и глубина каждого из этих прорезов постепенно увеличиваются в направлении этой точки и именно в ней достигают своего наибольшего значения (ширина 1.5, глубина 1.2 см). Условные линии, проведенные по их дну, образуют между собой угол 25°. Торцовая часть навершия, обращенная в сторону приостренного конца поделки, имеет форму низкого, равностороннего, перевернутого вершиной вниз треугольника. Торцовая поверхность навершия – плоская, ровная. Лишь в районе вершины имеется небольшая конусообразная выпуклость – всего 0.3 см в длину при ширине 0.8 (рис. 6, *6*).

Скульптурную форму, выполненную в верхней половине “жезла”, сложно интерпретировать однозначно. Изначально авторы находки видели в ней сильно стилизованную женскую скульптуру. Собранный на тот момент фрагмент поделки был ориентирован исследователями навершием вниз. При этом стержень с тесловидным окончанием

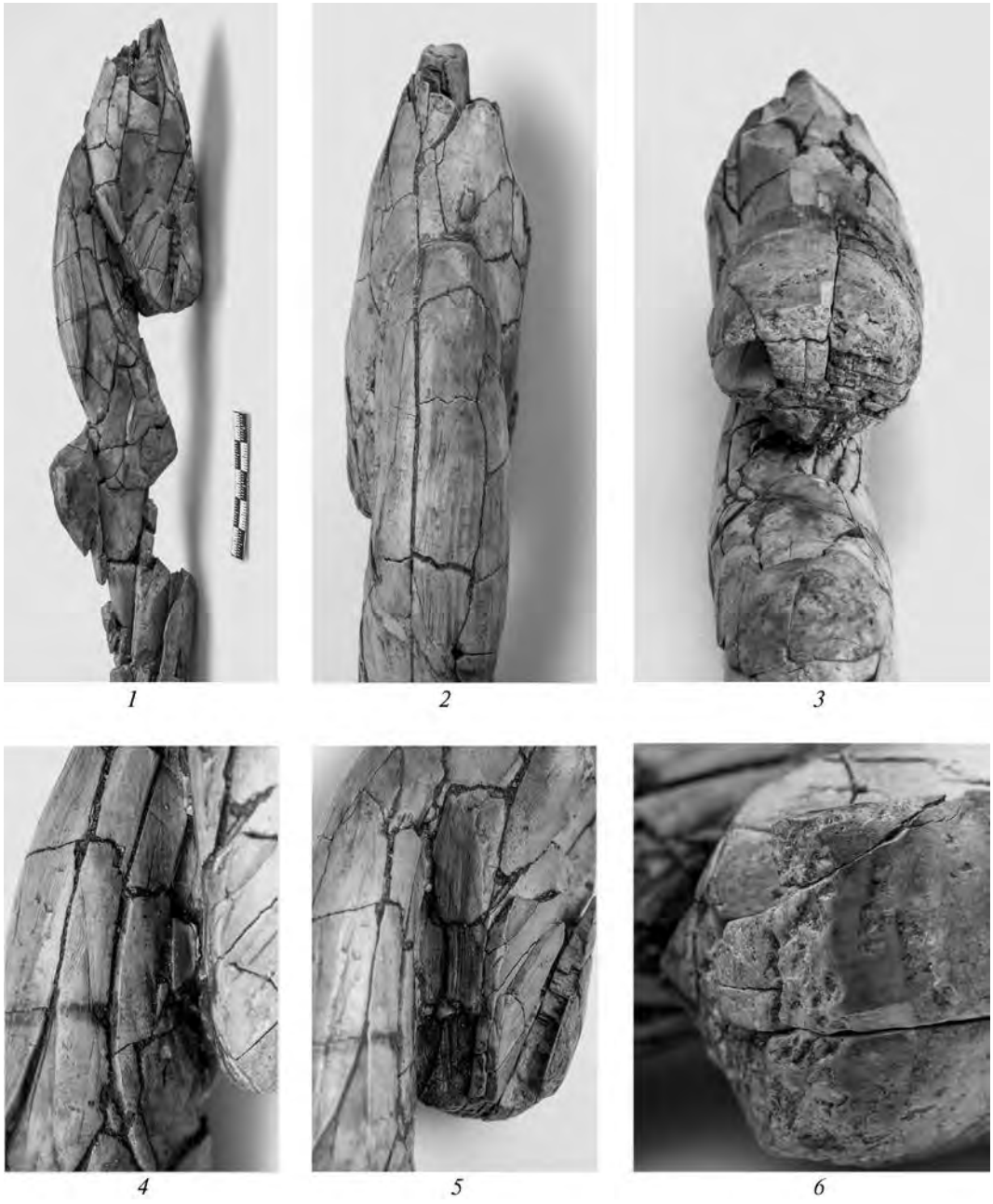


Рис. 6. Виды (*1, 2*) и отдельные элементы (*3–6*) скульптурного объема в верхней части “жезла” со сложной скульптурной формой (Ника). Бивень мамонта.

Fig. 6. Views (*1, 2*) and individual elements (*3–6*) of the sculptural volume in the upper part of the “staff” with a complex sculptural shape (Nika). Mammoth tusk

рассматривался ими как изображение ног, один выступ-изгиб как изображение объема “грудь-живот”, а другой – “ягодиц” (Коллекционная опись..., 1991. С. 34). Полученное в результате новой реставрации представление о форме находки заставляет развернуть рассматриваемую скульптурную форму на 180°. При такой ориентации она больше похожа на зооморфное или антропо-зооморфное существо. Действительно, в профиль чем-то напоминает фигуру коня, как ее принято изображать в шахматах: навершие – голова животного, а стержень с изгибами – его шея и грудь. Впрочем, в скульптурной форме можно увидеть также и вертикально стоящего человека с непропорционально большой головой, напоминающей голову волка.

Важное значение для понимания возможного функционального назначения реставрированной находки имеет археологический контекст ее обна-

ружения. “Жезл”, собранный нами из отдельных фрагментов, найден в южной части землянки “Ю”, открытой в 1973 и исследованной в 1974–1975, 1990–1991 гг. (Григорьев, 1972, 1974, 1975, 1990, 1991). В первые годы изучения землянка представлялась исследователям узким углубленным, вытянутым в направлении С–Ю объектом, в котором они выделили три подразделения: северную, среднюю и южную части. Позднее при уточнении границ землянки оказалось, что ее южная часть имела значительно большие размеры. Здесь были выявлены “вход”[1] и южная камера, которая в 1990 г. получила и другое обозначение – “второй вход” (рис. 2).

Южная часть землянки структурно отличалась от других частей этого объекта. В ее заполнении по всей толще фиксировалось много охристых и углистых прослоев, находившихся на разной глубине, причем местами они были достаточно мощные. Отличительной чертой “входа” в этой части землянки являлась бóльшая, чем обычно фиксируемая в заполнении такого объекта, доля каменных орудий. Они составили примерно около половины от общего количества найденных здесь каменных изделий.

Южная камера, на дне которой был найден “жезл”, обозначилась как не вполне обычный объект культурного слоя с начала разборки ее заполнения еще в 1970-е годы. Крупные кости и группы костей, сохранявшие анатомический порядок, встречались с самого верха культурного слоя и, как думали исследователи, относились не к моменту функционирования землянки, а к самому концу существования Авдеевского поселения. Особого внимания заслуживают здесь и другие находки – не менее пяти бивней на квадратах Ъ-7 и Э-7, присутствие которых является характерной чертой многих землянок на стоянках Авдеево и Костенки 1; два позвоночных столба того же животного (грудной отдел), имеющих положение, близкое к вертикальному, возможно заклиненных лопаточными костями. Кроме того, обнаружено много других костей мамонта (трубчатых, черепных и челюстных, ребер, зубов), а также костей волка и песца.

Культурный слой в заполнении южной камеры, который разбирался в 1991 г., представлял собой чередование окрашенных и неокрашенных прослоев грунта. Близко к придонной части найдены многочисленные ребра мамонта, в расположении которых просматривалась определенная закономерность. Часть ребер лежала вдоль краев южной камеры, другая – почти точно вдоль ее продольной оси. Похожая ситуация отмечалась Г.П. Григорьевым также при раскопках “входа” и северной части этой же землянки “Ю”. Средняя ее часть по сравнению с другими подразделениями оказалась наименее выразительной. Значительная часть ребер и их фрагментов имела различные следы работы – насечки, нарезки и т.п. (Григорьев, 1990, 1991).

Расположение костей и прослоев окрашенного материала в заполнении южной камеры свидетельствует о том, что она функционировала продолжительное время и с какого-то момента существовала как самостоятельный объем (яма).

“Жезл” со скульптурным навершием попал в южную камеру на первом этапе ее функционирования, а значит предположительно мог быть выброшен или помещен в нее намеренно и впоследствии забыт. Он находился в западном конце камеры, под одним из углистых прослоев, но в неокрашенной породе, среди ребер мамонта. Изделие было не на самом дне землянки, а в 20–30 см выше пола. Ниже уровня его залегания также отмечено чередование разноокрашенных прослоев. “Жезл” лежал на границе квадратов Э-Ю-7, острым концом рукояти на запад, с небольшим наклоном в этом же направлении (рис. 3). Находка имела нивелировочные отметки –196...–192 (верх культурного слоя в месте нахождения землянки –104, уровень материка –148).

Помимо “жезла” в заполнении южной камеры, несколько ниже, на уровне –207...–215, но также среди ребер, найдены целая богато орнаментированная лопаточка костенковского типа с окатанной поверхностью, а также обломок средней части еще одной такой же лопаточки. Наличие в заполнении южной камеры данных трех предметов, по мнению Г.П. Григорьева, позволяет “противопоставить” это “добавочное и иначе ориентированное углубление” (южную камеру) другим камерам землянки “Ю”, не имеющим таких богатых находок (Григорьев, 1991).

Прямые аналогии “жезлу” со скульптурным навершием, открытому на Авдеевской стоянке, в материалах верхнепалеолитических памятников Восточной Европы нам не известны. Наиболее близкая параллель для него – находка, сделанная П.П. Ефименко в 1936 г. при раскопках другой стоянки костенковско-авдеевской культуры – первом жилом комплексе поселения Костенки 1, слой I. Это массивное стержневидное изделие с навершием, также изготовленное из бивня мамонта, которое вошло в научную литературу под названи-

[1] Некое углубление, выходящее за основные пределы землянки, со времен П.П. Ефименко и А.Н. Рогачева принято называть «входом». Исследователи Авдеево придерживались данной терминологии (вход, землянка и т.п.), но функциональный смысл в эти понятия не вкладывали.

ем “жезл с шаровидным навершием” (Ефименко, 1958. С. 301). Находка имеет схожие размеры (длина 44.5 см) и пропорции, ее рукояточная часть тоже уплощена, а шаровидное навершие “поставлено асимметрично, будучи несколько наклонено вперед, как головки у большинства женских фигурок”. Такое наблюдение привело П.П. Ефименко к мысли, что в случае с данной находкой речь может идти об условном изображении человеческой фигуры и ее “...естественно было бы рассматривать ... в качестве жезла или палицы, но не практического, а скорее культового характера и назначения” (Ефименко, 1958. С. 301).

Параллели просматриваются и в схожих условиях обнаружения костенковского “жезла”: он был найден в ямке-хранилище (№ 17) размерами 1.05 × × 0.76 м и глубиной 0.35–0.4, врезанной в борт жилой ямы-западины. Там же, рядом с “жезлом” обнаружены две женские статуэтки, одна из которых, изготовленная из известняка, перед помещением в яму была намеренно разбита (Ефименко, 1958. С. 60–63). Отличительной особенностью данного хранилища П.П. Ефименко считал отсутствие в нем обычного заполнения в виде “культурного слоя”, но присутствие при этом окрашенности его дна охрой в красный цвет (Ефименко, 1958. С. 61). Подобный археологический контекст очень близок к условиям захоронения рассматриваемого “жезла” – в придонном заполнении южной камеры землянки “Ю” нового объекта стоянки Авдеево.

В заключение отметим, что и П.П. Ефименко в общем-то допускал возможность отнесения костенковского жезла с шаровидным навершием к предметам охотничьего вооружения, ставя его в один ряд со своими находками на стоянке Костенки 1 “крупных колющих орудий” (Ефименко, 1958. С. 300, 301). С нашей точки зрения авдеевский жезл наряду с возможной ритуальной функцией мог иметь и вполне практическое назначение. Размер поделки, расположение навершия, особенности и формы его основания, наличие в средней части поделки крупных выступов, образующих выемки, которые очень удобно использовать для захвата рукой, – все это позволяет предположить, что “жезл” мог использоваться, например, в качестве копьеметалки. Для граветтийского времени Восточной Европы орудия охоты подобного типа не известны. Однако они представлены в культурах древних охотников позднего солютрейского и мадленского времени в Западной Европе (Cattelain, 1988. P. 1, 2. Fiche 2). Данная гипотеза, несомненно, требует проверки. С этой целью из высококачественного полиуретанового пластика нами изготовлен аналогичный по форме и размерам предмет, который в дальнейшем планируется использовать для экспериментов, что позволит или подтвердить, или опровергнуть сделанное предположение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. М.: Научный мир, 2000. 246 с.

Булочникова Е.В. Пространственное распределение обработанной кости и кости со следами использования стоянки Авдеево // Предметы вооружения и искусства из кости в древних культурах Северной Евразии (технологический и функциональный аспекты). СПб.: Наука, 2011. (Замятнинский сб.; вып. 2). С. 49–68.

Воеводский М.В., Алихова-Воеводская А.Е. Авдеевская палеолитическая стоянка // КСИИМК. 1950. Вып. XXXI. С. 7–16.

Гвоздовер М.Д. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // Палеолит и неолит СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. (МИА; № 39). С. 192–226.

Гвоздовер М.Д. Специфические черты кремневого инвентаря Авдеевской палеолитической стоянки // КСИА. 1961. Вып. 82. С. 112–119.

Гвоздовер М.Д. Типология женских статуэток костенковской палеолитической культуры // Вопросы антропологии. 1985. Вып. 75. С. 27–66.

Гвоздовер М.Д. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт. М.: Научный мир, 1998. С. 234–278.

Григорьев Г.П. Полевой дневник о раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1972 г. // НИИ и Музей антропологии МГУ. Фонд Х.

Григорьев Г.П. Полевой дневник о раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1974 г. // НИИ и Музей антропологии МГУ. Фонд Х.

Григорьев Г.П. Полевой дневник о раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1975 г. // НИИ и Музей антропологии МГУ. Фонд Х.

Григорьев Г.П. Полевой дневник о раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1990 г. // НИИ и Музей антропологии МГУ. Фонд Х.

Григорьев Г.П. Полевой дневник о раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1991 г. // НИИ и Музей антропологии МГУ. Фонд Х.

Ефименко П.П. Костенки I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 483 с.

Исследования палеолита в Зарайске 1999–2005 / Отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: Палеограф, 2009. 466 с.

Коллекционная опись находок из раскопок Авдеевской палеолитической стоянки в 1991 г. // Музей антропологии МГУ. 1991. № 639.

Отчет о раскопках верхнепалеолитической стоянки Авдеево 1972 г. // НИИ и Музей антропологии МГУ. Фонд Х.

Отчет о раскопках верхнепалеолитической стоянки Авдеево 1991 г. // НИИ и Музей антропологии МГУ. Фонд Х.

Палеолит костенковско-борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований / Ред. Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев. Л.: Наука, 1982. 285 с.

Рогачев А.Н. Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево на р. Сейм в 1949 г. // Палеолит и неолит СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. (МИА; № 39). С. 137–191.

Хлопачев Г.А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: Наука, 2006. 262 с.

Cattelain P. Propulseurs. Fiches typologiques de l`industrie osseuse prehistorique. Aix-en-Provence: Univ. de Provence, 1988. 73 p.

Gvozdover M. Art of the Mammoth Hunters: The Finds from Avdeevo. Oxford: Oxbow Books, 1995. (Oxbow Monograph; № 49). 186 p.

Giria E.Y., Breadly B. Blade technology at Kostenki 1/1, Avdeevo and Zaraisk // Восточный граветт. М.: Науч. мир, 1998. С. 191–213.

Grigoriev G.P. Ivory working in Avdeevo // Le travail et l'usage de l'ivoire au Paléolithique supérieur. Actes de la Table Ronde. Ravello, 29–31 Mai 1992. Roma: Libreria dello sato, 1995. P. 211–220.

PREVIOUSLY UNKNOWN TYPE OF MAMMOTH TUSK ARTWORK FROM THE AVDEEVO SITE (THE NEW DWELLING STRUCTURE)

Gennady A. Khlopachev[1,*], Evgeniya V. Bulochnikova[2], Olga V. Zmur[1,*]

[1]Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS (MAE RAS), St. Petersburg, Russia

[2] Research Institute and Museum of Anthropology of Lomonosov Moscow State University, Russia

**E-mail: gak@kunstkamera.ru; zhmur@kunstkamera.ru*

In 1991, a piece of a mammoth tusk artwork broken down into a large number of fragments was found during the excavation of the "Yu" pit dwelling in the area of the new structure of the Upper Paleolithic site Avdeevo (23–21 thousand years ago). The artwork was removed from the layer as a monolith. The initial Conservation did not yield the expected result. A new conservation treatment was done in 2010–2012 by the Head of the Laboratory for Conservation and Restoration of the MAE RAS Zhmur O.V. in cooperation with the Head of the Department of Archaeology of the MAE RAS Khlopachev G.A. As a result, the object doubled its length and was given the conventional name "The Baton" It is a 40.6 cm long artifact with a complex sculptural volume in the upper part, which in its lower part smoothly flows into the handle shaped as a massive rod, with a rounded section and sharpened end. Sidewise the sculpture most resembles a zoomorphic or anthropozoomorphic creature. It can equally be perceived as a horse figure, as it is customarily depicted in chess pieces, and as the image of a person standing upright with a disproportionately large head resembling that of a wolf. The size and shape of the "baton" suggest that it could have been used as a spear-thrower. The archaeological context of the "baton" discovery indicates a special attitude to it in the ancient time

Keywords: the Upper Paleolithic Age, Russian Plain, the Avdeevo site, the Kostenki-Avdeevo culture, a mammoth tusk artwork, conservation, technical and morphological description.

REFERENCES

Amirkhanov Kh.A., 2000. Zarayskaya stoyanka [Zaraisk site]. Moscow: Nauchnyy mir. 246 p.

Bulochnikova E.V., 2011. Spatial distribution of treated bone and that with traces of use from the Avdeevo site. *Predmety vooruzheniya i iskusstva iz kosti v drevnikh kul'turakh Severnoy Evrazii (tekhnologicheskiy i funktsional'nyy aspekty) [Armour and art objects of bone in the ancient cultures of North Eurasia (technological and functional aspects)].* St. Petersburg: Nauka, pp. 49–68. (Zamyatninskiy sb., 2). (In Russ.)

Cattelain P., 1988. Propulseurs. Fiches typologiques de l`industrie osseuse prehistorique. Aix-en-Provence: Univ. de Provence. 73 p.

Efimenko P.P., 1958. Kostenki I [Kostenki I]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 483 p.

Giria E.Y., Breadly B., 1998. Blade technology at Kostenki 1/1, Avdeevo and Zaraisk. *Vostochnyy gravett [Eastern Gravett].* Moskow: Nauchnyy mir, pp. 191–213.

Grigor'ev G.P., 1972. Polevoy dnevnik o raskopkakh Avdeevskoy paleoliticheskoy stoyanki v 1972 g. [Field diary of the Avdeevo Paleolithic site excavations in

1972]. *NII i Muzeya antropologii MGU [Research Institute and Museum of Anthropology of Moscow State Univ.],* Fond X. (Unpublished).

Grigor'ev G.P., 1974. Polevoy dnevnik o raskopkakh Avdeevskoy paleoliticheskoy stoyanki v 1974 g. [Field diary of the Avdeevo Paleolithic site excavations in 1974]. *NII i Muzey antropologii MGU [Research Institute and Museum of Anthropology of Moscow State Univ.],* Fond X. (Unpublished).

Grigor'ev G.P., 1975. Polevoy dnevnik o raskopkakh Avdeevskoy paleoliticheskoy stoyanki v 1975 g. [Field diary of the Avdeevo Paleolithic site excavations in 1975]. *NII i Muzey antropologii MGU [Research Institute and Museum of Anthropology of Moscow State Univ.],* Fond X. (Unpublished).

Grigor'ev G.P., 1990. Polevoy dnevnik o raskopkakh Avdeevskoy paleoliticheskoy stoyanki v 1990 g. [Field diary of the Avdeevo Paleolithic site excavations in 1990]. *NII i Muzey antropologii MGU [Research Institute and Museum of Anthropology of Moscow State University],* Fond X. (Unpublished).

Grigor'ev G.P., 1991. Polevoy dnevnik o raskopkakh Avdeevskoy paleoliticheskoy stoyanki v 1991 g. [Field diary of the Avdeevo Paleolithic site excavations in 1991]. *NII i Muzey antropologii MGU [Research Institute and Museum of Anthropology of Moscow State Univ.],* Fond X. (Unpublished).

Grigoriev G.P., 1995. Ivory working in Avdeevo. *Le travail et l'usage de l'ivoire au Paléolithique supérieur. Actes de la Table Ronde. Ravello, 29–31 Mai 1992.* Roma: Libreria dello sato, pp. 211–220.

Gvozdover M.D., 1953. Bone treatment and objects of bone from the Avdeevo site. *Paleolit i neolit SSSR [Paleolithic and Neolithic Period of the USSR].* Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 192–226. (MIA, 39). (In Russ.)

Gvozdover M.D., 1961. Specific features of the flint inventory of the Avdeevo Paleolithic site. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology],* 82, pp. 112–119. (In Russ.)

Gvozdover M.D., 1985. The typology of female figurines of the Kostenki Paleolithic culture. *Voprosy antropologii [Issues of anthropology],* 75, pp. 27–66. (In Russ.)

Gvozdover M., 1995. Art of the Mammoth Hunters: The Finds from Avdeevo. Oxford: Oxbow Books. 186 p. (Oxbow Monograph; 49).

Gvozdover M.D., 1998. The flint inventory of the Avdeevo Upper Paleolithic site. *Vostochnyy gravett [Eastern Gravett].* Moscow: Nauchnyy mir, pp. 234–278. (In Russ.)

Issledovaniya paleolita v Zarayske 1999–2005 [Paleolithic studies in Zaraysk 1999–2005]. Kh.A. Amirkhanov, ed. Moscow: Paleograf, 2009. 466 p.

Khlopachev G.A., 2006. Bivnevye industrii verkhnego paleolita Vostochnoy Evropy [Tusk industry of the Upper Paleolithic in Eastern Europe]. St. Petersburg: Nauka. 262 p.

Kollektsionnaya opis' nakhodok iz raskopok Avdeevskoy paleoliticheskoy stoyanki v 1991 g. [Collection list of the finds from the Avdeevo Paleolithic site excavations in 1991]. *Muzey antropologii MGU [Museum of Anthropology of Moscow State Univ.],* 1991, № 639. (Unpublished).

Otchet o raskopkakh verkhnepaleoliticheskoy stoyanki Avdeevo 1972 g. [Report on the Avdeevo Upper Paleolithic site excavations 1972]. *NII i Muzey antropologii MGU [Research Institute and Museum of Anthropology of Moscow State Univ.],* Fond X. (Unpublished).

Otchet o raskopkakh verkhnepaleoliticheskoy stoyanki Avdeevo 1991 g. [Report on the Avdeevo Upper Paleolithic site excavations 1991]. *NII i Muzey antropologii MGU [Research Institute and Museum of Anthropology of Moscow State Univ.],* Fond X. (Unpublished).

Paleolit kostenkovsko-borshchevskogo rayona na Donu. 1879–1979. Nekotorye itogi polevykh issledovaniy [Paleolithic of Kostenki-Borschevo area on the River Don. 1879–1979. Some results of the field investigations]. N.D. Praslov, A.N. Rogachev, eds. Leningrad: Nauka, 1982. 285 p.

Rogachev A.N., 1953. Investigation of the remains of the Upper Paleolithic primitive settlement near Avdeevo village on the River Seym in 1949. *Paleolit i neolit SSSR [Paleolithic and Neolithic Periods of the USSR].* Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 137–191. (MIA, 39). (In Russ.)

Voevodskiy M.V., *Alikhova-Voevodskaya A.E.*, 1950. The Avdeevo Paleolithic site. *KSIIMK [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture],* XXXI, pp. 7–16. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2018, № 2, с. 19–32

ПОПОЛНЕНИЕ БЕСТИАРИЯ КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ (об изображении верблюда в зале Хаоса)

© 2018 г. Е. Г. Дэвлет[1,*], А. С. Пахунов[1,*], А. К. Агаджанян[2,]**

[1]Институт археологии РАН, Москва, Россия; Лаборатория "Мультидисциплинарные исследования первобытного искусства Евразии", Новосибирский государственный университет – Университет Бордо, Новосибирск, Россия

[2]Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН, Москва, Россия

**E-mail: eketek@yandex.ru; science@pakhunov.com*

***E-mail: aagadj@paleo.ru)*

Поступила в редакцию 30.11.2017 г.

Капова пещера (Шульган-Таш) располагается на Южном Урале в Бурзянском р-не Республики Башкортостан на территории Государственного природного заповедника "Шульган-Таш" на расстоянии порядка 200 км от Уфы. В 1959 г. в пещере открыты верхнепалеолитические росписи, число которых по разным оценкам варьирует от 50 до почти 200. Этот значительный разброс объясняется наличием многочисленных красных пятен, частично перекрытых кальцитовыми натеками, в которых лишь на основе визуальной оценки затруднительно достоверно определить преднамеренно выполненные фигуративные изображения. Некоторые натеки мощные, доходящие, например, на панно "Лошади и знаки" в зале Хаоса до 10 см, поэтому наличие и характер изображений, ими перекрытых, можно только предполагать. В настоящее время в пещере осуществляется программа Правительства Республики Башкортостан, в рамках которой выполняются реставрационные работы. В ходе этих мероприятий удалены современные граффити с ряда плоскостей и раскрыто из-под кальцитовых натеков изображение верблюда-бактриана – уникальное для верхнепалеолитического искусства.

Ключевые слова: Капова пещера (Шульган-Таш), пещерное искусство, верхний палеолит, верблюд, реставрация, документирование, анализ пигментов.

DOI: 10.7868/S0869606318020034

На правом берегу р. Белая, на расстоянии около 150 м от него расположен обширный, высотой более 10 м портал, открывающий пространство привходовой части Каповой пещеры (Шульган-Таш) с Голубым озером. Памятник ныне имеет два принятых названия (официальное – объект культурного наследия "Капова пещера с живописью эпохи палеолита"). Он фигурирует в научных описаниях с середины XVIII в., но приобрел всемирную известность позднее, когда в 1959 г. здесь были выявлены выполненные краской изображения, корпус которых пополнялся в ходе последующих исследований. Репертуар образов был настолько специфичен, что их верхнепалеолитическая атрибуция не породила продолжительных дискуссий. Датировка, основанная на сопоставлении изобразительных материалов Шульган-Таш и западноевропейского пещерного искусства, была укреплена результатами раскопок, давших археологический материал и радиоуглеродные даты в интервале от 13900 ± ±190 до 16710±800 л.н., хотя дата из Купольного зала более ранняя (Котов, 2014; Житенев и др., 2015). В особенности важна находка отколотого от стены фрагмента известняка с изображением (возможно, мамонта) размерами около 15 см (Щелинский, 2016). Археологические раскопки осуществлялись О.Н. Бадером (1965), В.Е. Щелинским (Щелинский, 2016; Ščelinskij, Širokov, 1999), Т.И. Щербаковой (2007), В.Г. Котовым (2014), В.С. Житеневым (2017), Н.Н. Григорьевым. К изобразительному материалу памятника обращались многие (Любин, 1990; Ляхницкий и др., 2013; Щелинский, 2016), и анализ этих работ мог бы стать предметом отдельного обзора. Хронологические основания для понимания стратиграфии карстовых отложений в пещере в настоящее время усилены результатами уран-ториевого датирования (Дублянский и др., 2016), но они еще не в полном объеме введены в научный оборот[1].

[1] Эта публикация особенно важна, поскольку отбор образцов был осуществлен, в том числе, на панно в зале Хаоса, где по стечению обстоятельств один из кернов был высверлен непосредственно с фигуры верблюда, расчищенной на тот момент лишь частично. Уран-ториевые датировки наслоений кальцита показали диапазон от 14.5 до порядка 40 тыс. лет.

Археологические исследования показали множественность культурных слоев эпохи плейстоцена и голоцена, разновременность эпизодов использования пещеры в палеолите и на протяжении последующих эпох (Житенев, 2017). Активность в пещере была разнохарактерной, о чем свидетельствуют не только представленные на стенах и сводах изображения и особенности их локализации, но и выявленные очаги, зольные пятна, черепа, а также многочисленные и разнотипные клады пигментов, которые могли представлять собой заготовки, предназначенные не только для рисования на камне, но и для другого типа ритуальной деятельности (Пахунов и др., 2016).

Росписи локализуются на двух уровнях пещеры. В залах Купольном, Знаков и Хаоса (на среднем) и Рисунков (на верхнем уровне) использованы краски разных оттенков от светло-красного до темно-вишневого. Как в качестве примеси к красному, так и самостоятельно для обводки некоторых изображений использовался уголь.

Специфическое состояние сохранности пещеры в целом, еще недавно густо и навязчиво на отдельных участках испещренной посетительскими надписями[2], а также многих из изображений, находящихся под кальцитовыми натеками разной мощности и степени прозрачности не позволяют в настоящее время однозначно отдать предпочтение одному из вариантов подсчета численности изображений. По разным версиям количество фигур и знаков варьирует от более 50 до 195 (Ляхницкий и др., 2013). Визуально отличить фигуративные изображения от пятен, не являющихся таковыми, зачастую не представляется возможным, что делает весьма понятным осторожный подход в их причислении к рисункам. Для выявления достоверных границ фигур и знаков, подвергшихся природному воздействию, показало эффективность сочетание методов фотограмметрии и усиления цветового контраста, позволяющих не только проследить границы сложно читаемых изображений, но и собрать в единый образ дискретные части деструктированных фрагментов (Пахунов, 2017).

Однако имеющиеся на сегодняшний день методы оказываются бесполезными в поиске изображений на участках с мощными непрозрачными отложениями кальцита. Некоторые натеки настолько значительные, доходящие, например, на панно “Лошади и знаки” в зале Хаоса до 10 см, что наличие и характер изображений, ими перекрытых, можно только предполагать (Бадер, 1978). Прозрачность слоя зависит от типа кальцита, и в случае роста хаотически ориентированных кристаллов даже 3–5 мм достаточно, чтобы рисунка не было видно. Состояние сохранности пещерного искусства Шульган-Таш весьма различно. В расположенном выше более сухом зале Рисунков изображения не были закрыты слоями кальцита, и проблема выявления деталей и характера изображений, состава красок, которыми они выполнены, не столь остра, как в зале Хаоса. В то же время даже для зала Рисунков следует отметить, что весьма известные, казалось бы, хрестоматийные образы пещерного искусства Шульган-Таш в свете современных технологий, оказались иными. Так, мамонт на западной стене зала Рисунков считался выполненным силуэтом, что ставило его особняком среди прочих фигур этой плоскости. Однако при бестеневой фотосъемке и последующей цифровой обработке установлено, что это изображение нарисовано, как и соседние, по контуру, а интенсивная (визуально сплошная) окрашенность внутреннего пространства корпуса возникла из-за деструкции пигмента в результате продолжительного размывания.

Для таких проблемных участков, как панно “Лошади и знаки” в зале Хаоса, достоверное документирование древних изображений без снятия кальцита не представляется возможным. Следует подчеркнуть, что сохранность и расчищенных, и не расчищенных участков этого панно аварийная вследствие изменения гидрологической обстановки, в отношении которой хотя и принимались меры по ее стабилизации, но в целом ситуация необратима. Бездействие в отношении достоверного документирования всего объема данных о пещерном искусстве на этой плоскости может привести к утрате исторической информации.

В Шульган-Таш многочисленны знаки и геометрические формы, среди которых особенно выразительны так называемые трапеции. Идентификация антропоморфных или зоо-антропоморфных фигур представляется спорной. Бестиарий искусства пещеры включает изображения мамонта, лошади, шерстистого носорога, в зооморфных фигурах предлагается видеть быка, бизона или оленя. Ранее высказывалось предположение о наличии в Шульган-Таш изображения верблюда, но характер интерпретированного таким образом пятна не позволял ни присоединиться к этой гипотезе, ни опровергнуть ее (Ляхницкий

[2] В ходе работы четырех экспедиций с 2015 г. по очистке граффити под руководством приглашенного реставратора Э. Гуилламета (E. Guillamet именно таким образом просил транскрибировать свое имя в русскоязычных публикациях, хотя ранее написание варьировало, например Э. Гийаме) удалено 824 читаемые надписи на площади стен около 120 м^2. Объем и методика проводимых расчисток докладывались на международных симпозиумах, ставших в Шульган-Таш ежегодными (Гийаме, 2016).

и др., 2013. С. 186). К выявлению натуралистически выполненной фигуры двугорбого верблюда-бактриана привели расчистки в зале Хаоса на панно “Лошади и знаки”. Фигура размерами около 60 × 55 см с удлиненной маленькой мордой нарисована линией шириной от 1.5 до 4.4 см. Широкая полоса проходит вертикально от углубления между двумя горбами к нижней части живота, шея проработана силуэтно, корпус – контурно, показаны слившиеся в одну передние конечности и две раскинутые в ходьбе задние, небольшой хвост; все характерные особенности животного отчетливо различимы.

Из истории расчистки панно “Лошади и знаки” в зале Хаоса. Панно представляет собой наклоненную вперед плоскость, покрытую слоями кальцита разного времени, толщины и строения. Первые попытки выявить то, что скрыто кальцитовым натеком, были предприняты группой под руководством О.Н. Бадера в 1976–1978 гг. Реставраторы снимали массивные слои с использованием ударного инструмента, а затем утоньшали слой скальпелями, всего расчищена площадь около 1.6 м^2. В 1976 г. раскрыты две трапеции – меньшая слева, большая в центре композиции. Таким порядком проведения работ, вероятно, объясняется наличие многочисленных повреждений красочного слоя в правой части левой трапеции, а также то, что реставраторы оставили на ее левой части более толстый слой кальцита – это был первый раскрытый рисунок, и методика не была еще отработана (Бадер, 1976). Через два года работы были продолжены, и их итогом стали выявленные изображения двух лошадей, двух трапециевидных знаков и ряда других фрагментов. В левой части панно обнаружены две линии, в дальнейшем трансформировавшиеся в ноги животного или “антропоморфа” (Бадер, 1978; Ляхницкий и др., 2013. С. 239).

В результате изменения гидрологической обстановки в начале 1990-х годов в центральной части панно стал образовываться непрозрачный натек, сформированный мелкими хаотически ориентированными кристаллами кальцита. Реставраторами под руководством С.В. Филатова в 2008 г. предпринята не слишком результативная попытка скальпелями очистить панно от новообразовавшегося слоя, а также продолжена расчистка левого края – из-под кальцита появилась более определенная задняя часть тела, хотя и получившая двойственные интерпретации (рис. 1, *1*; цв. вклейка № 1). С момента раскрытия изображения прошло 10 лет, в течение которых не произошло его утраты или значительного повреждения.

На том же участке в рамках работ осенью 2017 г. под руководством опытного реставратора из Андорры Э. Гуилламета (Balter, 1999) группой подготовленных им специалистов Н. Яхиной, Р. Ахмедьяновым и Н. Григорьевым, который также проводил документацию каждого этапа, был удален слой непрозрачного кальцита, частично закрывавшего изображения на панно (рис. 1, *2*; цв. вклейка № 1). Так, нижняя фигура лошади была скрыта на 50%. Была продолжена расчистка уходящей под кальцит фигуры “антропоморфа”, в результате чего бестиарий Каповой пещеры и пополнился изображением верблюда (рис. 1, *3*; цв. вклейка № 1) (Дэвлет и др., 2018). Состояние сохранности расчищенного участка требует продолжения мониторинга и компетентных консервационных работ, Э. Гуилламетом предполагается использование точечной консервационной обработки проблемных участков (рис. 2).

Методика соответствовала апробированным при работе на европейских пещерных памятниках подходам. Массивные слои туфового кальцита (рис. 3) удалялись с использованием металлического ручного инструмента с небольшим плоским концом. При дальнейшей расчистке плотных слоев кальцита в центральной части фигуры применялись электромеханические аккумуляторные бормашины с частотой вращения от 5000 об/мин. Бормашины были оснащены круговыми абразивными насадками с алмазным напылением Dremel 7105. Используемый инструмент позволял вести работу на площади до 1 мм и снимать за один проход кальцитовые наслоения мощностью от 0.1 мм. Для смывки, образующейся в ходе работы пыли, применялись карстовые воды пещеры, собираемые в 2–3 м от обрабатываемой поверхности. Для нормализации ситуации со стекающей по декорированной поверхности водой сделаны защитные козырьки-водоотводы из силикона, работающие эффективно благодаря отрицательному наклону плоскости. Подобная организация козырьков, водоотводов и капельных линий практикуется на западноевропейских памятниках пещерного искусства (например, они установлены в Черном Салоне Нио), где считаются предпочтительной превентивной мерой, соответствующей критерию обратимости. За 22 дня расчищено около 8500 см^2 кальцитовых образований по методике, аналогичной применявшейся для снятия отложений кальцита в Арси-сюр-Кюр (Baffier et al., 1998), а техника удаления граффити, примененная в пещере, с использованием кистей и губок хорошо зарекомендовала себя при работе реставратора в Руффиньяк (Brunet et al., 1996).

Документирование панно “Лошади и знаки”. Первые черно-белые фотографии панно включены

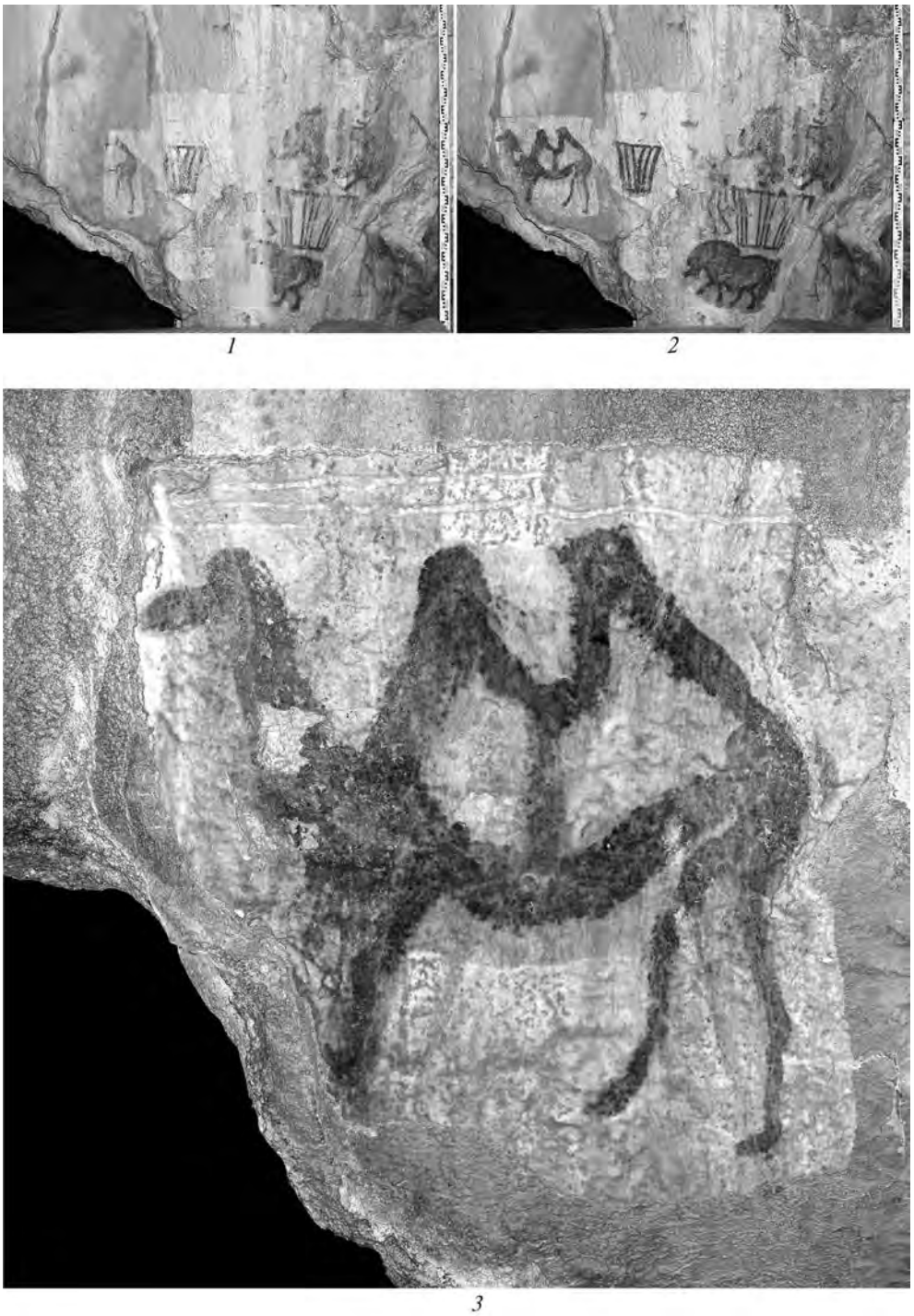


Рис. 1. Панно с изображением верблюда в зале Хаоса, Капова пещера. *1* – до начала реставрации; *2* – после ее окончания (ноябрь 2017 г.); *3* – ортофотография.

Fig. 1. The panel with the figure of camel in the Chamber of Chaos, Kapova Cave

в отчет О.Н. Бадера и дают представление о самих изображениях и масштабе реставрационных работ (1978). Затем панно документировано В.Е. Щелинским на цветную среднеформатную пленку. Особенно ценны две фотографии, иллюстрирующие состояние до и после образования натека в центральной части панно (Ščelinskij, Širokov, 1999). Наиболее полная публикация отдельных рисунков и результатов цифровой обработки осуществлена позже (Ляхницкий и др., 2013).

1

2

3

Рис. 1

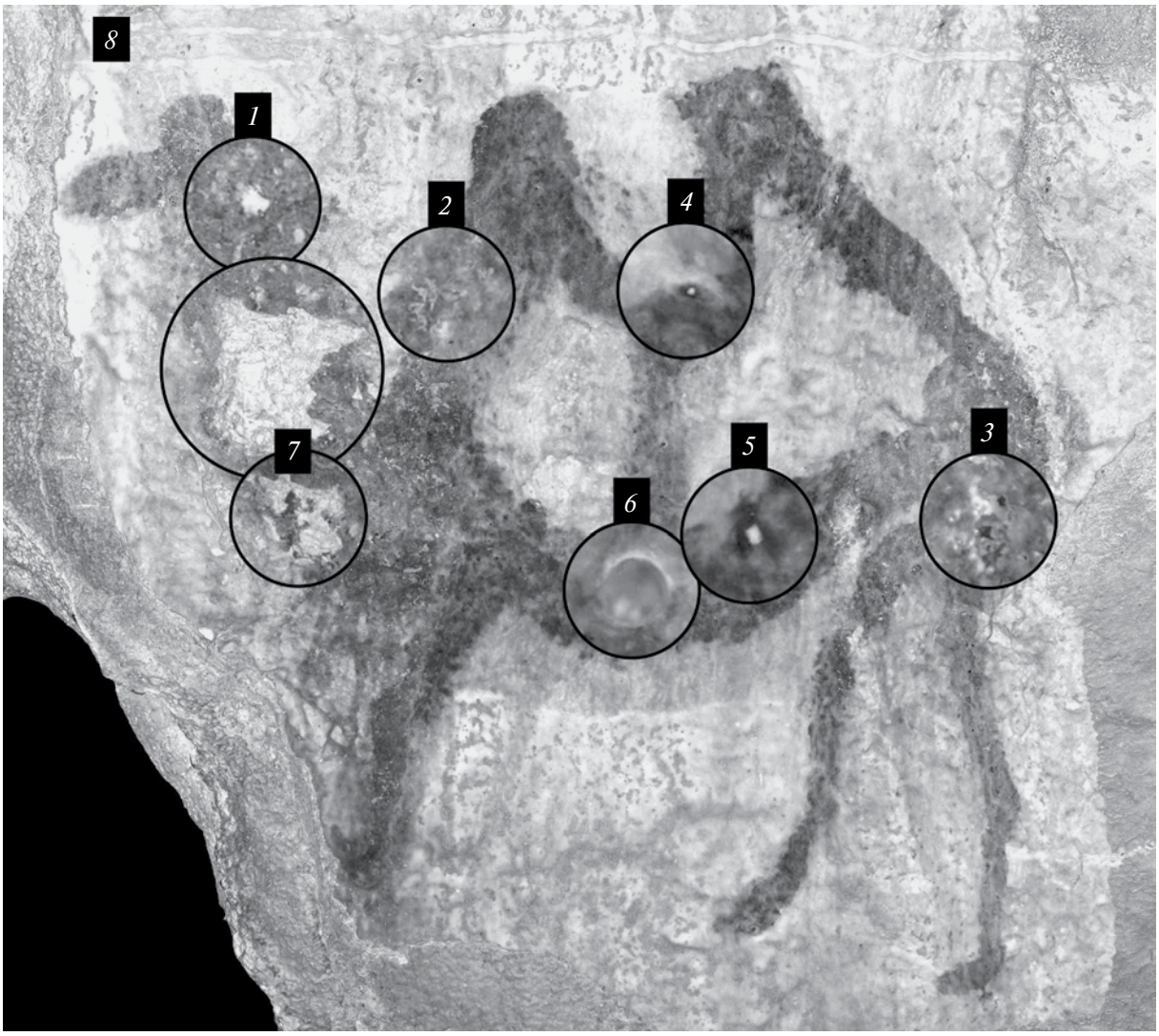


Рис. 2. Природное (*1–3*), антропогенное (*4–6*) и прочее (*7, 8*) воздействие на состояние сохранности изображения верблюда. *1* – нарушение целостности красочного слоя, вызванное отслоением подстилающего кальцита; *2, 3* – отслоение кальцита, перекрывавшего красочный слой; *4* – утрата; *5* – срезанный скальпелем красочный слой во время расчистки 2008 г.; *6* – место отбора образца для уран-ториевого датирования, заполненное силиконом; *7* – участки кальцита, перекрывающие изображение; *8* – силиконовые козырьки, предназначенные для отвода влаги с поверхности панно.

Fig. 2. Natural (*1–3*), human (*4–6*) and other (*7, 8*) impacts on the state of preservation of the camel image

Когда изображение верблюда было расчищено, Управление по государственной охране объектов культурного наследия Республики Башкортостан, с учетом важности сделанного открытия и по просьбе Э. Гуилламета, обратилось в Институт археологии РАН с просьбой о научном содействии. Работа проведена совместно с сотрудниками Научно-производственного центра (НПЦ) по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан[3]. Использовался комплекс методов, включающий фотосъемку в инфракрасном (ИК) и ультрафиолетовом (УФ) диапазонах, многоугловую теневую фотосъемку и фотограмметрию.

Фотосъемка с последующей фотограмметрической обработкой осуществлялась с целью зафиксировать характеристики поверхности в масштабе всего панно. Съемка проводилась на камеру с матрицей 24 Мп и объективом 28 мм. Выполнено 572 кадра для панно в целом и 260 для изображения верблюда. Полученная трехмерная модель использовалась для построения цифровой модели поверхности, позволяющей эффективно визуализировать и изучать соотношение приемов рисования с рельефом стен (Пахунов, Дэвлет, 2017).

[3] Выражаем благодарность руководителю НПЦ Д.А. Гайнуллину и держателю отрытого листа Н.Н. Григорьеву за возможность совместных исследований.

1

2

Рис. 3. Изображение раскрытого в 2008 г. участка до расчистки (*1*) и в процессе (*2*) реставрационных работ 2017 г. (фото Н.Н. Григорьева).

Fig. 3. The image of the panel fragment uncovered in 2008 before clearing (*1*) and in the course (*2*) of the restoration works of 2017 (photo by N.N. Grigoriev)

Визуализация характеристик поверхности с применением математических алгоритмов позволила показать, что основная группа рисунков – две лошади, трапеция и расположенные вблизи них фрагменты, нанесены на плоскую стену. Изображения меньшей трапеции и верблюда в левой части выполнены на участке с выраженным рельефом (рис. 4, *1*; цв. вклейка № 2). Точная передача пропорций фигуры верблюда требовала от художника умения мастерски использовать рельеф.

Съемка в ИК-диапазоне осуществлена для получения информации о составе красок на разных рисунках и о характеристиках стены, на которой они выполнены. Съемка проводилась на фотокамеру с CMOS матрицей 36 Мп, чувствительную к свету с длиной волны до 1000 нм. Источником инфракрасного света была галогенная лампа, обеспечившая равномерное освещение по всей площади кадра. Свет для съемки включался кратковременно с целью уменьшения количества выделяемого лампой тепла.

Наиболее четкие контуры получены для тех рисунков, в которых присутствует уголь – компонент, наиболее сильно поглощающий инфракрасное излучение. Контур красочного слоя на изображении трапециевидного знака точно совпадает с изображением в ИК-диапазоне, за исключением левого “уха”, на котором произошло вымывание угля, наблюдаемое и на изображении верблюда (рис. 4, *2*; цв. вклейка № 2).

Основная задача фотосъемки видимой люминесценции (УФ) заключалась в определении состояния сохранности плоскости с рисунками. Для возбуждения люминесценции использовался портативный светодиодный источник с длиной волны 365 нм. С использованием фотосъемки в УФ-диапазоне определены точные границы расчисток разных лет, поскольку кальцит – интенсивно люминесцирующий минерал, а поверхностные загрязнения, появившиеся после расчистки 1978 г., гасят люминесценцию. На шее животного реставраторы оставили участки кальцита, которые можно использовать для уточнения датировки. На одном участке различимы два типа кальцита – более темный туфовый содержит повышенное количество железа, а светлый верхний слой сформирован чистым кальцитом. На фотографиях в УФ-диапазоне также хорошо заметны границы рисунков и наиболее отчетливо – следы глины.

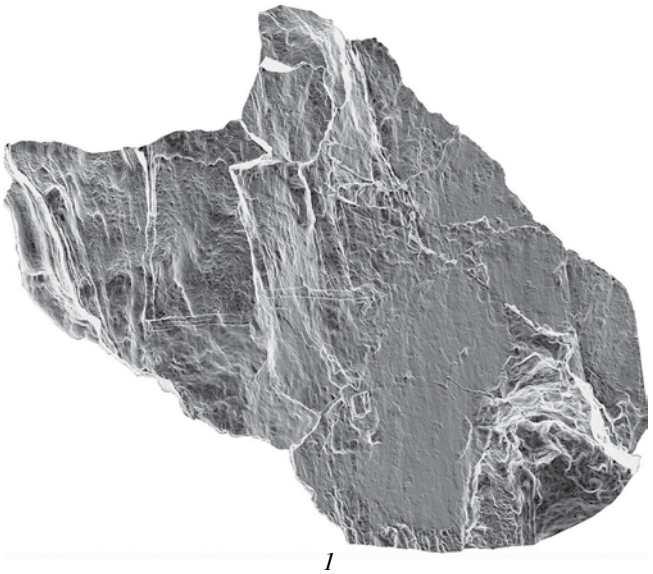
На фотосъемке видимой люминесценции в границах изображения верблюда выделяются три характерные области (рис. 4, *3*; цв. вклейка № 2). Первая, наиболее светлая, в центральной части изображения соответствует области, где краска находится под слоем полупрозрачного натечного кальцита. Данная область расчищалась бормашиной, путем утоньшения полупрозрачного кальцита, предохраняющего краску от внешнего воздействия. Такой же слой кальцита закрывает морду животного. С использованием фотосъемки видимой люминесценции продемонстрировано, что защитный слой равномерно покрывает краску. Справа и слева от указанной области цвет люминесценции кальцита становится менее интенсивным, однако стратиграфия слоев остается принципиально такой же – краска перекрыта тонким

слоем кальцита, но он формировался в других условиях. Наиболее вероятно, что области по бокам фигуры подверглись интенсивному увлажнению непосредственно после нанесения краски, в результате часть ее была вымыта (потеки обнаружены под шеей животного), а слой кальцита образовался не сразу и имел более рыхлую структуру. На изображении также отмечены черные потеки – остатки глины, которая находилась между слоем туфового кальцита и защитным слоем кальцита.

Анализ красок панно "Лошади и знаки". В процессе отбора образцов с фигуры верблюда[4] было невозможно отделить слой краски от подстилающих и перекрывающих его слоев натечного кальцита, который содержится во всех образцах. Для изучения состава пигментов использованы оптическая микроскопия, рамановская спектроскопия, сканирующая электронная микроскопия с рентгеновским микроанализом.

Рамановская спектроскопия проводилась на спектрометре с микроскопом Nicolet Almega XR; лазер – 780 нм; объектив – ×50. Для анализа от образца отделялся небольшой фрагмент, который на зеркальном стекле помещался под микроскоп. Фокусировка в ручном режиме осуществлялась на наиболее характерные частицы разного цвета. Метод позволяет получить информацию о молекулярном составе образца. Зафиксированы гематит, кальцит, гётит и уголь. Гётит встречается в образцах в виде отдельных крупных частиц черного цвета. Присутствие угля определено как при анализе отдельных черных частиц, так и в смеси с красным пигментом (рис. 5).

Сканирующая электронная микроскопия с рентгеновским микроанализом использовалась для анализа элементного состава красок и изучения формы и размера компонентов проб. Работы проводились на микроскопе Tescan Vega. Обнаружение частиц гематита с разной морфологией позволяет предположить различные источники сырья. Образцы для анализа специально не подготавливались с целью сохранить форму и распределение компонентов. Для исследования небольшая часть образца помещалась на токопроводящий углеродистый скотч, после чего проводилось напыление углеродом или золотом. Анализ выполнялся в режиме высокого вакуума при увеличении до ×5000. Во всех проанализированных образцах преобладает кальцит, од-



1

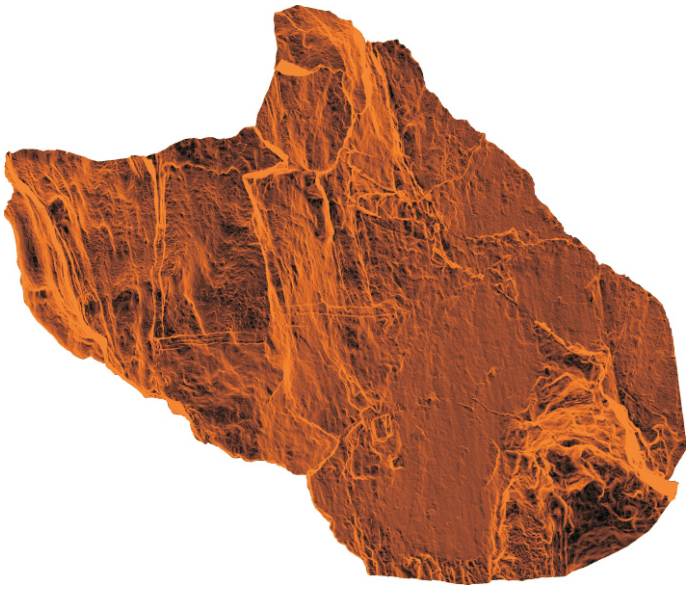
2

3

Рис. 4. Панно с изображениями в зале Хаоса. *1* – визуализация рельефа стены с использованием шейдера наклона поверхности; *2, 3* – изображение верблюда и геометрического знака в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах.

Fig. 4. The panel with images in the Chamber of Chaos

[4] Для отбора использовались стальные стоматологические зонды и глазные скальпели. Образцы помещались в стерильные пробирки типа эппендорф, место отбора фотографировалось.



1

2

3

Дэвлет и др., рис. 4

Хлопачев и др., рис. 4

Хлопачев и др., рис. 6

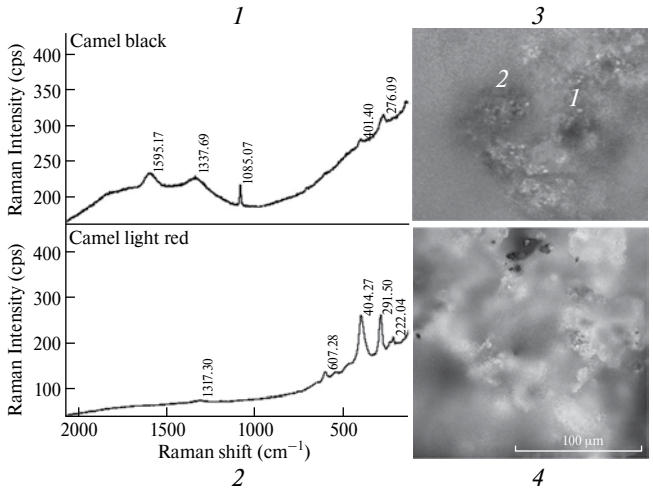


Рис. 5. Результаты микроанализа. *1, 2* – рамановские спектры частиц черного (уголь) и красного (гематит) цветов; *3* – микрофотография образца с указанием места анализа; *4* – микрофотография образца краски с трапециевидного знака, масштабная линейка 100 мкм.

Fig. 5. The results of microanalysis

нако в зависимости от места отбора зафиксировано разное количество пигмента.

Состав красок. **Красные пигменты**. Красный цвет красок обусловливается присутствием гематита, а принципиальное различие в оттенке – размером его частиц и тем, использовался ли чистый минерал или красная охра. В виде минерала гематит представляет собой кристаллы или агрегаты черного цвета, зачастую обладающие металлическим блеском. В процессе измельчения кристаллов цвет пигмента незначительно сдвигается в красно-фиолетовую область. Образцы гематита могут иметь и более светлые оттенки. Для приготовления красок использовалась и красная охра – смесь, содержавшая в разных пропорциях гематит, глинистые минералы, кальцит, кварц и другие вещества.

Различия в оттенке краски изображений фиксировались всеми исследователями. В.Е. Щелинский и В.Н. Широков отмечают, что для подавляющего большинства изображений была использована красная охра, но некоторые сделаны темно-красно-коричневой и фиолетово-коричневой охрой (Ščelinskij, Širokov, 1999. S. 34). Установлено, что “фиолетово-коричневая охра”, характерная прежде всего для рисунков в зале Хаоса, содержит крупные уплощенные частицы гематита. В результате проведения поисковых работ в зале Хаоса в последние годы обнаружены “клады охры” – крупные скопления пигмента, которые имеют фиолетовый оттенок и содержат практически чистый крупнокристаллический гематит с включениями глины (Пахунов, Житенев, 2015). В культурном слое зала Знаков в раскопе обнаружены кусочки охры разных оттенков, визуально соответствующих цвету красок на стенах. В изученных различающихся по цвету образцах обнаружены разнообразные пигменты. В светлых – варьирующие по оттенку красные охры, содержащие разное количество глинистых минералов и слюд. В более темных – частицы гематита различной морфологии, с характерными шарообразными частицами порядка 500 нм, которые покрывают частицы кварца, пластинчатые частицы и др. Всем исследованным вариантам имеется соответствие в красках с рисунков. Однако значительные количества пигмента позволяют предположить его использование не только для художественной деятельности, но и для прочих ритуальных действий.

Цвет и состав красных красок на панно в зале Хаоса неоднороден. Микрофотосъемка позволила наглядно продемонстрировать различия в цвете пигментов и присутствие в краске гематита с разным размером частиц – от небольших (менее 1 мкм) уплощенных до крупных пластинчатых кристаллов. Оба типа кристаллов позволяют получить интенсивные рамановские спектры, что характерно для частиц природного гематита, но не для красной охры (Пахунов и др., 2016). На цвет краски существенное влияние оказывает добавление угля, смещая его в более темную область.

Черный пигмент. Таковым на изображении лошади является древесный уголь (Житенев и др., 2015). Аналогичный пигмент присутствует на изображении верблюда и расположенной справа от него трапеции (Пахунов и др., 2014), о чем можно судить и по результатам фотосъемки в ИК-диапазоне. Наиболее крупные частицы угля зафиксированы в образцах краски из центральной части изображения верблюда. В них исходные компоненты красок оказались сохраннее за счет образования слоя полупрозрачного кальцита. Однако мелкие частицы угля обнаружены и в образцах краски с боковых, более светлых частей рисунка. Образцы отбирались непосредственно после раскрытия панно, поэтому присутствие частиц угля не может быть следствием загрязнения. Такого рода загрязнение характерно, например, для образцов из зала Рисунков, где также встречаются частицы угля, но их происхождение скорее связано с расчистками посетительских угольных граффити, нежели со специфической рецептурой краски.

В зале Хаоса помимо скоплений красочной массы известны также “палитры” – плоские камни, использовавшиеся для приготовления краски путем смешивания компонентов и их перетирания (Котов и др., 2004). Перетирание зафиксировано

по ломаным границам крупных кристаллов гематита, обнаруженных в красках, и их меньшему, нежели в скоплениях, среднему размеру. Состав пигмента с палитры в зале Хаоса проанализирован с использованием комплекса методов: порошковой рентгеновской дифракции, рентгенофлуоресцентного анализа, термогравиметрии. Показано, что пигмент мог быть получен посредством обжига и измельчения из железной руды, выходы которой обнаружены недалеко от пещеры (Подурец и др., 2016).

Палеонтологические свидетельства. Представители семейства Camelidae, верблюдов, известны в палеонтологической летописи с эоцена на территории Северной Америки, где и протекала большая часть их эволюционной истории. Во второй половине третичного периода их таксономическое разнообразие достигло своего максимума. Существовали маленькие и грациозные миоценовые Stenomylus и, например, жирафообразные верблюды Oxidactylus и Alticamelus. В плиоцене появились формы, близкие современным, а при очередном падении уровня мирового океана представители семейства проникли в Южную Америку и в Азию.

В Старом Свете верблюды появились в нижнем плиоцене. Их остатки известны из понтических отложений Крыма, где найден обломок метаподии, в низах верхнего плиоцена Молдавии, большое количество костей верблюда обнаружено в одесских катакомбах. По заключению Я.И. Хавесона (1950, 1954, 1963), они принадлежат к роду Paracamelus. Представители этого рода хорошо отличаются от более позднего Camelus строением зубов, пропорциями черепа и челюстей. Остатки паракамелюса известны также из хапровской фауны верхнего плиоцена Приазовья (Байгушева, 1971). Остатки костей верблюдов неясной родовой принадлежности широко представлены в плиоценовых местонахождениях юга Русской равнины от Молдавии и Приазовья до Предкавказья (Борисяк, Беляева, 1948).

Из более поздних отложений происходит верблюд рода Camelus, найденный в тираспольском гравии Приднестровья (Павлова, 1925; Верещагин, Давид, 1971), отложения которого датируются началом среднего плейстоцена.

Род Camelus в Восточной Европе – характерный элемент наземных сообществ миндель-рисса и хазарских фаун (вторая половина среднего и поздний плейстоцен). Вероятно представители рода обособились в Азии от верблюдов рода Paracamelus. На юге Русской равнины они представлены крупной формой C. knoblochi Nehring, близкой к современному двугорбому верблюду. Этот вид входил в состав хазарской фауны. Впервые он был описан по находке с Нижней Волги (Nehring, 1901). В большинстве случаев ему сопутствуют длиннорогие бизоны, гигантские олени, часто эласмотерии, кабаллоидные лошади, сайга и др. Присутствие верблюда свидетельствует о ксерофитной обстановке этого времени. Он известен из средне- и позднеплейстоценовых отложений Закавказья, Поволжья, Казахстана и юга Сибири (Каталог..., 1981).

Ясных сведений о верблюдах Восточной Европы в составе более поздних фаун нет. Я.И. Хавесон упоминает измельчавшую форму из вюрмской террасы р. Егорлык (Северный Кавказ). Перечисленные верблюды принадлежат к одной филогенетической ветви – двугорбых, которая заканчивается современным домашним и диким бактрианами.

Из одногорбых верблюдов известна одна находка на территории Армении. По этим материалам описан новый подвид Camelus dromodaris dahli (Хавесон, 1954). Возможно эта форма родственна C. thomasi Pomel, описанная по материалам плейстоцена Алжира.

В Западной Европе верблюды известны только из Румынии и Венгрии. Они найдены в отложениях Малуштени и Берешти и описаны как Camelus alutensis Stefanescu. В Венгрии хорошо датированные остатки найдены М. Кретцоем в раннеплейстоценовых местонахождениях Кшиланг и Эрчи.

В Северной Америке на родине своего возникновения верблюды просуществовали до верхнего плейстоцена и входили в состав “мамонтовой фауны” этого континента (Bell et al., 2004). Они представлены тремя эволюционными линиями, в составе которых насчитывается шесть родов: верблюды (Titanotylopus, Blancocamelus), камелопсы (Megatylopus, Camelops) и ламы (Hemiauchenia, Palaeolama). Основной ареал перечисленных Camelidae охватывал центральную часть североамериканского континента. Однако известны две находки даже на Аляске (Kurten, Anderson, 1980).

В Южной Америке сохранились две дикие формы: гуанако (Lama guanicoe) и викунья (Lama vicugna). От них были выведены домашние формы: лама (Lama glama) и альпака (Lama pacos).

На евразийском континенте, как и в Северной Америке, верблюды в позднем плейстоцене, несомненно, были неотъемлемой частью сообществ открытых ландшафтов степей и тундро-степей. Однако до последнего времени их присутствие на территории Восточной Европы и Центральной Азии плохо задокументировано. Напомним, что в сводке о происхождении, развитии и истории

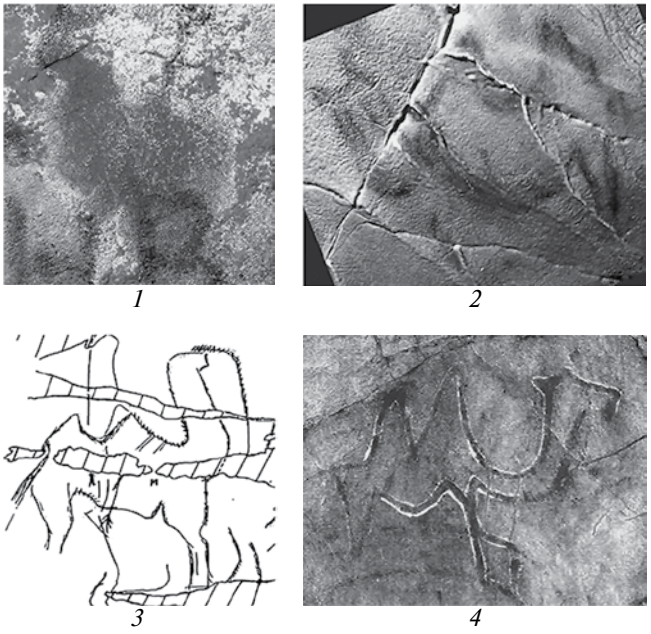


Рис. 6. Изображения верблюдов. *1* – Капова пещера (по: Ляхницкий и др., 2013); *2* – Игнатьевская пещера (фото В.Н. Широкова); *3* – Парусинка (по: Ожередов, 2016); *4* – пещера Хойт-Цэнкер Агуй (фото Э. Гуилламета).

Fig. 6. Images of camels

распространения млекопитающих позднеплейстоценового комплекса Mammuthus-Coelodonta (Kahlke, 1994) вообще отсутствуют данные по верблюду мамонтовой фауны. В этой связи находка изображения верблюда в Каповой пещере (Шульган-Таш) представляет очень большой интерес для понимания истории распространения этого вида млекопитающих в составе позднеплейстоценовых сообществ Северной Евразии.

Подводя итог, следует отметить, что работами реставраторов расчисткой от кальцита на панно “Лошади и знаки” выявлено изображение верблюда-бактриана, которое документировано комплексом методов (Дэвлет и др., 2018). Состав краски предполагается тот же, что и на расположенной правее трапеции – смесь красного пигмента с углем. Отличие в краске на изображении верблюда (центральная часть более темная, боковые – более светлые) связано не столько с использованием различных пигментов, сколько с разным состоянием сохранности: уголь, бывший компонентом краски, вымыт в древности. Документирование расчисток реставратора показало сохранность слоя кальцита на большей части изображения, локальные изменения связаны предположительно с той трансформацией красочного слоя (преимущественно в области шеи), которая происходила под кальцитовым натеком до расчисток. На основании анализа краски можно считать изображение верблюда одновременным изображению трапеции, расположенной справа. По аналогии с наличием трапеции в зале Рисунков можно предполагать верхнепалеолитический возраст изображений на панно в зале Хаоса, в пользу чего, по всей видимости, будут свидетельствовать результаты уран-ториевого датирования, известные только по предварительной публикации. Возраст и особенности рисунков на панно в зале Хаоса требуют дальнейших исследований, а полноценное понимание художественных особенностей композиции возможно только при условии продолжения расчисток.

Ближайшая территориальная аналогия изображению верблюда из Шульган-Таш – отличный по стилистике, выполненный углем рисунок из Игнатиевской пещеры, расположенной на расстоянии в 270 км. Декорированный гравированными фигурами верблюдов бивень мамонта из Парусинки (близ г. Томск) имеет возраст 13 000 лет, но дата по ^{14}C относится к самому материалу бивня, а не связана с контекстом находки (Ожередов, 2016). Раннюю дату могут иметь выполненные краской изображения верблюдов из пещеры Хойт-Цэнкер Агуй на западе Монголии (Окладников, 1972) (рис. 6). В западноевропейском искусстве каменного века в пещерах и гротах изображения верблюдов не известны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. Каповая пещера. Палеолитическая живопись. М.: Наука. 1965. 47 с. (На рус. и франц. яз.)

Бадер О.Н. Отчет о полевых работах О.Н. Бадера 1976 г. // Архив ИА РАН. 1976. Р-1. № 7360, 7360[а].

Бадер О.Н. Отчет о работах Уральского отряда Северной палеолитической экспедиции 1978 г. // Архив ИА РАН. 1978. Р-1. № 7022.

Байгушева В.С. Ископаемая териофауна Ливенцовского карьера (Северо-Восточное Приазовье) // Материалы по фауне антропогена СССР. Л.: Наука, 1971. (Труды Зоологического ин-та АН СССР; т. 49). С. 5–29.

Борисяк А.А., Беляева Е.И. Местонахождения третичных наземных млекопитающих на территории СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. (Труды Палеонтологического ин-та АН СССР; т. XV, вып. 3). 114 с.

Верещагин Н.К., Давид А.И. Млекопитающие эпохи отложения тираспольского гравия // Материалы по фауне антропогена СССР. Л.: Наука, 1971. (Труды Зоологического ин-та АН СССР; т. 49). С. 30–43.

Гийаме Э. Пещера Шульган-Таш (Башкортостан – РФ) мероприятия по расчистке от граффити. Первая сессия: 23 ноября – 5 декабря 2015 г. // Проблемы сохранения, консервации палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш и развитие туристической инфраструктуры достопримечательного места “Зем-

ля Урал-батыра": материалы Междунар. симп. Уфа: НПЦ МК РБ, 2016. С. 4–23. (На рус. и франц. яз.)

Дублянский Ю.В., Мосли Дж., Шпётль К., Ляхницкий Ю.С., Житенев В.С., Эдвардс Р.Л. Уран-ториевое датирование палеолитических рисунков пещеры Шульган-Таш (Капова) // Проблемы сохранения, консервации палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш и развитие туристической инфраструктуры достопримечательного места "Земля Урал-Батыра": материалы Междунар. симп. Уфа: НПЦ МК РБ, 2016. С. 52–54, 57, 58.

Дэвлет Е.Г., Гуилламет Э., Пахунов А.С., Григорьев Н.Н., Гайнуллин Д.А. Предварительные данные об изображении верблюда в зале Хаоса пещеры Шульган-Таш (Каповая) // Уральский исторический вестник. 2018. № 1. 58. С. 141–148.

Житенев В.С. Капова пещера – верхнепалеолитическое пещерное святилище с настенными изображениями: дис. ... д-ра историч. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017.

Житенев В.С., Пахунов А.С., Маргарян А., Солдатова Т.Е. Радиоуглеродные даты верхнепалеолитических слоев Каповой пещеры (Южный Урал) // РА. 2015. № 4. С. 5–15.

Каталог млекопитающих СССР. Плиоцен – современность / Ред. И.М. Громов, Г.И. Баранова. Л.: Наука, 1981. 455 с.

Котов В.Г. Исследования многослойной палеолитической стоянки в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Труды историч. ф-та СПбГУ. 2014. № 18. С. 120–141.

Котов В.Г., Ляхницкий Ю.С., Пиотровский Ю.Ю. Методика нанесения и состав красочного слоя рисунков пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Уфимский археологический вестник. 2004. № 5. С. 65–71.

Любин В.П. Изображения мамонтов в Каповой Пещере // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР / Ред. М.А. Дэвлет. М.: ИА РАН, 1990. С. 56–65.

Ляхницкий Ю.С., Минников О.А., Юшко А.А. Рисунки и знаки пещеры Шульганташ (Каповой). Каталог изображений. Уфа, 2013. 288 с.

Ожередов Ю.И. Гравированный бивень мамонта из "Парусинки" // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы междунар. конф. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 182–192.

Окладников А.П. Центрально-азиатский очаг первобытного искусства (пещерные росписи Хойт-Цэнкер-агуй (Сэнгри агу), Западная Монголия). Новосибирск: Наука, 1972. 76 с.

Павлова М.В. Ископаемые млекопитающие из тираспольского гравия Херсонской губернии // Мемуары геол. отд. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1925. № 3. С. 5–74.

Пахунов А.С. Первые результаты сплошной документации стен Каповой пещеры с последующей фотограмметрической обработкой // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 3. С. 200–209.

Пахунов А.С., Дэвлет Е.Г. Визуализация приемов использования естественного рельефа стен в зале рисунков Каповой пещеры // Труды V (XXI) Всеросс. археол. съезда в Барнауле–Белокурихе. Т. III / Ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 129–132.

Пахунов А.С., Житенев В.С. Результаты естественнонаучных исследований скопления красочной массы: новые данные о рецептуре изготовления красок в Каповой пещере // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2015. № 1. С. 125–135.

Пахунов А.С., Житенев В.С., Брандт Н.Н., Чикишев А.Ю. Предварительные результаты комплексного исследования красочных пигментов настенных изображений Каповой пещеры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4. С. 4–15.

Пахунов А.С., Житенев В.С., Дэвлет Е.Г., Лофрументо К., Риччи М., Бекуччи М., Парфенов В.А. Анализ пигментов "кладов охры" из Каповой пещеры // КСИА. 2016. Вып. 245. С. 240–253.

Подурец К.М., Калоян А.А., Котов В.Г., Грешников Э.А., Головкова Е.А., Велигжанин А.А., Шушунов М.Н. Исследование красителя палитры из пещеры Шульган-Таш и реконструкция технологии его изготовления // Древние святилища: археология, ритуал, мифология: материалы междунар. симп. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 126–133.

Хавесон Я.И. Верблюды рода *Paracamelus* // Доклады АН СССР. 1950. Т. LXX, № 5. С. 917–920.

*Хавесон Я.*И. Третичные верблюды Восточного полушария // Третичные млекопитающие. Вып. 2. М.: Издво АН СССР, 1954. (Труды Палеонтологического инта АН СССР; т. XLII). С. 100–162.

Хавесон Я.И. Третичные и четвертичные верблюды Восточного полушария: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. М.: Палеонтол. ин-т АН СССР, 1963. 24 с.

Щелинский В.Е. Палеолитическое святилище в пещере Шульган-Таш/Каповой (Башкортостан): настенные рисунки и археологические свидетельства // Древние святилища: археология, ритуал, мифология: материалы междунар. симп. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 4–41. (На рус. и англ. яз.)

Щербакова Т.И. Работы в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Археологические открытия 2005 г. М.: Наука, 2007. С. 403–404.

Baffier D., Guillamet E., Chillida J., Girard M., Hardy M., Brunet J. The Grand Grotte at Arcy-Sur-Cure (Yonne, France). New Discoveries by Thinning Calcite // Intern. Newsletter on Rock Art. 1998. 21. P. 28–29.

Balter M. Restorers reveal 28,000-year-old artworks // Science. 1999. V. 283, issue 5409. P. 1835.

Bell C.J., Lundelius E.L., Barnosky A.D., Graham R.W., Lindsay E.H., Ruez D.R., Semken H.A., Webb S.D., Zakrzewski R.J. The Blancan, Irvingtonian and Rancholabrean Mammal Ages // Late Cretaceous and Cenozoic mammals of North America / Ed. M.O. Woodburne. N. Y.: Columbia Univ. Press, 2004. P. 232–314.

Brunet J., Guillamet E., Plassard J., Vidal P. Réhabilitation des oeuvres préhistoriques de Rouffignac // Coré: conservation et restauration du patrimoine culturel. 1996. 1. P. 5–9.

Kahlke R.-D. Die Entstehungs-, und Verbreitungsgeschichte des oberpleistozänen Mammuthus-Coelodonta-Faunenkomplex in Eurasien (Großsäuger) // Abh. Senckenbergischen Naturforschenden Gesellschaft. 1994. Bd. 546. S. 1–146.

Kurten B., Anderson A. Pleistocene mammals of North America. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1980. 442 p.

Nehring A. Eine fossiles Kamel aus Südrussland, nebst Bemerkungen über die Heimat der Kamele // "Globus"; Braunschweig. 1901. Bd. 80, № 12. S. 181–189.

Ščelinskij V.E., Širokov V.N. Höhlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka; Die altsteinzeitlichen Bilderhöhler im südlichen Ural. Thorbecke, 1999. 172 S.

KAPOVA BESTIARY REPLENISHED (ON THE IMAGE OF CAMEL IN THE CHAMBER OF CHAOS)

Ekaterina G. Devlet[1,*], Alexander S. Pakhunov[1,*], Alexander K. Agadjanian[2,*]

[1]Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia; Laboratory for Multidisciplinary Research of Prehistoric Art in Eurasia (Novosibirsk State University – University of Bordeaux), Novosibirsk, Russia

[2]Borissiak Paleontological Institute RAS, Moscow, Russia

**E-mail: eketek@yandex.ru; science@pakhunov.com*

***E-mail: aagadj@paleo.ru*

Kapova Cave (Shulgan-Tash) is located in the Southern Urals in Burzyan District of the Republic of Bashkortostan on the territory of the State Nature Reserve Shulgan-Tash. The first Upper Paleolithic paintings were discovered in 1959; according to different estimates, the number of such paintings in the cave varies from 50 to almost 200. This significant variation is due to the numerous red spots, partially covered with calcite deposits, which make it difficult to make out reliably the intentional drawings with visual assessment only. Some deposits are so thick that they reach, for example, 10 cm on the panel with horses and signs in the "Chamber of Chaos", and the presence and nature of the images under can only be assumed. Currently, the cave is under restoration promoted through the program of the Government of the Republic of Bashkortostan. This entailed the removal of modern graffiti from several planes and revealing of a Bactrian camel, which is unique for the Upper Paleolithic art, from under the calcite.

Keywords: Kapova cave, Upper Paleolithic, cave art, camel, restoration, imaging, pigment analysis.

REFERENCES

Bader O.N. La Caverne Kapovaïa. Peinture Paleolithique. Moscow: Nauka, 1965. 47 p. (In Russ. and French)

Bader O.N. Otchet o polevykh rabotakh O.N. Badera 1976 g. [O.N. Bader's report on field work in 1976]. *Arkhiv IA RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, 1976, R-I, № 7360. (Unpublished).

*Bader O.*N. Otchet o rabotakh Uralskogo otryada Severnoi paleoliticheskoi ekspeditsii 1978 g. [Report on the work of the Ural group of the North Palaeolithic expedition in 1978]. *Arkhiv IA RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, 1964, R-I, № 7022. (Unpublished).

Baffier D., Guillamet E., Chillida J., Girard M., Hardy M., Brunet J., 1998. The Grand Grotte at Arcy-Sur-Cure (Yonne, France). New Discoveries by Thinning Calcite. *Intern. Newsletter on Rock Art*, 21, pp. 28–29.

Bajgusheva V.S., 1971. Fossil theriofauna of Livent`sovka quarry (the northeastern Azov region). *Materialy po faune antropogena SSSR [Materials on the anthropogenesis period fauna on the territory of URSS].* Leningrad: Nauka. pp. 5–29. (Trudy Zoologicheskogo inst. AN SSSR, 49). (In Russ.)

Balter M., 1999. Restorers reveal 28,000-year-old artworks. *Science*, vol. 283, iss. 5409, p. 1835.

Bell C.J., Lundelius E.L., Barnosky A.D., Graham R.W., Lindsay E.H., Ruez D.R., Semken H.A., Webb S.D., Zakrzewski R.J., 2004. The Blancan, Irvingtonian and Rancholabrean Mammal Ages. *Late Cretaceous and Cenozoic mammals of North America*. M.O. Woodburne, ed. New York: Columbia Univ. Press, pp. 232–314.

Borisyak A.A., Belyaeva E.I., 1948. Mestonahozhdeniya tretichnyh nazemnyh mlekopitayushchih na territorii SSSR [Locations of tertiary period terrestrial mammals

in the USSR territory]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 114 p. (Trudy Paleontologicheskogo inst. AN SSSR, vol. 15, iss. 3). (In Russ.)

Brunet J., Guillamet E., Plassard J., Vidal P., 1996. Réhabilitation des oeuvres préhistoriques de Rouffignac. *Coré: conservation et restauration du patrimoineculturel*, 1, pp. 5–9.

Devlet E.G., Guillamet E., Pakhunov A.S., Grigoriev N.N., Gainullin D.A., 2018. Preliminary results of studies of the camel figure at the Chamber of Chaos at Shulgan-Tash (Kapova) cave. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural Historical Journal]*, 1. (58), pp. 141–147 (In Russ.)

Dublyanskiy Yu.V., Mosli Dzh. Shpetl K., Lyakhnitskiy Yu.S., Zhitenev V.S., Edvards R.L., 2016. Uranium-Thorium Dating of Palaeolithic Cave Art in Shulgan-Tash (Kapova) Cave. *Problemy sokhraneniya, konservatsii paleoliticheskoy zhivopisi peshchery Shul'gan-Tash i razvitiye turisticheskoy infrastruktury dostoprimechatelnogo mesta "Zemlya Ural-Batyra": materialy Mezhdunar. simp. [Problems of conservation, preservation of the palaeolithic paintings from the cave Shulgan-Tash and the development of tourism infrastructure at the site "The Land of Ural-Batyr": Proceed. of Intern. Symp.].* Ufa: NPTS MK RB, pp. 52–54, 57–58. (In Russ.)

Guillamet E., 2016. Grotte de Shulgan-Tash (Bashkortotostan – Federation Russe) intervention d'elimination de graffiti. 1ère campagne: 23 Novembre – 5 Décembre 2015. *Problems of conservation, preservation of palaeolithic paintings from the cave Shulgan-Tash and the development of tourism infrastructure at the site "The Land of Ural-Batyr": Proceed. of Intern. Symp.* Ufa: NPTS MK RB, pp. 4–23. (In Russ. and French)

Haveson Ya.I., 1950. Camels of the Paracamelus genus. *Doklady AN SSSR [USSR Academy of Sciences reports]*, vol. 70, № 5, pp. 917–920. (In Russ.)

Haveson Ya.I., 1954. Tertiary period camels of the Eastern Hemisphere, issue 2. *Trudy Paleontologicheskogo inst. AN SSSR [Works of the Paleontological Institute of USSR Academy of Sciences],* vol. 42. Moscow: Izd-vo AN SSSR, pp. 100–162. (In Russ.)

Haveson Ya.I., 1963. Tretichnye i chetvertichnye verblyudy Vostochnogo polushariya: Avtoref. dis. ... d-ra boil. Nauk. [Tertiary and quaternary period camels of the Eastern Hemisphere: Abstract of Doctoral Diss. on Biology]. Moscow: Paleontol. inst. AN SSSR, 24 p. (In Russ.)

Kahlke R.-D., 1994. Die Entstehungs-, und Verbreitungsgeschichte des oberpleistozänen Mammuthus-Coelodonta-Faunenkomplex in Eurasien (Großsäuger). *Abh. Senckenbergischen Naturforschenden Gesellschaft*, Bd. 546, SS. 1–146.

Katalog mlekopitaiushchikh SSSR. Pliotsen-sovremennost [Catalog of mammals of the USSR. Pliocene-modernity. Leningrad: Nauka, 1981. 455 p. (In Russ.)

Kotov V.G., 2014. Research of multilayered Palaeolithic settlement in Shulgan-Tash (Kapova) Cave. *Trudy istorich. faculteta SPbGU [Works of the Historical Dep. of St. Petersburg Univ.]*, 18, pp. 120–141. (In Russ.)

Kotov V.G., Lyakhnitskiy Yu.S., Piotrovskiy Yu. Yu., 2004. Method of application and composition of the pigment layer of cave art in Shulgan-Tash (Kapova) cave]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [The Ufa Archeological Journal]*, 5, pp. 65–71. (In Russ.)

Kurten B., Anderson A., 1980. Pleistocene mammals of North America. New York: Columbia Univ. Press, 442 p.

Liubin V.P., 1990. Images of mammoths in the Kapova Cave. *Problemy izucheniya naskal'nyh izobrazheniy v SSSR [The problems of Rock Art research in the URSS].* M.A. Devlet, ed. Moscow: IA RAS, pp. 56–65. (In Russ.)

Lyakhnitskiy Yu.S., Minnikov O.A., Yushko A.A. 2013. Risunki i znaki peshchery Shul'gantash (Kapovoy). Katalog izobrazheniy [Drawings and Signs of Shulgan-Tash (Kapova) Cave. Images Catalog]. Ufa, 288 p. (In Russ.)

Nehring A., 1901. Eine fossiles Kamel aus Südrussland, nebst Bemerkungen über die Heimat der Kamele. *"Globus"; Braunschweig.* Bd. 80, № 12, S. 181–189.

Okladnikov A.P., 1972. Tsentral'no-aziatskiy ochag pervobytnogo iskusstva (peshchernyye rospisi Khoyt-Tsenker-aguy (Sengri agu), Zapadnaya Mongoliya) [Central Asian core area of primitive art (cave paintings of Hoyt Tsenker agui (Sengri agu), Western Mongolia)]. Novosibirsk: Nauka, 76 p. (In Russ.)

Ozheredov Y.I., 2016. Engraved mammoth tusk discovered in "Parusinka". *Arkheologicheskoye naslediye Sibiri i Tsentral'noy Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniya): materialy mezhdunar. konf. [Archaeological heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation): Proceed. of Intern. conf.*]. V.V. Bobrov, ed. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 182–192. (In Russ.)

Pakhunov A.S., 2017. The first results of recording with photogrammetric processing of the Kapova cave walls. *Problemy istorii, filologii, kultury [Problems of history, philology, culture]*, 3, pp. 200–209. (In Russ.)

Pakhunov A.S., Devlet E.G., 2017. Visualization of walls relief employment in the "Chamber of Paintings", Kapova cave]. *Trudy V (XXI) Vseross. arkheol. s''ezda v Barnaule–Belokurikhe [Works of All-Russian Archeol. Congress in Barnaul–Belokurikha]*, vol. III. A.P. Derevyanko, A.A. Tishkin, eds. Barnaul: AltGUI, pp. 129–132. (In Russ.)

Pakhunov A.C., Zhitenev V.C., 2015. Results of Natural-Scientific Examination of Hoards from the Kapova Cave: New Data on Pigments Formula. *Stratum plus. Arkheologiya i kulturnaya antropologiya [Stratum plus. Archeology and cultural anthropology]*, 1, pp. 125–135. (In Russ.)

Pakhunov A.S., Zhitenev V.S., Brandt N.N., Chikishev A. Yu., 2014. Preliminary results of the integral examination of colour pigments of rock art in Kapova cave. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [The Archaeology, Anthropology and Ethnography Journal]*, 4, pp. 4–15. (In Russ.)

Pakhunov A.S., Zhitenev V.S., Devlet E.G., Lofrumento K., Richchi M., Bekuchchi M., Parfenov V.A., 2016. Study of the composition of the "ocher hoard" from the Kapova cave (Shulgan-Tash). *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 245, pp. 240–253. (In Russ.)

Pavlova M.V., 1925. Tiraspol gravel fossil mammals in Herson province. *Memuary geol. otd. Obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i ehtnografii [Memoirs of Natural Sciences, Anthropology and Ethnography society, Geological department],* 3, pp. 5–74. (In Russ.)

Podurets K.M., Kaloyan A.A., Kotov V.G., Greshnikov E.A., Golovkova E.A., Veligzhanin A.A., Shushunov M.N., 2016. Study of the palette pigment of the Shulgan-Tash Cave and reconstruction of its production technology. *Drevniye svyatilishcha: arkheologiya. ritual. Mifologiya: Materialy mezhdunar. simp. [Ancient Sanctuaries: Archeology, ritual, mythology: Proceed. of Intern. Symp.].* Ufa: IIYaL UNTS RAN, pp. 126–133. (In Russ. and English)

Shchelinsky V.E., 2016. Palaeolithic sanctuary in Shulgan-Tash/Kapova Cave (Bashkortostan): cave art and archaeological evidence. *Drevniye svyatilishcha: arkheologiya. ritual. Mifologiya: Materialy mezhdunar. simp. [Ancient Sanctuaries: Archaeology, ritual, mythology: Proceed. of Intern. Symp.].* Ufa: IIYaL UNTS RAN, pp. 4–41. (In Russ. and English)

Ščelinskij V.E., Širokov V.N., 1999. Höhlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka; Die altsteinzeitlichen Bilderhöhler im südlichen Ural. Thorbecke, 172 S.

Shcherbakova T.I., 2007. Work in Shulgan-Tash (Kapova) cave. *Arheologicheskie otkrytiya 2005 g. [Archaeological discoveries of 2005].* Moscow: Nauka, pp. 403–404. (In Russ.)

Vereshchagin N.K., David A.I., 1971. Mammals of triaspol gravel deposition epoch. *Materialy po faune antropogena SSSR [Materials on anthropogenesis period fauna on the territory of URSS].* Leningrad: Nauka, pp. 30–43. (Trudy Zoologicheskogo inst. AN SSSR, 49). (In Russ.)

Zhitenev V.S., 2017. Kapova peshchera – verkhnepaleoliticheskoye peshchernoye svyatilishche s nastennymi izobrazheniyami: diss. ... d-ra istorich. nauk [Kapova Cave – Upper Palaeolithic cavernous sanctuary with rock art: Doctoral Diss. by History]. Moscow: Lomonosov' MGU. (In Russ.)

Zhitenev V.S., Pakhunov A.S., Margaryan A., Soldatova T.E., 2015. Radiocarbon dating of Upper Paleolithic layers in Kapova cave (the Southern Urals). *Ross. arkheol. [Russ. Archaeol.],* 4, pp. 5–15. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2018, № 2, с. 33–48

ПАЛЕОКЛИМАТ И КУЛЬТУРОГЕНЕЗ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В КОНЦЕ III тыс. до н.э.

© 2018 г. Р. А. Мимоход[1, 2]

[1] Институт археологии РАН, Москва, Россия

[2] Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино, Россия

E-mail: mimokhod@gmail.com

Поступила в редакцию 29.05.2017 г.

В конце III тыс. в Восточное Европе на генетической основе катакомбных культур сложился блок посткатакомбных культурных образований. Он состоит из культурного круга Бабино и культурного круга Лола. Первый из них сложился благодаря миграционному импульсу из Центральной Европы и Карпато-Дунайского региона, возникновение второго было стимулировано миграцией скотоводов Северо-восточного Кавказа в предкавказскую степь. В свою очередь передвижение групп населения из Европы привело к возникновению яркой самобытной средневолжской абашевской культуры центральноевропейского облика. Масштабные миграции в Восточной Европе XXIII/XXII вв. до н.э. совпали с пиком аридизации в Старом Свете. Эти два явления находятся в причинно-следственной связи.

Ключевые слова: блок посткатакомбных культурных образований, культурный круг Бабино, культурный круг Лола, средневолжская абашевская культура, миграции, палеоклимат, аридизация.

DOI: 10.7868/S0869606318020046

В последние века III тыс. до н.э. в Восточной Европе, особенно в лесостепной и степной зонах, произошли кардинальные культурные трансформации. Во второй трети III тыс. до н.э. на территории от низовий Дуная до Заволжья и Приуралья сложилась катакомбная культурно-историческая общность, в которую входили развитые и поздние катакомбные культуры: ингульская, донецкая, среднедонская, волго-донская, западноманычская, восточноманычская, суворовская. Хозяйственный уклад их носителей был полностью скотоводческим: пастушеским для культур лесостепи и северной части степи и кочевым для культурных образований Предкавказья. Существование катакомбной культурно-исторической общности происходило в условиях все нарастающей аридизации климата. Это хорошо доказано для многих природных районов по данным палеопочвоведения и палинологии (Борисов, Демкина, Демкин, 2006. С. 153; Спиридонова, Кореневский, 2007. С. 128; и др.).

На рубеже XXIII/XXII cal. BC катакомбная общность распадается и на ее территории возникает новый культурный феномен – блок постактакомбных культурных образований (Мимоход, 2005; 2013а. С. 316–323; 2016). На сегодняшний день в него входят днепро-донская, днепро-прутская (Литвиненко, 2009; 2011), волго-донская (Мимоход, 2013б; 2014) бабинские культуры, лолинская культура (Мимоход, 2007; 2013а), кубанская (Мимоход, 2006), волго-уральская (Мимоход, 2010) и архонская (Кореневский, Мимоход, 2011) культурные группы.

До недавнего времени хорошо структурирована была западная и центральная часть блока. Р.А. Литвиненко выдвинул и аргументировал концепцию культурного круга Бабино. В него входят днепро-донская и днепро-прутская бабинская культуры (Литвиненко, 2009; 2011). Есть все основания отнести к этому кругу и волго-донскую бабинскую культуру Мимоход, 2013б; 2014; 2016а). Таким образом, территорию от Прута до Заволжья занимали родственные культуры бабинского круга (рис. 1).

Детальный анализ культурных образований юго-восточной части и восточной периферии посткатакомбного блока позволяют сделать вывод об их культурной близости и сформулировать концепцию культурного круга Лола, а соответственно, и структуры всего посткатакомбного блока.

На данный момент в культурный круг Лола можно объединить лолинскую культуру, кубанскую, волго-уральскую и архонскую культурные группы. Соответственно, территорию Предкавказья и степного Волго-Уралья занимали родственные культурные образования лолинского круга (рис. 1).

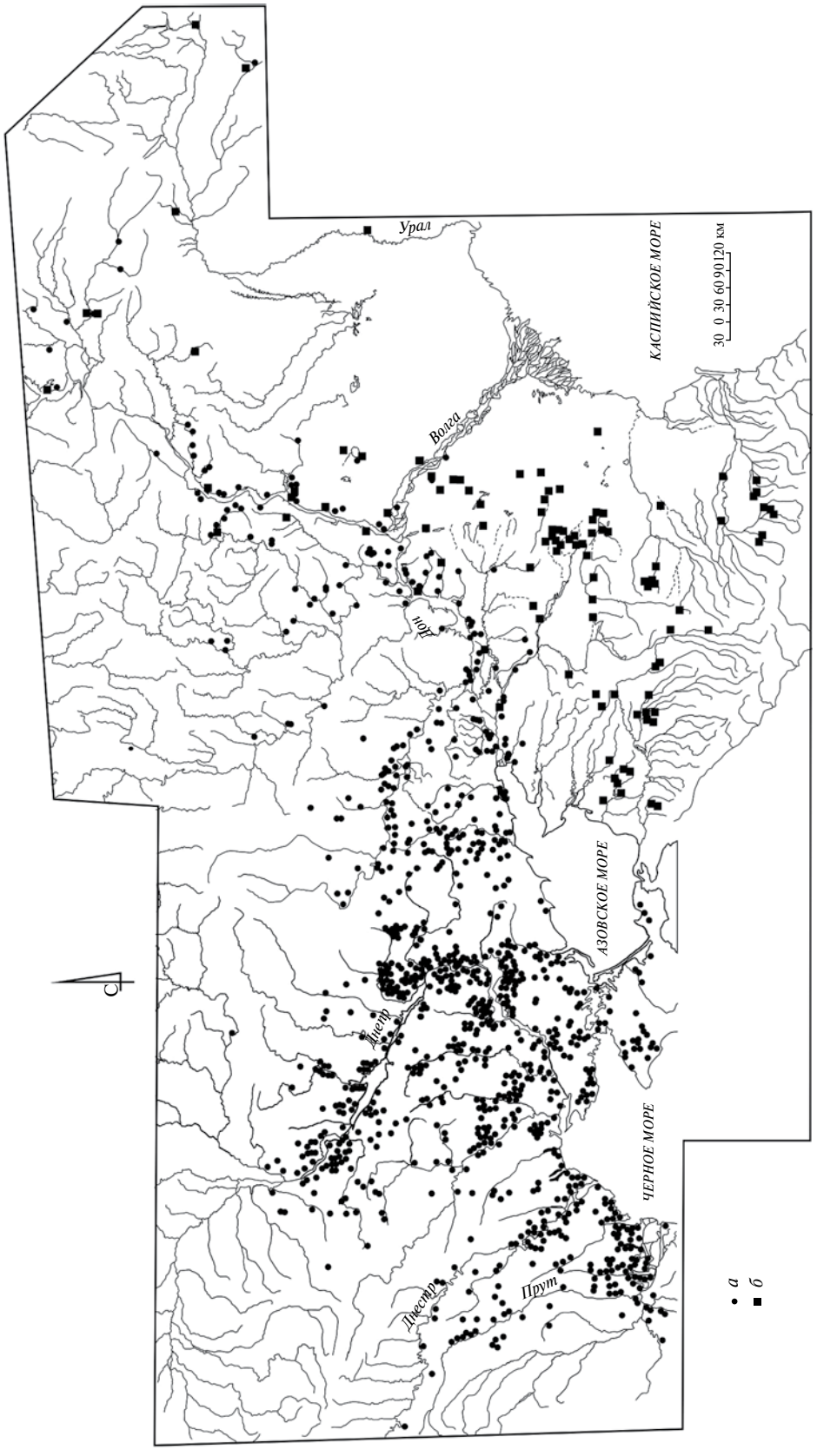


Рис. 1. Территория блока посткатакомбных культурных образований. Условные обозначения: *а* – памятники культурного круга Бабино; *б* – памятники культурного круга Лола.

Fig. 1. Area of the block of post-Catacomb cultural units

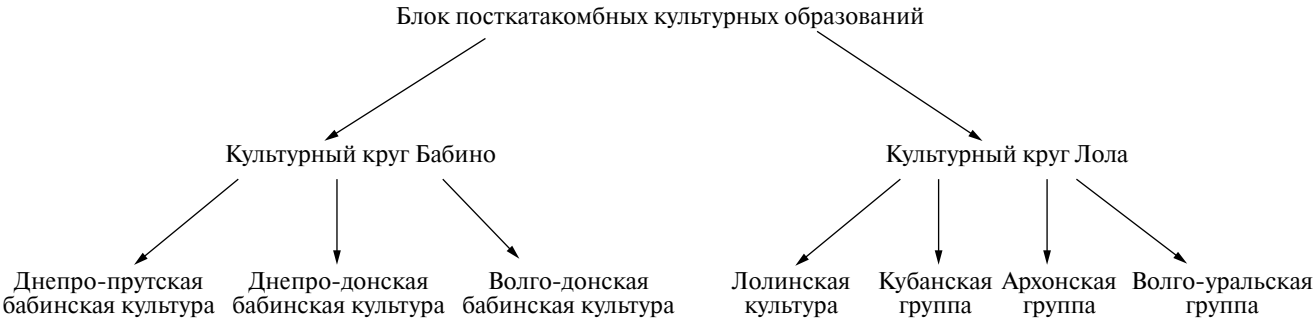


Рис. 2. Структура блока посткатакомбных образований.

Fig. 2. Structure of the block of post-Catacomb cultural units

Таким образом, структура блока посткатакомбных образований включает себя культурные группы, объединенные в два синхронных культурных круга, занимающих разные территории: культурный круг Бабино и культурный круг Лола (рис. 2). Это не механическое разделение археологического материала. За данными дефинициями стоят вполне конкретные различия между двумя массивами культурных образований посткатакомбного блока, которые в свою очередь были обусловлены разными механизмами их происхождения. Кратко рассмотрим эти отличия.

В погребальном обряде обращает на себя внимание то, что в культурах круга Бабино полностью доминирует ямная конструкция могилы, в то время как в культурных образованиях лолинского круга наряду с ямами активно, особенно на ранней фазе, использовали катакомбы и подбои. В позе умершего в бабинских культурах, в особенности на раннем этапе, доминировали катакомбные позиции. В культурных образованиях культурного круга Лола с момента его формирования в положении скелета господствовала поза адорации. Особенностью погребального обряда культур бабинского круга, в частности, начальной фазы днепро-донской и волго-донской культур, являлась бинарная оппозиция в положении костяков, когда мужчин в могилы укладывали на левый бок, а женщин на правый. Эта характерная раннебабинская черта отсутствует в погребальном обряде культурного круга Лола.

Хорошо прослеживаются различия между культурным кругом Бабино и культурным кругом Лола в инвентарном комплексе. Для бабинских культур характерна ребристая посуда стройных пропорций, украшенная налепными валиками (рис. 3, *11*). Такие сосуды в культурных образованиях лолинского круга неизвестны. Здесь полностью доминирует округлобокая, нередко хорошо обожженная посуда кавказской традиции, на которой зачастую присутствуют разнообразные упоры и петельчатые ручки. Разительно отличаются типы кремневых наконечников стрел. Для бабинских культур характерны изделия с выемкой в основании, именно они присутствуют во всех колчанных наборах, обнаруженных в захоронениях. В материалах культурных образований лолинского круга выемчатые наконечники не встречены ни разу. Здесь представлены черешковые экземпляры, наконечники с усеченным основанием и изделия листовидной формы с овальным основанием.

Культурный круг Бабино и культурный круг Лола входят в число “пряжечных” культур, которые распространились от Центральной Европы до Кавказа. На уровне роговых и костяных пряжек хорошо прослеживаются различия между бабинскими и лолинскими древностями. В культурах круга Бабино представлены крючково-планочные изделия европейской традиции (рис. 3, *5*), а в лолинских – кольцевидно-планочные поясные детали кавказской традиции (рис. 4, *1*). Отличаются пряжки и на поздней фазе существования посткатакомбного блока. В культурах бабинского круга это костяные предметы овальной формы изогнутые в сечении с двумя разновеликими отверстиями, а в лолинских материалах в это же время встречаются поясные подвески округлой формы с одним небольшим отверстием в центре.

У культурных образований бабинского и лолинского кругов есть различия в составе металла, из которого изготавливались орудия. У первых доминирует “смешанная” группа “Cu*” по Е.Н. Черных с примесью мышьяка 0.1–0.8%, у вторых – мышьяковая бронза, легирующий элемент которой составляет 0.98–9.41% (Гак, Мимоход, 2009; Мимоход, 2013. С. 87, 88). Эти данные пока не следует абсолютизировать, так как анализов пока немного (18 определений имеет культурные группы круга Лола и 9 – круг Бабино). Однако с уверенностью можно констатировать другое различие. В лолинских культурных образованиях хорошо представлены украшения из сурьмы (Гак, Мимоход,

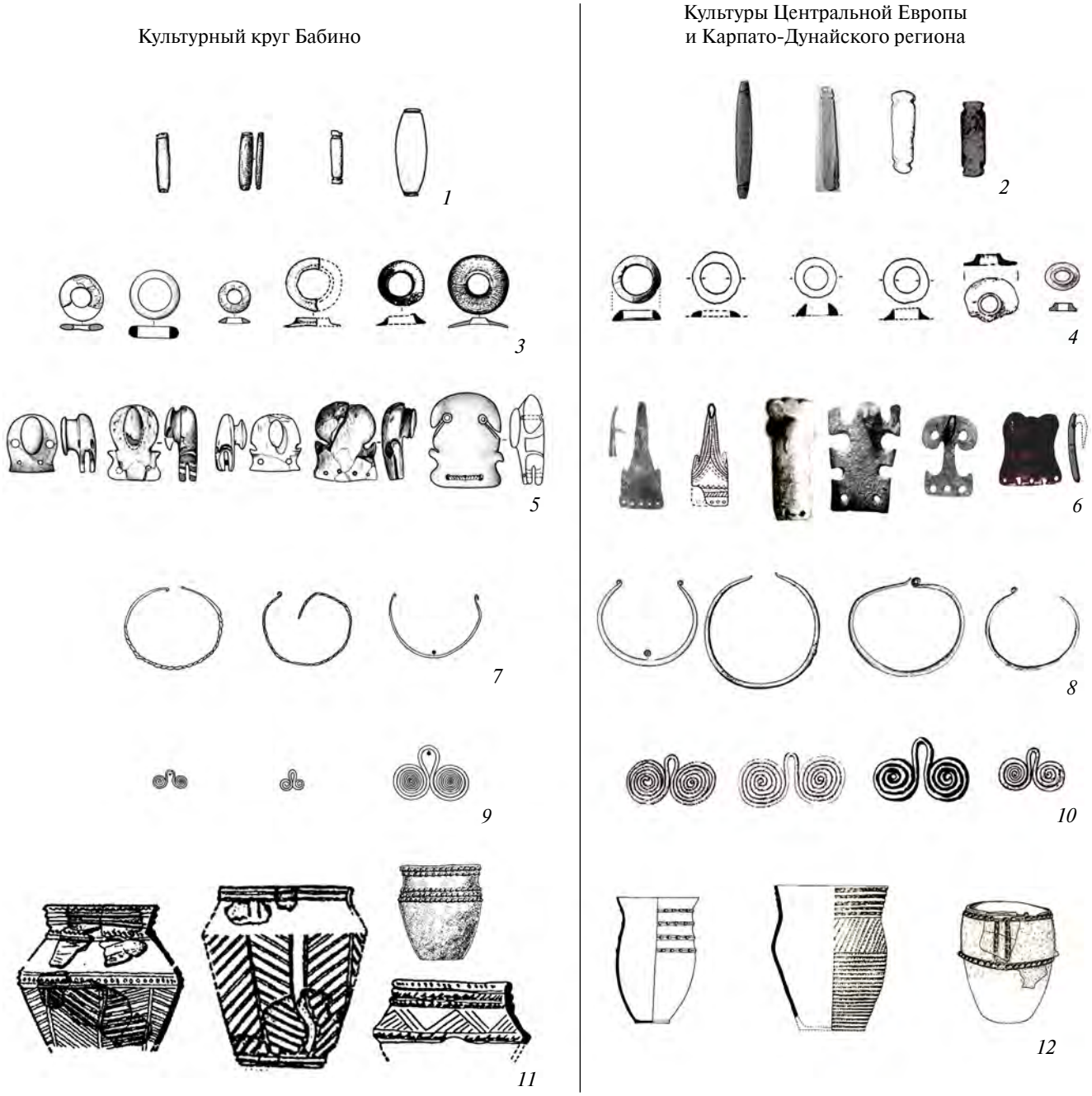


Рис. 3. Категории инвентаря культурного круга Бабино и их центральноевропейские и карпато-дунайские соответствия: *1, 2* – каменные оселки с двумя перетяжками; *3, 4* – костяные пряжки-подвески; *5, 6* – фигурные роговые и бронзовые поясные пряжки; *7, 8* – бронзовые гривны; *9, 10* – бронзовые очковидные подвески; *11, 12* – многоваликовая керамика.

Fig. 3. Artefact categories of the Babino cultural circle and analogues from Central Europe and the Carpathian-Danube region

Калмыков, 2012) и золота, которые отсутствуют в бабинских культурах.

Особое внимание следует обратить на категории инвентаря, присутствующие в культурах бабинского круга и отсутствующие в материалах лолинского, и наоборот. В погребениях днепро-донской и волго-донской бабинских культур представлены каменные оселки с двумя перетяжками (рис. 3, *1*), известные в европейских культурах периода Br A1-A2 по П. Рейнеке (рис. 3, *2*). Таких изделий нет в культурных группах круга Лола. Отсутствуют в их инвентарном комплексе и каменные выпрямители стрел, серийно представленные в бабинских культурах ранней фазы посткатакомбного блока.

Особенно хорошо качественные различия между культурным кругом Бабино и культурным кру-

гом Лола прослеживаются на уровне украшений, которые, как известно, нередко выступают в качестве этнокультурных индикаторов. На раннем этапе существования бабинских культур в гарнитуре присутствуют бронзовые гривны и очковидные подвески (рис. 3, *7, 9*), имеющие аналогии в Центральной Европе и Карпато-Балканском регионе (рис. 3, *8, 10*). Эти изделия неизвестны в группах культурного круга Лола. Зато в них представлены украшения кавказского происхождения: бронзовые и сурьмяные секировидные и волютообразные подвески, пуговицы, нашивные бляшки-скорлупки с двумя отверстиями (рис. 4, *3, 7, 9*), а также категории, выработанные носителями лолинских традиций: фаянсовый лепестковидный бисер и колесовидные бусины, изготовленные из сурьмы и бронзы.

Я специально акцентировал внимание на качественных различиях между культурными образованиями круга Бабино и круга Лола, но нельзя забывать, что между ними много общего, что обусловлено общим генетическим катакомбным субстратом. Это и позволило объединить их в блок посткатакомбных культурных образований (Мимоход, 2005).

Одним из важных компонентов сложения культурного круга Бабино, помимо катакомбного, оказался импульс из Центральной Европы и Карпато-Балканского региона, который хорошо фиксируется в некоторых чертах погребального обряда и комплексе украшений. Это касается, прежде всего, ранних этапов днепро-бабинской и волго-донской бабинских культур. Развернутое сопоставление бабинских материалов с центральноевропейскими проведено Р.А. Литвиненко (Lytvynenko, 2013). Соответствующий компонент в обрядово-инвентарном комплексе Бабино доказывает присутствие в посткатакомбных материалах бинарной оппозиции в положении мужчин и женщин в могилах, каменных оселков с двумя перетяжками, бронзовых гривн, очковидных подвесок и некоторых типов костяных пряжек-подвесок (рис. 3, *1–10*). Даже аналогии бабинской многоваликовой посуде также можно найти в Центральной Европе (рис. 3, *11, 12*). Р.А. Литвиненко не сосредоточил внимания на еще одном важном факте, подтверждающем наличие центральноевропейского компонента в Бабино. Речь идет о распространении на раннем этапе днепро-донской бабинской культуры роговых поясных крючково-планочных антропоморфных пряжек (рис. 3, *5*). Это предметы европейской традиции, появление которых связано с центральноевропейскими и карпато-дунайскими культурами (рис. 3, *6*) (Мимоход, 2018, в печати).

Таким образом, целый комплекс соответствий иллюстрирует присутствие в бабинских материалах центральноевропейского компонента. Он свидетельствует о наличии соответствующего миграционного импульса, который запустил механизм сложения культурного круга Бабино. Отчасти это подтверждают и данные краниологии. К сожалению, до сих пор мы не имеем результатов сопоставления данных из Центральной и Южной Европы с восточноевропейскими материалами. Однако есть показательные наблюдения по измерению черепов разных культур в рамках Восточной Европы. Из всех посткатакомбных культурных образований именно днепро-донская бабинская серия расположилась ближе всего к шнуровым культурам, фатьяновской и абашевской (Казарницкий, 2013а. С. 75, 76; 2013б. С. 59). Мало того, А.А. Казарницкий по краниологическим данным констатирует, что “центральноевропейское воздействие было не только культурным, но также популяционным, и повлияло на антропологический состав первых коллективов представителей бабинской культуры, позднее включивших в себя и группы с территории Кавказа” (Казарницкий, 2012а. С. 128). Подтверждение наличия этого импульса в восточноевропейском культурогенезе конца III тыс. до н.э. мы находим в механизмах происхождения средневолжской абашевской культуры, о чем подробно будет изложено ниже.

В сложении культур лолинского круга базовым также был катакомбный субстрат. Однако трансформация катакомбной культурной среды в посткатакомбную была катализирована отличным от бабинского внешним импульсом. Речь идет о миграции населения преимущественно с Восточного Кавказа в предкавказскую степь (Мимоход, 2007. С. 153; 2010б. С. 249; 2013. С. 292–316; 2016а. С. 47; Борисов, Мимоход, 2010. С. 55; 2011; 2016. С. 10). Именно в это время на данной территории широко распространяется адоративный обряд погребения, который хорошо представлен на Кавказе с ранней бронзы. В инвентарном комплексе о восточнокавказском импульсе свидетельствует присутствие в культурных образованиях лолинского круга вещей кавказского происхождения: бронзовых и сурьмяных секировидных и волютообразных подвесок, пуговиц, нашивных бляшек-скорлупок с двумя отверстиями, подвесок с обратной петлей, фаянсового бисера с выступами, подвесок из раковин с центральным отверстием (рис. 4, *3–14*). Лолинские кольцевидно-планочные фигурные пряжки, которые относятся к кавказской традиции, также связаны своим происхождением с поясными деталями гинчинской и присулакской культур (рис. 4, *1, 2*).

Культурный круг Лола

Культуры финала средней бронзы Кавказа

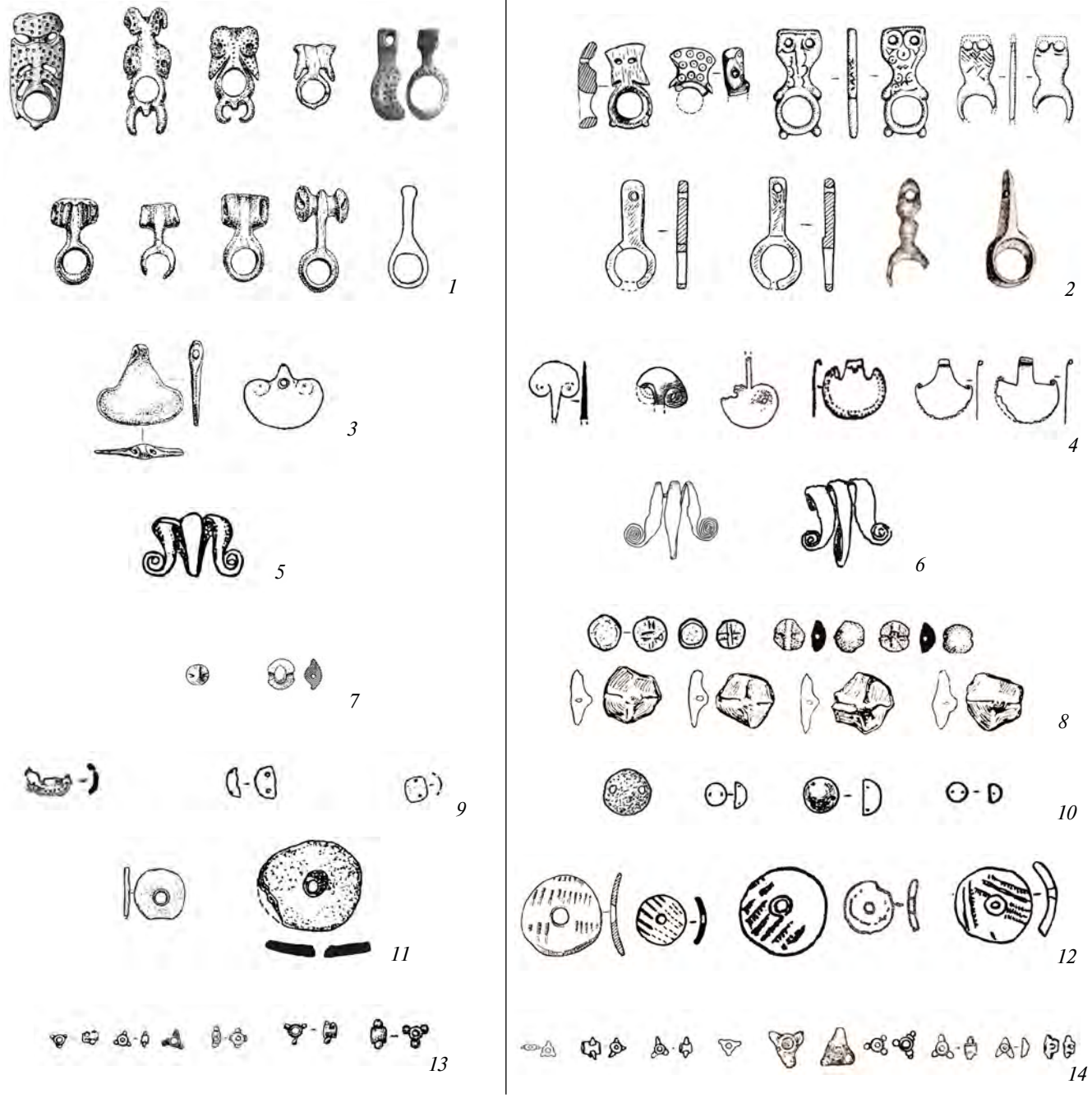


Рис. 4. Категории инвентаря культурного круга Лола и их восточнокавказские соответствия: *1, 2* – костяные и роговые кольцевидно-планочные поясные пряжки; *3, 4* – бронзовые волютообразные подвески; *5, 6* – бронзовые подвески с обратной петлей; *7, 8* – бронзовые пуговицы; *9, 10* – бронзовые полусферические бляшки с двумя отверстиями; *11, 12* –подвески из раковин; *12, 13* – фаянсовые бусы с тремя выступами.

Fig. 4. Artefact categories of the Lola cultural circle and parallels from of the Northeast Caucasus

Хорошо доказывают миграцию с Кавказа и данные краниологии. Черепа лолинской культуры свидетельствуют о генетической связи с предшествующими популяциями восточноманычской катакомбной культуры (Герасимова, Калмыков, 2007; Казарницкий, 2011. С. 134; 2012б. С. 118), но в то же время детальный сравнительный анализ показал существенное морфологическое отличие этих

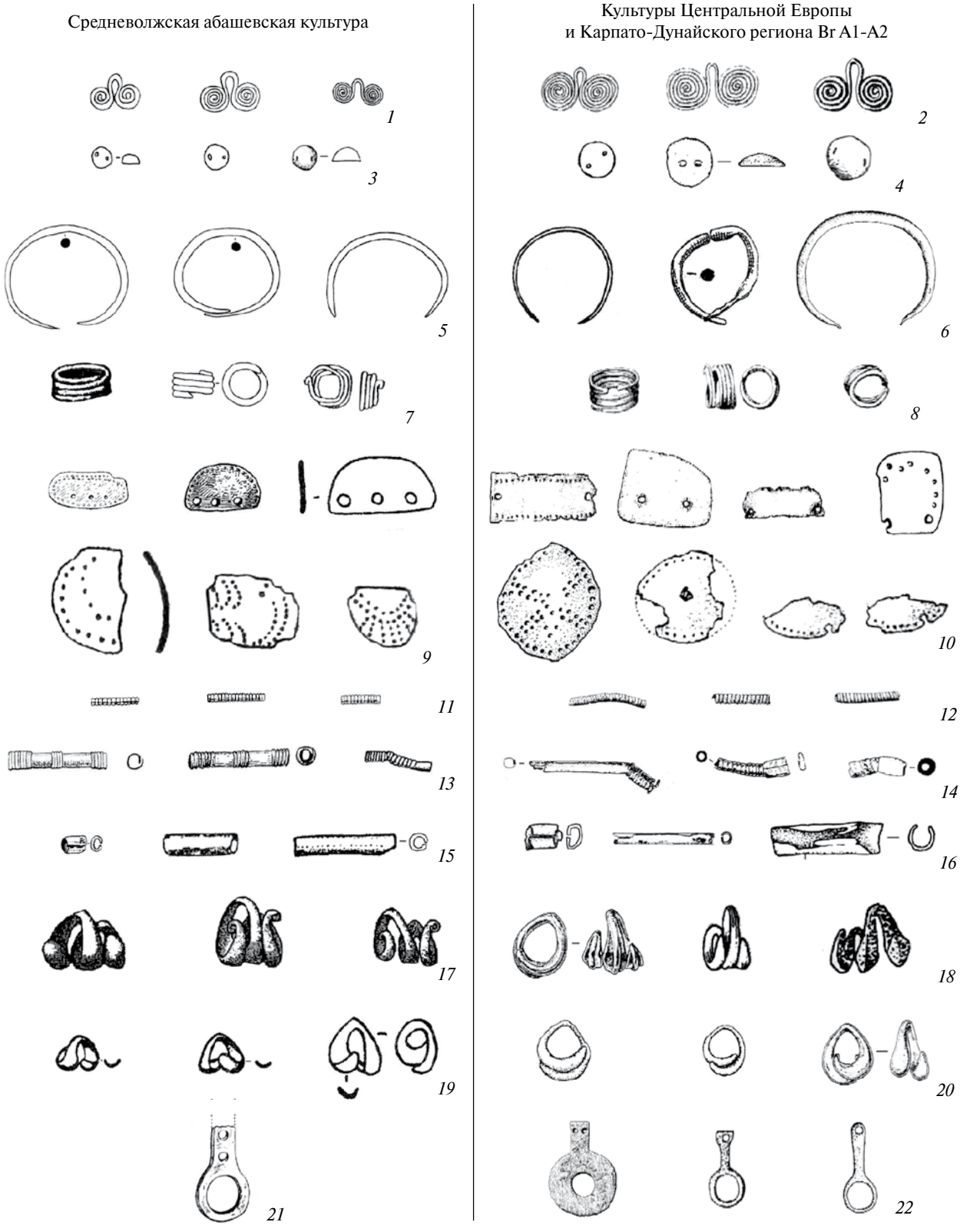


Рис. 5. Категории инвентаря средневолжской абашевской культуры и их центральноевропейские и карпато-дунайские соответствия: *1, 2* – бронзовые очковидные подвески; *3, 4* – бронзовые полусферические бляшки с двумя отверстиями; *5, 6* – бронзовые браслеты; *7, 8* – бронзовые кольца-перстни; *9, 10* – бронзовые бляшки-накладки; *11, 12* – бронзовые спиралевидные пронизи; *13, 14* – бронзовые комбинированные (гладкие и спиралевидные) пронизи; *15, 16* – бронзовые гладкие пронизи; *17, 18* – бронзовые подвески с обратной петлей; *19, 20* – бронзовые желобчатые подвески в полтора оборота; *21, 22* – костяные пряжки.

Fig. 5. Artefact categories of the Middle Volga Abashevo culture and analogues from the Central Europe and the Carpathian-Danube region

серий и сходство лолинской группы с краниометрическими данными культур средней бронзы Северо-восточного Кавказа (Хохлов, Мимоход, 2008. С. 63–64, 68). Кавказское происхождение лолинских древностей по антропологическим материалам отмечает и А.А. Казарницкий (2011. С. 139; 2012б. С. 118; 2013а. С. 59, 60).

Таким образом, блок посткатакомбных культурных образований в Восточной Европе можно уверенно разделить на две части – культурный круг Бабино и культурный круг Лола. На основе многочисленных радиоуглеродных дат установлено, что блок складывается на рубеже XXIII/XXII вв. cal. ВС и заканчивает свое существование в XVIII в. cal. ВС. (Мимоход, 2011; 2013. С. 280–291). С началом это периода связаны масштабные миграционные процессы, что хорошо подтверждается данными археологии и краниологии. Приток населения с Восточного Кавказа в катакомбную среду предкавказской степи привел к формированию культурных групп лолинского круга. Центральноевропейский импульс в большей степени и кавказский – в меньшей обусловили сложение культурного круга Бабино.

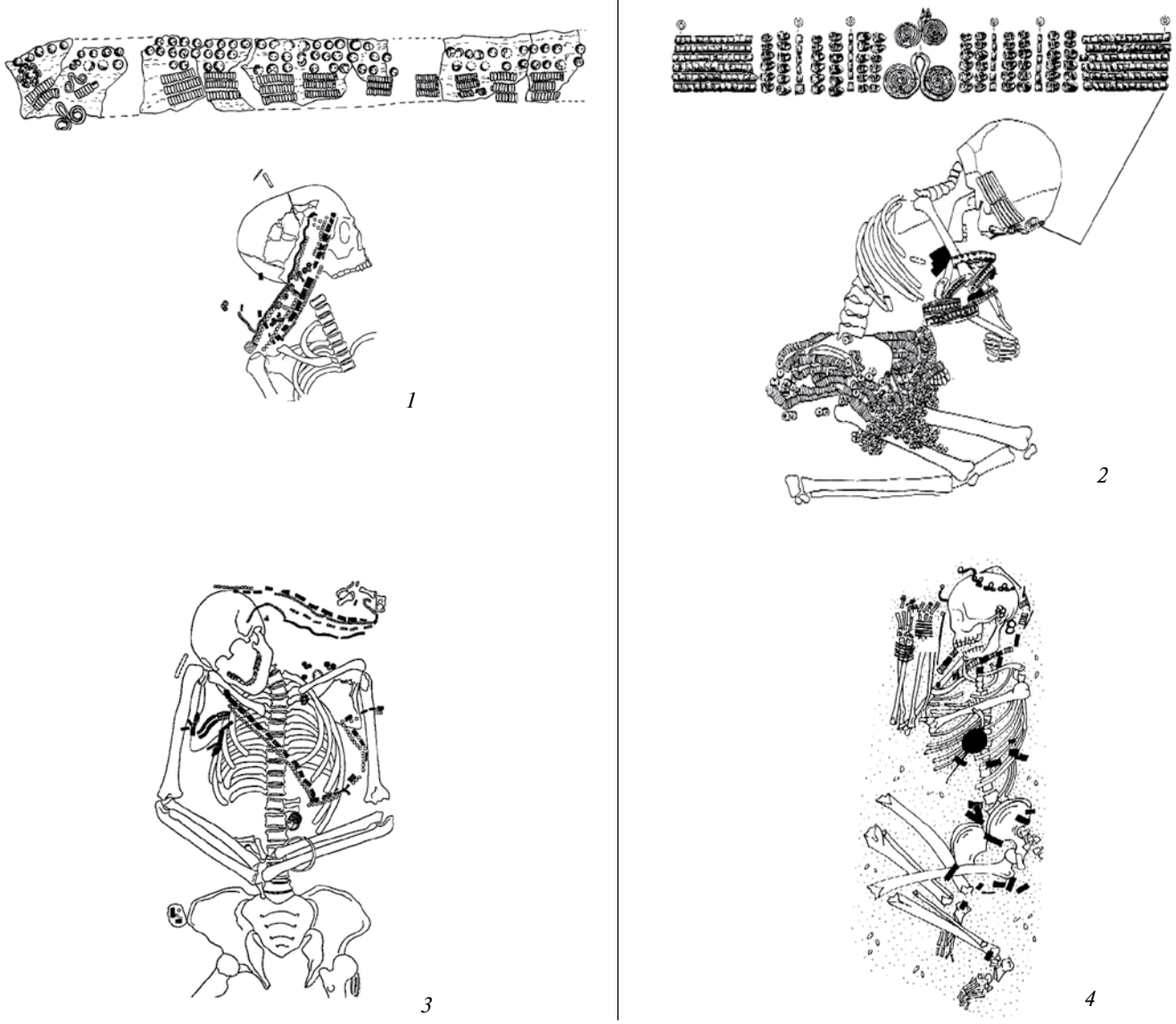
Пожалуй, наиболее ярким проявлением масштабных миграций в Восточную Европу в конце III тыс. до н.э. стало возникновение в Среднем Поволжье самобытной и яркой средневолжской абашевской культуры. Основной ареал ее занимал небольшую компактную территорию (часть Нижегородской области, Марийской, Чувашской, Мордовской и Татарской республик), и просуществовала она не более 200–250 лет в пределах XXII–XX вв. cal. ВС. (Кузьминых, Мимоход, 2016). Средневолжская абашевская культура сформировалась под непосредственным импульсом из Карпато-Балканского региона и Центральной Европы (Мимоход, 2016б. С. 37; Кузьминых, Мимоход, 2016. С. 43). Именно здесь в культурах европейского раннебронзового века мы находим прямые аналогии не только подавляющему большинству абашевских украшений (спиральные пронизи, очковидные подвески, сферические бляшки с двумя отверстиями, нашивные бляшки с пуансонным орнаментом и др.) (рис. 5), но и комбинациям их расположения в костюме (рис. 6), и это при полном отсутствии убедительных местных прототипов для значительного количества предметов гарнитура средневолжского Абашева. Такие структурные соответствия не могут быть результатом конвергентного развития. Яркий керамический комплекс средневолжской абашевской культуры, который расцветает внезапно и лишь опосредованно связан с местным предшествующим субстратам, находит убедительные аналогии как в морфологии, так и в орнаментации посуды центральноевропейских культур, в частности, поздней фазы культуры колоколовидных кубков Южной Германии (рис. 7, *1, 2*) (Gebers, 1978. Taf. 33, *12*; 35, *5*; 48, *4* и др.). Есть в этих материалах и прямые аналогии некоторым видам украшений (рис. 7, *3, 4*). Этот западный импульс выражен значительно четче у средневолжской абашевской культуры, чем у фатяновско-балановских древностей, которые традиционно связываются с Центральной Европой. Появление абашевских памятников в Поволжье, скорее всего, связано с приходом сюда конкретных европейский групп. Следы их движения фиксируются на территории Брянской, Московской и Ярославской областей (Артеменко, Пронін, 1976; Крайнов, Уткин, 1991; Луньков, Энговатова, 2003; Кренке, 2014).

Несложно заметить, что время формирования средневолжской абашевской культуры совпадает со временем возникновения блока посткатакомбных культурных образований. Процессы эти взаимосвязаны. Особенно это касается культурного круга Бабино и средневолжского Абашева. Миграция европейского населения на Волгу, проходившая, по всей видимости, в пограничье лесостепи и леса, затронула катакомбный мир, в особенности Среднего Подонья. Это стимулировало возникновение культурного круга Бабино и широкое распространение многоваликовой орнаментации керамики.

Важно отметить, что подавляющее большинство восточнокавказских проявлений в культурном круге Лола и центральноевропейских в культурном круге Бабино относится ко времени становления блока. Проявления эти были скоротечны и фактически уже снивелировались ко второму этапу развития бабинских и лолинских культурных образований. Близкую картину можно наблюдать на примере средневолжской абашевской культуры. Как уже отмечалось, эта яркая группа просуществовала совсем недолго, приблизительно столько же, или немного дольше, чем первая фаза развития посткатакомбного блока. По всей видимости, мы имеем дело со структурным явлением, когда пришлые коллективы дают толчок к переоформлению культурной ситуации, что хорошо фиксируется в обрядово-инвентарном комплексе. Однако затем довольно быстро их роль в культурных процессах сходит на нет, и они полностью растворяются в местном населении, тем не менее, запущенный мигрантами культурогенез приводит к появлению и длительному существованию качественно новой культурной среды. Так, центральноевропейский и восточнокавказский импульсы привели к возникновению посткатакомбного блока, который

Средневолжская абашевская культура

Культуры Центральной Европы
и Карпато-Дунайского региона Br A1-A2



1 *2* *3* *4*

Рис. 6. Богатое шитье мелкими бронзовыми украшениями на Средней Волге, в Центральной Европе и Карпато-Дунайском регионе: *1* – II Виловатский могильник; *2* – Круча Замкова; *3* – II Виловатский могильник; *4* – Францхаузен.

Fig. 6. Patterns of embroidery with bronze ornaments from the Middle Volga region, the Central Europe and the Carpathian-Danube region

просуществовал около полутысячелетия. Средневолжское Абашево, которое, по сути, является центральноевропейской культурой, оказалось у истоков абашевской культурно-исторической общности. Вместе с производными от нее южноуральской и доно-волжской абашевскими культурами, эта общность просуществовала фактически столько же, сколько и посткатакомбный блок. В свою очередь и тот и другой феномены (абашевский и посткатакомбный) стали базой, на которой сформировалась эпоха поздней бронзы в степной и лесостепной зонах Восточной Европы.

Таким образом, в конце III тыс. до н.э. в Восточной Европе хорошо прослеживаются две крупные миграции: одна из них из Центральной Европы и Карпато-Дунайского региона, вторая с Северо-восточного Кавказа. Что же обусловило движение отдельных групп европейского и кавказского населения в восточноевропейскую степь-лесостепь? Время этих миграций по радиокарбонным датам приходится на XXIII/XXII вв. до н.э. (Мимоход, 2011; Кузьминых, Мимоход, 2016). Именно в этот период фиксируется резкая аридизация, которые палеоклиматологи назвали са-

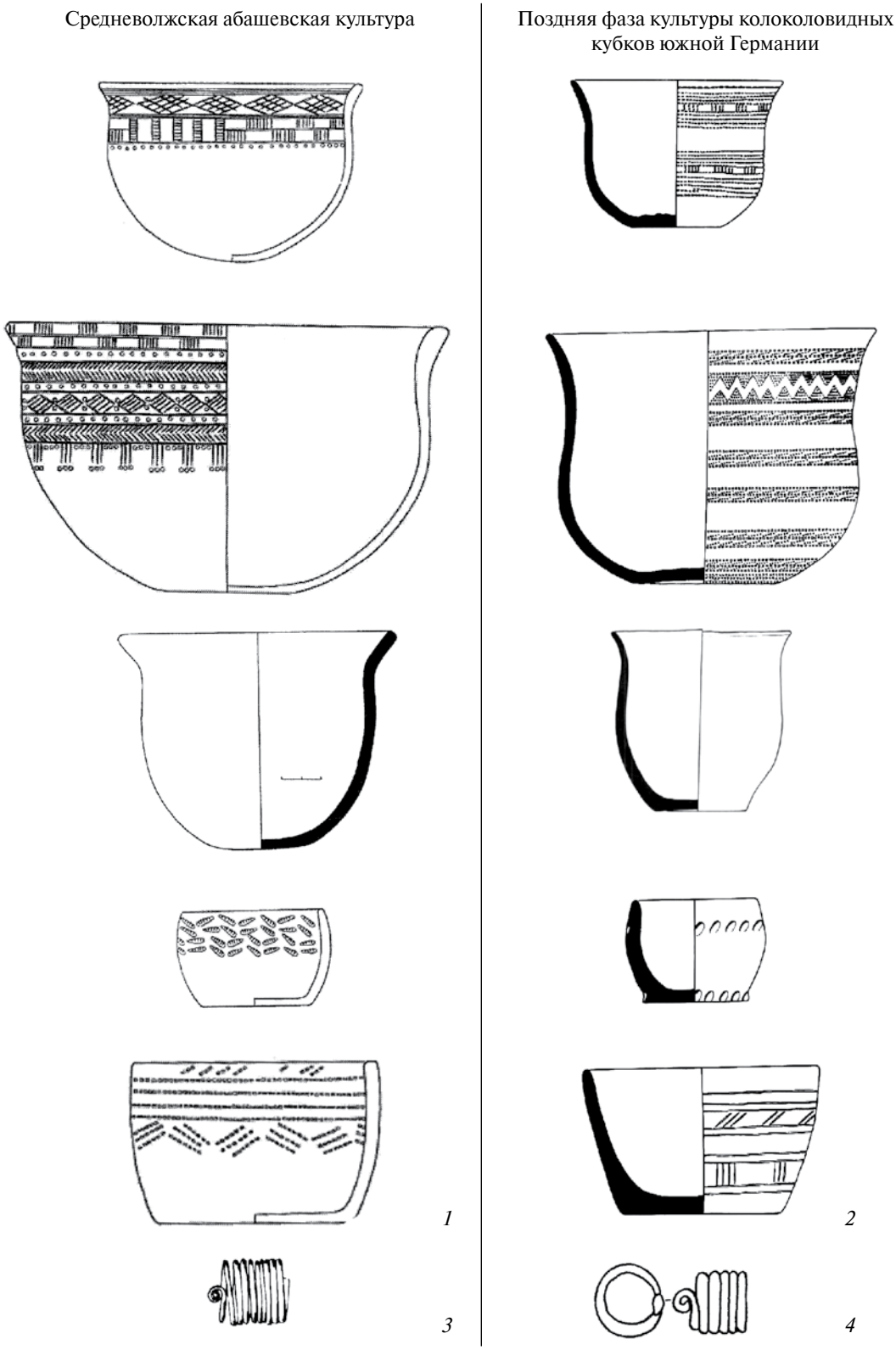


Рис. 7. Категории инвентаря средневолжской абашевской культуры и их соответствия в материалах поздней фазы культуры колоколовидных кубков Южной Германии (*1, 2* – керамика, *3, 4* – бронзовые кольца-перстни).

Fig. 7. Artefact categories of the Middle Volga Abashevo culture and parallels in the late stage of the Bell-shaped bowl culture

мой масштабной экологической катастрофой за последние 6000 лет (Борисов, Демкина, Демкин, 2006. С. 194; Борисов, Мимоход, Демкин, 2009. С. 51; 2011. С. 51 и др.). Для степной зоны она выявлена по погребенным почвам курганов раннелолинской культуры и волго-донской бабинской культуры (Борисов, Мимоход, 2010). Есть достоверные свидетельства о том, что и Днепро-Донское Бабино также сформировалось в условиях резко аридного климата (Литвиненко, 2007. С. 113, 114; Иванова, Киосак, Виноградова, 2011. С. 128). По почвенным разрезам на памятниках эпохи бронзы Северо-восточного Приазовья было установлено, что слой, демонстрирующий наиболее аридный климат в эпоху средней бронзы, относится к финалу среднего бронзового века (Герасименко, Горбов, 1996. С. 47; Герасименко, 1997. С. 31, 55; Песочина, 2010. С. 353). Полученная ^{14}С-дата 3720 ± 90 BP соответствует радиоуглеродным данным начальной фазы бытования посткатакомбных памятников. По палинологическим данным резкая аридизация в конце III тыс. до н.э. фиксируется и в лесной полосе Восточной Европы. Она привела даже к остепнению южной части лесной зоны (Алешинская, Спиридонова, 2000. С. 353). Именно здесь на Средней Волге и именно в этот период сформировалась средневолжская абашевская культура.

Резкая аридизация климата, зафиксированная в Восточной Европе в конце III тыс. до н.э., была одним из проявлений глобального евразийского экологического катаклизма. Резко аридный климат установился на Ближнем Востоке. Около 2200 BC климатические изменения привели к коллапсу Аккадской империи (Weiss at el., 1993. P. 135–137; 99–1002; Wossink, 2009. P. 21. Tabl. 2.3; Weiss, 2012). В это же время фиксируется упадок государственных и поселенческих структур в Египте, Греции, на Кикладах (см. Мельник, 2015. С. 64, 65). В Европе приходит в упадок общность культур колоколовидных кубков и формируются новые локальные культуры. Как было показано выше, резкая аридизация в конце III тыс. до н.э. привела к распаду катакомбной общности и формированию на ее осколках блока посткатакомбных культурных образований.

Экологическая катастрофа XXIII/XXII вв. до н.э. закономерно привела к массовым миграциям во многих частях Старого Света. Отдельный вопрос – это выявление конкретных механизмов влияния аридизации на древнее население: какие именно проблемы в хозяйстве отдельных культур заставили их носителей покинуть свои территории?

Возможный вариант решения этого вопроса предложен пока только для культурного круга Лола (Борисов, Мимоход, 2010). При аридизации для скотоводов Кавказа определяющими были не столько иссушение в летний период, сколько понижение температур и увеличение количества осадков в зимний. Это приводило к формированию высокого снежного покрова и образованию ледяной корки, что создавало серьезные проблемы для тебеневки и выпаса скота. В результате общество рискует полностью потерять стадо, что ставит его на грань реальной гибели. В такой ситуации часть населения региона вынуждена была выйти в открытую прикаспийскую степь, где условия для зимнего содержания скота были более благоприятными. Контакт восточнокавказских групп с местным восточноманычским населением, как уже отмечалось, привел к формированию культурного круга Лола.

Реальные механизмы влияния аридизации на миграции в Восточную Европу из Центральной и Карпато-Дунайского региона, которая привела к возникновению культурного круга Бабино и средневолжской абашевской культуры, реконструировать значительно сложнее. Несомненна пока только их причинно-следственная связь. В данном случае мы имеем дело с дальнедистанционным передвижением, и все звенья этой цепи еще не выявлены. Эта проблема требует дальнейших исследований.

Работа выполнена при поддержке РНФ, грант 17-18-01406.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

*Алешинская А.С., Спиридонова Е.*А. Периодизация эпохи бронзы лесной зоны Европейской России (по палинологическим данным) // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1 / Ред. И.Н. Черных. Тверь: Тверской гос. музей-заповедник, 2000. С. 352–358.

*Артеменко И.И., Пронін Г.*М. Пам'ятки абашевської культури на Десні // Археологія. 1976. № 20. С. 66–76.

Борисов А.В., Демкина Т.С., Демкин В.А. Палеопочвы и климат Ергеней в эпоху бронзы (IV–II тыс. до н.э.) / Отв. ред. С.В. Губин. М.: Наука, 2006. 210 с.

Борисов А.В., Мимоход Р.А. Палеоэкологические условия и механизмы сложения лолинской культуры // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: материалы III Междунар. Нижневолжской археолог. конф. / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Астраханский университет, 2010. С. 54–60.

Борисов А.В., Мимоход Р.А. Роль природной среды в сложении лолинской культуры // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II / Отв. ред.: Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: Новгородский технопарк, 2011. С. 370, 371.

Борисов А.В., Мимоход Р.А. Палеоэкология и палеоэкономика древних обществ пустынно-степной зоны в эпоху бронзы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: материалы V Междунар. Нижневолжской

археолог. конф. (15–18 ноября 2016 г., Элиста) / Ред. П.М. Кольцов и др. Элиста: Изд-во Калм. ГУ, 2016. С. 9–13.

Борисов А.В., Мимоход Р.А., Демкин В.А. Палеопочвы и природные условия южнорусских степей в посткатакомбное время // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 144–154.

Гак Е.И., Мимоход Р.А. Металл изделий посткатакомбных памятников степного Предкавказья // Пятая Кубанская археологическая конференция / Ред. Н.Ю. Лимберис и др. Краснодар: Кубанский ГУ, 2009. С. 66–68.

Гак Е.И., Мимоход Р.А., Калмыков А.А. Сурьма в бронзовом веке Кавказа и юга Восточной Европы // Археологические вести. Вып. 18 / Гл. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 174–203.

Герасименко Н.П. Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеогеографического изучения археологических памятников) // Археологический альманах. № 6 / Гл. ред. А.В. Колесник. Донецк: Донецкий обл. краевед. музей, 1997. С. 3–64.

Герасименко Н.П., Горбов В.Н. Хроностратиграфия и палеоэкология эпохи бронзы Северо-Восточного Приазовья // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): материалы междунар. конф. Ч. 2 / Гл. ред. В.Н. Горбов. Донецк: Изд-во ДонГУ, 1996. С. 47–49.

Герасимова М.М., Калмыков А.А. Палеоантропологические исследования погребений лолинской культуры // Вестник антропологии. 2007. Вып. 15. Ч. 2. С. 246–255.

Иванова С.В., Киосак Д.В., Виноградова Е.И. Модели жизнедеятельности населения Северо-Западного Причерноморья и климатические аномалии (6200–2000 лет до н.э.) // Stratum plus. 2011. № 2: Феномен балканского телля. С. 101–140.

Казарницкий А.А. Население эпохи бронзы в степях Северо-западного Прикаспия // Записки ИИМК РАН. № 6. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 133–142.

Казарницкий А.А. Векторы миграции населения Восточной Европы в эпоху средней и поздней бронзы (по палеоантропологическим данным) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2 / Ред. В.А. Алекшин и др. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012а. С. 126–132.

Казарницкий А.А. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк) / Отв. ред. А.В. Громов. СПб.: Наука, 2012б. 264 с.

Казарницкий А.А. Краниология населения бабинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013а. № 2 (21). С. 70–78.

Казарницкий А.А. Краниология носителей посткатакомбных культур // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб.: Скифия-принт, 2013б. С. 54–60.

Кореневский С.Н., Мимоход Р.А. Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии. М.: ИА РАН, 2011. 120 с.

Крайнов Д.А., Уткин А.В. Курганный могильник у ручья Кухмарь на Плещеевом озере // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР / Ред.: Г.А. Архипов, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: Марийский НИИ, 1991 (Археология и этнография Марийского края. Вып. 19). С. 147–159.

Кренке Н.А. Абашевская находка в долине Москвы-реки // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 10 / Отв. ред. А.В. Эногватова. М.: ИА РАН, 2014. С. 29–35.

Кузьминых С.В., Мимоход Р.А. Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневолжской абашевской культуры // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.): круглый стол, посвящ. 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.) / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб.: ИИМК, 2016. С. 39–44.

Литвиненко Р.О. Обставини і чинники бабинської культурогенези // Вісник ДНУ. Донецьк, 2007. Вип. 1–2. С. 109–116.

Литвиненко Р.О. Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток): автореф. дис. ... д-ра іст. наук. К., 2009. 32 с.

Литвиненко Р.А. Культурный круг Бабино: название, таксономия, структура // КСИА. 2011. Вып. 223. С. 108–123.

Луньков В.Ю., Энговатова А.В. Курганный могильник Орлово 1 (абашевская культура в Волго-Окском междуречье) // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: материалы междунар. науч. конф. / Ред. В.С. Бочкарев. Чебоксары, 2003. С. 193–197.

Мельник В.И. Фазы перемен в культурах степей Восточной Европы и цивилизациях Ближнего Востока III–I тыс. до н.э. // КСИА. 2015. Вып. 239. С. 61–71.

Мимоход Р.А. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження памяток археології Східної України / Гол. ред. В.В. Отрощенко. Луганськ: Шлях, 2005. С. 70–74.

Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы бассейна р. Кубань // Древние культуры Кавказского Причерноморья: Первая абхазская междунар. археолог. конф.: материалы конф. / Ред. А.С. Агумаа. Сухум, 2006. С. 249–253.

Мимоход Р.А. Лолинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // РА. 2007. № 4. С. 143–154.

Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза // Донецький археологічний збірник. № 13/14 / Гол. ред. Р.О. Литвиненко. Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2010. С. 67–82.

Мимоход Р.А. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 28–53.

Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века // Материалы охранных археологических исследований. Т. 16 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2013а. 568 с.

Мимоход Р.А. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: содержание и дефиниции // Археология восточно-европейской степи. Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Саратовский ГУ, 2013б. С. 167–179.

Мимоход Р.А. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы к волго-донской бабинской культуре // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 100–119.

Мимоход Р.А. Блок посткатакомбных культурных образований в Восточной Европе: структура и содержание // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения / Отв. ред.: М.Х. Багаев, Х.М. Мамаев. Грозный: Изд-во Чеченского ГУ, 2016а. С. 45–47.

Мимоход Р.А. Культурно-хронологический комментарий к материалам кургана 2 Липецкого могильника // Научные труды ООО НПО "Черноземье". Вып. 4: Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры. Липецк: Новый взгляд, 2016б. С. 50–51.

Мимоход Р.А. Происхождение и семантика фигурных пряжек эпохи бронзы в Европе и на Кавказе в контексте ближневосточных влияний // Археологические вести. Вып. 24 / Гл. ред. Е.Н. Носов. СПб., 2018. (В печати)

Песочина Л.С. Природные условия среды обитания древнего человека в степях Приазовья в эпоху бронзы // Индоевропейская история в свете новых исследований: сб. тр. конф. памяти проф. В.А. Сафронова / Отв. ред. Е.В. Яровой. М.: МГОУ, 2010. С. 348–355.

Спиридонова Е.А., Кореневский С.Н. Природная среда в период функционирования Большого Ипатовского кургана // Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 2007. С. 119–128.

Хохлов А.А., Мимоход Р.А. Краниология населения степного Предкавказья и Поволжья в посткатакомбное время // Вестник антропологии. 2008. Вып. 16. С. 44–70.

Gebers W. Endneolithikum und Frühbronzezeit im Mittelrheingebiet. Katalog. Bonn: R. Habelt, 1978. 192 s., 77 taf.

Lytvynenko R.O. Central European parallels to the Dnieper – Don center of Babyno culture // The Ingul-Donets Early Bronze civilization as springboard for transmission of Pontic cultural patterns to the Baltic Drainage Basin 3200–1750 BC / Ed.A. Kośko. Poznań: Institute of Eastern Studies at Adam Mickiewicz University, 2013 (Baltic-Pontic studies. V. 18). P. 122–244.

Weiss H. Quantifying Collapse: The Late Third Millennium Khabur Plain // Seven Generations Since the Fall of Akkad / Ed.H. Weiss. Weisbaden: Harrassowitz Verlag, 2012 (Studia Chaburensia V. 3). P. 1–24.

Weiss H., Courty M.-A., Wetterstorm W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A. The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization // Science. 1993. V. 261. Iss. 5124. P. 995–1003.

Wossink A. Challenging climate change. Competition and cooperation among pastoralists and agriculturalists in northern Mesopotamia (c. 3000–1600 BC). Leiden: Sidestone Press, 2009. 183p.

PALEOCLIMATE AND CULTURAL GENESIS IN EASTERN EUROPE AT THE END OF THE 3rd MILLENNIUM BC

Roman A. Mimokhod

Institute of Archaeology IA RAS, Moscow, Russia
E-mail: mimokhod@gmail.com

At the end of the 3rd millennium, a block of post-catacomb cultural units emerged on the genetic basis of Catacomb cultures in Eastern Europe. It consisted of the Babino cultural circle and the Lola one. The former developed due to the migration impact from Central Europe and the Carpathian-Danube region, the emergence of the latter was stimulated by the migration of pastoralists of the Northeast Caucasus to the Ciscaucasian steppe. In turn, the movement of population groups from Europe resulted in the emergence of the original Middle Volga Abashevo culture of Central European appearance. Large-scale migration in Eastern Europe of the 23rd/22nd centuries BC coincided with the aridization peak in the Old World. These two phenomena are in a causal relationship.

Keywords: a block of post-catacomb cultural formations, the Babino cultural circle, the Lola cultural circle, the Middle Volga Abashevo culture, migrations, paleoclimate, aridization.

REFERENCES

Aleshinskaya A.S., Spiridonova E.A., 2000. Periodization of the Bronze Age of the European Russia's forest zone (based on palynological data). *Tverskoy arkheologicheskiy sbornik [Tver Archaeological Collection of Papers]*, iss. 4, vol. 1. I.N. Chernykh, ed. Tver': Tverskoy gosudarstvennyy muzey-zapovednik, pp. 352–358. (In Russ.)

Artemenko I.I., Pronin G.M., 1976. The Abashevo culture sites on the Desna River. *Arkheologiya [Archaeology]*, 20, pp. 66–76. (In Ukrainian)

Borisov A.V., Demkina T.S., Demkin V.A., 2006. Paleopochvy i klimat Ergeney v epokhu bronzy (IV–II tys. do n.e.) [Paleosoils and climate of the Ergeni Upland in the Bronze Age (the 4th–2nd millennia BC)]. S.V. Gubin, ed. Moscow: Nauka. 210 p.

Borisov A.V., Mimokhod R.A., 2010. Paleoenvironmental conditions and the formation mechanism of the Lola culture. *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ya: problemy, poiski, otkrytiya: materialy III Mezhdunarodnoy Nizhnevolzhskoy arkheologicheskoy konferentsii [Archaeology of the Lower Volga: issues, research, discoveries: Proceedings of the III International Lower Volga Archaeological Conference]*. D.V. Vasil'ev, ed. Astrakhan': Astrakhanskiy universitet, pp. 54–60. (In Russ.)

Borisov A.V., Mimokhod R.A., 2011. The role of environment in formation of the Lola culture. *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda [Transactions of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress]*, II. N.A. Makarov, E.N. Nosov, eds. St. Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: Novgorodskiy tekhnopark, pp. 370, 371. (In Russ.)

Borisov A.V., Mimokhod R.A., 2016. Paleoecology and paleoeconomics of ancient societies in the desert-steppe zone during the Bronze Age. *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya: materialy V Mezhdunarodnoy Nizhnevolzhskoy arkheologicheskoy konferentsii [Issues of the Lower Volga Archaeology: Proceedings of the V International Lower Volga Archaeological Conference]*. P.M. Kol'tsov, ed. Elista: Izdatel'stvo Kalmytskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 9–13. (In Russ.)

Borisov A.V., Mimokhod R.A., Demkin V.A., 2011. Paleosoils and environmental conditions in the steppes of South Russia in the post-Catacomb time. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 225, pp. 144–154. (In Russ.)

Gak E.I., Mimokhod R.A., 2009. The metal of the artefacts from post-Catacomb sites of the Ciscaucasian steppe. *Pyataya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya [The Fifth Kuban Archaeological Conference]*. N. Yu. Limberis, ed. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 66–68. (In Russ.)

Gak E.I., Mimokhod R.A., Kalmykov A.A., 2012. Antimony in the Bronze Age of the Caucasus and the south of Eastern Europe. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological News]*, 18. E.N. Nosov, ed. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 174–203. (In Russ.)

Gebers W., 1978. Endneolithikum und Frühbronzezeit im Mittelrheingebiet. Katalog. Bonn: R. Habelt. 192 p., 77 ill.

Gerasimenko N.P., 1997. The natural environment of the human habitation in the South-East of Ukraine in the Late Glacial and Holocene (based on paleographic study of archaeological sites). *Arkheologicheskiy al'manakh [Archaeological Almanac]*, 6. A.V. Kolesnik, ed. Donetsk: Donetskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey, pp. 3–64. (In Russ.)

Gerasimenko N.P., Gorbov V.N., 1996. Chronostratigraphy and paleoecology of the Bronze Age of the North-Eastern Azov region. *Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evraziyskikh drevnostey (eneolit – bronzovyy vek): materialy mezhdunarodnoy konferentsii [North Eastern Azov region in the Eurasian antiquities (the Eneolithic – Bronze Age): Proceedings of the International Conference]*, 2. V.N. Gorbov, ed. Donetsk: Izdatel'stvo Donetskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 47–49. (In Russ.)

Gerasimova M.M., Kalmykov A.A., 2007. Paleoanthropological studies of the Lola culture burials. *Vestnik antropologii [Herald of Anthropology]*, iss. 15, pt. 2, pp. 246–255. (In Russ.)

Ivanova S.V., Kiosak D.V., Vinogradova E.I., 2011. Subsistence patterns in the North-Western Pontic area and rapid climate changes (6200–2000 BC). *Stratum plus*, 2, pp. 101–140. (In Russ.)

Kazarnitskiy A.A., 2011. Bronze Age population of the North-West Caspian Steppes. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy Akademii nauk [Transactions of the Institute for the History of Material Culture]*, 6. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 133–142. (In Russ.)

Kazarnitskiy A.A., 2012a. Migration vectors of the Eartern European population in the Middle and Late Bronze Ages (based on paleoanthropological data). *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiyskogo arkheologa Mikhaila Petrovicha Gryaznova [Cultures of steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 110th anniversary of the great Russian archaeologist Mikhail Petrovich Gryaznov]*, 2. V.A. Alekshin, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, Periferiya, pp. 126–132. (In Russ.)

Kazarnitskiy A.A., 2012b. Naselenie azovo-kaspiyskikh stepey v epokhu bronzy (antropologicheskiy ocherk) [Population of the Azov and Caspian steppe in the Bronze Age (anthropological study)]. A.V. Gromov, ed. St. Petersburg: Nauka. 264 p.

Kazarnitskiy A.A., 2013a. The craniology of the Babino culture population. *Vestnik arkheologii, antropologii*

i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology, and Ethnography], 2(21), pp. 70–78. (In Russ.)

Kazarnitskiy A.A., 2013b. The craniology of the bearers of post-Catacomb cultures. *Problemy periodizatsii i khronologii v arkheologii epokhi rannego metalla Vostochnoy Evropy [Issues of periodization and chronology in the archaeology studies of the East European early metal period]*. E.A. Cherlenok, ed. St. Petersburg: Skifiya-print, pp. 54–60. (In Russ.)

Khokhlov A.A., Mimokhod R.A., 2008. The craniology of the population of the steppe Ciscaucasus and the Volga region in post-Catacomb time. *Vestnik antropologii [Herald of Anthropology]*, 16, pp. 44–70. (In Russ.)

Korenevskiy S.N., Mimokhod R.A., 2011. Kurgany pozdnego perioda srednego bronzovogo veka u stanitsy Arkhonskaya v Severnoy Osetii [Mounds of the late period of the Middle Bronze Age near Arkhonskaya in North Ossetia]. Moscow: IA RAN. 120 p.

Kraynov D.A., Utkin A.V., 1991. Mound burials by the Kukhmar' stream on Lake Pleshcheyevo. Pozdniy eneolit i *kul'tury ranney bronzy lesnoy polosy evropeyskoy chasti SSSR [The Late Eneolithic and the cultures of the Early Bronze Age of the USSR's European part forest belt*]. G.A. Arkhipov, B.S. Solov'ev, eds. Yoshkar-Ola: Mariyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut, pp. 147–159. (Arkheologiya i etnografiya Mariyskogo kraya, 19). (In Russ.)

Krenke N.A., 2014. An Abashevo find in the Moskva valley. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow Region: Proceedings of the research workshop]*, 10. A.V. Enogvatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 29–35. (In Russ.)

Kuz'minykh S.V., Mimokhod R.A., 2016. Radiocarbon dates of Pepkino mound and some issues of the Middle Volga Abashevo culture. *Vneshnie i vnutrennie svyazi stepnykh (skotovodcheskikh) kul'tur Vostochnoy Evropy v eneolite i bronzovom veke (V–II tys. do n.e.): kruglyy stol, posvyashchennyy 80-letiyu so dnya rozhdeniya S.N. Bratchenko [External and internal connections of the East European steppe (pastoralist) cultures in the Eneolithic and Bronze Age (5th – 2nd millennia BC): Round table meeting dedicated to the 80th anniversary of S.N. Bratchenko]*. V.A. Alekshin, ed. St. Petersburg: IIMK, pp. 39–44. (In Russ.)

Litvinenko R.A., 2011. Babino culture circle: name, taxonomy, and structure. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 225, pp. 108–123. (In Russ.)

Litvinenko R.O., 2007. Circumstances and factors of the Babino culture genesis. *Visnik Donets'kogo natsional'nogo universitetu [Bulletin of Donetsk State University]*. Donets'k, 1–2, pp. 109–116. (In Ukrainian)

Litvinenko R.O., 2009. Kul'turne kolo Babine (za materialami pokhoval'nikh pam'yatok): avtoreferat disertatsii ... doktora istorichnikh nauk [Babino culture circle (based on the material of burial sites): Synopsis of the Doctoral thesis in History]. Kiïv. 32 p.

Lun'kov V. Yu., Engovatova A.V., 2003. Orlovo 1 burial mound (the Abashevo culture in the Volga-Oka interfluve). *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': istoki, razvitie, nasledie: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Abashevo Cultural-Historical Unity: Origins, Development, Llegacy: Proceedings of the International Scientific Conference]*. V.S. Bochkarev, ed. Cheboksary, pp. 193–197. (In Russ.)

Lytvynenko R.O., 2013. Central European parallels to the Dnieper – Don center of Babyno culture. *The Ingul-Donets Early Bronze civilization as springboard for transmission of Pontic cultural patterns to the Baltic Drainage Basin 3200–1750 BC*. A. Kośko, ed. Poznań: Institute of Eastern Studies at Adam Mickiewicz University, pp. 122–244. (Baltic-Pontic studies, 18).

Mel'nik V.I., 2015. Uneven cultural development and stages of changes in cultures of East European steppes and Middle East civilizations of 3000–2000 BC. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*. 239, pp. 61–71. (In Russ.)

Mimokhod R.A., 2005. The block of post-Catacomb cultural units (articulating the issue). *Problemi doslidzhennya pamyatok arkheologiï Skhidnoï Ukraïni [Issues of studying archaeological sites of Eastern Ukraine]*. V.V. Otroshchenko, ed. Lugans'k: Shlyakh, pp. 70–74. (In Russ.)

Mimokhod R.A., 2006. Burials of the late stage of the Middle Bronze Age in the Kuban River basin. *Drevnie kul'tury Kavkazskogo Prichernomor'ya: Pervaya abkhazskaya mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya: materialy [Ancient Cultures of the Caucasian Pontic Region: Proceedings of the First Abkhazian International Archaeological Conference]*. A.S. Agumaa, ed. Sukhum, pp. 249–253. (In Russ.)

Mimokhod R.A., 2007. The Lola culture of the late stage of the Middle Bronze Age of the North-West Caspian region. *Ross. Arkheol.*, 4, pp. 143–154. (In Russ.)

Mimokhod R.A., 2010. Burials of the late stage of the Middle Bronze Age in the Volga and Urals regions and some issues of the regional culture genesis. *Donets'kiy arkheologichniy zbirnik [Donetsk Archaeological Collection of Papers]*, 13/14. R.O. Litvinenko, ed. Donets'k: Vidavnitstvo Donets'kogo universitetu, pp. 67–82. (In Russ.)

Mimokhod R.A., 2011. Radiocarbon chronology of post-Catacomb cultural units. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 225, pp. 28–53. (In Russ.)

Mimokhod R.A., 2013a. The Lola culture. The North-Western Caspian region on the turn of the Middle and Late Bronze Age. *Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy [Materials of conservative archaeological studies]*, 16. A.V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN. 568 p. (In Russ.)

Mimokhod R.A., 2013b. Post-Catacomb period in the Lower Volga: concept and definitions. *Arkheologiya vostochno-evropeyskoy stepi [Archaeology of East European steppe]*, 10. V.A. Lopatin, ed. Saratov: Saratovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 167–179. (In Russ.)

Mimokhod R.A., 2014. Post-Catacomb period in the Lower Volga: from the Krivaya Luka cultural group to the Volga-Don Babino culture. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 232, pp. 100–119. (In Russ.)

Mimokhod R.A., 2016a. The block of post-Catacomb cultural units in Eastern Europe: structure and content. *Izuchenie i sokhranenie arkheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie chteniya [Study and preservation of archaeological heritage of the Caucasian Peoples. XXIX Krupnov Readings]*. M. Kh. Bagaev, Kh.M. Mamaev, eds. Groznyy: Izdatel'stvo Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 45–47. (In Russ.)

Mimokhod R.A., 2016b. Cultural and chronological remark to the materials of Mound 2 of the Lipetsk cemetery. *Nauchnye trudy OOO NPO "Chernozem'e" [Research Works of OOO NPO "Chernozemie"]*, 4. Lipetskiy kurgan – pamyatnik elity dono-volzhskoy abashevskoy kul'tury. Lipetsk: Novyy vzglyad, pp. 50–51. (In Russ.)

Mimokhod R.A., 2018. Genesis and semantics of the Bronze Age shaped buckles in Europe and the Caucasus in the context of Middle East influence. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological News]*, 24. E.N. Nosov, ed. St. Petersburg. (In Russ.). (In print).

Pesochina L.S., 2010. Environmental conditions of the ancient human habitat in the Azov steppes during the Bronze Age. *Indoevropeyskaya istoriya v svete novykh issledovaniy: sbornik trudov konferentsii pamyati professora V.A. Safronova [Indoeuropean history in the light of new research: Collection of papers of the Conference in memory of Professor V.A. Safronov]*. E.V. Yarovoy, ed. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy universitet, pp. 348–355. (In Russ.)

Spiridonova E.A., Korenevskiy S.N., 2007. Natural environment at the active time of Bolshoy Ipatovo kurgan. *Korenevskiy S.N., Belinskiy A.B., Kalmykov A.A. Bol'shoy Ipatovskiy kurgan na Stavropol'e kak arkheologicheskiy istochnik po epokhe bronzovogo veka na stepnoy granitse Vostochnoy Evropy i Kavkaza [Bolshoy Ipatovo kurgan in Stavropol Kray as an archaeological source for the Bronze Age on the steppe border between Eastern Europe and the Caucasus]*. Moscow: Nauka, pp. 119–128. (In Russ.)

Weiss H., 2012. Quantifying Collapse: The Late Third Millennium Khabur Plain. *Seven Generations Since the Fall of Akkad. H. Weiss*, ed. Weisbaden: Harrassowitz Verlag, pp. 1–24. (Studia Chaburensia, 3).

Weiss H., Courty M.-A., Wetterstorm W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Curnow A., 1993. The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization. *Science*, vol. 261, iss. 5124, pp. 995–1003.

Wossink A., 2009. Challenging climate change. Competition and cooperation among pastoralists and agriculturalists in northern Mesopotamia (c. 3000–1600 BC). Leiden: Sidestone Press. 183p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2018, № 2, с. 49–67

КРЕПОСТИ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ЗАКАВКАЗЬЕ

© 2018 г. М. Кастеллучча

Общество по изучению Средиземноморья и Востока (ISMEO), Рим, Италия
E-mail: manuel.castelluccia@gmail.com

Поступила в редакцию 17.11.2016 г.

Территория между верхней частью Евфрата, Тавром и оз. Урмия, где, начиная с IX в. до н.э. будет развиваться Урартское царство, является настоящей мозаикой краев, “городов” и “царств”. Новые технологии и исследовательские методики позволили значительно расширить наше представление о культурном ландшафте древнего Закавказья. Наиболее важное звено, связывающее эпоху Урарту с предыдущими периодами, – это, безусловно, крепость, с ее значением и функциями. Уже на последних этапах позднего бронзового века (XV–XIII вв. до н.э.) на Армянском нагорье и в непосредственно прилегающих к нему районах можно заметить резкий переход к более сложной структуре общества, где “военная составляющая” приобретает первостепенную важность. Наблюдается появление и распространение так называемых циклопических крепостей – поселений, отмеченных монументальными каменными сооружениями. Все они были построены не на равнинах, а на высотах и на скалистых склонах гор, в стратегически важных и, следовательно, защищаемых местах. Критериями для типологизации укрепленных поселений выступают периметр стен и предназначение объекта (Biscione, 2002). Учитывая эти параметры, можно разделить циклопические укрепленные поселения на три основных типа: сторожевая башня, форт и собственно крепость. Стратегическая роль этих объектов могла быть “активной” (контроль над экономическими ресурсами) и “пассивной” (убежища). Несмотря на то, что есть свидетельства о развитой сети укрепленных поселений, зачастую нельзя выявить такую регулирующую их расположение схему, где, например, присутствует центр, контролирующий зависимые крепости. Процесс постепенной милитаризации общества, ярким примером которого является развитие сети крепостей, отражается и в других типах археологических данных. Истоки милитаризации следует искать в развитии местных культур.

Ключевые слова: Закавказье, Армянское нагорье, Урарту, ранний железный век, поздний бронзовый век, циклопическая крепость, милитаризация.

DOI: 10.7868/S0869606318020058

С конца бронзового века Закавказье и прилегающие к нему районы (в общих чертах, имеется в виду территория, расположенная в исторических пределах Армянского нагорья) претерпели целый ряд разительных изменений в различных аспектах своего существования, что подтвержается археологическими данными. Во-первых, речь идет о предметах обихода: происходит резкий рост числа бронзовых артефактов (и украшений, и орудий), качество которых, как и прежде, остается на высоком уровне. Во-вторых, имеет место появление и постепенное распространение изделий из железа. Также в это же время можно отметить укрепление отношений с миром Месопотамии, что подтверждают, в основном, находки различных митаннийских печатей. Эти отношения постепенно укреплялись в первой половине I тыс. до н.э.: решающую роль в данном процессе сыграло Урартское царство. Источники также свидетельствуют о расширении культурного обмена с племенами Северного Кавказа и с многообразным миром Евразийской степи.

Параллельно с этими явлениями намечается изменение социальной и политической структур обществ, населявших Армянское нагорье, наблюдается процесс милитаризации как географического, так и социального пространства. Это особенно хорошо прослеживается по развитию культурного ландшафта: например, формируется развитая сеть крепостных сооружений.

Подробное изучение культурного ландшафта древнего Закавказья стало возможным прежде всего благодаря увеличению количества археологических исследований, посвященных не только материальной культуре, архитектуре и захоронениям, но и взаимодействию природного фактора с антропогенными компонентами. Хотя исследования данного района проводились уже в советскую

эпоху (Ивановский, 1911; Аджян и др., 1931/1932; Мещанинов, 1932; Микаелян, 1968; Есаян, 1976), на протяжении последних двух десятилетий число трудов о культурном ландшафте Закавказья сильно возросло благодаря ряду специализированных научных работ (The North-Eastern Frontier..., 2002; Kroll 2006; The Archaeology and Geography..., 2009; Parker et al., 2011; Castelluccia et al., 2012; Petrosyan et al., 2015).

Итак, новые технологии и исследовательские методики позволили значительно расширить наше представление о культурном ландшафте древнего Закавказья. Теперь вышеуказанные труды могут быть сопоставлены с обширным корпусом научных работ о северной части Иранского нагорья и самой восточной части Малоазиатского нагорья. Эти исследования позволили получить археологические данные, сравнимые по количеству со своими закавказскими аналогами.

Гораздо менее многочисленными являются письменные источники, которые почти полностью ограничиваются редкой информацией ассирийского происхождения о Восточной Анатолии.

В 1273 г. до н.э.[1] Салманасар I завоевал "восемь краев Уруатри", которые можно отождествить с районом вокруг оз. Ван (Salvini, 1967. С. 39–40). Что интересно, этот топоним впоследствии исчез: и Тукульти-Нинурта I (1243–1207 гг. до н.э.), и Тиглатпаласар I (1114–1076 гг. до н.э.) говорят о завоевании "стран Наири". В данный период под Наири может подразумеваться вся территория, располагавшаяся севернее Тавра и р. Мурат (она же – верхняя часть Евфрата), простиравшаяся до акватории оз. Ван и, возможно, вплоть до оз. Урмия (Salvini, 1967. P. 23, 45; 1998. P. 88).

На третьем году своего царствования Тиглатпаласар победил не только "60 царей Наири": от его рук потерпела поражение и другая коалиция, под названием "цари 23 краев", областей, где находились "храмы и города"; в эту коалицию входил Сени – царь Дайаэни. В других источниках упоминаются многочисленные царства, земли и города, такие как, например, Алзи, Ардини, Аринна, Хубушкиа, Муцацир, Кумме и Сухму. Получается, что территория между верхней частью Евфрата, Тавром и оз. Урмия, где, начиная с 850 г. до н.э., будет развиваться Урартское царство, является настоящей мозаикой краев, "городов" и "царств". Там же находились важные храмы, в которых были сосредоточены крупные хранилища ценностей и сокровищ. Таким образом, мы имеем дело с социальными образованиями, обладавшими различным уровнем структурной сложности. В любом случае, тот район, где впоследствии возникло Урартское царство, в раннем железном веке определенно не был отсталым регионом, населенным отдельными племенами.

В Восточной Анатолии археологические экспедиции до сих пор не смогли получить четкие сведения, позволяющие расширить наши знания о том, что в настоящий момент предстает только в форме отдельных имен или данных о количестве убитых воинов и о составе добычи. В Иране и особенно на Южном Кавказе имеются археологические данные, но информация, представленная в ассирийских источниках об этих регионах, крайне скудна. Если сопоставить эти две категории историко-археологических данных, то, учитывая однообразность ландшафта Армянского нагорья, можно распространить мозаику сложных политических и социальных образований, зафиксированную в ассирийских источниках, на все рассматриваемое нами пространство.

Как было сказано выше, наиболее важный зафиксированный в исследованиях факт – развитие структуры поселений. В бронзовом веке в основе сообществ лежала сельскохозяйственная экономика полукочевых племен и их небольших селений. Велика вероятность того, что подобные поселения часто были сезонными, что объясняет контраст между почти полным отсутствием археологических данных "урбанистического" характера и большим количеством находок из захоронений.

На последних этапах позднего бронзового века (XV–XIII вв. до н.э.) в антропогенном ландшафте Южного Закавказья можно заметить резкий переход к более сложной, городской структуре общества, где "военная" составляющая мало-помалу приобретает первостепенную важность. В этой фазе развития наблюдается появление и распространение так называемых циклопических крепостей – поселений, отличающихся монументальными каменными сооружениями.

Хотя термин "циклопический" звучит неоднозначно и несколько "неакадемично", он, тем не менее, хорошо отражает архитектурную природу этих сооружений, возводимых из крупных камней неправильной формы.

Крепости представляют собой основную форму поселений в Закавказье и в прилегающих районах, и им посвящено немало научных трудов (Smith, Kafadaryan, 1996; Smith, 1999; Sanamyan, 2002; Biscione, 2009; Smith, 2012). Они также были одним из важнейших элементов Урартского царства и потеряли свою значимость только в пору

[1] Даты правления царей среднеассирийского периода приводятся по изданию: Grayson, 1987.

Ахеменидской империи (Castelluccia, 2015). Учитывая плотную сеть крепостей, раскинувшуюся по всему возвышенному рельефу, можно предположить некоторое сходство политических и социальных образований в горных регионах, которое, однако, не совпадает с культурным единством, поскольку внутренние различия, особенно на уровне материальной культуры, всегда достаточно очевидны.

Присутствие крепостей знаменует собой милитаризацию среды. Этот процесс можно определить как возникновение и развитие средств вооружения и военной техники на данном географическом пространстве. Появление милитаризма – необходимый шаг для получения реального контроля над территорией, особенно, если она была недавно захвачена.

Территория Армянского нагорья в начале железного века не обнаруживает признаков присутствия какого бы то ни было объединяющего политического центра, который мог бы контролировать обширные территории на надрегиональном уровне. Армянское нагорье с большей вероятностью фрагментировалось на многочисленные мелкие единицы власти с центрами в циклопических крепостях, которые можно назвать английским термином “chiefdom”. Наиболее характерный элемент этой системы крепостей – дробление политической организации и отсутствие единого центра контроля над территорией под руководством определенной власти.

Собранные данные свидетельствуют о большом количестве основанных в этот период поселений. Среди них можно выделить несколько типов, в зависимости от размеров или функций, но, в общем и целом, у них есть сходные черты: ведь все они были построены не на равнинах, а на высотах и на скалистых склонах гор. Кроме того, эти крепости нельзя сравнивать с тепе и теллями Месопотамии, так как они довольно редко соседствуют с поселениями без защитных сооружений. Материал этих построек исключительно местный, в них широко использовались камни средних и больших размеров, в основном необработанные, положенные друг на друга без специального раствора и, что важнее всего, без сырцовых кирпичей.

Данные крепости явно носят военный характер, усиленный наличием массивных защитных стен. Они расположены в стратегически важных и, следовательно, защищаемых местах.

От поселений без защитных сооружений не осталось значительного количества следов – все ограничивается, в большинстве случаев, фрагментами керамики, что говорит о том, что в этих районах археологические слои крайне незначительны. Они свидетельствуют о краткосрочных поселениях и/или о сооружениях, разбросанных на обширной территории.

Поселения данного типа обнаруживаются во всем Южном Закавказье, а также в Северном Иране в восточной части Малоазиатского нагорья. Данные, собранные в Азербайджане и в Грузии, показывают, что подобные поселения встречаются там крайне редко, несмотря на то, что их следы сохранились в Южной Грузии (Narimanišvili, Šanšašvili 2001; Narimanishvili 2012; Shanshashvili, Narimanishvili, 2012). Возможно, их отсутствие обусловлено тем, что данные территории еще недостаточно хорошо изучены.

Следовательно, укрепленные поселения можно рассматривать как типичное явление для Армянского нагорья и районов, непосредственно прилегающих к нему. Таким образом, становится очевидным, что данная категория памятников тесно связана с плато (Biscione, 2009. P. 125).

Нам также известны другие типы защитных сооружений, в частности, расположенные по всей территории нынешнего Ирана; однако они, в своем большинстве, строились из кирпичей, обычно в виде тепе или вокруг них, а значит, находились в долинах или на равнинах. Впрочем, эти два вида защитных сооружений разительно отличаются друг от друга как в плане культуры, так и по своей концепции.

Обычно иерархия поселений основывается на их величине. Но этот параметр не совсем применим к крепостям, так как в данном случае сопоставляются сооружения, одинаковые по размеру, но различные по структуре. Правильным критерием для сравнения могли бы стать периметр стен и предназначение крепости, так как они демонстрируют количество рабочей силы, примененной для строительства, и подчеркивают ее стратегическую и экономическую важность (Biscione, 2002. P. 353).

Учитывая эти параметры, мы могли бы разделить циклопические крепости на три основных типа, не упуская вместе с тем из виду отсутствие эмпирических данных для анализа. Если воспользоваться относительно простыми терминами, то можно выделить сторожевую башню, форт и собственно крепость.

Сторожевая башня – сравнительно незамысловатая постройка небольших размеров, лишенная каких-либо функциональных и архитектурных

особенностей. Ее можно рассматривать как второстепенную территориальную проекцию более крупных построек, расположенных в непосредственной близости. Поскольку ее размеры невелики, она представляет собой самый неоднозначный археологический элемент, определение и датировка которого – задача не из легких.

Фортом может называться крепость небольших размеров и место дислокации военной части, предназначенное для контроля над ограниченной прилегающей территорией. В рамках иерархии, как бы то ни было, форт зависит от более крупного и важного поселения.

Настоящие крепости – это объекты больших размеров, являющиеся центром политической власти. На них могли быть возложены административные и экономические функции, поскольку там находились мастерские и склады для хранения продовольствия, а также помещения для отправления культов. Такая организация пространства достигла вершины своего совершенства в Урартском царстве – в первом, в полном смысле этого слова, государстве Армянского нагорья, где слились административные и организационные достижения месопотамских городов и местная традиция горных районов, имеющая ярко выраженный военный характер.

Крепости не располагаются в пространстве согласно неким определенным критериям. При этом можно выделить у них две различные стратегические роли – “активную” и “пассивную”.

Пассивную роль играли изолированные военные объекты, расположенные на высотах или на горных склонах. В них не занимались непосредственно контролем над окрестностями и эксплуатацией ресурсов. Можно предположить, что они использовались в качестве убежищ в случае необходимости или просто как место наблюдения за окрестными пастбищами. Не исключено, что в некоторых из этих поселений люди жили по сезонному принципу.

Второй способ существования крепостей – активный. Это означает, что крепости находятся на стратегической позиции, связанной с контролем над экономическими ресурсами (т.е. вдоль рек, связывающих различные зоны проживания, на перевалах, вдоль торговых маршрутов, недалеко от пастбищ или от месторождений, пригодных для добычи природных ресурсов).

Несмотря на то, что есть свидетельства о развитой сети укрепленных поселений, зачастую нельзя выявить такую регулирующую их расположение схему, где, например, присутствует центр, контролирующий зависимые крепости.

В некоторых основательно изученных районах Армянского нагорья (таких как, например, Арагац и акватория оз. Севан) можно обнаружить характерную организацию пространства. В районе Арагаца культурный ландшафт отмечен целым рядом местных политических центров, что доказано соседством циклопических крепостей с поселениями, небольшими контрольно-сторожевыми постами и некрополями (Badalyan et al., 2003. P. 159–163; The Archaeology and Geography..., 2009).

Такую же схему можно обнаружить в южной части побережья Севанского озера, где предполагается выделить как минимум пять различных независимых в политическом отношении зон с фортификационными сооружениями трех уровней (рис. 1).

Обычно политические образования опираются на большую крепость, в окрестностях которой находятся менее крупные, “спутниковые” поселения. Иерархия в этом случае насчитывает три уровня: большая крепость с периметром стен до 1420 м, несколько небольших крепостей с периметром стен от 950 до 750 м и, наконец, несколько маленьких поселений с периметром стен от 550 до 125 м (рис. 2).

В некоторых районах вокруг Севанского озера, в частности вдоль его западного берега, не был выявлен второй уровень сооружений, т.е. фигурируют только одна большая крепость и маленькие поселения. Особенно яркий пример – крепость Лчашена, являющаяся одной из самых крупных на всем плато, в непосредственной близости от которой, тем не менее, отсутствуют более мелкие крепости.

Вопрос об определении политической роли пяти возможных центров, отмеченных выше, осложняется почти полным отсутствием письменных источников. Один из немногих источников, которыми мы располагаем, – урартская надпись царя Сардури II (ок. 764–735 гг. до н.э.), найденная на берегу Севанского озера. Она относится к периоду, следующему за военным захватом района (CTU[2] I: A 9–6). Сардури II упоминает некие “город царский Тулиху” и “страну Удури-Этиуни”, которая, возможно, была своего рода конфедерацией, поскольку в другой надписи говорится о “четырех царях из страны Уду-

[2] Ссылка CTU I соответствует в списке литературы изданию: Salvini, 2008. Далее следует номер по каталогу.

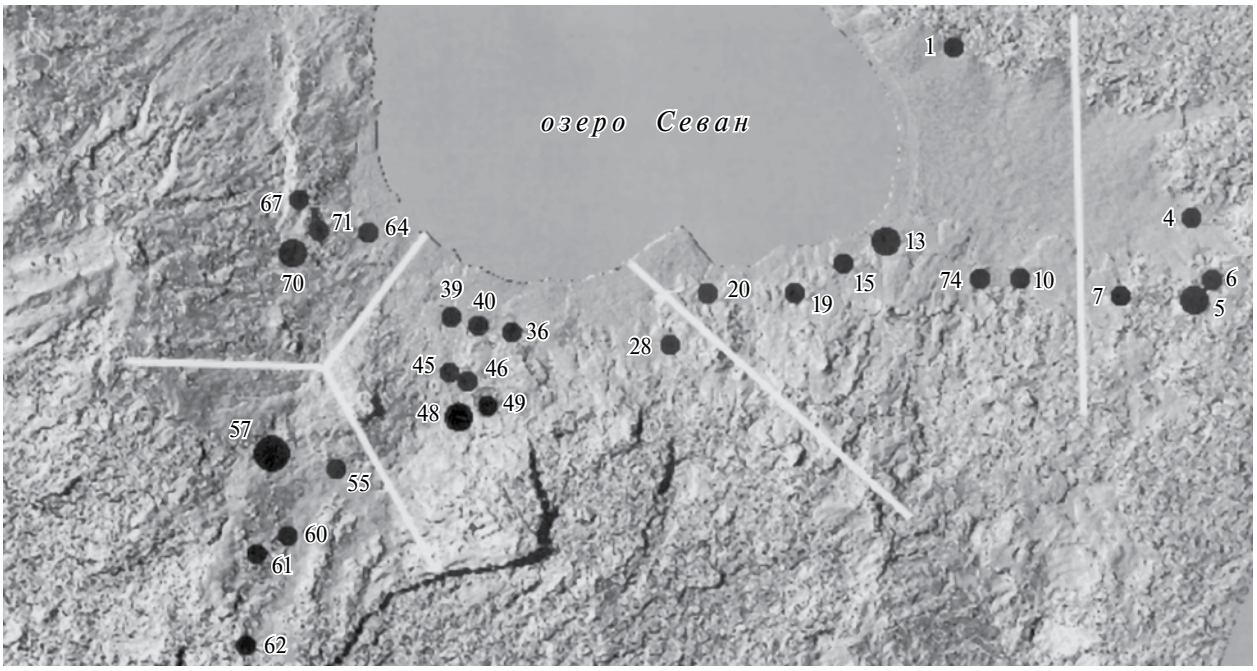


Рис. 1. Пять политически независимых районов в южной части Севанского озера (The North-Eastern Frontier..., 2002. P. 335. Fig. 1).

Fig. 1. Five politically independent regions in the southern part of Lake Sevan

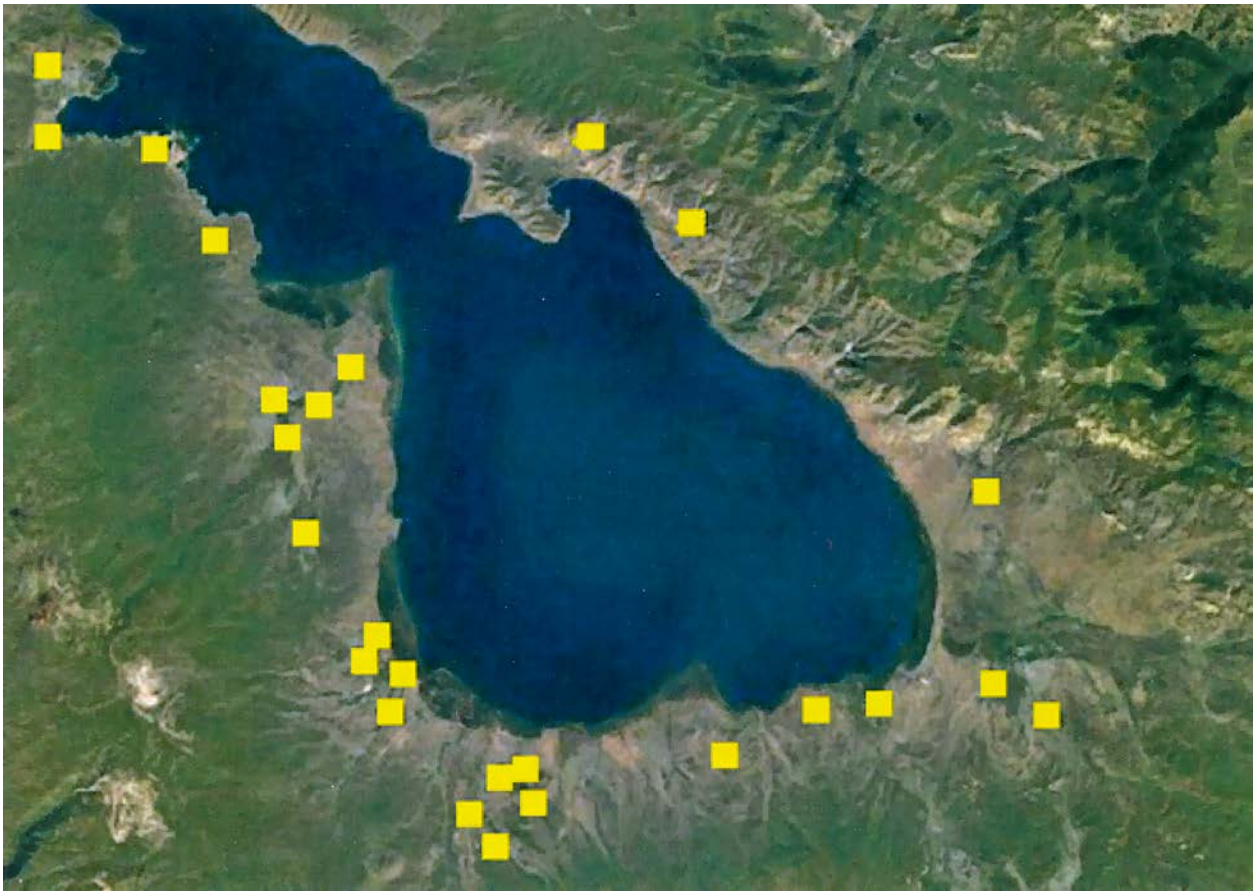


Рис. 2. Главные циклопические крепости вокруг Севанского озера.

Fig. 2. Main 'cyclopean' fortresses around Lake Sevan

Рис. 3. Крепость Тегеника (Petrosyan et al., 2015. Pl. 22, no. 2).

Fig 3. Fortress of Teghenik

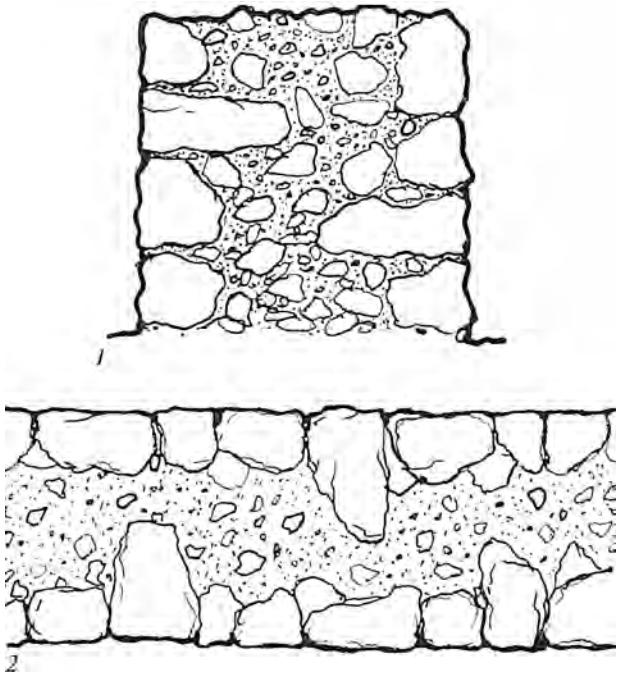


Рис. 4. Образец циклопической стены: *1* – разрез, *2* – план (Sanamyan, 2002. P. 349. Fig. 9).

Fig 4. Sample of 'cyclopean' masonry wall

ри-Этиуни". Эта "страна", видимо, имела четыре различных политических центра, три из которых назывались Аркукиуни, Каманиу и Луэруниу. Сложно определить природу подобных политических центров, так как специфика, отличающая различные политические модели (chiefdoms, early states и т.п.), зачастую не подлежит точной типизации.

Как уже было отмечено, в архитектурном плане наиболее важный элемент циклопических крепостей – крупные защитные стены высотой в несколько метров (рис. 3). Большие камни, обычно базальтовые, были положены один на другой, а маленькие камни заполняли пустоты между ними (рис. 4).

Обычно укрепления строились с учетом естественных контуров горного склона, на котором они располагались, что объясняет частое отсутствие непрерывной линии стен (рис. 5). Могут присутствовать башни и контрфорсы, особенно на менее крутых сторонах склона (рис. 6). Они редко встречаются в более древних крепостях, однако получают распространение

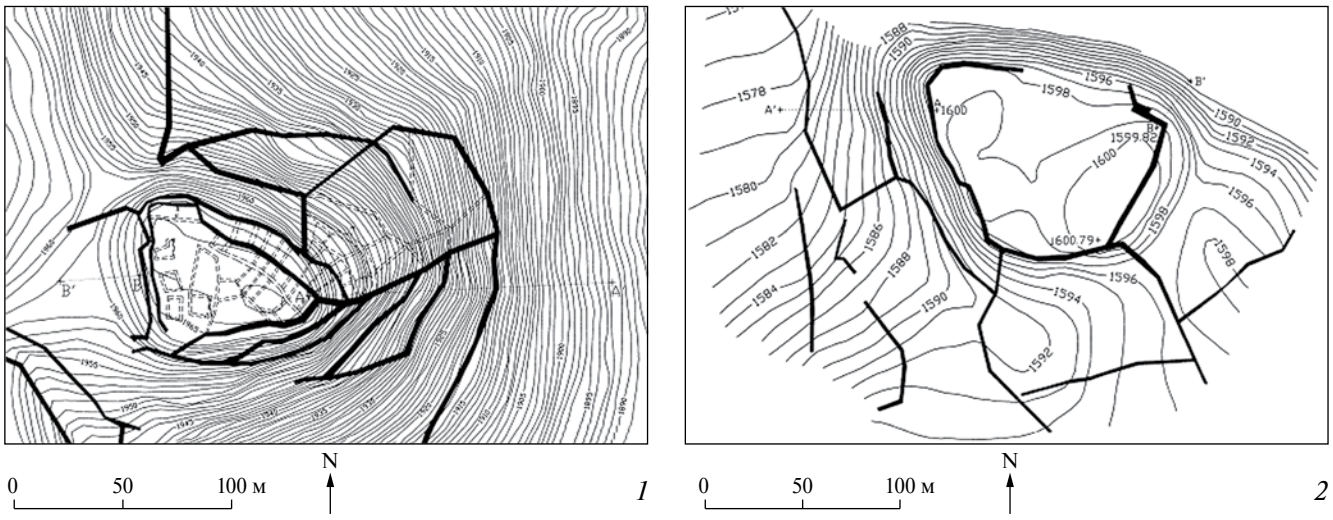


Рис. 5. Крепости Сарнахпюра (*1*) и Гямреза (*2*) (Smith, Kafadaryan, 1996. Fig. 2, 5).

Fig. 5. Fortresses of Sarnakhpyur and Gyamrez

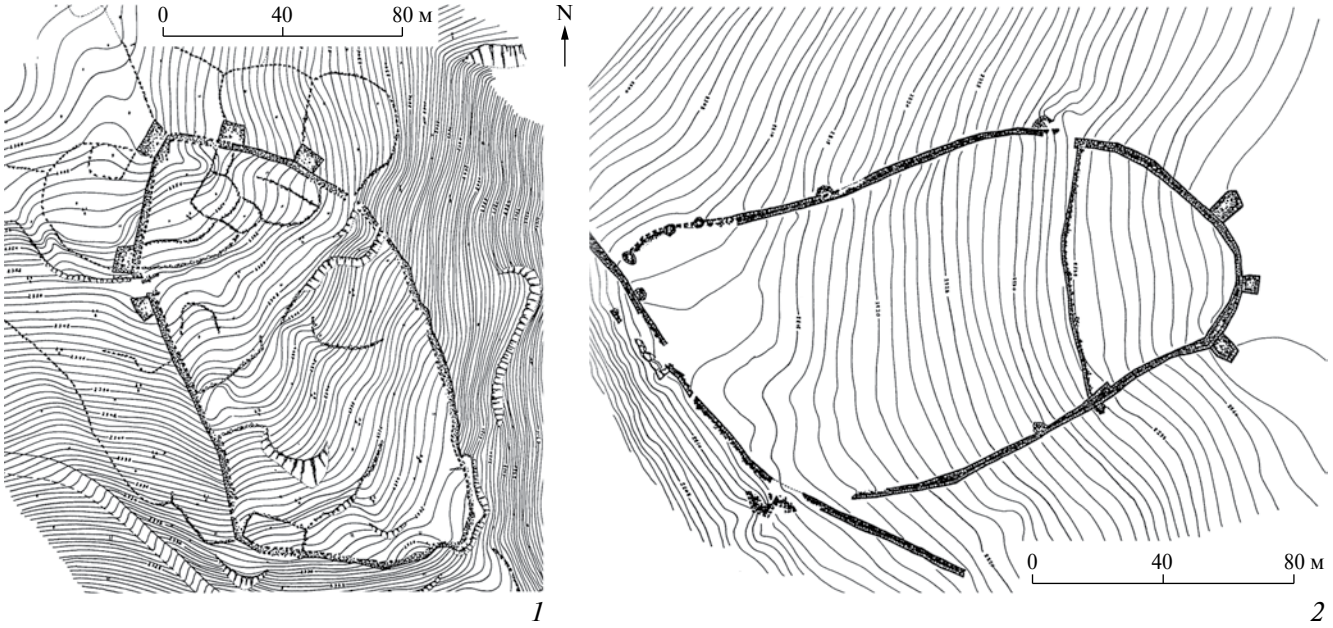


Рис. 6. Крепости Кари Дура *(1)* и Нег Богаза (*2*) (The North-Eastern Frontier..., 2002. P. 117, 228).

Fig. 6. Fortresses of Kari Dur and Neg Bogaz

в последующие века, особенно в урартской военной архитектуре.

Учитывая отсутствие раствора, необходимого для фиксации камней, а также принимая во внимание воздействие природных факторов (ведь Закавказье – сейсмически активный район), мы должны признать, что не можем точно опеределить характер верхней части стен, как, например, наличие или отсутствие дополнительных защитных элементов (зубцов или иных деревянных деталей). Тем не менее мы можем получить необходимую информацию в других источниках: на урартских орнаментах мы видим изображения крепостей с зубцами и амбразурами (Kleiss, 1982). Однако необходимо учитывать, что данные изображения на несколько веков младше, чем наши крепости.

Большие крепости часто отличаются наличием дополнительных защитных уровней. Очевидно, они были возведены в разное время, так как

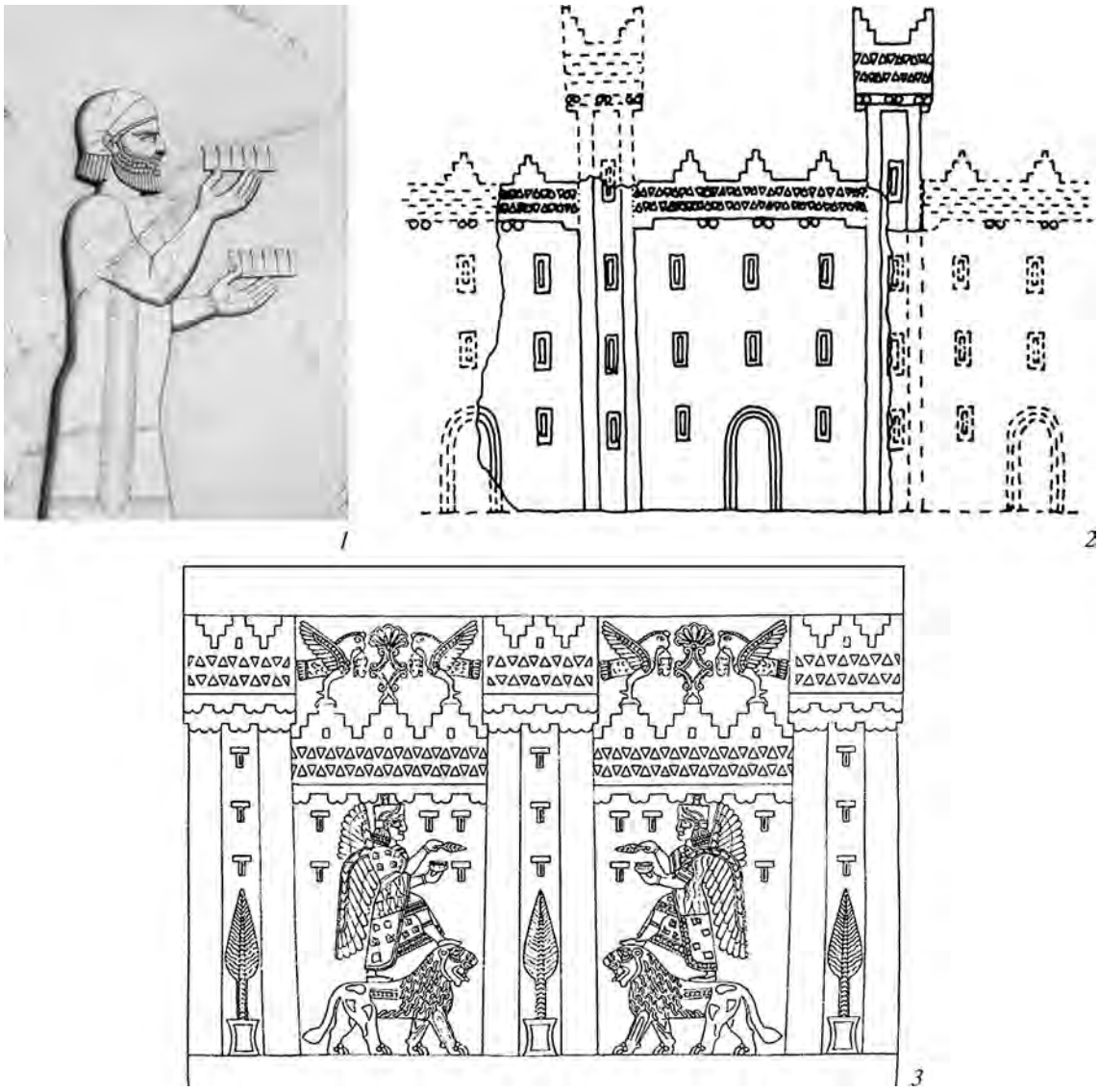


Рис. 7. Урартские и ассирийские изображения крепостей на рельефах и бронзовых поясах (*1* – Botta, Flandin, 1849. Pl. 36; *2* – Kleiss, 1982. Abb. 8; *3* – Calmeyer, 1979. Abb. 4).

Fig. 7. Urartian and Assyrian images of fortresses on reliefs and bronze belts

налицо отсутствие какой-либо целостной планировки. Цитадели встречаются только в редчайших случаях и только в самых крупных поселениях (рис. 8).

Из-за архаичных способов осады крепостей защитные элементы представляются простыми и долго остаются неизменными. Выделить дополнительные защитные элементы в стенах (такие как, например, тупики или контрфорсы) невозможно. Естественно, также не представляется возможным выяснить, имелись ли заборы или рвы. Однако в некоторых случаях удается обнаружить более низкую стену перед главной защитной линией, которая могла служить своего рода “первым уровнем обороны”.

Несмотря на то, что сейчас известны уже сотни крепостей, лишь немногие из них стали предметом полноценного изучения. По этой причине мы не имеем подробного представления о планировке внутренних помещений, что значительно снижает уровень понимания их роли и функций.

Впрочем, в процессе раскопок, в тех редких случаях, когда были проведены детальные исследования, удалось получить интересные данные. Нам предстают уже не простые защитные сооружения, которые можно было использовать в качестве убежища в случае внезапной опасности: эти поселения служили также резиденцией для местных властей. Следовательно, они выполняли все

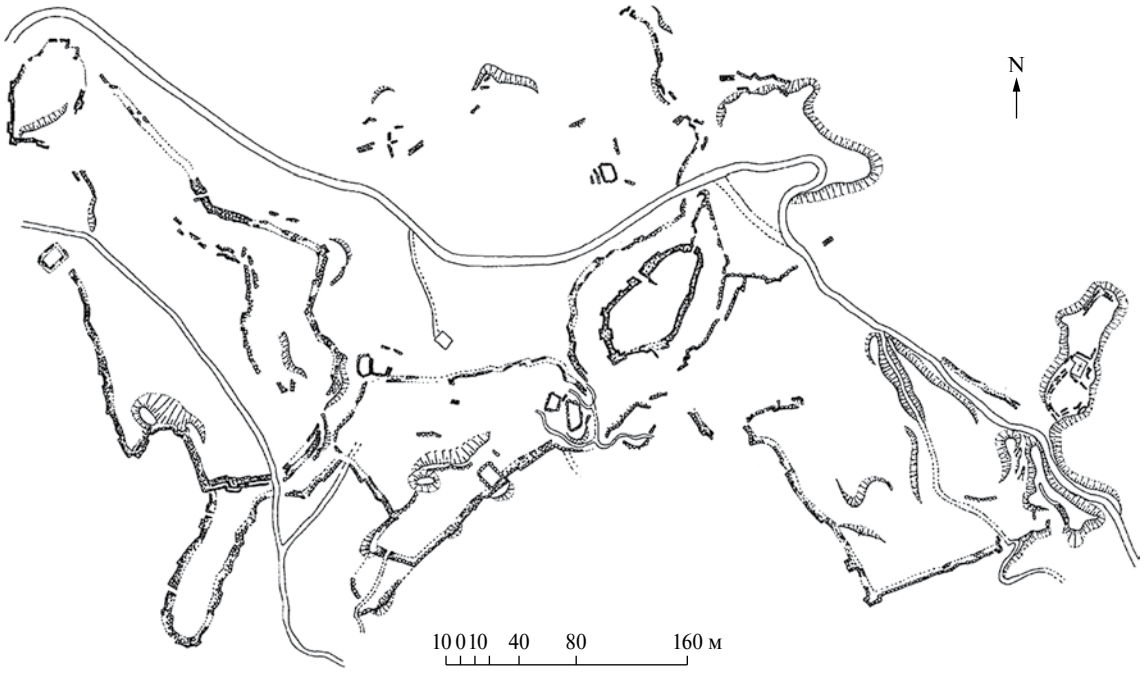


Рис. 8. Крепость Лчашена (Biscione, Parmegiani, 2004. Fig. 1)

Fig. 8. Fortress of Lshachen

функции классического ближневосточного "города": в них были и административные центры (The Archaeology and Geography..., 2009. P. 397), и культовые постройки (Smith, Leon, 2014), а также мастерские и склады для хранения имущества (Biscione, 2002. P. 359).

Процесс постепенной милитаризации общества, ярким примером которой является развитие сети крепостей, отражается и в других типах археологических данных. Материальная культура, например, отличается обширным и разнообразным производством металлического оружия – и бронзового, и (начиная с XII в. до н.э.) железного. Захоронения также подтверждают эту тенденцию: усопших мужского пола часто хоронили с большим количеством оружия.

Истоки милитаризации следует искать в развитии местных культур. Российский ученый В.М. Массон назвал этот процесс "кавказским путем к цивилизации" (Массон 1997), приведшим к возникновению сложных социальных образований уже в конце III тыс. до н.э. Данная модель отличается неурбанистическими, негосударственными сообществами, для которых характерны сильная социальная дифференциация и весьма неравномерное распределение ресурсов. У власти находилась военная элита, способная накапливать богатства и управлять рабочей силой; сформировалась иерархия больших и малых поселений. Эта система стала распространяться в Закавказье уже в бронзовом веке, но достигла вершины своего развития в первой половине I тыс. до н.э. – тогда, когда сообщества Армянского нагорья начали двигаться в сторону предгосударственного строя, при котором власть постепенно разделяется и количество правящих классов растет. Такая милитаризованная структура государства является типичной и для Закавказья, и для Северного Ирана, и для Восточной Анатолии.

Конечная точка развития "кавказской модели", по определению В.М. Массона, очевидно, совпадает с возникновением Урартского царства в начале IX века до н.э. После своего появления на побережье оз. Ван (Восточная Турция) царство объединило под своей властью все зоны акваторий оз. Урмия и оз. Севан, распространив, таким образом, свой контроль на все Армянское нагорье и прилегающие районы.

Урартское царство имеет много общего со своими месопотамскими соседями, в первую очередь с Ассирийской империей. Клинопись, искусство, структура государства, характер политической пропаганды – все это пришло из Месопотамии; однако в основе социальной структуры здесь лежит "кавказская модель". Государство Урарту, разумеется, не появилось внезапно, оно является финальным этапом длительного процесса и плодом следования вышеуказанному "кавказскому пути" к цивилизации. Не случайно многие характерные элементы Урарту оказываются

типичными также и для Армянского нагорья в более ранний период.

Корни урартской военной архитектуры уходят в поздний бронзовый – ранний железный век, время крупных крепостей со стенами из больших частично обработанных камней, дополненных более мелкими камнями, с хорошо укрепленными воротами и с башнями/контрфорсами различных размеров на неравном расстоянии друг от друга. На территории Армении урартским каналам предшествуют сложные оросительные системы эпохи поздней бронзы – раннего железа. Характерные предметы (такие, как большие урартские бронзовые пояса), на самом деле, также происходят от "кавказских" артефактов предыдущих веков.

Наиболее важное звено, связывающее эпоху Урарту с предыдущими периодами, – это, безусловно, крепость, с ее значением и функциями. Крепость в Урарту – больше, чем крепость: это столица, царская резиденция и центр власти, город с монументальными постройками, административный и религиозный центр, где находятся центральные склады и где происходит вся деятельность, так или иначе связанная с властью, с двором правителя и с придворной жизнью. Словом, урартская крепость выполняет все функции городов на равнинах Ближнего Востока, притом, что и ее территория, и население значительно меньше (Biscione, 2002. P. 364, 365). "Нижние города" вокруг урартских поселений, без сомнения, нельзя сравнивать с жилыми районами ближневосточных городов, поскольку, во-первых, они были не так плотно заселены, а во-вторых, их население, вероятнее всего, было тесно связано с существованием крепости. "Нижние города" Урартского царства свидетельствуют о совершенно иной, нежели у равнинных городов, системе распределения населения и его концепции; в итоге и крепость, и "нижний город" представляют собой, по сути, не совсем урбанистические явления.

Административные, архитектурные, религиозные элементы урартских крепостей можно обнаружить, как уже было сказано, в крепостях эпохи поздней бронзы – раннего железа на Кавказе, а также, возможно, в Северо-Западном Иране. "Нижние города" вокруг больших крепостей имеют одну и ту же структуру и одни и те же функции, что и урартские "нижние города". Поэтому непосредственная связь между политической организацией Урартского царства и сложными политическими образованиями Южного Кавказа очевидна, как и происхождение первой от вторых. Таким образом, урартская столица-крепость оказывается конечной точкой развития модели, разработанной на Армянском нагорье в предыдущие периоды. Сходным образом само Урартское царство с его своеобразной организацией, отличающей это государство от ближневосточных собратьев, стало конечной точкой развития сложных социополитических образований Армянского нагорья.

Подводя итоги, можно рассматривать Урартское царство как место расцвета "кавказского пути к цивилизации", обогащенного также некоторыми формами административного устройства Ближнего Востока, такими, например, как письменность, хотя не стоит забывать, что клинописное письмо употреблялось исключительно в сфере государственной администрации. Это явление, впрочем, остается локальным, а местные традиции, в свою очередь, создали плодородную почву для зарождения Урартского царства.

Автор выражает свою благодарность Франческе Лаццарин и Александру Скакову за редактирование русского текста.

Приложение

Список основных крепостей Южного Кавказа

Название места	Страна	Библиографическая справка	Хронология
Абули	Грузия	Narimanishvili, 2012*	ЖВ?
Авазан	Армения	Castelluccia et al., 2012	ПБ
Агарак	–”–	Badalyan, Avetisyan, 2007	СЖ
Агараци берд	–”–	The Archaeology and Geography..., 2009	ПБ, РЖ
Аги берд	–”–	Микаелян, 1968	ЖВ
Агин	–”–	Smith, 1999	РЖ
Агиту	–”–	Kroll, 2006	ПЖ
Агтанак	–”–	Есаян, 1976	ПЖ
Азатаван	–”–	Есаян, 1976	ПЖ
Азат-Хараба	–”–	Микаелян, 1968	ЖВ
Айазкою	НАР	Schachner, Bahşaliyev, 2001	РЖ, СЖ
Айгабац	Армения	Smith, 1999	РЖ
Айриванк	–”–	Микаелян, 1968	РЖ
Айрк	–”–	The North-Eastern Frontier..., 2002	СЖ, Ур
Акхалдаба	Грузия	Narimanišvili, šanšašvili, 2001	ПБ, РЖ
Ал Берд	Армения	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ, СЖ
Алинджекале	НАР	Schachner, Bahşaliyev, 2001	РЖ, СЖ
Алой Кох	Армения	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ
Апаран II	–”–	Badalyan, Avetisyan, 2007	ПБ
Апарани берд	–”–	Badalyan, Avetisyan, 2007	ПБ
Арагатсотн	–”–	Smith, Kafadarian, 1996	РЖ
Арагац	–”–	Smith, 1999	РЖ, СЖ
Арамус	–”–	Heinsch et al., 2012	СЖ, ПЖ, Ур
Арвуыти Даш	–”–	The North-Eastern Frontier..., 2002	СЖ
Армунг Ачпюр	–”–	Есаян, 1976	РЖ, СЖ
Арчик	–”–	Есаян, 1976	РЖ
Астхи блур	–”–	Есаян, 1976	СЖ, ПЖ
Аххала	–”–	Микаелян, 1968	ЖВ
Ашот-Еркат	–”–	The Archaeology and Geography..., 2009	ПБ, РЖ
Балак	–”–	Kroll, 2006	ПЖ
Барцраберд	–”–	Есаян, 1976	РЖ, СЖ
Бахри-чах	–”–	Есаян, 1976	ПЖ
Белый Ключ	–”–	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ
Бердакар	–”–	Есаян, 1976	ПЖ

Таблица (продолжение)

Название места	Страна	Библиографическая справка	Хронология
Бердатех	Армения	Есаян, 1976	СЖ, ПЖ
Берди Глух (Гавар)	–”–	Микаелян, 1968	РЖ, СЖ, Ур
Берди Глух (Хатсарат)	–”–	Микаелян, 1968	ЖВ
Берди Дощ	–”–	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ
Бердидош	–”–	The Archaeology and Geography..., 2009	ПБ, РЖ
Бешташени	Грузия	Shanshashvili, Narimanishvili, 2012	РЖ, СЖ, ПЖ
Брути берд	Армения	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ
Будури Кар	Армения	Есаян, 1976	ПЖ
Вайхир Кала	НАР	Schachner, Bahşaliyev, 2001	РЖ
Ваназдор	Армения	Есаян, 1976	РЖ
Варденик	–”–	The North-Eastern Frontier..., 2002	СЖ, Ур
Вари берд	–”–	Smith, Kafadarian, 1996	РЖ
Воскеваз	–”–	Pons, 2001	СЖ
Гавар	–”–	The North-Eastern Frontier..., 2002	СЖ, Ур
Гарпаовит	–”–	Smith, Kafadarian, 1996	РЖ, СЖ
Гегамасар	–”–	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ, ПЖ
Гетап	–”–	Melkonyan et al., 2010	СЖ, Ур
Гехадзор	–”–	The Archaeology and Geography..., 2009	ПБ, СЖ, ПЖ
Гехарот	–”–	The Archaeology and Geography..., 2009	ПБ, ПЖ
Гумлух	–”–	Микаелян, 1968	ЖВ
Гусанагюх	–”–	Smith, 1999	РЖ
Гямрез	–”–	Smith, Kafadarian, 1996	РЖ
Двин	–”–	Калантарян, 2008	СЖ, ПЖ
Джагачи дар	–”–	Микаелян, 1968	ЖВ
Джами дар	–”–	Микаелян, 1968	ЖВ
Джой Кох	–”–	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ СЖ, ПЖ
Егацадзор	–”–	The North-Eastern Frontier..., 2002	СЖ, Ур, ПЖ
Ёоджалг	–”–	Микаелян, 1968	ЖВ
Еркатасар	–”–	Мещанинов, 1932	ЖВ
Зорац-Карер	–”–	Xnkikyan, 2002	ПЖ
Ишхан Нахтак	–”–	The North-Eastern Frontier..., 2002	СЖ
Казанчыкале	НАР	Schachner, Bahşaliyev, 2001	РЖ, СЖ
Кал Кар	Армения	Есаян, 1976	ПЖ
Калакент	Азербайджан	Nagel, Strommenger, 1985; Мещанинов, 1932	ЖВ?
Камарис	Армения	Smith, Kafadarian, 1996	РЖ
Камо	Армения	Smith, 1999	РЖ

Таблица (продолжение)

Название места	Страна	Библиографическая справка	Хронология
Канагех	Армения	Микаелян, 1968	ЖВ
Карабаглар	НАР	Schachner, Bahşaliyev, 2001	РЖ, СЖ
Карабаглар Гавуркаласи	НАР	–"–	РЖ, СЖ
Карасу Калесы	НАР	–"–	РЖ, СЖ
Карасукала	НАР	–"–	СЖ
Карасукала	НАР	–"–	ПЖ
Каре дзи	Армения	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ
Кари Дур	–"–	The North-Eastern Frontier..., 2002	СЖ Ур
Кармир берд	–"–	Кушнарева, 1960; Есаян, 1969; Карапетян 1972	РЖ, СЖ
Карчахбюр	–"–	The North-Eastern Frontier..., 2002	СЖ, ПЖ
Кахси	–"–	Petrosyan et al., 2015	РЖ
Качкаван	–"–	Микаелян, 1968	ЖВ
Кедабек	Азербайджан	Мещанинов, 1932	ЖВ
Кети I	Армения	Badalyan, Avetisyan, 2007	ПБ, РЖ, СЖ
Кизкала I, II	НАР	Parker et al., 2011	СЖ, ПЖ
Кноле	Грузия	Shanshashvili, Narimanishvili, 2012	СЖ
Кол Пал	Армения	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ, СЖ, Ур, ПЖ
Кохежи	Грузия	Narimanišvili, šanšašvili, 2001	ЖВ?
Кра	Армения	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ, СЖ, Ур, ПЖ
Кучак I, II	–"–	Badalyan, Avetisyan, 2007	ПБ, РЖ
Кхот	–"–	Kroll, 2006	РЖ, СЖ
Кыз Каласи	НАР	Schachner, Bahşaliyev, 2001	РЖ
Кюрди Кох	Армения	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ
Ланджик	–"–	Badalyan, Avetisyan, 2007	РЖ
Лернапар	–"–	The Archaeology and Geography..., 2009	ПБ, РЖ, ПЖ
Лечап	–"–	Микаелян, 1968	ЖВ
Лошо	Грузия	Narimanišvili, šanšašvili, 2001	ПБ, РЖ
Лчашен	Армения	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ, СЖ, Ур
Мартуни	–"–	The North-Eastern Frontier..., 2002	ПБ, РЖ, СЖ, Ур, ПЖ
Мереб Лдзор	–"–	Микаелян, 1968	ЖВ
Мецамор	–"–	Ханзадян и др., 1973	РЖ, СЖ, Ур
Мецеп	–"–	Микаелян, 1968	ЖВ
Мирак	–"–	The Archaeology and Geography..., 2009	ПБ, РЖ
Мтнадзор	–"–	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ
Мурад Хах	–"–	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ

Таблица (продолжение)

Название места	Страна	Библиографическая справка	Хронология
Муханат-тапа	Армения	Есаян, 1969	РЖ, СЖ, Ур
Нагарахан	–”–	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ, ПЖ
Нег Богаз	–”–	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ
Норабак	–”–	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ
Норадус	–”–	Микаелян, 1968	ЖВ
Норашен	–”–	Микаелян, 1968	ЖВ
Норашен	–”–	Есаян, 1976	ПЖ
Оглангала	НАР	Бахшалиев, 1994; Ristvet et al., 2011, 2012	РЖ, СЖ, Ур, ПЖ
Орджоникидзе	Армения	Есаян 1976	РЖ
Ошакан	–”–	Есаян, Калантарян, 1988	РЖ, СЖ, Ур, ПЖ
Паравi Ванк	–”–	Микаелян, 1968	ЖВ
Паташар	–”–	Есаян, 1976	РЖ
Пемзашен	–”–	Badalyan, Avetisyan, 2007	ПБ, РЖ, СЖ
Пилот пар	–”–	Есаян, 1976	ПЖ
Полот-сар	–”–	The Archaeology and Geography..., 2009	ПБ, РЖ, СЖ
Поплоз Гаш	–”–	Есаян, 1976	РЖ
Раздан	–”–	Petrosyan et al., 2015	СЖ
Салкар	–”–	Есаян, 1976	ПЖ
Сангар	–”–	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ
Сари Тепе	Азербайджан	Нариманов, 1960	ПБ
Сарнахпюр	Армения	Smith, Kafadarian, 1996	РЖ
Сахакаберд	–”–	The Archaeology and Geography..., 2009	ПБ, РЖ, СЖ, ПЖ
Сев сев 1	–”–	Есаян, 1976	ПЖ
Сев сев 2	–”–	Есаян, 1976	ПЖ
Седерек-кала	НАР	Schachner, Bahşaliyev, 2001	СЖ
Сепртк	Армения	Есаян, 1976	СЖ
Сергевиль	Армения	Мещанинов, 1932	ЖВ
Собечдави	Грузия	Shanshashvili, Narimanishvili, 2012	РЖ
Солак	Армения	Petrosyan et al., 2015	СЖ, Ур
Сотк	–”–	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ, СЖ, Ур, ПЖ
Спандарян	–”–	Smith, 1999	РЖ
Сурб Наатак	–”–	Есаян, 1976	ПЖ
Сурб Нартан	–”–	Есаян, 1976	РЖ
Тандзут	–”–	Есаян, 1976	СЖ, ПЖ
Татев	–”–	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ
Тегеник	–”–	Petrosyan et al., 2015	РЖ

Таблица (продолжение)

Название места	Страна	Библиографическая справка	Хронология
Тези	Грузия	Shanshashvili, Narimanishvili, 2012	РЖ, СЖ, ПЖ
Тмбадир	Армения	Есаян, 1976	ПЖ
Туфашен	Армения	Smith, 1999	РЖ
Уцкло	Грузия	Shanshashvili, Narimanishvili, 2012	РЖ
Уытс I	Армения	Kroll, 2006	РЖ
Хаджи-Байрама	–”–	Мещанинов, 1932	ЖВ
Хачер	–”–	Микаелян, 1968	ЖВ
Хери Берд	–”–	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ
Хнаберд	–”–	The Archaeology and Geography..., 2009	ПБ, СЖ
Хнацах	–”–	Xnkikyan, 2002	СЖ
Хором	–”–	Kohl, Kroll, 1999	РЖ, СЖ, Ур, ПЖ
Хортамбой	–”–	Есаян, 1976	РЖ
Цак-Кар	–”–	Kroll, 2006	ПЖ
Цахкаовит	–”–	The Archaeology and Geography..., 2009	ПБ, ПЖ
Цилкар	–”–	The Archaeology and Geography..., 2009	ПБ, РЖ
Цицернакаберд	–”–	Smith, Kafadarian, 1996	РЖ
Цовагюх	–”–	Микаелян, 1968	ЖВ
Цовак I	–”–	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ, СЖ, Ур
Цовинар	–”–	The North-Eastern Frontier..., 2002	РЖ, СЖ, Ур, ПЖ
Чалханкала	НАР	Schachner, Bahşaliyev, 2001	РЖ
Чорбулак	НАР	Kroll, 1984	ПЖ
Чричи	Грузия	Narimanišvili, Šanšašvili, 2001	ЖВ?
Шагат I	Армения	Kroll, 2006	ПЖ
Шагат Наринкала	–”–	Kroll, 2006	ПЖ
Шаглама	–”–	Есаян, 1976	ПЖ
Шакех	–”–	Kroll, 2006	ПЖ
Шамирам	–”–	Smith, 1999	РЖ
Шаори	Грузия	Narimanishvili, 2012	ПБ
Ширакаван	Армения	Торосян и др., 2002.	СЖ
Эйнал-тахта	Азербайджан	Мещанинов, 1932	ЖВ
Элар	Армения	Ханзадян, 1979	РЖ, СЖ, Ур
Эти-Агбюр	Армения	Микаелян, 1968	ЖВ

Примечание: ПБ – поздний бронзовый век (XV–XIII вв. до н.э.); ЖВ – железный век (без определенной датировки); РЖ – ранний железный век (XII–VIII вв. до н.э.); СЖ – средний железный век (VIII–VI вв. до н.э.); ПЖ – поздний железный век (V –IV вв. до н.э.); Ур – урартские свидетельства (VIII–VI вв. до н.э.; основания урартских городов, таких, как Кармир блур, Эребуни и т.п., не включены.); НАР – Нахичеванская автономная республика.

* Приводятся только самые важные ссылки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аджян А.А., Гюзальян Л.Т., Пиотровский Б.Б. Циклопические крепости Закавказья // Сообщения ГАИМК. 1931/1932. № 1/2. С. 61–64.

Бахшалиев В.Б. Археологические раскопки на поселении Огланкала // РА. 1994. № 3. С. 106–120.

Есаян С.А. Ереван. Археологический очерк. Ереван: Айастан, 1969. 192 с.

Есаян С.А. Древняя культура племен северо-восточной Армении. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1976. 271 с.

Есаян С.А., Калантарян А.А. Ошакан I. Основные результаты раскопок 1971–1983 гг. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1988. 127 с.

Ивановский А.А. По Закавказью. Москва: Тип. А.И. Мамонтова и К., 1911 (Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества; вып. 6). 220 с.

Двин. IV: Город Двин и его раскопки (1981–1985 гг.) / Ред. А.А. Калантарян. Ереван: Гитутюн, 2008. 244 с.

Карапетян Л.Л. Раскопки Кармирбердской (Тазакендской) крепости // СА. 1972. № 2. С. 164–170.

Кушнарева К.Х. Тазакендский могильник в Армении // СА. 1960. № 1. С. 137–147.

Массон В.М. Кавказский путь к цивилизации: вопросы социокультурной интерпретации // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 124–133.

Мещанинов И.М. Циклопические сооружения Закавказья. Л.: Соцэкгиз, 1932 (Известия ГАИМК; № 13, вып. 4–7). 106 с.

Микаелян Г.А. Циклопические крепости Севанского бассейна. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1968. 184 с.

Нариманов И.Г. Находки баз колонн V–IV вв. до н.э. в Азербайджане // СА. 1960. № 4. С. 162–164.

Торосян Р.М., Хнкикян О.С., Петросян Л.А. Древний Ширакаван: (результаты раскопок 1977–1981 гг.). Ереван: НАН Республики Армения, 2002. 149 с.

Ханзадян Э.В., Мкртчян К.А., Парсамян Э.С. Мецамор. Исследование по данным раскопок 1965–1966 гг. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1973. 214 с.

Ханзадян Э.В. Элар–Дарани. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1979. 156 с.

Archaeology in the Borderlands, Investigations in Caucasia and Beyond / Eds A.T. Smith, K. Rubinson. Los Angeles: The Cotsen Institute of Archaeology Press, 2003. 280 p.

Archaeology of Armenia in Regional Context / Eds P. Avetisyan, A. Bobokhyan. Yerevan: Gitutyun, 2012. 235 p.

Austausch und Kulturkontakt im Südkaukasus und seinen angrenzenden Regionen in der Spätbronze-/Früheisenzeit / Eds A. Mehnert, G. Mehnert, S. Reinhold. Langenweißbach: Beier & Beran, 2012. 326 p.

Badalyan R.S., Avetisyan P.S. Bronze and Early Iron Age Archaeological Sites in Armenia. V. I: Mt. Aragats and its Surrounding Region. Oxford: BAR, 2007 (BAR International Series; 1697). 319 p.

Badalyan R.S., Smith A., Avetisyan P.S. The Emergence of Sociopolitical Complexity in Southern Caucasia: An Interim Report on the Research of Project ArAGATS // Archaeology in the Borderlands. Investigation in Caucasia and Beyond. Los Angeles: The Cotsen Institute of Archaeology Press, 2003. P. 144–166.

Biainili-Urartu. The Proceedings of the symposium held in Munich 12–14 October 2007 / Eds S. Kroll, C. Gruber, U. Hellwag, M. Roaf, P. Zimansky. Leuven: Peters, 2012. 528 p.

Biscione R. The Iron Age settlement pattern: Pre-Urartian and Urartian periods // The North-Eastern Frontier. Urartians and non-Urartians in the Sevan Lake Basin. V. I: The Southern Shores. Rome: CNR-ICEVO, 2002. P. 351–370.

Biscione R. The Distribution of Pre- and Protohistoric Hill-Forts in Iran // SMEA. 2009. № 51. P. 123–144.

Biscione R., Parmegiani N. Armenian-Italian archaeological expedition. Field season 2004 // SMEA. 2004. № 46/2. P. 284–295.

Botta P.E., Flandin E. Monument de Ninive. Architecture et sculpture. T.I. Paris: Imprimiere Nationale, 1849. 360 p.

Calmeyer P. Zu den Eisen-Lanzenspitzen und der “Lanze des Haldi” // Bastam. Ausgrabungen in der Urartäischen Anlagen 1972–1975. Berlin: Mann, 1979. S. 183–193.

Castelluccia M., Dan R., La Farina R., Petrosyan A., Raccidi M. The First Season of the Kotayk Survey Project: Preliminary Report // AJNES. 2012. V. VII. Iss. 2. P. 28–35.

Castelluccia M. The Evolution of the Archaeological Landscape of the Armenian Highland during the Iron Age // Ancient Civilization from Scythia to Siberia. 2015. V. 21. Iss. 2. P. 302–368.

Grayson A.K. Royal Inscriptions of Mesopotamia, Assyrian Periods. V. 1: Assyrian rulers of the third and second millennia BC (to 1115 BC). Toronto: University of Toronto Press, 1987. 355 p.

Kohl P.L., Kroll S. Notes on the Fall of Horom // IA. 1999. № 34. P. 243–259.

Kleiss W. Darstellungen Urartäischer Architektur // AMIT. 1982. № 15. S. 53–77.

Kroll S. Southern Armenia Survey (Syunik), 2000–2003 // AJNES. 2006. № 1. P. 19–49.

Heinsch S., Kuntner W., Avetisyan H. The Iron Age Fortress of Aramus, Armenia: Archaeological Evidence of the East and North Forts // Archaeology of Armenia in Regional Context. Yerevan: Gitutyun, 2012. P. 133–147.

Melkonyan H., Karapetyan I., Yengibaryan N. The Excavations of the Newly Found Urartian Fortress in Getap // AJNES. 2010. V. 5. Iss. 2. P. 90–98.

Nagel W., Strommenger E. Kalakent. Früheisenzeitliche Grabfunde aus dem Transkaukasischen Gebiet von Kirovabad/Jelisavetopol. Berlin: Volker Spiess, 1985. 192 p.

Narimanishvili G. Archaeological Investigations in Trialeti // Archaeology of Armenia in Regional Context. Yerevan: Gitutyun, 2012. P. 88–105.

Narimanišvili G., Šanšašvili N. Zu den zyklopischen Siedlungen in Trialeti // Georgica. 2001. № 24. S. 5–35.

Parker B.J., Ristvet L., Bahşaliev V., Aşurov S., Headman A. In the shadow of Ararat. Intensive surveys in the Araxes river region, Naxçivan, Azerbaijan // Anatolica. 2011. № 37. P. 187–200.

Petrosyan A., Dan R., La Farina R., Raccidi M., Castelluccia M., Gasparyan B., Babajanyan A. The Kotayk Survey Project (KSP): Preliminary Report on 2014 Fieldwork Activity // AJNES. 2015. V. IX. Iss. 1. P. 58–68.

Pons N. Les fouilles d'Akhtamir, Arménie (Fer Ancien): Aperçu des travaux de la Mission Belgo-Arménienne (1993–1996) // Akkadica. 2001. № 122. P. 27–54.

Ristvet L., Bahşaliev V., Ashurov S. Settlement and Society in Naxçıvan 2006. Excavations and Survey of the Naxçıvan Archaeological Project // IA. 2011. № 46. P. 1–53.

Ristvet L., Gopnik H., Bakhshaliyev V., Lau H., Ashurov S., Bryant R. On the Edge of Empire: 2008 and 2009 Excavations at Oğlanqala, Azerbaijan // AJA. 2012. V. 116. № 2. P. 321–362.

Salvini M. Nairi e Ur(u)atri: Contributo alla Storia della Formazione del Regno di Urartu. Roma: Edizioni dell'Ateneo, 1967. 106 p.

Salvini M. "Nairi" // Reallexicon der Assyriologie. 1998. № 9. P. 87–91.

Salvini M. Corpus dei testi urartei. Le iscrizioni su pietra e roccia. V. I: Texte. Rome: Istituto di studi sulle civiltà dell'Egeo e del Vicino Oriente, 2008. 653 p.

Sanamyan H. Architectural structure, defensive systems and building techniques of the fortifications // The North-Eastern Frontier. Urartians and non-Urartians in the Sevan Lake Basin. V. I: The Southern Shores. Rome: CNR-ICEVO, 2002. P. 325–350.

Schachner A., Bahşaliyev V. Das Kammergrab von Yurdçu/Naxçivan. Ein beitrag zur Archäologie der früheisenzeit Transkaukasiens und Ostanatoliens // SMEA. 2001. № 43/1. S. 5–23.

Shanshashvili N., Narimanishvili G. Late Bronze/Early Iron Age Sites in Trialeti – External relations and cultural contacts // Austausch und Kulturkontakt im Südkaukasus und seinen angrenzenden Regionen in der Spätbronze-/Früheisenzeit. Langenweißbach: Beier & Beran, 2012. S. 175–194.

Smith A.T. The Making of an Urartian landscape in Southern Transcaucasia: a study of political architectonics // AJA. 1999. V. 103. № 1. P. 45–71.

Smith A.T. The prehistory of an Urartian landscape // Biainili-Urartu: The Proceedings of the symposium held in Munich 12–14 October 2007. Leuven: Peeters, 2012. P. 39–52.

Smith A.T., Kafadarian K. New Plans of Early Iron Age and Urartian Fortresses in Armenia: A Preliminary Report on the Ancient Landscapes Project // Iran. 1996. V. 34. P. 23–37.

Smith A.T., Leon J.F. Divination and sovereignty: the Late Bronze Age shrines at Gegharot, Armenia // AJA. 2014. V. 118. № 4. P. 549–563.

The Archaeology and Geography of Ancient Transcaucasian Societies. V. I: The Foundations of Research and Regional Survey in the Tsaghkahovit Plain, Armenia / Eds A.T. Smith, R.S. Badaljan, P. Avetisyan. Chicago: OIP, 2009. 410 p.

The North-Eastern Frontier. Urartians and non-Urartians in the Sevan Lake Basin. V. I: The Southern Shores / Eds R. Biscione, S. Hmayakyan, N. Parmegiani. Rome: CNR-ICEVO, 2002. 474 p.

Xnkikyan O. Syunik During the Bronze and Iron Ages. Barrington: Mayreni Publishing, 2002. 266 p.

IRON AGE FORTRESSES IN TRANSCAUCASIA

Manuel Castelluccia

ISMEO, Roma, Italy (manuel.castelluccia@gmail.com)

The territory between the upper reaches of the Euphrates, the Taurus mountains and Lake Urmia, which, starting from the 9th century BC, saw the emergence of the Urartian kingdom, is indeed a mosaic of regional powers. New investigations and research methods have significantly added a new perspective of our knowledge of the cultural landscape of ancient Transcaucasia. One of the most important links that connects the Urartian period to earlier ones is fortresses. Towards the end of the Late Bronze Age (15th – 13th cc. BCE) in the Armenian Highland and in adjoining regions the structure of society was rapidly becoming more complex, with the "military component" gaining crucial importance. So-called cyclopean fortresses begin to appear in strategically important places, usually on elevations and rocky mountain slopes. The criteria for creating a topology of the fortified settlements are the perimeter of the walls and the purpose of the edifice (Biscione, 2002). On the basis of these parameters Cyclopean fortified settlements can be divided into three main types: watchtowers, forts and fortresses proper. The strategic role of these structures could have been "active" (control over economic resources) or passive (place of refuge). Even though we have testimony of a well-developed network of fortified settlements, it is often impossible to identify, for instance, the centers from which subordinate fortresses could have been controlled. The gradual militarization of society, as reflected in the creation of a network of fortresses, is also illustrated by other types of archaeological data. This process of militarization was connected with the peculiar evolution of the cultures of the highlands.

Keywords: Transcaucasia, Armenian Highland, Urartu, Early Iron Age, Late Bronze Age, Cyclopean fortress, militarization.

REFERENCES

Adzhyan A.A., Gyuzal'yan L.T., Piotrovskiy B.B., 1931/1932. Cyclopean fortresses of the Transcaucasia. *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury [Bulletin of the State Academy of the History of Material Culture]*, 1/2, pp. 61–64. (In Russ.)

Archaeology in the Borderlands, Investigations in Caucasia and Beyond. A.T. Smith, K. Rubinson, eds. Los Angeles: The Cotsen Institute of Archaeology Press, 2003. 280 p.

Archaeology of Armenia in Regional Context. P. Avetisyan, A. Bobokhyan, eds. Yerevan: Gitutyun, 2012. 235 p.

Austausch und Kulturkontakt im Südkaukasus und seinen angrenzenden Regionen in der Spätbronze-/Früheisenzeit. A. Mehnert, G. Mehnert, S. Reinhold, eds. Langenweißbach: Beier & Beran, 2012. 326 p.

Badalyan R.S., Avetisyan P.S., 2007. Bronze and Early Iron Age Archaeological Sites in Armenia, I. Mt. Aragats and its Surrounding Region. Oxford: BAR. 319 p. (BAR International Series, 1697).

Badalyan R.S., Smith A., Avetisyan P.S., 2003. The Emergence of Sociopolitical Complexity in Southern Caucasia: An Interim Report on the Research of Project ArAGATS. *Archaeology in the Borderlands, Investigation in Caucasia and Beyond*. Los Angeles: The Cotsen Institute of Archaeology Press, pp. 144–166.

Bakhshaliev V.B., 1994. Archaeological excavations at Oğlanqala settlement. *Ross. Arkheol*, 3, pp. 106–120. (In Russ.)

Biainili-Urartu. The Proceedings of the symposium held in Munich 12–14 October 2007. S. Kroll, C. Gruber, U. Hellwag, M. Roaf, P. Zimansky, eds. Leuven: Peters, 2012. 528 p.

Biscione R., 2002. The Iron Age settlement pattern: Pre-Urartian and Urartian periods. *The North-Eastern Frontier. Urartians and non-Urartians in the Sevan Lake Basin, I. The Southern Shores*. Rome: Istituto di studi sulle civiltà dell'Egeo e del Vicino Oriente del Consiglio Nazionale delle Ricerche, pp. 351–370.

Biscione R., 2009. The Distribution of Pre- and Protohistoric Hill-Forts in Iran. *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*, 51, pp. 123–144.

Biscione R., Parmegiani N., 2004. Armenian-Italian archaeological expedition. Field season 2004. *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*, 46/2, pp. 284–295.

Botta P.E., Flandin E., 1849. Monument de Ninive. Architecture et sculpture. T.I. Paris: Imprimiere Nationale. 360 p.

*Calmeyer P.,*1979. Zu den Eisen-Lanzenspitzen und der "Lanze des Haldi" // Bastam. Ausgrabungen in der Urart ischen Anlagen 1972–1975. Berlin: Mann. S. 183–193.

Castelluccia M., 2015. The Evolution of the Archaeological Landscape of the Armenian Highland during the Iron Age. *Ancient Civilization from Scythia to Siberia*, vol. 21, iss. 2. P. 302–368.

Castelluccia M., Dan R., La Farina R., Petrosyan A., Raccidi M., 2012. The First Season of the Kotayk Survey Project: Preliminary Report. *Armenian Journal of Near Eastern Studies*, vol. VII, iss. 2, pp. 28–35.

Dvin, IV. Gorod Dvin i ego raskopki (1981–1985 gg.) [Dvin. IV: Dvin city and its excavations (1981–1985)]. A.A. Kalantaryan, ed. Erevan: Gitutyun, 2008. 244 p.

Esayan S.A., 1969. Erevan. Arkheologicheskiy ocherk [Yerevan. An archaeological essay]. Erevan: Ayastan. 192 p.

Esayan S.A., 1976. Drevnyaya kul'tura plemen severo-vostochnoy Armenii [Ancient culture of the tribes of northeast Armenia]. Erevan: Izdatel'stvo AN Armyanskoy SSR. 271 p.

Esayan S.A., Kalantaryan A.A., 1988. Oshakan I. Osnovnye rezul'taty raskopok 1971–1983 gg. [Oshakan I. Main results of the 1971–1983 excavations]. Erevan: Izdatel'stvo AN Armyanskoy SSR. 127 p.

Grayson A.K., 1987. Royal Inscriptions of Mesopotamia, Assyrian Periods, 1. Assyrian rulers of the third and second millennia BC (to 1115 BC). Toronto: University of Toronto Press. 355 p.

Heinsch S., Kuntner W., Avetisyan H., 2012. The Iron Age Fortress of Aramus, Armenia: Archaeological Evidence of the East and North Forts. *Archaeology of Armenia in Regional Context*. Yerevan: Gitutyun, pp. 133–147.

Ivanovskiy A.A., 1911. Po Zakavkaz'yu [In the Transcaucasia]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i K. 220 p. (Materialy po arkheologii Kavkaza, sobrannye ekspeditsiyami Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva, 6).

Karapetyan L.L., 1972. Excavations at Karmir-Berd (Tazakend) fortress. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 2, pp. 164–170. (In Russ.)

Khanzadyan E.V., 1979. Elar–Darani [Elar–Darani]. Erevan: Izdatel'stvo AN Armyanskoy SSR. 156 p.

Khanzadyan E.V., Mkrtchyan K.A., Parsamyan E.S., 1973. Metsamor. Issledovanie po dannym raskopok 1965–1966 gg. [Metsamor. A study based on the data from the 1965–1966 excavations]. Erevan: Izdatel'stvo AN Armyanskoy SSR. 214 p.

Kleiss W., 1982. Darstellungen Urartäischer Architektur. Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan, 15, pp. 53–77.

Kohl P.L., Kroll S., 1999. Notes on the Fall of Horom. *Iranica Antiqua*, 34. P. 243–259.

Kroll S., 2006. Southern Armenia Survey (Syunik), 2000–2003. *Armenian Journal of Near Eastern Studies*, 1, pp. 19–49.

Kushnareva K. Kh., 1960. Tazakend cemetery in Armenia. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 1, pp. 137–147. (In Russ.)

Masson V.M., 1997. The Caucasian way to civilization: questions of sociocultural interpretation. *Drevnie obshchestva Kavkaza v epokhu paleometalla (rannie kompleksnye obshchestva i voprosy kul'turnoy transformatsii) [Ancient societies*

of the Caucasus in the paleometal period (early complex societies and questions of cultural transformation)]. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 124–133. (In Russ.)

Melkonyan H., Karapetyan I., Yengibaryan N., 2010. The Excavations of the Newly Found Urartian Fortress in Getap. *Armenian Journal of Near Eastern Studies*, vol. 5, iss. 2, pp. 90–98.

Meshchaninov I.M., 1932. Tsiklopicheskie sooruzheniya Zakavkaz'ya [Cyclopean buildings of Transcaucasia]. Leningrad: Sotsekgiz. 106 p. (Izvestiya GAIMK, no. 13, iss. 4–7).

Mikaelyan G.A., 1968. Tsiklopicheskie kreposti Sevanskogo basseyna [Cyclopean fortresses of the Sevan basin]. Erevan: Izdatel'stvo AN SSR. 184 p.

Nagel W., Strommenger E., 1985. Kalakent. Früheisenzeitliche Grabfunde aus dem Transkaukasischen Gebiet von Kirovabad/Jelisavetopol. Berlin: Volker Spiess. 192 p.

Narimanishvili G., 2012. Archaeological Investigations in Trialeti. *Archaeology of Armenia in Regional Context*. Yerevan: Gitutyun, pp. 88–105.

Narimanišvili G., šanšašvili N., 2001. Zu den zyklopischen Siedlungen in Trialeti. *Georgica*, 24, pp. 5–35.

Narimanov I.G., 1960. Finds of column bases of the 5th – 4th cc. BC in Azerbaijan. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 4, pp. 162–164. (In Russ.)

Parker B.J., Ristvet L., Bahşaliev V., Aşurov S., Headman A., 2011. In the shadow of Ararat. Intensive surveys in the Araxes river region, Naxçivan, Azerbaijan. *Anatolica*, 37, pp. 187–200.

Petrosyan A., Dan R., La Farina R., Raccidi M., Castelluccia M., Gasparyan B., Babajanyan A., 2015. The Kotayk Survey Project (KSP): Preliminary Report on 2014 Fieldwork Activity. *Armenian Journal of Near Eastern Studies*, vol. IX, iss. 1, pp. 58–68.

Pons N., 2001. Les fouilles d'Akhtamir, Arménie (Fer Ancien): Aperçu des travaux de la Mission Belgo-Arménienne (1993–1996). *Akkadica*, 122, pp. 27–54.

Ristvet L., Bahşaliev V., Ashurov S., 2011. Settlement and Society in Naxçıvan 2006. Excavations and Survey of the Naxçıvan Archaeological Project. *Iranica Antiqua*, 46, pp. 1–53.

Ristvet L., Gopnik H., Bakhshaliyev V., Lau H., Ashurov S., Bryant R., 2012. On the Edge of Empire: 2008 and 2009 Excavations at Oğlanqala, Azerbaijan. *AJA*, vol. 116, no. 2, pp. 321–362.

Salvini M., 1967. Nairi e Ur(u)atri: Contributo alla Storia della Formazione del Regno di Urartu. Roma: Edizioni dell'Ateneo. 106 p.

Salvini M., 2008. Corpus dei testi urartei. Le iscrizioni su pietra e roccia, I. Texte. Rome: Istituto di studi sulle civiltà dell'Egeo e del Vicino Oriente. 653 p.

Salvini M., 1998. "Nairi". *Reallexicon der Assyriologie*, 9, pp. 87–91.

Sanamyan H., 2002. Architectural structure, defensive systems and building techniques of the fortifications. *The North-Eastern Frontier. Urartians and non-Urartians in the Sevan Lake Basin, I. The Southern Shores*. Rome: Istituto di studi sulle civiltà dell'Egeo e del Vicino Oriente del Consiglio Nazionale delle Ricerche, pp. 325–350.

Schachner A., Bahşaliyev V., 2001. Das Kammergrab von Yurdçu/Naxçivan. Ein beitrag zur Archäologie der früheisenzeit Transkaukasiens und Ostanatoliens. *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*, 43/1, pp. 5–23.

Shanshashvili N., Narimanishvili G., 2012. Late Bronze/Early Iron Age Sites in Trialeti – External relations and cultural contacts. *Austausch und Kulturkontakt im Südkaukasus und seinen angrenzenden Regionen in der Spätbronze-/Früheisenzeit*. Langenweißbach: Beier & Beran, pp. 175–194.

Smith A.T., 1999. The Making of an Urartian landscape in Southern Transcaucasia: a study of political architectonics. *AJA*, vol. 103, no. 1, pp. 45–71.

Smith A.T., 2012. The prehistory of an Urartian landscape. *Biainili-Urartu: The Proceedings of the symposium held in Munich 12–14 October 2007*. Leuven: Peeters, pp. 39–52.

Smith A.T., Kafadarian K., 1996. New Plans of Early Iron Age and Urartian Fortresses in Armenia: A Preliminary Report on the Ancient Landscapes Project. *Iran*, 34, pp. 23–37.

Smith A.T., Leon J.F., 2014. Divination and sovereignty: the Late Bronze Age shrines at Gegharot, Armenia. *AJA*, vol. 118, no. 4, pp. 549–563.

The Archaeology and Geography of Ancient Transcaucasian Societies, I. The Foundations of Research and Regional Survey in the Tsaghkahovit Plain, Armenia. A.T. Smith, R.S. Badaljan, P. Avetisyan, eds. Chicago: Oriental Institute Publications, 2009. 410 p.

The North-Eastern Frontier. Urartians and non-Urartians in the Sevan Lake Basin, I. The Southern Shores. R. Biscione, S. Hmayakyan, N. Parmegiani, eds. Rome: Istituto di studi sulle civiltà dell'Egeo e del Vicino Oriente del Consiglio Nazionale delle Ricerche, 2002. 474 p.

Torosyan R.M., Khnkikyan O.S., Petrosyan L.A., 2002. Drevniy Shirakavan: (rezul'taty raskopok 1977–1981 gg.) [Ancient Shirakavan (results of the 1977–1981 excavations)]. Erevan: Natsional'naya akademiya nauk Respubliki Armeniya. 149 p.

Xnkikyan O., 2002. Syunik During the Bronze and Iron Ages. Barrington: Mayreni Publishing. 266 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2018, № 2, с. 68–82

ПАЛЕОЛАНДШАФТЫ ОКРУГИ ЩУРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА в I тыс. н.э. (данные спорово-пыльцевого анализа культурного слоя)

© 2018 г. А. А. Трошина[1,*], А. С. Сыроватко[1,]**

[1] Муниципальное бюджетное учреждение "Коломенский археологический центр", Россия
**E-mail: alla-troshina89@rambler.ru*
***E-mail: arxeolog-net@rambler.ru*

Поступила в редакцию 14.03.2016 г.

В статье представлены результаты спорово-пыльцевого анализа культурного слоя Щуровского могильника, позволяющие дать характеристику ландшафтов, сформировавшихся вокруг памятника в течение I тыс. н.э.; проследить динамику увлажненности и влияние климата и человека на ландшафты. Согласно представленным данным, можно заключить, что I тыс. н.э. на Оке характеризуется теплым и влажным климатом, благоприятствовавшим произрастанию широколиственных лесов. В VIII в. отмечено похолодание климата, совпавшее с запустением памятника.

Ключевые слова: палинология, палеоландшафты, "Темные века", дьяковская культура, Великое переселение народов, салтовская культура, эпоха викингов.

DOI: 10.7868/S086960631802006X

Памятник, известный в литературе как Щуровский могильник или Щуровское селище, представляет собой сложный археологический комплекс, состоящий из нескольких объектов, некоторые из которых были открыты совсем недавно. Он расположен на юго-востоке Московской обл., на окраине г. Коломна.

В середине 1980-х годов Р.Л. Розенфельдт обнаружил позднедьяковское селище на вытянутом холме вдоль узкой поймы р. Ока, останце первой террасы (1986). На этом холме позднее были открыты два могильника – "домики мертвых", содержащие кремационные погребения третьей четверти I тыс. н.э., и грунтовые кремации VIII–IX вв., и именно это место долгие годы являлось синонимом терминов "Щуровское селище" и "Щуровский могильник". Однако раскопки последних лет существенно усложнили общую картину: были обнаружены новые участки с культурным слоем разного времени и на разных ярусах относительно уровня реки (Сыроватко и др., 2016).

Поскольку комплекс Щуровских селищ и могильников включает в себя отложения всего I тыс. н.э., это дает возможность изучить историю локальных фитоценозов, примыкающих к территории могильника, на протяжении длительного времени. Кроме того, на археологическом памятнике также можно проследить степень антропогенного воздействия на среду в его округе. Объектом настоящего исследования стал культурный слой и содержащиеся в нем микробиоморфы, главным образом, пыльца и споры растений.

В физико-географическом отношении изучаемая территория находится в центре Русской равнины. Главное отличие исследуемого района – его пограничное положение: он расположен на границе трех физико-географических провинций – Москворецко-Окской, Мещерской и Заокской (Анненская и др., 1997. С. 26–30), имеющих свою историю и отличающихся климатом, характером почвенного и растительного покровов. Важную роль в формировании растительного покрова указанных провинций сыграл не только климат, но и довольно разнообразная литогенная основа.

Пограничное положение этой территории весьма выгодно с точки зрения изучения климатических и связанных с ними ландшафтных изменений, поскольку в такой обстановке растительность чутко реагирует на изменения температуры и влажности.

В геоботаническом отношении изучаемая территория располагается в подзоне широколиственных лесов, отличаясь от более северных отсутствием либо незначительной ролью ели. Почвы здесь, главным образом, серые лесные, что благоприятствует произрастанию широколиственных пород.

Особый интерес представляет также наличие на данной территории ботанического феномена, получившего название "Окская флора". Это

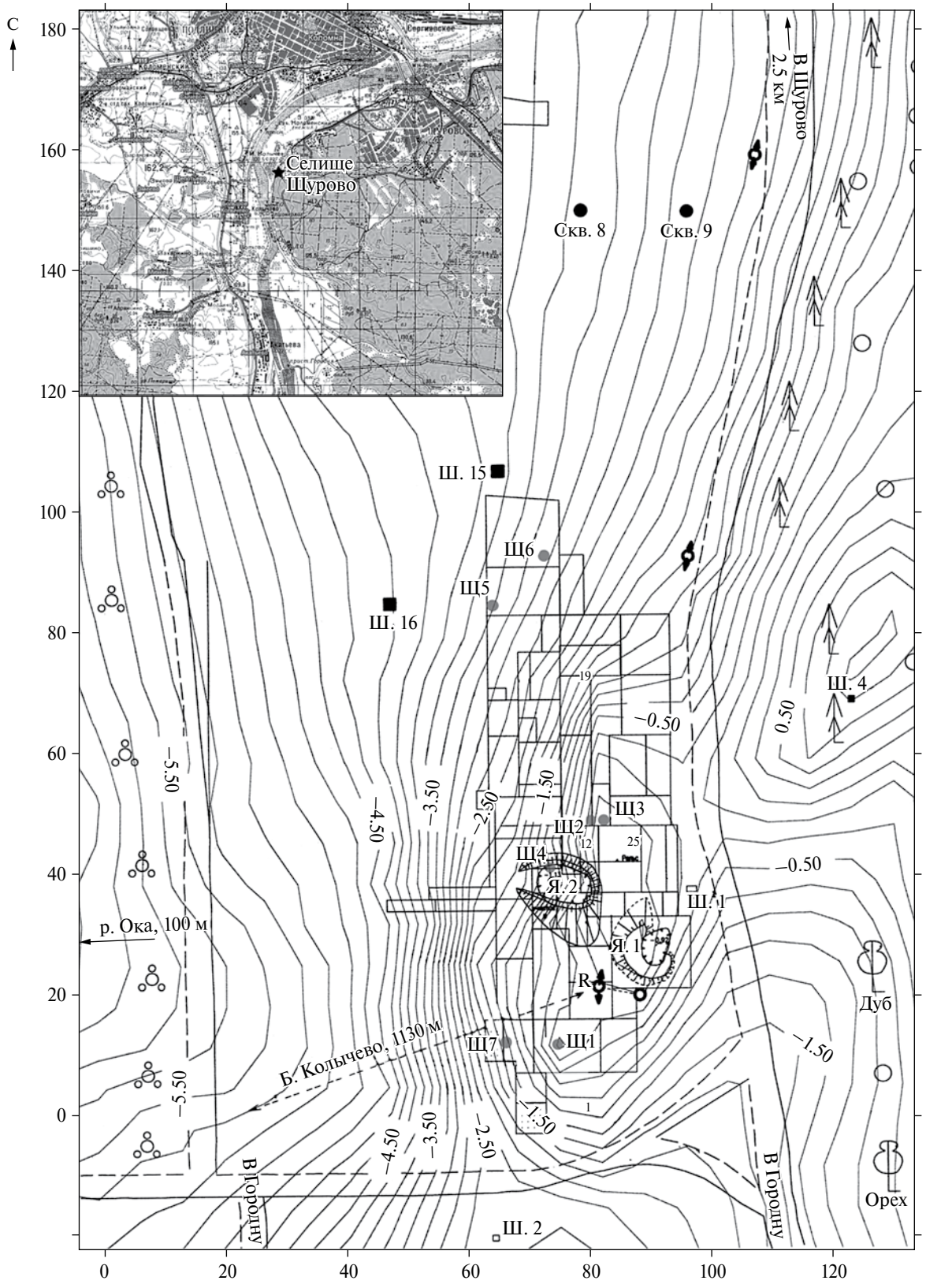


Рис. 1. Топографический план памятника с нанесенными раскопами и разрезами. Условные обозначения: Щ1–Щ7 – разрезы, включающие отложения разных периодов в разных комбинациях; R – условный “0” для памятника – мачта ЛЭП.

Fig. 1. Topographic plan of the site with excavations and cuts

остепненные участки растительности на выходе известняков преимущественно по левому берегу Оки. Ботаники по-разному объясняют явление попадания степных колоний в лесную зону. В.В. Алехин считал, что "...это скопление степняков поддерживается особо благоприятными топографическими почвенными условиями, но в основе степняки являются остатками прежних доисторических степей, подходящих сюда с юга" (1947. С. 40). Другая группа геоботаников полагает, что эти растения занесены сюда водным путем из более южных степей Среднерусской возвышенности. Есть также версия, что это следы пребывания обозов монголо-татарской конницы.

Интересно, что участки Окской флоры совпадают с территорией могильников с кремациями. Участок поймы у с. Лужки, где также располагается один из могильников с кремациями Лужки Е, считается классическим примером остепненной территории с богатейшим собранием степных элементов флоры[1].

Методика. Основанием для реконструкции культурных ландшафтов в данной работе послужили результаты спорово-пыльцевого анализа. Специфика работы с разрезами на археологических памятниках заключается в том, что получаемые реконструкции носят локальный характер и связаны с фитоценозами, непосредственно прилегающими к месту отбора образцов. Для того чтобы избежать возможных ошибок при трактовке данных спорово-пыльцевого анализа, изучалась серия разрезов с разных участков памятника. На Щуровском могильнике было изучено семь разрезов, включающих отложения разных периодов в разных комбинациях (рис. 1). Это дало возможность сопоставить их между собой и выстроить последовательность ландшафтных изменений вокруг памятника в течение I тыс. н.э. Химическая обработка образцов велась с применением традиционного сепарационного метода В.П. Гричука, предполагающего использование тяжелой жидкости (с применением раствора йодистого кадмия и йодистого калия) для отделения пыльцы от породы (Чернова, 2004. С. 39, 40). Для построения диаграмм использовались программы *Flora*, *Tilia-GRAPH*, а также *Excel*. При подсчете во всех диаграммах за 100% принималась сумма всей подсчитанной пыльцы и спор.

Поиск разрезов для палинологического изучения продолжался несколько лет. Задача была непростой, поскольку уже первые годы раскопок на памятнике показали, что единой колонки отобрать не получится: слой представлял собой множество разновозрастных линз и объектов, как правило, не накладывавшихся друг на друга. Вместе с тем, со временем стало понятно, что результаты палинологических исследований отдельных объектов с датированными слоями могут быть сопоставлены между собой.

Хронология объектов исследования. Для Щуровского комплекса памятников выделены два события, являющиеся хронологическими реперами для всех разрезов – сооружение домиков мертвых, возникших в конце VI – VII в., и существование могильника с грунтовыми кремациями в конце VIII – X в. Возраст этих могильников обоснован авторами в прошлых публикациях. Представление о возрасте домиков мертвых основано на радиоуглеродном датировании (Сыроватко, 2014. С. 50; Syrovatko et al., 2012. P. 777). Время функционирования грунтового могильника известно как по датировкам ^{14}C, так и по сопровождающему инвентарю – стеклянным бусам и пронизям, пуговицам, бубенчикам и украшениям салтовского типа (Сыроватко, 2014. С. 50–53). Между двумя могильниками, таким образом, возможен временной разрыв, приходящийся на VIII в. и выраженный в стратиграфии рвов домиков мертвых: слой грунтового могильника отложился в них, когда они почти заплыли. На всей площади памятника слой грунтового могильника хорошо выражен (рис. 2) – это черная углистая прослойка, в которой прослеживаются линзы кальцинированных костей и обожженных находок.

Характеристика изученных разрезов. Наиболее значимым для памятника стал разрез рва, окружавшего домик мертвых[2], заложенный в 2009 г. (Щ2/2009; рис. 1; 2). Благодаря ему удалось охарактеризовать период от момента сооружения объекта до времени возникновения грунтового могильника включительно. Особенностью отложений во рву является также высокая мощность углистого слоя грунтового могильника, поскольку этот слой попадал в полузаплывший ров и, судя по микропрослойкам чистого песка в углистой толще, отдельными порциями. Именно разрез Щ2/2009 наглядно демонстрирует, что после сооружения погребального объекта в течение какого-то периода, вплоть до возникновения грунтового могильника,

[1] Отчетливый "салтовский" след в поздних могильниках Щурово и Соколовой Пустыни обозначает еще одно, возможно, случайное совпадение. Именно этот участок р. Ока позднее, в Средневековье, становится коридором проникновения степняков в пределы Московской Руси, и именно на этом участке формируется понятие "Берега" и "Береговой службы", как границы со степью (Мазуров, 2001. С. 451–458).

[2] В полевой документации домики мертвых для простоты часто именовались курганами.

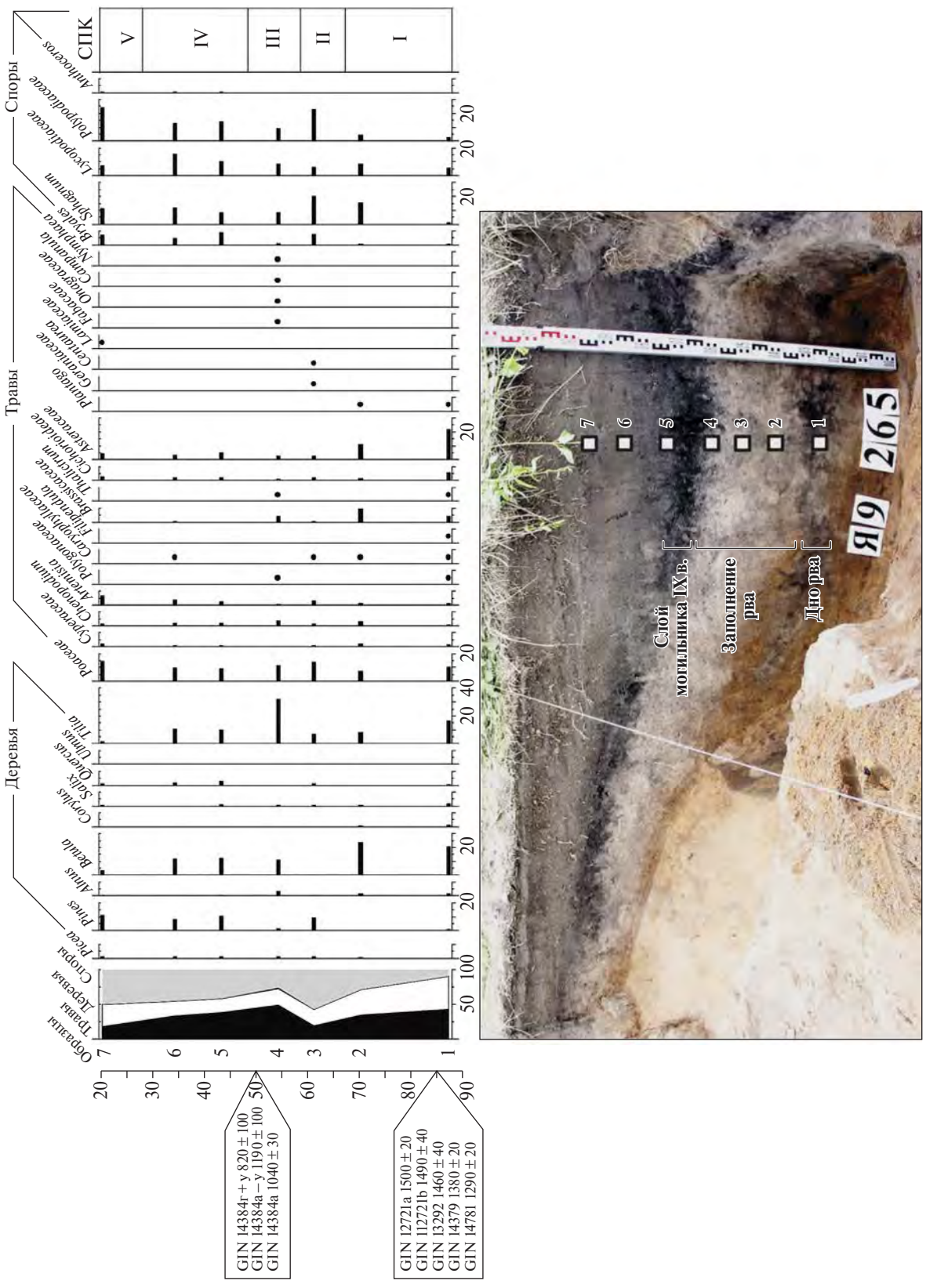


Рис. 2. Споро-пыльцевая диаграмма и фото разреза Щ2/2009. За 100% принята сумма всех подсчитанных таксонов.

Fig. 2. Spore-pollen diagram and picture of the cut Shch2/2009

ров оплывал естественным путем, длительность этого периода еще нуждается в уточнении.

Какие участки культурного слоя могут дать информацию о предшествующих периодах? Сразу отметим, что разрез из толщи домика мертвых 1 таких сведений не содержал[3] – пыльца и в слое, и в погребенной почве просто выгорела. Однако в непосредственной близости от домиков мертвых обнаружен участок культурного слоя, насыщенного керамикой позднедьяковского типа, на западном склоне холма. Это один из немногих сохранившихся участков слоя позднедьяковского селища (в большинстве случаев слой селища сильно поврежден при сооружении домиков мертвых), датировка которого возможна в широких пределах на основании керамического материала, соответствующего селищу. Возраст самого поселения может быть определен в пределах второй четверти – середины I тыс. н.э. на основании находок фибул черняховского типа и фибулы типа Пильвины, пластинчатых кресал с узкой полосой, железных двушипных черешковых стрел (Сыроватко и др., 2012. С. 119. Рис. 1, *2*). Разрез этого участка получил шифр Щ4/2011 (рис. 3).

Более надежной датой обладает другой разрез, также относящийся к периоду существования селища, – отложения в материковой яме 2 раскопа 7 (Щ7/2014). Это довольно крупный – около 3 × 4 м – объект глубиной до 0.9 м. В основании заполнения ямы найдена железная фибула (рис. 4) – двучленная прогнутая подвязная с вертикальной пластиной для оси и узкой ножкой, датирующаяся IV в. (Амброз, 1966. С. 61 и след. Табл. 11; Гавритухин, Воронцов, 2008). Керамический материал из ямы сходен с керамикой, происходящей из слоя селища. Для верхней части профиля была получена радиоуглеродная дата 1370 ± 30 (ГИН 15240). Надо отметить, что заполнение этой ямы содержит, по-видимому, самую дробную стратиграфию: если в пойме и на участке 1 раскопа 6 отложения середины-третьей четверти спрессованы, то здесь колонка из 10 образцов охватила около шести столетий, дав, таким образом, возможность подробно проследить динамику растительного покрова с IV по X в.

Доступными для исследования оказались образцы из культурного слоя второй четверти I тыс. н.э. Однако самым ранним следует считать единичный образец Щ6/2014, отобранный из-под развала сетчатого сосуда (рис. 5) на участке 14 раскопа 6 в пойменной части памятника. Сосуд имеет весьма характерную форму – с выделенной шейкой и отогнутым наружу венчиком, а также узнаваемый тип отпечатков – так называемую крупноячеистую рябчатую фактуру. На верхней и нижней площадках Щурово – это единственный тип сетчатой посуды. Керамика этого типа на основании радиоуглеродных дат и стратиграфических наблюдений на дьяковских городищах так называемой коломенской группы относится к первым векам нашей эры, вероятнее всего, – к II–III (Сыроватко, 2009. С. 122). Представляемый развал сосуда залегал в нижней части культурного слоя, почти на материке, керамика позднедьяковского типа располагалась выше.

Последний из публикуемых разрезов (Щ5/2013) происходит из пойменной части памятника, с нижней площадки (участок 12 раскопа VI, западная стенка кв. 404) (рис. 6). Культурный слой на этом участке имел следующую структуру: под аллювиальными отложениями поймы почти метровой мощности залегал хорошо читаемый темный слой грунтового могильника толщиной 8–9 см; под ним – коричневый культурный слой, содержащий керамику позднедьяковского времени мощностью 16–20 см. В нем можно выделить два горизонта: более темный над материком и более светлый верх. Керамика нижней площадки из этого слоя отличается от позднедьяковской керамики верхней площадки: для сосудов характерны высокие венчики, покатые плечики без уступов. Возраст керамики можно определить по сопутствующим находкам – фрагментам шумящих украшений, шляповидному бубенчику, пластинчатому кресалу с расширенной пластиной – эти находки указывают на более позднее время, чем предметы с верхней площадки, вероятнее всего, – на третью четверть I тыс. н.э. (рис. 6). Таким образом, культурный слой поселения на нижней площадке синхронен домикам мертвых на верхней площадке, а палинологические образцы из нижнего слоя могут характеризовать ландшафты вблизи памятника в этот период. Однако стоит отметить, что возраст нижней кромки антропогенных отложений на этом участке остается не до конца проясненным.

Изменения растительного покрова округи Щуровского могильника в I тыс. н.э. В результате обобщения всех материалов было выделено семь палинологических зон, каждая из которых объединяет близкие по составу спорово-пыльцевые спектры разных разрезов и отражает ландшафтную ситуацию в округе памятника в тот или иной период (таблица).

[3] Исследование разреза домика мертвых 1 стало первым опытом палинологических изысканий на памятнике (2001 г.). Разрез (Щ1/2001) оказался беден пыльцой и малоинформативен.

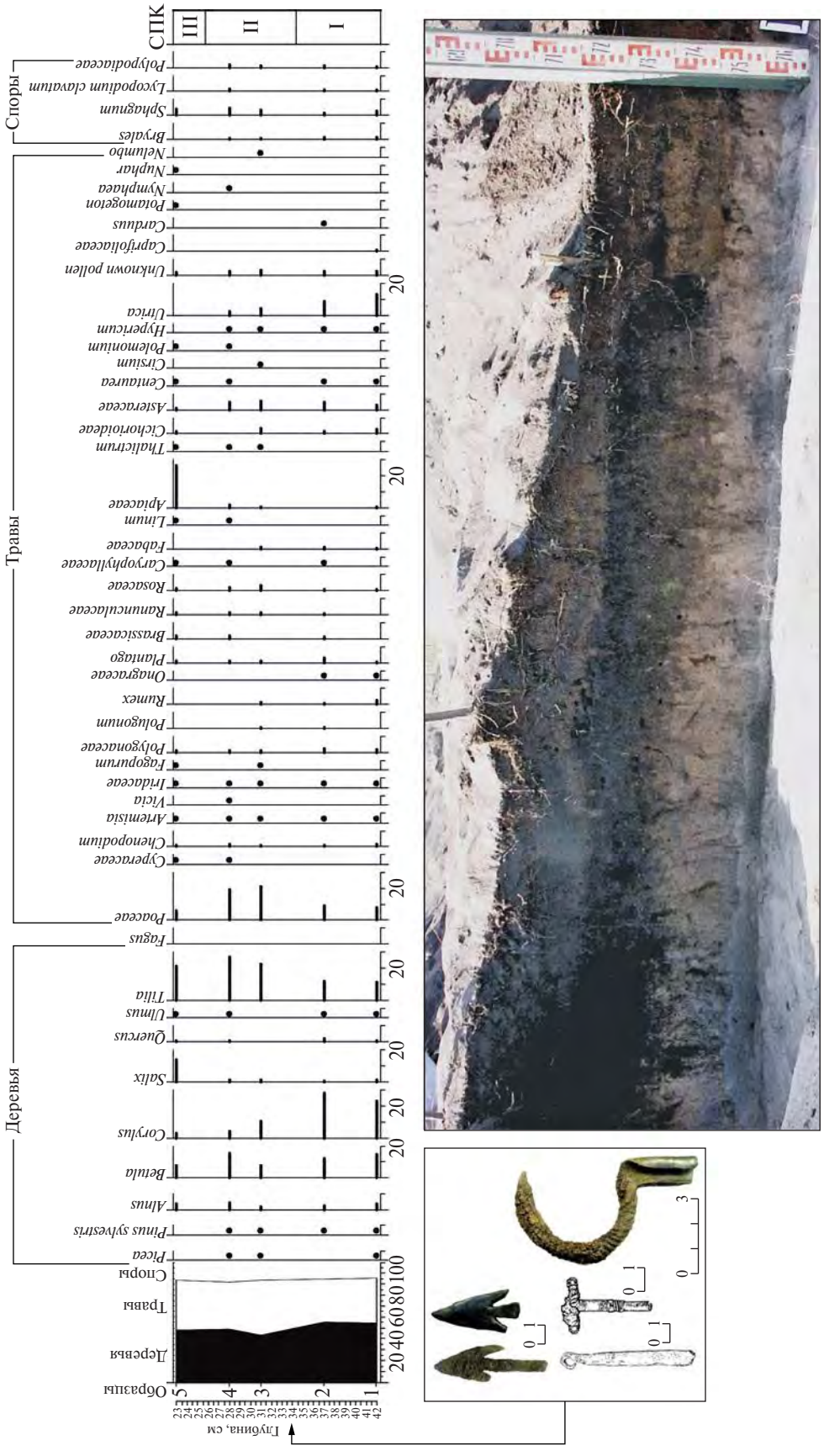


Рис. 3. Спорово-пыльцевая диаграмма и фото разреза Щ4/2011. Участие всех таксонов рассчитано от общей суммы пыльцы и спор.

Fig. 3. Spore-pollen diagram and picture of the cut Shch4/2011

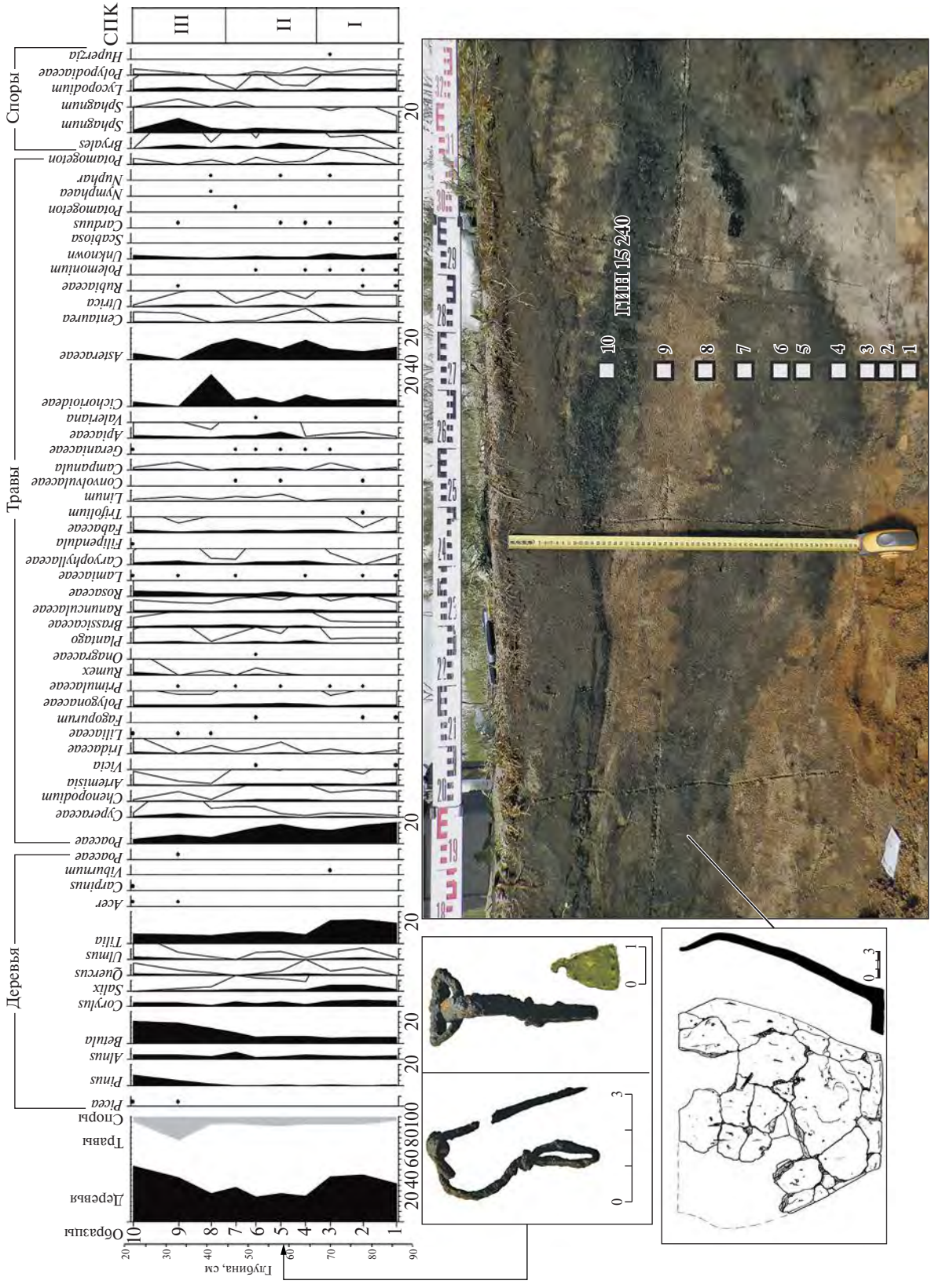


Рис. 4. Спорово-пыльцевая диаграмма и фото разреза Щ7/2014. Подсчет участия всех типов произведен от суммы всей подсчитанной пыльцы и спор.

Fig. 4. Spore-pollen diagram and picture of the cut Shch7/2014

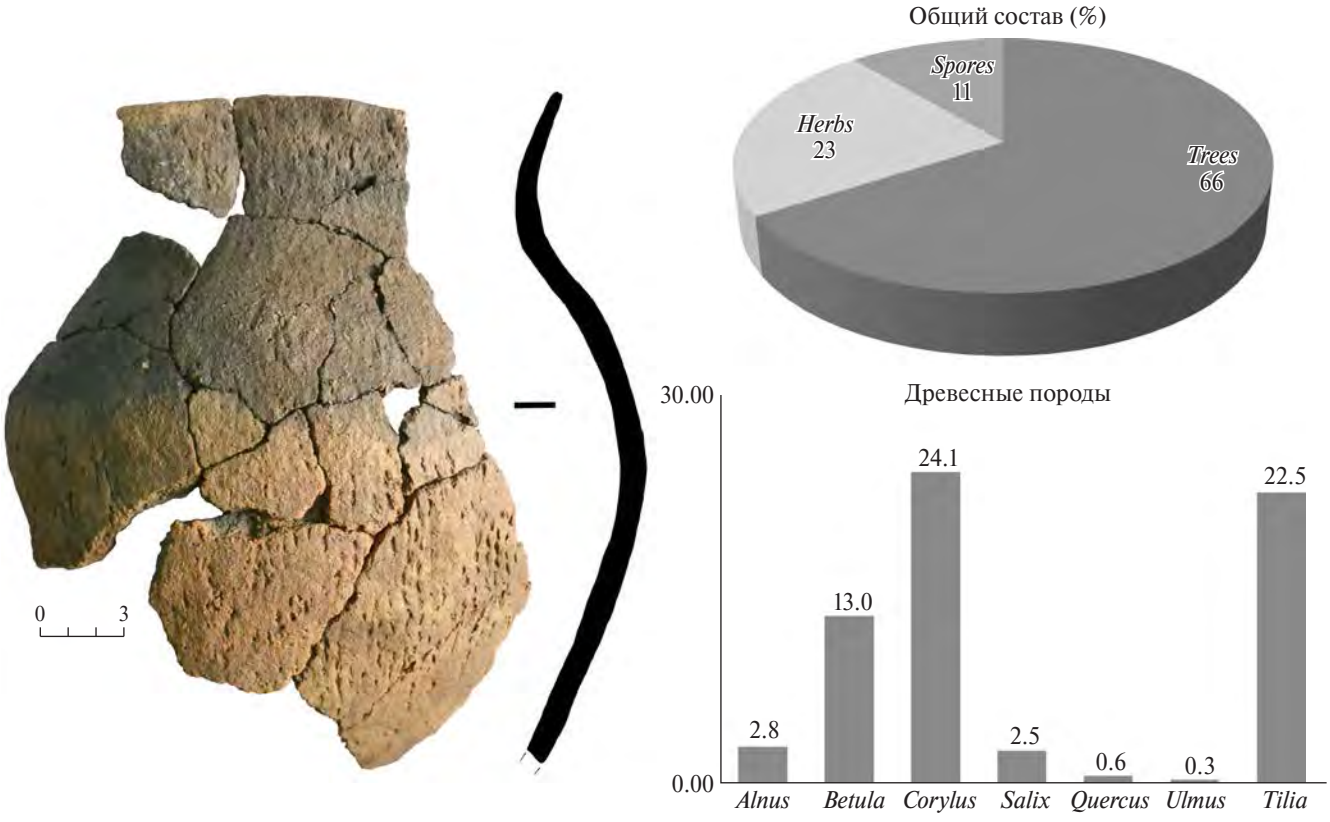


Рис. 5. Развал сетчатого сосуда и состав спорово-пыльцевого комплекса под ним. За 100% принята сумма всех подсчитанных таксонов.

Fig. 5. The pieces of the netlike vessel and the composition of the spore-pollen complex found under it

Палинологическая зона 1 (орешник, липа с березой, разнотравье) прослежена в разрезе Щ4/2011 (I спорово-пыльцевой комплекс (СПК); рис. 3) и в спорово-пыльцевом спектре образца из-под развала сетчатой керамики Щ6/2014. Эти слои датируются II–III вв.н.э. и связаны с финалом "классической" дьяковской культуры на памятнике[4]. I СПК разреза Щ4/2011 объединяет два нижних образца. Его состав указывает на полуоткрытые ландшафты, что связано, по всей видимости, с особенностями пойменной растительности. Высокая доля пыльцы орешника (*Corylus*) указывает на возможные вырубки, которые благоприятствовали произрастанию этого вида и способствовали его обильному пылению. С этим выводом согласуется невысокое для этого памятника количество пыльцы липы (*Tilia*). Что касается пика кривой пыльцы крапивы (*Urtica*), то его вполне возможно считать свидетельством присутствия человека, тем более что в данном спектре отмечается и пик кривой подорожника (*Plantago*). Небольшое количество споровых растений, а также отсутствие растений-акватиков свидетельствует о достаточно сухих локальных условиях. Данный спорово-пыльцевой комплекс имеет состав, схожий с материалами, полученными при исследовании образца под керамикой (Щ6/2014). В нем также доля пыльцы древесной растительности составляет около 60%, среди которой преобладает пыльца березы (*Betula*), орешника (*Corylus*) и липы (*Tilia*). Опираясь на стратиграфические наблюдения, анализ археологического материала и спорово-пыльцевых спектров, можно заключить, что данные комплексы сформировались в близкое время.

Палинологическая зона 2 (снижение участия древесных пород, уменьшение доли березы и орешника, увеличение количества широколиственных пород, пик злаков) нашла свое отражение в разрезах Щ4/2011 (СПК II), Щ5/2013 (СПК I) и Щ7/2014 (I СПК), где слои, соответствующие данным комплексам, датируются IV–V вв. н.э. и связаны с позднедьяковским селищем, которое располагалось тогда на останце террасы. Данная зона характеризуется увеличением уровня антропогенной нагрузки на ландшафты. На это указывает уменьшение доли

[4] В данном случае имеется в виду дьяковская культура как культура сетчатой керамики, которую авторы склонны отделять от позднедьяковской.

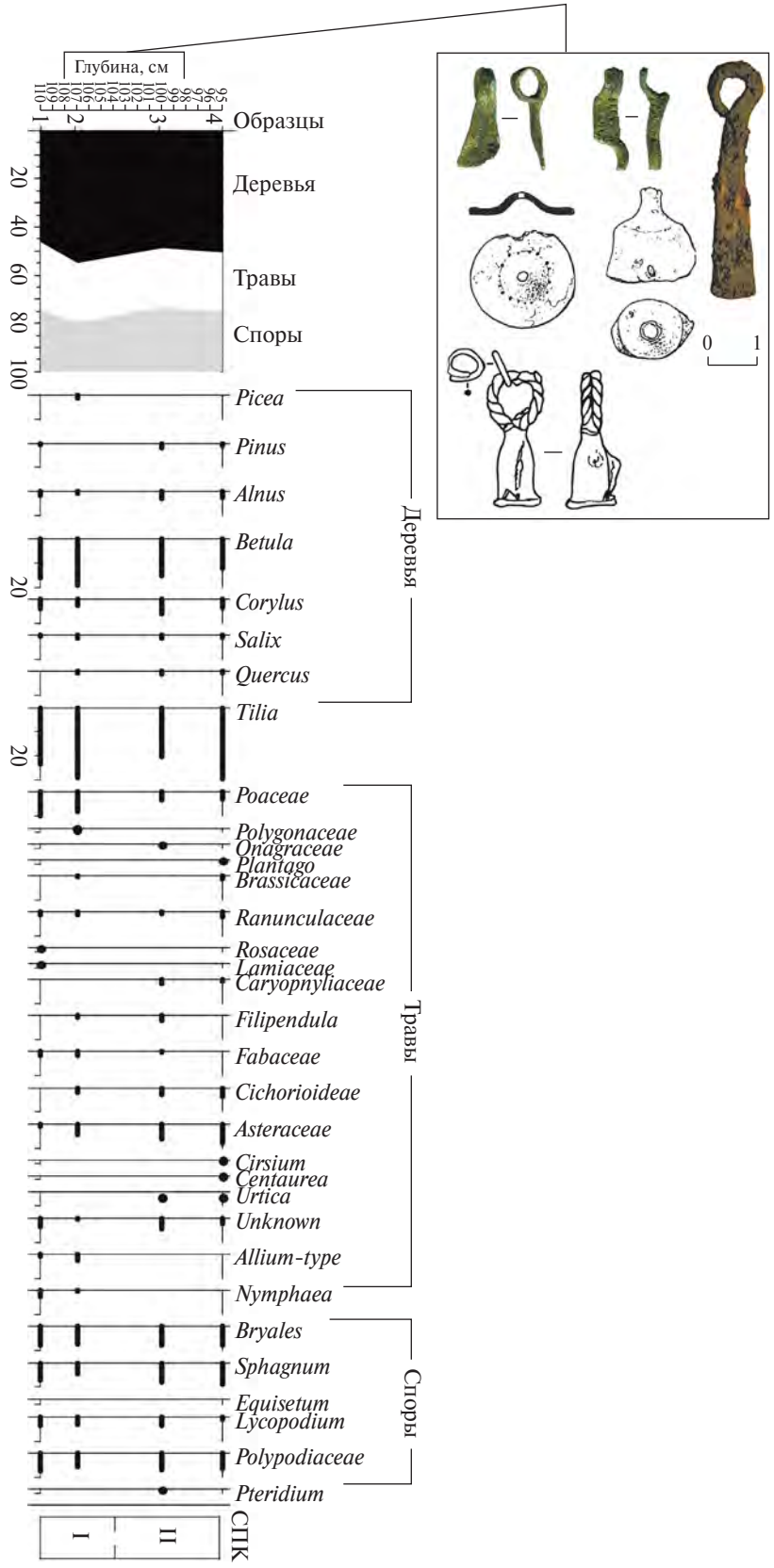


Рис. 6. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза Щ5/2013. Участие всех таксонов рассчитано от общей суммы пыльцы и спор.

Fig. 6. Spore-pollen diagram and picture of the cut Shch5/2013

Сводная таблица результатов спорово-пыльцевого анализа. Римские цифры в правой части соответствуют номерам спорово-пыльцевых комплексов в каждом разрезе

Возраст ^{14}C	Культура	Слой	Возраст по археологическим данным (в.)	Палинологическая зона		Щ2/ 2009	Щ3/ 2010	Щ4/ 2011	Щ5/ 2013	Щ6/ 2014	Щ7/ 2014
GIN14383 (340 ± 70) GIN14142 (770 ± 30)	Новое время	Аллювий (коричневый суглинок)	XVII–XIX	Постепеннное возрастание роли сосны, уменьшение доли широколиственных пород и березы/большая роль злаков	7	IV–V	III	–	–	–	–
GIN14384г+у (820 ± 100) GIN14384а-у (1190 ± 100) GIN14384а (1040 ± 30)	Раннее средневековье	Слой могильника (черный песок)	IX	Липа с участием березы/ разнотравье	6	III	II	III	–	–	–
–		Верх заполнения рва (желтый песок)	Между VII и IX	Сосна и липа/злаки	5	II	–	–	–	–	–
GIN12721а (1500 ± 20) GIN13292 (146040)		Дно рва	VII	Береза с липой/много разнотравья	4	I	–	–	–	–	III
GIN15240 (1370 ± 30)		Слой поселения (серый песок)	Третья четверть I тыс. н.э.	Липа с орешником и участием березы/увеличение доли разнотравья	3	–	–	–	II	–	II
–	Поздне-дьяковская культура	Слой поселения (серый песок)	IV–V	Липа с орешником/пик злаков	2	–	–	II	I	–	I
–		Слой поселения (серый песок)	II–III	Орешник, липа с березой/ много разнотравья	1	–	–	I	–	I	–

пыльцы древесных пород, максимум присутствия злаков (*Poaceae*), астровых (*Asteraceae*), цикориевых (*Cichorioideae*), полыни (*Artemisia*), а также некоторых родов-индикаторов человеческого присутствия (*Urtica*, *Plantago*, *Rumex*). В округе памятника произрастали леса из липы (*Tilia*) с примесью березы (*Betula*) и орешника (*Corylus*); вдоль рек – ольха (*Alnus*) и ива (*Salix*). Травяной ярус представлял собой разнотравно-злаковые сообщества. Такой тип растительности может быть связан с достаточно теплым и влажным климатом.

Палинологическая зона 3 (липа с орешником и березой, разнотравье) связана с СПК из слоя третьей четверти I тыс. н.э. (II СПК разреза Щ5/2013, II СПК разреза Щ7/2014). II СПК из разреза ямы 2 свидетельствует о серьезной трансформации растительного покрова вокруг памятника: спектр этого образца демонстрирует смену доминант в составе древесной растительности, господство широколиственных пород сменяется преобладанием пыльцы березы (рис. 4). Объяснить этот процесс можно вырубкой широколиственных деревьев или пожаром с последующей заменой их в древостое березой. Кроме того, во II СПК разреза Щ5 / 2013 (рис. 6) единично отмечены пыльца семейства кипрейных (*Onagraceae*) и споры папоротника орляка (*Pteridium*), а также многочисленные угольки, которые указывают на происходившие в округе пожары.

Палинологическая зона 4 (береза с участием широколиственных пород, разнотравье) соответствует времени сооружения домиков мертвых и выделена по СПК со дна рва кургана (Щ2/2009; рис. 2) и из верхней части заполнения ямы 2 (Щ7/2014, III СПК; рис. 4). Данная зона датируется концом VI – VII в. н.э. III СПК из разреза ямы 2 характеризуется увеличением процентного участия пыльцы древесных пород в основном за счет роста доли пыльцы березы (*Betula*), а также сосны (*Pinus*). Процент пыльцы злаков (*Poaceae*) на протяжении разреза уменьшается и достигает минимальных показателей именно в этом комплексе, а количество пыльцы разнотравья, наоборот, достигает пиковых значений. Данный СПК по составу схож с СПК, происходящим со дна рва кургана 2 (Щ2/2009). Данные о близости времени их формирования подтверждаются и радиоуглеродной датой ГИН 15240, полученной из верхнего углистого слоя заполнения (1370 ± 30 л.н.).

Палинологическая зона 5 (сосна и липа) выделена по образцу из заполнения рва кургана (Щ2/2009), относящемуся к периоду временного запустения памятника. Ров домика мертвых 2, как, вероятно, и остальных, оплывает почти до верха без воздействия человека. Культурный слой на нижней площадке, в пойме, с этого времени перестает формироваться. По всей видимости, в данном комплексе отразился сукцессионный процесс, который наблюдался в предыдущей зоне. Здесь к процессу восстановления лесов после натиска середины I тыс. н.э. наряду с березой присоединяется сосна[5] (рис. 2).

Палинологическая зона 6 (липа с участием березы) выделена на основании СПК из разрезов рва кургана 2 (III СПК разреза Щ2/2009 и II СПК разреза Щ3/2010) и из верхней части разреза Щ4/2011, которые связаны со слоем позднего могильника, т.е. относятся к концу VIII – первой половине X в. (рис. 2; 3). В этот период в округе господствовал влажный и теплый климат, на близлежащей территории произрастали широколиственные леса, основу которых составляла липа с примесью ольхи, дуба и вяза. Встречались и березовые леса. На открытых пространствах доминировали представители влаголюбивого разнотравья. Это период, когда в окружающих памятник ландшафтах максимально доминируют широколиственные породы (липа, дуб, в меньшей степени вяз), что свидетельствует не только о максимально теплом климате, но и о восстановлении коренных лесов. Это обстоятельство в свою очередь указывает на значительное снижение антропогенной нагрузки. Данный вывод подтверждается археологическими данными – поселение, которое соответствовало бы грунтовому могильнику, несмотря на активный поиск, не найдено[6].

Что касается образцов, происходящих из слоя аллювия, отложения которого датируются Новым временем (палинологическая зона 7, IV–V СПК из разреза Щ2/2009 и III комплекс разреза Щ3/2010), то они в целом характеризуют уменьшение облесенности территории, общее похолодание климата и активную антропогенную трансформацию среды.

Отдельного упоминания достойны локальные сюжеты, значительно расширяющие наши представления о памятнике. Так, в разрезе Щ5/2013 (рис. 6) интересным оказался учет *непалиноморф* (других компонентов палиноспектров, встречающихся

[5] Увеличение доли сосны в спектрах этого времени можно интерпретировать и как указание на похолодание климата, тем более что во многих работах по соседним территориям в это время прослеживается кратковременный этап ухудшения климатических условий (Алешинская, Спиридонова, 2001; Спиридонова, Алешинская, 2004. С. 38; Алешинская и др., 2008 и др.)

[6] Это заключение, сделанное на основе данных палинологии, говорит еще и о том, что, скорее всего, его не было на тех участках, которые в настоящее время разрушены Щуровским карьером, вплотную прилегающим к памятнику.

при микроскопировании проб). В самом нижнем образце из подошвы слоя, датируемой серединой I тыс. н.э., были встречены спикулы губок и водоросли, которые свидетельствуют о возможном подтоплении этого участка (что не удивительно, поскольку он находится довольно низко относительно реки). Этот факт согласуется с археологическими данными: позднедьяковское поселение середины I тыс. н.э. находилось на вершине холма, а в VII в. оно уже располагалось в пойме. На месте прежнего поселения в этот же период возникает могильник – домики мертвых.

Важную информацию о погребальном обряде позднего могильника дал пристальный анализ пыльцы из темно-серого углистого слоя в разрезе Щ2/2009. В образцах из этого слоя пыльца ели имела оболочку коричневого цвета (что интерпретируется как следы обугливания), причем это было характерно только для пыльцы ели. Это наводит на мысль о возможном использовании принесенных со стороны веток ели в погребальном обряде или сожжение на стороне происходило в местах, сильно удаленных от памятника, где произрастала ель[7]. Кроме того, анализ концентрации пыльцы в слое и данные о ее сохранности позволяют заключить, что формирование углистого слоя могильника не является результатом однократного события (например, некой братской могилой). В то же время, поскольку все образцы из него объединяются в единый комплекс схожего состава, то данные отложения были сформированы за сравнительно короткий промежуток времени, в течение которого ландшафты в округе не успели претерпеть значительных изменений.

Рассматриваемый хроноинтервал на климатостратиграфической шкале укладывается в субатлантический период (0–2500 кал. л.н.) (Нейштадт, 1957. С. 15; Хотинский, 1977. С. 13; Борисова, 2014), который по сравнению с предшествующими периодами голоцена был более влажным и прохладным. Однако на это же время приходятся два теплых периода – потепление римского времени и средневековый оптимум IX–XII вв. (Клименко, 2001; 2004), когда климат в северном полушарии был теплее современного. Таким образом, субатлантик не являлся стабильно прохладным периодом, внутри него прослеживаются теплые и холодные эпизоды. В.В. Клименко оценивает продолжительность периодов потепления и похолодания в голоцене в 100–200 лет (2004. С. 14).

Данные исследования памятников Щуровского комплекса не могут дать полной информации об изменениях климата в пределах I тыс. н.э. в силу особенностей генезиса отложений и местоположения объекта исследования. Мы располагаем данными сугубо локальными, отражающими ландшафтную ситуацию вблизи памятника. Однако наиболее яркие климатические эпизоды нашли свое место и в этих диаграммах. Подводя итог рассмотрению эволюции ландшафтной ситуации на памятнике, стоит отметить ряд черт, присущих спорово-пыльцевым спектрам рассмотренных разрезов:

– Реконструируемая полуоткрытость ландшафтов, связанная, по нашему мнению, с поймой р. Ока и интразональным характером растительности на этом участке;

– Высокий процент участия пыльцы липы в составе спектров: изучаемая территория находится в подзоне широколиственных лесов, однако традиционно считается, что коренными лесами здесь были дубравы с примесью липы. Согласно нашим данным, липа все-таки доминировала в древостое. Кроме того, важно отметить, что вплоть до Нового времени (возможно, до Средневековья, так как этот период выпадает из нашей колонки) пыльца сосны не играла значительной роли в щуровских спорово-пыльцевых спектрах;

– Для первой половины I тыс. н.э. реконструируется обилие орешника в подлеске разреженных рубками лесов (также в слое селищ встречаются и скорлупки плодов орешника);

– Исходя из данных спорово-пыльцевого анализа, можно заключить, что наиболее активно исследуемая территория осваивалась в первой половине I тыс. н.э. Воздействие на среду проявилось в вырубке широколиственных пород. В дальнейшем антропогенная нагрузка на ландшафт снижается. Согласно археологическим данным, освоенность региона в конце I тыс. н.э. была слабой.

Таким образом, анализ палеоботанического материала, относящегося к I тыс. н.э., позволил выявить особенности климатических изменений в этот период. В целом все I тыс. на данной

[7] Напомним, что погребальный обряд позднего могильника IX–X вв. предполагал сожжение на стороне. Места сожжения не обнаружены, так же как и поселение от могильника. Наконец, уже упоминалось, что особенностью современной местной флоры является отсутствие либо незначительная роль ели, которая произрастает севернее, а р. Ока является естественной южной границей ареала распространения ели. В теплое время, на которое приходится период функционирования могильника, граница ареала ели могла располагаться еще севернее современной. Не исключено, что и поселение, и места кремаций располагались довольно далеко от могильника, в тех районах, где росла ель.

территории господствовал мягкий климат, благоприятствовавший развитию широколиственных лесов. По данным палинологического изучения Щуровского могильника в период с начала I тыс. н.э. и вплоть до VIII в. нами не выявлено явных климатических колебаний. Похолодание отмечено лишь в VIII в. Это климатическое событие прослежено во многих других исследованиях на Русской равнине (Алешинская, Спиридонова, 2001; Спиридонова, Алешинская, 2004; Алешинская и др., 2008; Еремеев, Дзюба, 2010). Отметим, что это несколько расходится с выводами В.В. Клименко, который считает началом теплого периода первую половину X в. (2001. С. 14).

СПК из разрезов памятника позволяют сделать выводы о динамике увлажненности в округе. В первой половине I тыс. н.э. условия были довольно влажными. В третьей четверти I тыс. отмечено падение увлажненности. Конец I тыс. н.э. характеризуется теплыми и вновь влажными условиями. Интересно отметить, что такая реконструкция прекрасно коррелирует с данными И.И. Еремеева и О.Ф. Дзюбы (2010. С. 432) для Северо-Запада России. Важно обратить внимание на то, что имеется взаимосвязь между реконструированными ритмами увлажненности и топографией поселений. Так, известные нам памятники середины I тыс. н.э. приурочены к высоким участкам (Протопопово, Ростиславль, Усть-Матыра, Щуровское селище, Соколова Пустынь). Поселение третьей четверти I тыс. н.э. в Щурово находится уже на низком участке, в пойме, хотя данные анализа указывают на то, что в предшествующий формированию культурного слоя период этот участок подтапливался.

Авторы выражают глубокую признательность Е.А. Спиридоновой, А.С. Алешинской и М.Д. Кочановой за консультации и поддержку.

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ, проект № 14-06-00423 А “Реконструкция природного окружения поселений Раннего железного века – раннего Средневековья в бассейне Средней Оки”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алехин В.В. Растительность и геоботанические районы Московской и сопредельных областей. М.: Изд-во Моск. о-ва испытателей природы, 1947 (Естественно-историческое изучение Москвы и Моск. обл.: К 800-летию Москвы). 71 с.

Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Макаров Н.А., Спиридонова Е.А. Становление аграрного ландшафта Суздальского Ополья в средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) // РА. 2008. № 1. С. 35–47.

Алешинская А.С., Спиридонова Е.А. Особенности природной среды Волго-Окского междуречья в раннем железном веке и Средневековье // Архив ИА РАН. 2001.

Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в. н.э. М.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Д1-30) (Археология СССР). 141 с.

Анненская Г.Н., Жучкова В.К., Калинина В.Р., Мамай И.И., Низовцев В.А., Хрусталева М.А., Цесельчук Ю.Н. Ландшафты Московской области и их современное состояние / Под ред. И.И. Мамай. Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. 296 с.

Борисова О.К. Ландшафтно-климатические изменения в голоцене // Изв. РАН. Серия географическая. 2014. № 2. С. 5–20.

Гавритухин И.О., Воронцов А.М. Фибулы Верхнеокско-Донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1/ Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: ГМЗ “Куликово Поле”, 2008. С. 28–89.

Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с.

Клименко В.В. Климат средневековой теплой эпохи в Северном полушарии. М.: Изд-во МЭИ, 2001. 88 с.

Клименко В.В. Холодный климат ранней субатлантической эпохи в Северном полушарии. М.: Изд-во МЭИ, 2004. 144 с.

Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М.: Александрия, 2001. 542 с.

Нейштадт М.И. История лесов и палеогеография лесов СССР в голоцене. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 404 с.

Розенфельдт Р.Л. Отчет об археологических разведках на территории Московской обл. в 1986 году // Архив ИА РАН. 1986. Р-1. № 11 831.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Динамика природной среды Волго-Окского междуречья с I тысячелетия по н.э. по II тысячелетие н.э. // РА. 2004. № 3. С. 33–43.

Сыроватко А.С. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.: CheBuk, 2009 (Матер. и исследов. по археологии Коломны и Коломенского края). 352 с.

Сыроватко А.С. Могильники с кремациями на Средней Оке второй половины I тыс. н.э. // РА. 2014. № 4. С. 48–61.

Сыроватко А.С., Панин А.В., Трошина А.А., Семеняк Н.С. Роль палеотопографии и ландшафтно-климатических изменений в формировании Щуровского археологического комплекса // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 12. М.: ИА РАН, 2016. С. 53–63.

Сыроватко А.С., Спиридонова Е.А., Трошина А.А. Хронология Щуровского могильника по естественно-научным данным // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 3 / Отв. ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ "Куликово Поле", 2012. С. 119–130.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977. 200 с.

Чернова Г.М. Спорово-пыльцевой анализ отложений плейстоцена-голоцена учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 128 с.

Syrovatko A., Zaretskaya N., Troshina A., Panin A. Radiocarbon chronology of the Schurovo burial mound cremation complex (the Viking Times, Middle Oka river, Russia) // Radiocarbon. 2012. V. 54. № 3-4. P. 771–781.

PALEOLANDSCAPES OF SHCHUROVO CEMETERY IN THE 1ST MILLENNIUM AD (data of the sporo-pollen analysis of the cultural layer)

Alla A. Troshina[1,*], Aleksandr S. Syrovatko[1,]**

Municipal budget organization "Kolomna archaeological centre", Russia

**E-mail: alla-troshina89@rambler.ru*
***E-mail: arxeolog-net@rambler.ru*

The paper presents the results of sporo-pollen analysis of the cultural layer at Shchurovo cemetery. The data allow characterizing the landscapes that formed in the vicinity of the site during the first millennium AD and tracing the dynamics of humidity and the influence of climate and human activity. On the basis of the data we can conclude that the 1st millennium AD in the Oka river basin was characterized by a warm and humid climate that was favorable for the growth of broad-leaved forests. In the 8th century the climate became colder and the site fell into disuse.

Key words: palynology, paleolandscapes, "Dark Ages", Dyakovo culture, Migration Period, Saltovo culture, Viking Age.

REFERENCES

Alekhin V.V., 1947. Rastitel'nost' i geobotanicheskie rayony Moskovskoy i sopredel'nykh oblastey [Vegetation and geobotanic districts of Moscow region and adjacent areas]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo obshchestva ispytateley prirody. 71 p. (Estestvenno-istoricheskoe izuchenie Moskvy i Moskovskoy oblasti: K 800-letiyu Moskvy).

Aleshinskaya A.S., Kochanova M.D., Makarov N.A., Spiridonova E.A., 2008. The formation of agricultural landscape of the Suzdal high plains in the Middle Ages (based on archaeological and paleobotanic data). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]*, 1, pp. 35–47. (In Russ.)

Aleshinskaya A.S., Spiridonova E.A., 1966. Peculiarities of the natural environment of the Volga-Oka interfluve in the Early Iron Age and in the Middle Ages. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences]*, 2001. (In Russ.)

Ambroz A.K., 1966. Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR. II v. do n.e. – IV v. n.e. [Fibulae of the South of European part of the USSR. The 2nd century BC – the 4th century AD]. Moscow: Nauka. 141 p. (SAI, D1-30).

Annenskaya G.N., Zhuchkova V.K., Kalinina V.R., Mamay I.I., Nizovtsev V.A., Khrustaleva M.A., Tsesel'chuk Yu.N., 1997. Landshafty Moskovskoy oblasti i ikh sovremennoe sostoyanie [The landscapes of Moscow Region and their modern condition]. I.I. Mamay, ed. Smolensk: Izdatel'stvo Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 296 p.

Borisova O.K., 2014. Landscape and climatic changes in the Holocene. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series]*, 2, pp. 5–20. (In Russ.)

Chernova G.M., 2004. Sporovo-pyl'tsevoy analiz otlozheniy pleystotsena-golotsena: uchebnoe posobie [Cryptogamic analysis and palynology of the Pleistocene-Holocene deposits: Study guide]. St. Petersburg:

Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 128 p.

Eremeev I.I., Dzyuba O.F., 2010. Ocherki istoricheskoy geografii lesnoy chasti Puti iz varyag v greki. Arkheologicheskie i paleogeograficheskie issledovaniya mezhdu Zapadnoy Dvinoy i ozerom Il'men' [Studies on the historical geography of the forest part of the Route from the Varangians to the Greeks. Archaeological and paleogeographical investigations between the Western Dvina and Lake Ilmen]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 670 p.

Gavritukhin O.O., Vorontsov A.M., 2008. Fibulae of the Upper Oka–Dnieper watershed area: two-piece bow fibulae with returned foot and those with simple catch-plate. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the periods of the Roman influence and the Great Migration]*, 1. A.N. Naumov, ed. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik "Kulikovo Pole", pp. 28–89. (In Russ.)

Khotinskiy N.A., 1977. Golotsen Severnoy Evrazii [The Holocene of Northern Eurasia]. Moscow: Nauka. 200 p.

Klimenko V.V., 2001. Klimat srednevekovoy teploy epokhi v Severnom polusharii [The climate of the warm medieval period in the Northern Hemisphere]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo energeticheskogo instituta. 88 p.

Klimenko V.V., 2004. Kholodnyy klimat ranney subatlanticheskoy epokhi v Severnom polusharii [The cold climate of the Early Subatlantic period in the Northern Hemisphere]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo energeticheskogo instituta. 144 p.

Mazurov A.B., 2001. Srednevekovaya Kolomna v XIV – pervoy treti XVI vv.: Kompleksnoe issledovanie regional'nykh aspektov stanovleniya edinogo Russkogo gosudarstva [Medieval Kolomna in the 14th – the first third of the 16th century: comprehensive research of the regional aspects of formation of the single Russian state]. Moscow: Aleksandriya. 542 p.

Neyshtadt M.I., 1957. Istoriya lesov i paleogeografiya lesov SSSR v golotsene [The history of forests and the paleogeography of the USSR forests in the Holocene]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 404 p.

Rozenfel'dt R.L. Report on archaeological reconnaissance in Moscow region in 1986. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences]*, 1986, R-1, № 11 831. (In Russ.)

Spiridonova E.A., Aleshinskaya A.S., 2004. The dynamics of natural environment in the Volga-Oka interfluve from the 1st millennium BC till the 2nd millennium AD. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]*, 3, pp. 33–43. (In Russ.)

Syrovatko A., Zaretskaya N., Troshina A., Panin A., 2012. Radiocarbon chronology of the Schurovo burial mound cremation complex (the Viking Times, Middle Oka river, Russia). *Radiocarbon*, vol. 54, no. 3-4, pp. 771–781.

Syrovatko A.S., 2009. Yugo-vostochnoe Podmoskov'e v zheleznom veke: k kharakteristike lokal'nykh variantov d'yakovskoy kul'tury [The south-east of Moscow region in the Iron Age: to the characteristics of local varieties of the Dyakovo culture]. Moscow: CheBuk. 352 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Kolomny i Kolomenskogo kraya).

Syrovatko A.S., 2014. Burials with cremations in the Middle Oka region of the second half of the 1st millennium AD. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]*, 4, pp. 48–61. (In Russ.)

Syrovatko A.S., Panin A.V., Troshina A.A., Semenyak N.S., 2016. The role of paleotopography and landscape-climate changes in the formation of the Shchurovo archaeological complex. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [The archaeology of Moscow region: Proceedings of the schientific workshop]*, 12. Moscow: IA RAN, pp. 53–63. (In Russ.)

Syrovatko A.S., Spiridonova E.A., Troshina A.A., 2012. Chronology of the Shchurovo burial ground based on a scientific data. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the periods of the Roman influence and the Great Migration]*, 3. A.M. Vorontsov, I.O. Gavritukhin, eds. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik "Kulikovo Pole", pp. 119–130. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2018, № 2, с. 83–97

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ КУШМАНСКОГО ГОРОДИЩА / УЧКАКАР

© 2018 г. Р. Н. Модин[1,*], И. В. Журбин[2,], М. Г. Иванова[3,***]**

[1] Институт археологии РАН, Москва, Россия
[2] Физико-технический институт Уральского отделения РАН, Ижевск, Россия
[3] Удмуртский Институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, Ижевск, Россия
**E-mail: modin.roman@mail.ru*
***E-mail: zhurbin@udm.ru*
****E-mail: margrig45@mail.ru*

Поступила в редакцию 01.12.2016 г.

В статье представлены материалы междисциплинарных полевых исследований и результаты реконструкции внутренней линии укреплений на одном из ключевых памятников чепецкой археологической культуры Кушманском городище Учкакар IX–XIII вв. Наряду с городищами Иднакар и Гурьякар, Учкакар входит в число крупных укрепленных поселений бассейна р. Чепца, в непосредственной близости от него расположены могильник и три селища. Внутренние оборонительные сооружения Учкакара не выражены в рельефе и выявлены геофизическими методами. Представлены методика процесса вскрытия и фиксации слоев. Реконструкция основана на опыте изучения древнерусской фортификации и предположении, что внутренняя линия обороны городища Учкакар представляет собой дерево-земляные укрепления. Анализ структуры и состава слоев в заполнении рва, взаимного расположения выделенных горизонтов и фиксируемых остатков деревянных конструкций позволяет предположить, что укрепления представляли собой два ряда срубов с грунтовой забутовкой. Предложенная реконструкция – новое достижение в археологии Приуралья. Выявлены этапы разрушения оборонительных сооружений и процесса освоения этого участка территории поселения. На основе анализа расположения датирующих находок предложены хронологические рамки возведения, функционирования и разрушения этой линии укреплений. Вероятно, оборонительные сооружения были созданы в начальный период существования Учкакара и окончательно разрушены в X–XI вв. Полученные материалы дополняют источниковую базу по системам обороны финно-угорских памятников Приуралья эпохи средневековья.

Ключевые слова: средневековье, чепецкая культура, городище Учкакар, геофизика, вал, ров, оборонительные сооружения, культурный слой, городня.

DOI: 10.7868/S0869606318020071

Междисциплинарные исследования укрепленных поселений Приуралья предоставили новые материалы о структуре и планировке площадок, конструкции оборонительных сооружений, которые позволяют уточнить особенности их возведения. Наиболее полные источники о параметрах валов и рвов получены на городище Иднакар чепецкой культуры, где все три линии изучены археологическими раскопками, а впоследствии имеющиеся сведения дополнены геофизическими методами. Комплексные исследования показали, что они существенно отличаются друг от друга по форме, структуре и конструктивным особенностям (Иванова и др., 2013).

В последние годы источники по средневековым финно-угорским поселениям Приуралья существенно пополнились материалами Кушманского городища Учкакар IX–XIII вв., на котором наряду с двумя выраженными в рельефе валами выявлена не просматривающаяся линия обороны на внутренней части площадки.

Городище знакомо исследователям с конца XIX в. (Спицын, 1893. С. 74; Первухин, 1896. С. 83–86). В 1930 г. здесь провел раскопки А.П. Смирнов (Иванова, 1976. С. 105, 106). С 2011 г. на городище и в его округе ведутся комплексные археолого-геофизические исследования экспедицией УИИЯЛ УрО РАН (г. Ижевск).

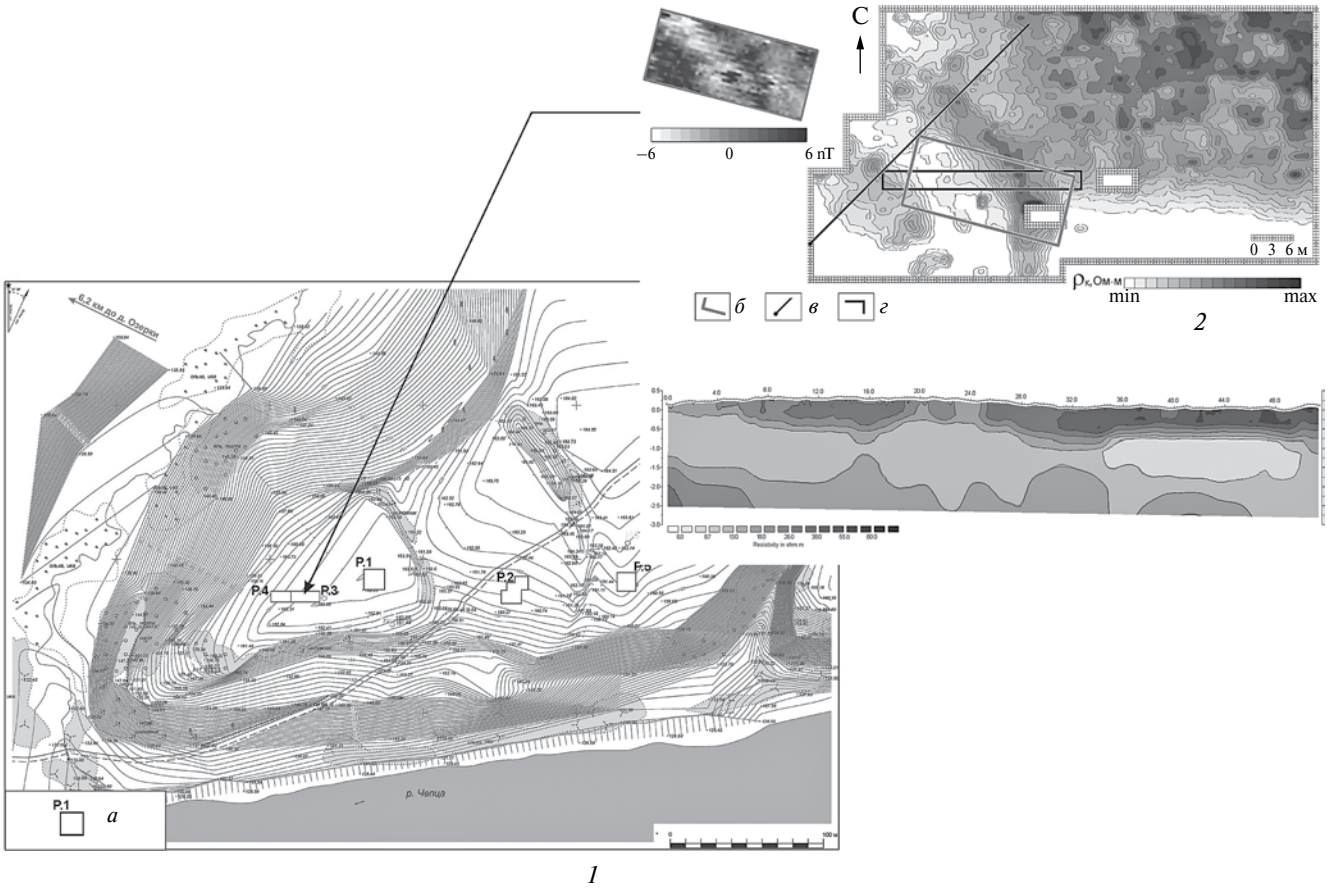


Рис. 1. Кушманское городище Учкакар. *1* – топографический план с обозначением раскопов 2011–2016 гг. (Сплошные горизонтали – через 0.5 м. Система высот – условная. Съемка А.Н. Кириллова 2007, 2011, 2012 гг.); *2* – фрагмент геофизической карты мысовой части городища (электропрофилирование, магниторазведка и электротомография). Условные обозначения: *а* – места расположения раскопов; *б* – граница участка магниторазведки; *в* – профиль электротомографии; *г* – граница раскопа.

Fig 1. Kushman Uchkakar fortified settlement

Городище находится в Ярском р-не Удмуртской Республики, в 1.6 км к западу-юго-западу от нежилой д. Кушман, в 6.2 км к юго-востоку от д. Озерки. Расположено на правом берегу р. Чепца, на мысу, образованном с юго-востока берегом реки, с северо-запада – оврагом, по которому протекает ручей Каршур (удм. – *городищенская речка*). Площадка имеет подтреугольную в плане форму, ориентирована по линии СЗ–ЮВ (рис. 1, *1*). На ней визуально фиксируются две линии обороны. Внешний вал дугообразной в плане формы имеет длину 170, ширину основания до 18 и высоту около 1 м. Ширина рва достигает 10 м. В северо-западной части имеется проход между краем площадки и валом шириной около 10 м. Центральная часть вала разрушена полевой дорогой в 90-е годы XX в. Вторая линия обороны находится на расстоянии 112 м к юго-западу от внешней. Вал имеет дугообразную в плане форму. Его длина – 98 м, ширина основания – до 14. Ров шириной 10–15 м прослеживается ближе к краям площадки.

Основные элементы фортификации древних поселений сохранились в виде валов и рвов, которые, как правило, четко выражены в рельефе. Археологическое изучение этих сооружений – одна из наиболее сложных задач как непосредственно при раскопках, так и при дальнейшей их интерпретации. Что касается изучения средневековой фортификации, то наибольших успехов среди отечественных археологов достигли исследователи древнерусских памятников. Выработанные ими методические подходы к фиксации и осмыслению полученного материала могут быть применимы и при изучении оборонительных сооружений на памятниках других культур эпохи Средневековья, в данном случае – финно-угорских древностей Приуралья. В частности, ключевое значение имеет вопрос о том, чем являются валы, которые визуально наблюдаются на городищах. Согласно

традиционному мнению, валы – это самостоятельные оборонительные сооружения, насыпавшиеся намеренно. Зафиксированные в них при раскопках деревянные конструкции служили каркасом, предохранявшим вал от расползания (Раппопорт, 1956. С. 66, 72, 115; Кучера, 1986. С. 379, 382, 383). По альтернативной теории, большинство валов представляют собой руинированные остатки древних крепостных стен (Борисевич, 1987. С. 181; Моргунов, 2009. С. 72; 2012. С. 63, 64; Коваль, 2015. С. 76). Подобные сооружения в литературе обозначаются термином "дерево-земляные укрепления". В разных вариациях это основной тип фортификационных сооружений зафиксирован в эпоху Средневековья на территории Европы (Якубчинова, 2014. С. 217; Frühmittelalterlicher Burgenbau..., 1998. S. 12, 56, 58, 170, 205, 226, 230, 344, 346, 367).

Что касается средневековой финно-угорской фортификации Приуралья, то с сожалением приходится констатировать, что специальное ее изучение, за редким исключением, не проводилось. Так, на Верх-Саинском городище V/VI–X вв. линия обороны изучена на протяжении 200 м, но итоги получили отражение лишь в небольшой публикации (Голдина, Пастушенко, 2003). Целенаправленные исследования системы обороны предприняты на древнеудмуртском городище Иднакар IX–XIII вв. (Иванова, 1998; Иванова и др., 2013). Кроме того, в процессе изучения площадок городищ исследователи уделяли некоторое внимание и системе обороны (Белавин, Крыласова, 2008). Однако оборонительные сооружения на средневековых памятниках Приуралья, даже в случаях присутствия следов деревянных конструкций, рассматриваются без учета современных методических подходов в русле традиционного мнения на валы как намеренно создаваемые оборонительные насыпи (Иванова, 1998. С. 18–29; Белавин, Крыласова, 2008. С. 79–82; Оборин, 1999. С. 263).

Тем не менее после знакомства со специальными исследованиями по фортификации в других регионах (Древняя Русь, Волжская Булгария) становится очевидным, что фиксируемые ныне на площадках городищ валы – это более сложные объекты, чем традиционно принято считать. Поэтому в данной работе под термином "вал" понимается не специально возведенная оборонительная насыпь, а остатки древних оборонительных сооружений, возвышающихся над современной дневной поверхностью (или, в случае если они были снивелированы в древности, над древней погребенной почвой) и имеющих в настоящий момент вид вытянутого в плане всхолмления.

Раскопки оборонительных сооружений, выраженных в рельефе, проводят целенаправленно. Археолог, как правило, четко осознает, какой древний объект он изучает. По-иному обстоит дело с оборонительными сооружениями, в рельефе не выраженными. Они были разрушены в древности, поверхность на их месте снивелирована, а участок местности, на котором они располагались, использовался в дальнейшей хозяйственной деятельности поселения либо же был заброшен. Такое может происходить, например, когда старая линия обороны утрачивает свое значение и мешает естественному расширению территории поселения. Иногда о подобных сооружениях можно узнать из письменных источников (Милованов, 2014. С. 186). Однако в большинстве случаев археологи обнаруживают их только в процессе раскопок. Геофизические методы позволяют прогнозировать на участке древнего поселения наличие объектов разного типа, в том числе и оборонительных сооружений (Домбровский и др., 1962. С. 111–114; Скакун, Тарасов, 2000. С. 64; Бобачев и др., 2006). Например, основания подобных "сглаженных" объектов зафиксированы геофизическими исследованиями на городищах Иднакар, Учкакар, Садейкар, Эбгакар, Кушманском III селище чепецкой археологической культуры. На Иднакаре и Учкакаре линии укреплений были снивелированы в древности, а на других поселениях – в результате сельскохозяйственной деятельности XX в.

На Иднакаре внутренняя линия обороны выявлена С.Г. Матвеевым в 1927–1928 гг. и изучена раскопками М.Г. Ивановой (Иванова, 1998. С. 19–22). Геофизические измерения позволили существенно уточнить форму, размеры и структуру на всем ее протяжении (Иванова, Журбин, 2010). В отличие от Иднакара, гипотеза о возможном существовании на городище Учкакар внутренней, не выраженной в рельефе линии обороны первоначально выдвинута не при раскопках, а по результатам комплексных геофизических исследований, проведенных на всей площади городища перед началом археологических работ. В структуре культурного слоя выявлены аномалии, соответствовавшие объектам разных типов (жилища, хозяйственные ямы и т.п.). На мысовой части городища по данным электропрофилирования зафиксирована протяженная контрастная аномалия повышенного удельного сопротивления, вытянутая поперек площадки и слегка изогнутая в напольную сторону (рис. 1, *2*). По опыту геофизических исследований поселений чепецкой культуры, такой аномалии может соответствовать ров, заполненный гумусированным слоем. На магнитограмме ров проявляется в виде

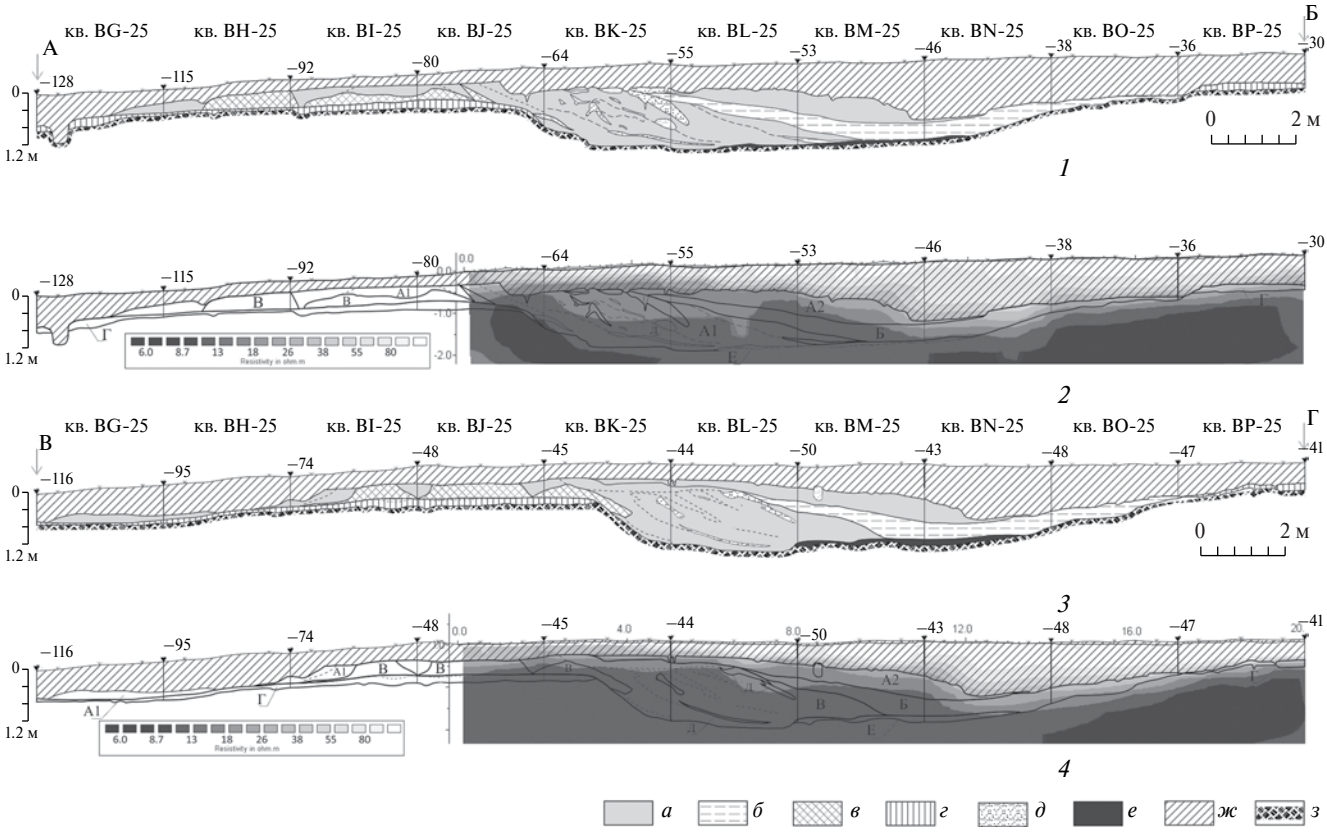


Рис. 2. Раскопы 3, 4. Археологические и геофизические исследования внутренней линии укреплений городища. *1* – сводный разрез по северным бортам раскопов; *2* – геоэлектрический профиль вдоль северного борта раскопа 3; *3* – сводный разрез по южным бортам раскопов; *4* – геоэлектрический профиль вдоль южного борта раскопа 3. Условные обозначения: *а* – горизонт А; *б* – горизонт Б; *в* – горизонт В; *г* – горизонт Г; *д* – горизонт Д2; *е* – горизонт Е; *ж* – горизонт Ж; *з* – материк.

Fig. 2. Excavation sites 3 and 4. Archaeological and geophysical investigations at the inner line of defenses

дугообразной положительной аномалии длиной 37 м, шириной 7–8. Также выявлена область пониженного сопротивления, примыкающая ко рву со стороны мыса и повторяющая его контур. По известным аналогиям (Иванова, Журбин, 2010), такую аномалию может вызвать насыпь из уплотненной материковой глины. Более контрастно данная область фиксируется по данным магниторазведки. Форма и геометрические параметры вероятных оборонительных сооружений уточнены методом электротомографии. В частности, на геоэлектрическом разрезе (рис. 1, *2*) заглубленный объект, заполненный гумусированным слоем (ров?), расположен в диапазоне 28–36 м, а глиняная насыпь на поверхности материка (основание вала?) – в диапазоне 19–25 м.

Для изучения объектов, соответствующих аномалиям, поперек них заложены раскопы 3 и 4 общими размерами 3 × 33 м (рис. 1, *1*, *2*). В результате обнаружены остатки оборонительных укреплений, разрушенных и снивелированных в древности.

В связи с особой сложностью изучения подобных объектов первостепенное значение для интерпретации и последующей реконструкции имеет первичная фиксация непосредственно в процессе раскопок. В данном случае раскопки проводились горизонтальными пластами мощностью 10 см. После снятия каждого пласта велась зачистка с последующей фото- и графической фиксацией поверхности. В ряде случаев на отдельных участках раскопа – промежуточная фиксация внутри пласта. Характер аномалии первоначально не был ясен, поэтому раскоп заложен строго в сетке квадратов, разбитой для всего городища в начале исследований в 2011 г. Из-за этого разрез вала и рва, к сожалению, прошел не строго перпендикулярно их длинным осям, как это обычно принято, а с некоторым смещением. Кроме того, сложности при интерпретации полученных материалов создают малая площадь раскопов и небольшая высота сохранившегося вала (40 см). Тем не менее, выбранная методика полевого исследования в целом

позволяет строить предположения о структуре внутренней линии обороны городища.

Непосредственно при раскопках археологический материал отбирался по слоям, различающимся по общепринятым признакам – цвет грунта и его механический состав (супесь, суглинок и т.д.) (Иванова, 2015. С. 21–24). Для лучшего понимания структуры внутренней линии обороны и процессов ее руинизации в данной работе эти слои объединены в более крупные стратиграфические единицы – "горизонты", отличающиеся своим происхождением. Критерий для их различия – их место в структуре оборонительных сооружений во время возведения, функционирования и руинизации. Ниже приводится их перечень (рис. 2, *1, 3*).

Горизонт А – пестроцветная бледно-рыжая глина с включениями линз рыжевато-серого суглинка, угля, древесного тлена, горелого дерева. Верхняя граница в основном четкая, ровная. Горизонт составляет основное заполнение рва. Стратиграфически делится на две части: А1 и А2.

Горизонт Б – темная, плотная серо-зеленая однородная глина. По сути это тот же грунт, что и в горизонте А, но проработанный почвообразованием.

Горизонт В – мешаный грунт, состоящий в основном из серовато-бурого суглинка с включением, часто значительным, пестрой бледно-рыжей глины.

Горизонт Г – серовато-бурый средний суглинок, местами с включениями угля – погребенная почва.

Горизонт Д – остатки бревен и следы их залегания. Д1 – непосредственно остатки бревен в виде тонких (до 4–5 мм) прослоек дерева и древесного тлена. Д2 – следы залегания бревен в виде полос глины зеленого и зеленовато-коричневого оттенков, часто с включением древесного тлена. Подобные полосы образуются на местах залегания полностью истлевших бревен, что неоднократно отмечалось археологами при раскопках оборонительных сооружений (Моргунов, 2009. С. 41; Стрикалов, 2011. С. 118; Коваль, 2015. С. 76).

Горизонт Е расположен на дне рва в виде небольших по мощности линз темного, зеленовато-серого суглинка с углем и древесным тленом и пестрого, темно-серого суглинка, смешанного с темно-зеленой глиной, с включениями рыжей материковой глины, с большим содержанием угля и включением древесного тлена.

Горизонт Ж – группа слоев, составляющих культурный слой, образовавшийся на этом участке городища после прекращения функционирования внутренней линии обороны.

Раскопом 3 исследован ров шириной около 13-14 м и глубиной 1.3–1.4. Он был заполнен в основном грунтом горизонта А, а в восточной части – еще и горизонта Ж. Во время функционирования рва на его дне вследствие процессов почвообразования сформировалась темно-серая гумусированная прослойка (горизонт Е) (рис. 2, *1, 3*). Небольшая ее мощность может свидетельствовать о коротком времени функционирования рва. Горизонт А в заполнении рва разделен на две части (А1 – нижняя и А2 – верхняя) мощной линзой горизонта Б (рис. 2, *1, 3)*. Внутри заполнения рва, в основном в горизонте А1 и в меньшей степени в горизонте А2, зафиксированы остатки бревен. От них сохранились тонкие, до 4-5 мм, прослойки древесины. Кроме того, следы полностью истлевших бревен зафиксированы в виде многочисленных ленточных полос горизонта Д2. Эти полосы в плане, как правило, расположены параллельно фрагментам бревен. Иногда внутри них или сразу под ними обнаружены остатки древесины.

Сопоставление археологических и геофизических данных показало, что при электропрофилировании и электротомографии контрастно выделяется только горизонт Ж – гумусированные слои, перекрывающие разрушенную линию обороны (рис. 2, *2*, *4*). Электротомография с высокой точностью восстанавливает контуры этого слоя на стратиграфическом разрезе. Нижележащие горизонты заполнения рва – разнообразные по цветности и структуре слои глины и суглинка – практически не отличаются по сопротивлению от материковых пород (красная карбонатная глина). Поэтому по данным геофизики нижняя граница рва не выделяется. Данная ситуация наглядно демонстрирует объективные ограничения: при использовании в качестве строительного материала материкового грунта выявленные границы рва разрушенной линии укреплений являются лишь оценкой его местоположения и формы в плане. Аналогичная ситуация отмечена и при археолого-геофизических исследованиях внутренней линии укреплений городища Иднакар (Иванова и др., 2013. Рис. 4).

Вал исследован раскопом 4. Судя по ровной верхней границе, он был снивелирован еще в древности. Результаты дальнейшего использования этого участка городища представлены культурным слоем мощностью до 40–45 см, отложившимся на поверхности вала (горизонт Ж). Сохранившаяся часть вала состоит из грунтов горизонтов В и А. Вся эта толща лежит на погребенной почве (горизонт Г) (рис. 2, *1, 3*). Внутри вала отмечены остатки деревянных плах или бревен, углистые пятна, пятна тлена. Иногда следы полностью

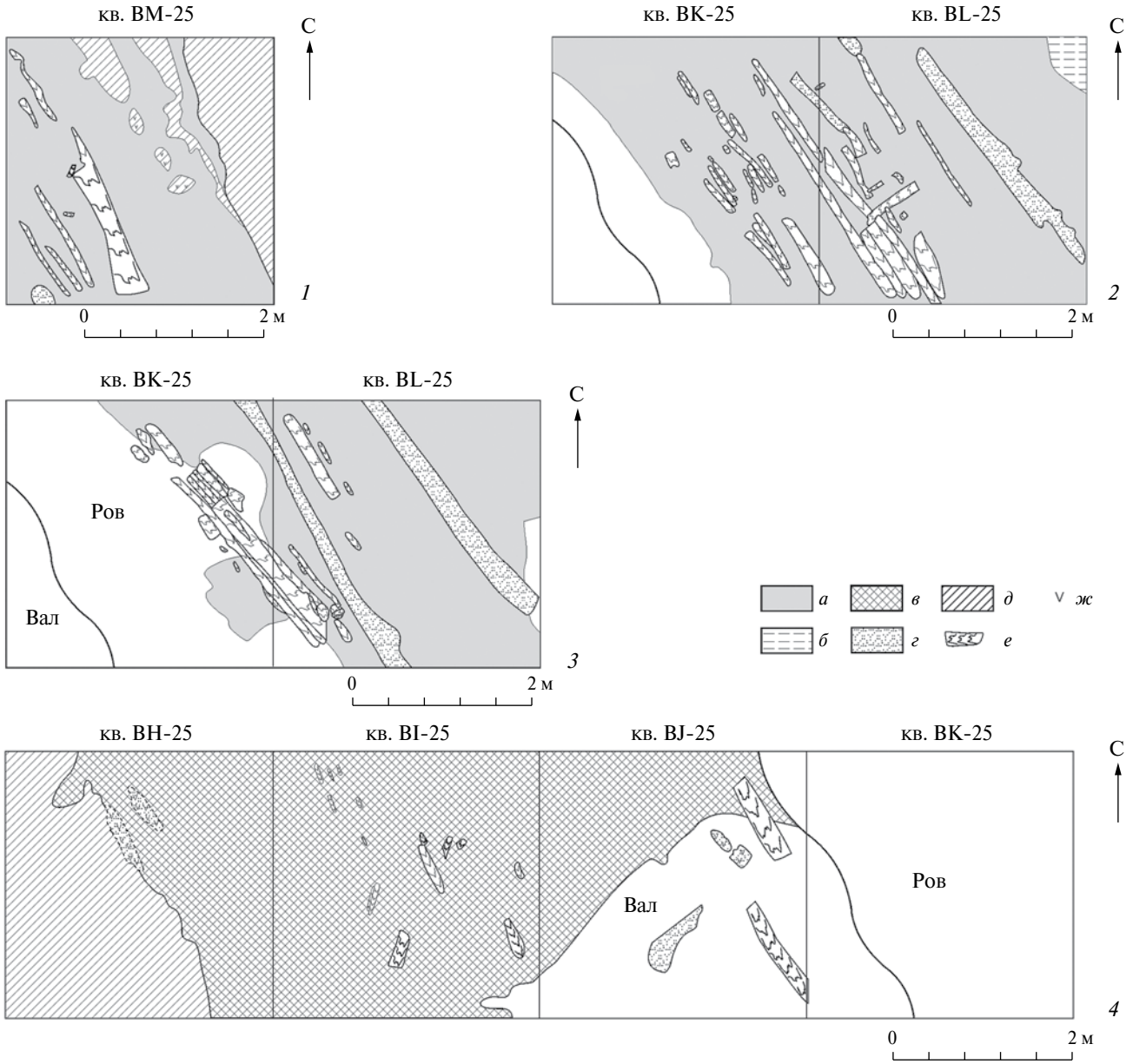


Рис. 3. Раскопы 3, 4. Планиграфия. Остатки деревянных конструкций (*1–3* – заполнение рва; *4* – вал). *1* – уровень –120... –130 см, горизонт А2; *2* – уровень –170... –190, горизонт А1; *3* – уровень –220... –240, горизонт А1; *4* – уровень –130... –150. Условные обозначения: *а* – горизонт А; *б* – горизонт Б; *в* – горизонт В; *г* – горизонт Д2; *д* – горизонт Ж; *е* – остатки бревен; *ж* – уголь.

Fig. 3. Excavation sites 3 and 4. Planigraphy. Remains of timber constructions (*1–3* – infill of ditch; *4* – rampart)

истлевших бревен можно было проследить по полосам горизонта Д2. Параметры насыпи – высота сохранившейся части и расположение относительно материкового слоя – согласуются с данными электротомографии (рис. 1, *2*).

Несмотря на то что полученные данные весьма фрагментарны для уверенной реконструкции этой линии обороны городища, эта попытка была предпринята. В качестве методического примера мы обратились к наработкам исследователей древнерусской фортификации (см., например: Моргунов, 2003. С. 46–60; 2009; 2012. С. 62–83; Коваль, 2015. С. 78–84; Стрикалов, 2011. С. 114–132). Не вызывает сомнения, что внутренняя линия обороны городища Учкакар представляет собой дерево-земляные укрепления. Чаще всего это ряды деревянных срубов, поставленных вплотную друг к другу или с некоторым промежутком и заполненных плотно утрамбованным грунтом. В литературе такие срубы называют по-разному:

“городня” (Моргунов, 2009), “клеть” (Губайдуллин, 2002) и т.п. В данной работе используется первый термин. Помимо срубной конструкции известны и другие варианты подобных сооружений (Моргунов, 2009. С. 42–51).

Большая часть остатков деревянных сооружений на Учкакаре зафиксирована во рву, куда они были сброшены или свалились после разрушения (рис. 3, *1–3*). Внутри вала остатки деревянных конструкций зафиксированы в виде фрагментов дерева (рис. 3, *4*). Наиболее крупные из них имеют размеры 124 × 16, 10 × 60, 14 × 40 см. Кроме того, в двух местах следы от бревен зафиксированы в виде полос горизонта Д2, в одном случае (кв. BJ-25) это темно-зеленая глина размерами 80 × 16 см, в другом месте (кв. BH-25) – полосы тлена и угля размерами 82 × 16 и 60 × 15 см. Когда размеры фрагментов позволяли определить ориентацию соответствующих им бревен, выяснилось, что они лежали параллельно внутреннему краю рва и тем остаткам бревен, которые зафиксированы во рву. Полоса горизонта Д2 на кв. BJ-25 соответствует бревну, лежащему перпендикулярно остальным. Один из фрагментов дерева, зафиксированный рядом, образует с ней угол, близкий к 90° (рис. 3, *4*). Возможно, в этом месте удалось зафиксировать угол городни.

В силу того, что вал сохранился на небольшую высоту, следы городен в его разрезах проследить не просто. Однако по ряду признаков можно попытаться это сделать. По логике, профиль целой городни, с учетом того, что грунт для ее заполнения брался изо рва, должен быть зеркальным отражением нормального почвенного профиля на этом участке местности. Таким образом, в низ городни попадал дерн и гумусированный грунт погребенной почвы, а поверх него должен был насыпаться материковый грунт. Подобная ситуация, объяснение которой дал еще П.А. Раппопорт (1956. С. 79), неоднократно зафиксирована при раскопках оборонительных сооружений (Стрикалов, 2011. С. 115, 123; Моргунов, 2012. С. 68; Коваль, 2015. С. 78).

В рассматриваемом случае нижняя часть заполнения городни должна состоять из бурого гумусированного суглинка, поверх которого располагается красная материковая глина. В профилях зафиксированы лишь нижние части заполнения городен. В разрезе они выглядят как крупные прослойки мешаного грунта, основу которого составляет бурый суглинок, с присутствием включений красной материковой глины (горизонт В). Их форма в основном трапециевидная или приближающаяся к таковой с наклонными, часто крутыми, боковыми границами (рис. 2, *1, 3*; 4). Такая форма городен в профиле, а не строго прямоугольная с вертикальными боковыми границами, как в идеале должно быть в разрезе целой городни, объясняется процессами деформации во время руинизации. Бревна, придававшие заполнению городни в разрезе прямоугольную форму, истлели, и грунт начал постепенно оплывать. Сходную картину можно наблюдать в разрезах валов на других городищах (Стрикалов, 2011. С. 122. Рис. 8; Моргунов, 2003. С. 48. Рис. 14, 15 и сл.; 2012. С. 67. Рис. 1; Коваль, 2015. С. 79. Рис. 6, *1*). Также в профиле в нескольких местах зафиксированы следы самых нижних бревен, которые были поставлены непосредственно на погребенную почву и вдавлены в нее (рис. 2, *1, 3*; 4). Эти следы зафиксированы как раз у нижних границ прослоек горизонта В, которые отождествляются с городнями.

Еще одним признаком, по которому можно судить о положении внешнего края городни, являются наклонные языковидные прослойки в разрезе по северному борту (рис. 2, *1*; 4). Эти прослойки могут быть следами осыпей грунта из городни при ее разрушении. Они образуются на границах забутованных срубов (Стрикалов, 2011. С. 117). Далее мы сопоставили разрезы по бортам раскопа, на которых по этим признакам намечены границы городен, с планами, на которых зафиксированы фрагменты бревен и их следы. Если от одного борта раскопа к другому через фрагменты бревен, ориентацию которых можно установить, провести условные линии, как бы достраивающие фрагменты до целых бревен, то в бортах раскопа они точно или почти точно попадают на намеченные в профилях границы городен (рис. 4). Небольшие нестыковки (до 10–15 см) объясняются фиксацией фрагментов бревен на разных уровнях и их горизонтальным смещением вследствие процессов деформации грунта (Стрикалов, 2011. С. 117).

Таким образом, можно предполагать, что оборонительные сооружения на городище Учкакар состояли из двух рядов городен. Ширина городен первого ряда составляла около 3.4-3.5 м, второго – около 2.2. Сведений об их длине нет. Возможно они стояли не вплотную друг к другу, а с небольшим промежутком в 20-30 см. Между городнями первого ряда и краем рва была оставлена берма шириной около 1-1.2 м. Интересно, что намеченные в плане границы городен практически в точности совпадают с очертаниями в плане горизонта В на последнем уровне фиксации –150 см (рис. 3, *4*; 4). Линия дна рва имеет в профиле небольшой уступ, который может свидетельствовать о том, что ров в какой-то момент был расширен (рис. 2, *1, 3*). Возможно, первоначально стена

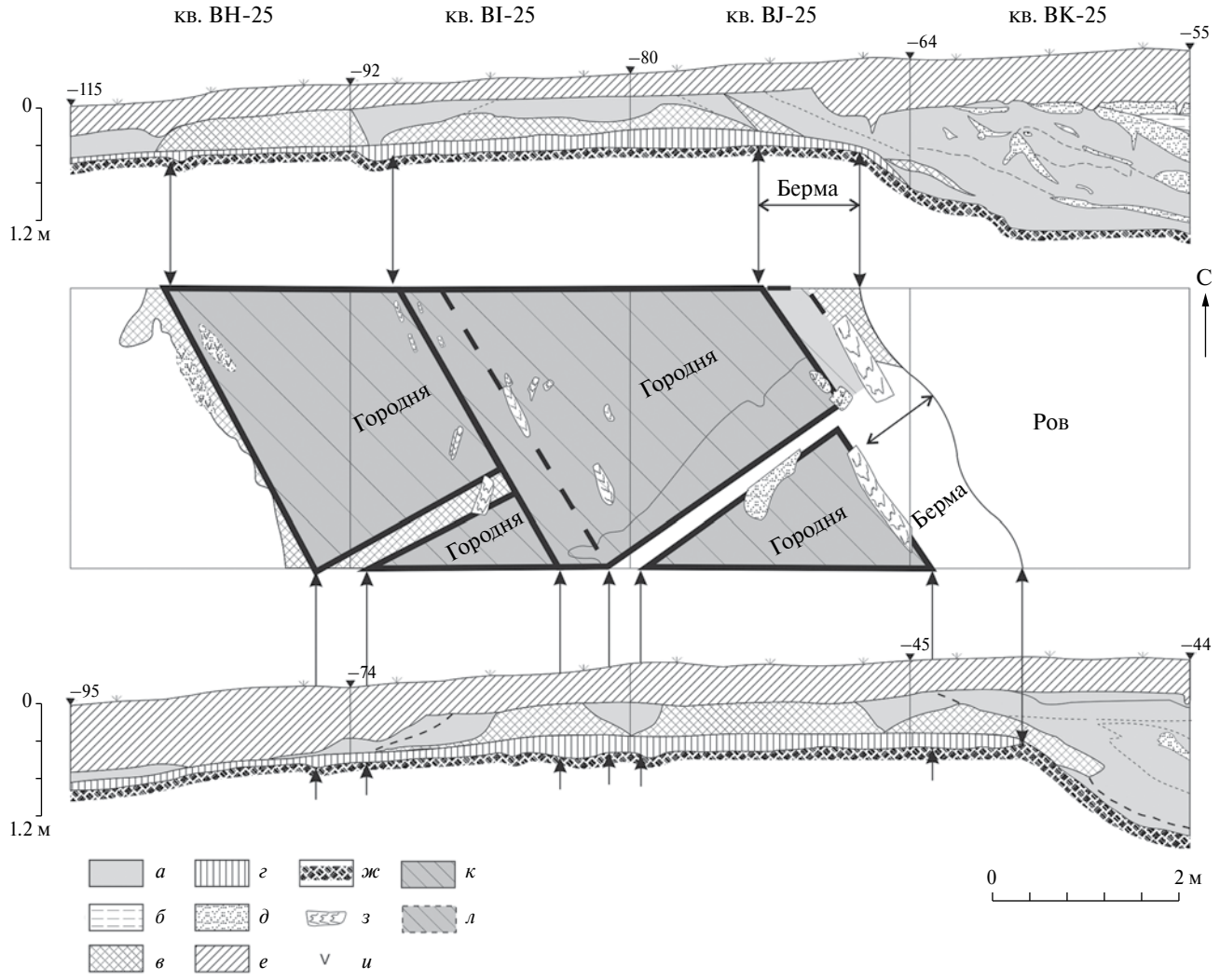


Рис. 4. Реконструкция расположения деревянных городен в пределах раскопов 3, 4. Условные обозначения: *а* – горизонт А; *б* – горизонт Б; *в* – горизонт В; *г* – горизонт Г; *д* – горизонт Д2; *е* – горизонт Ж; *ж* – красная глина (материк); *з* – остатки бревен; *и* – уголь; *к, л* – примерные границы деревянных городен.

Fig. 4. Reconstructed location of timber-laced ramparts inside excavation sites 3 and 4

состояла из одного ряда городен, а затем к ней был пристроен второй ряд.

Подобная конструкция оборонительных сооружений находит многочисленные аналогии на городищах эпохи Средневековья. На городище Иднакар основу внутренней линии обороны составляли срубы длиной 4.5–5 м и шириной 2.7–3. Так же, как и в нашем случае, срубы были поставлены не вплотную друг к другу, а с промежутком (Иванова, 1998. С. 20, 21. Рис. 4). Остатки срубных конструкций выявлены на марийском Важнангерском (Мало-Сундырском) городище (Никитина, Михеева, 2004. С. 195, 196). Деревянные конструкции зафиксированы внутри вала Чердынского городища (Оборин, 1999. С. 263). На городищах Волжской Булгарии, Тигашевском, Юловском, Казани, Суваре и др., внутри валов зафиксированы срубные конструкции (Губайдуллин, 2002. С. 53, 54, 58, 60, 66, 83). В наибольшей степени подобные сооружения изучены на древнерусских памятниках: Старокиевской горе (Михайлов, 2010. С. 308–315), Старой Рязани (Стрикалов, 2011. С. 118–129), Ярославле (Археология древнего Ярославля, 2012. С. 41), Снепороде (Моргунов, 2012. С. 62–77), Ростиславле Рязанском (Коваль, 2015. С. 78–84) и др.

В том, что внутренняя линия обороны Кушманского городища представляла собой именно деревянную стену с грунтовой забутовкой (рис. 5, *1*), а не вал с деревянным каркасом, нет сомнений. Технически подобный каркас малопригоден для укрепления насыпи. Не годится он и в качестве фундамента для стен, сооруженных поверх вала.

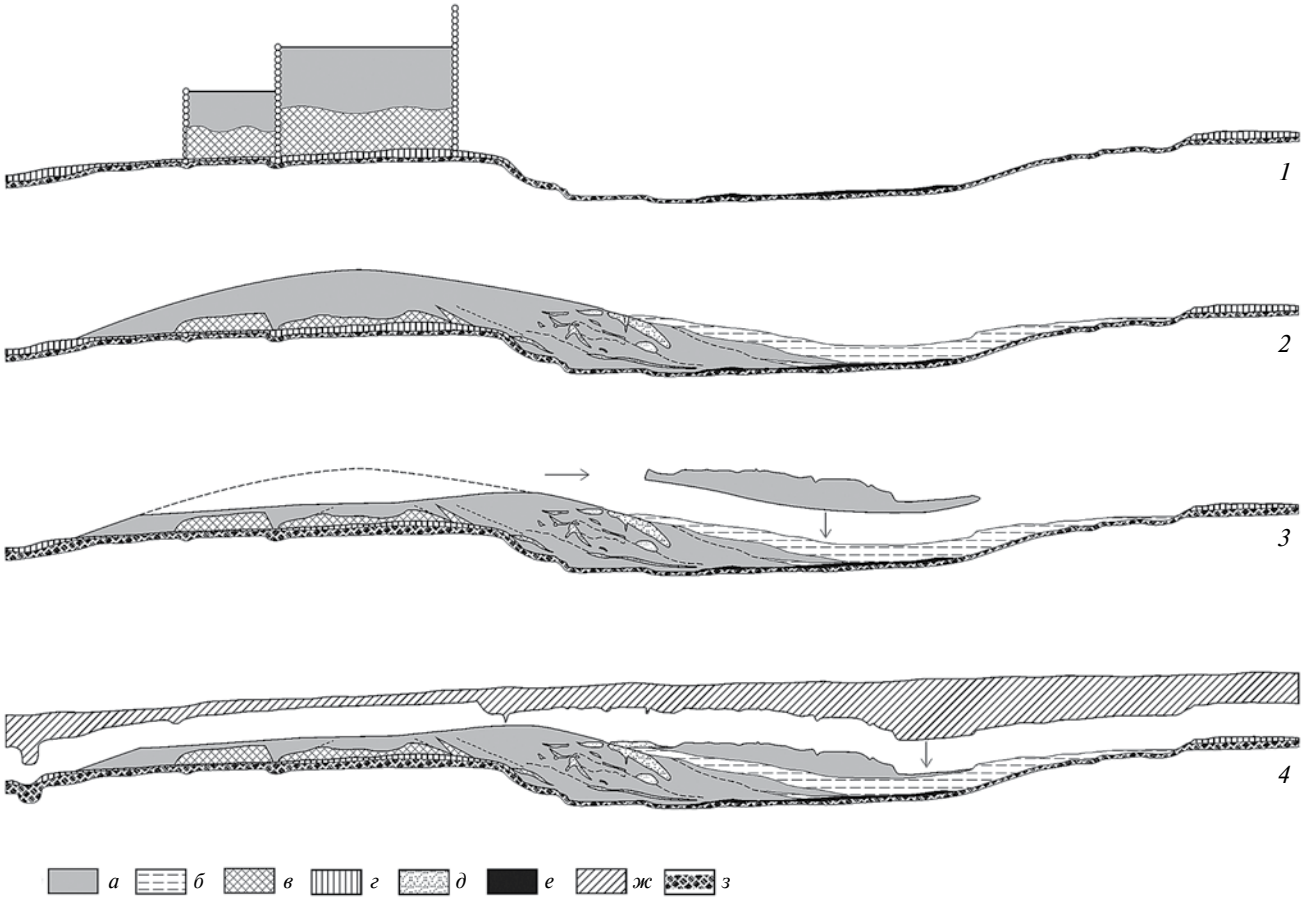


Рис. 5. Этапы функционирования и руинизации внутренней линии обороны. *1* – возведение и функционирование; *2* – разрушение, кратковременное запустение, проработка высыпавшегося в ров грунта почвообразованием; *3* – планировка территории; *4* – хозяйственное освоение территории. Условные обозначения: *а* – горизонт А; *б* – горизонт Б; *в* – горизонт В; *г* – горизонт Г; *д* – горизонт Д2; *е* – горизонт Е; *ж* – горизонт Ж; *з* – материк.

Fig. 5. Stages of functioning and ruination of the inner line of defenses

В этом случае пришедшие в негодность нижние венцы невозможно будет заменить (Моргунов, 2009. С. 54, 55). Предложенный вариант реконструкции стены в виде рядов деревянных срубов (городен) представляется наиболее вероятным. Однако, учитывая фрагментарность полученных материалов, связанных в первую очередь с полным уничтожением этой линии обороны в древности и активным использованием освободившегося участка в дальнейшем, не исключены и другие ее варианты, например в виде двухрядной каркасно-столбовой конструкции. Подобный тип оборонительной стены представляет собой ряды горизонтально уложенных бревен, закрепленных вертикальными столбами (Моргунов, 2009. С. 43). Пространство между рядами бревен, как и в случае со срубами, засыпалось землей. В пользу такого варианта может свидетельствовать тот факт, что подавляющее большинство зафиксированных остатков бревен, в том числе и упавших (или сброшенных) в ров, было расположено именно вдоль вала. Однако наличие следов поперечного бревна, а также прослеживающаяся прямоугольность горизонта В на последних уровнях его фиксации в плане все же наиболее предпочтительным делает вариант со срубной конструкцией стены. То, что остатки поперечного бревна зафиксированы в единичном экземпляре, объясняется малой высотой сохранившегося вала и небольшой площадью раскопок.

После разрушения большая часть деревянных конструкций оказалась во рву. Фрагменты бревен и их следы (горизонт Д2) обнаружены как в горизонте А1 (большая часть), так и в горизонте А2 (рис. 3, *1–3*). В горизонте А1 они представлены в виде двух крупных массивов и нескольких небольших разрозненных фрагментов (рис. 3, *2, 3*). Размеры фрагментов сильно различаются, от небольших, 11 × 15 см, до довольно крупных, около

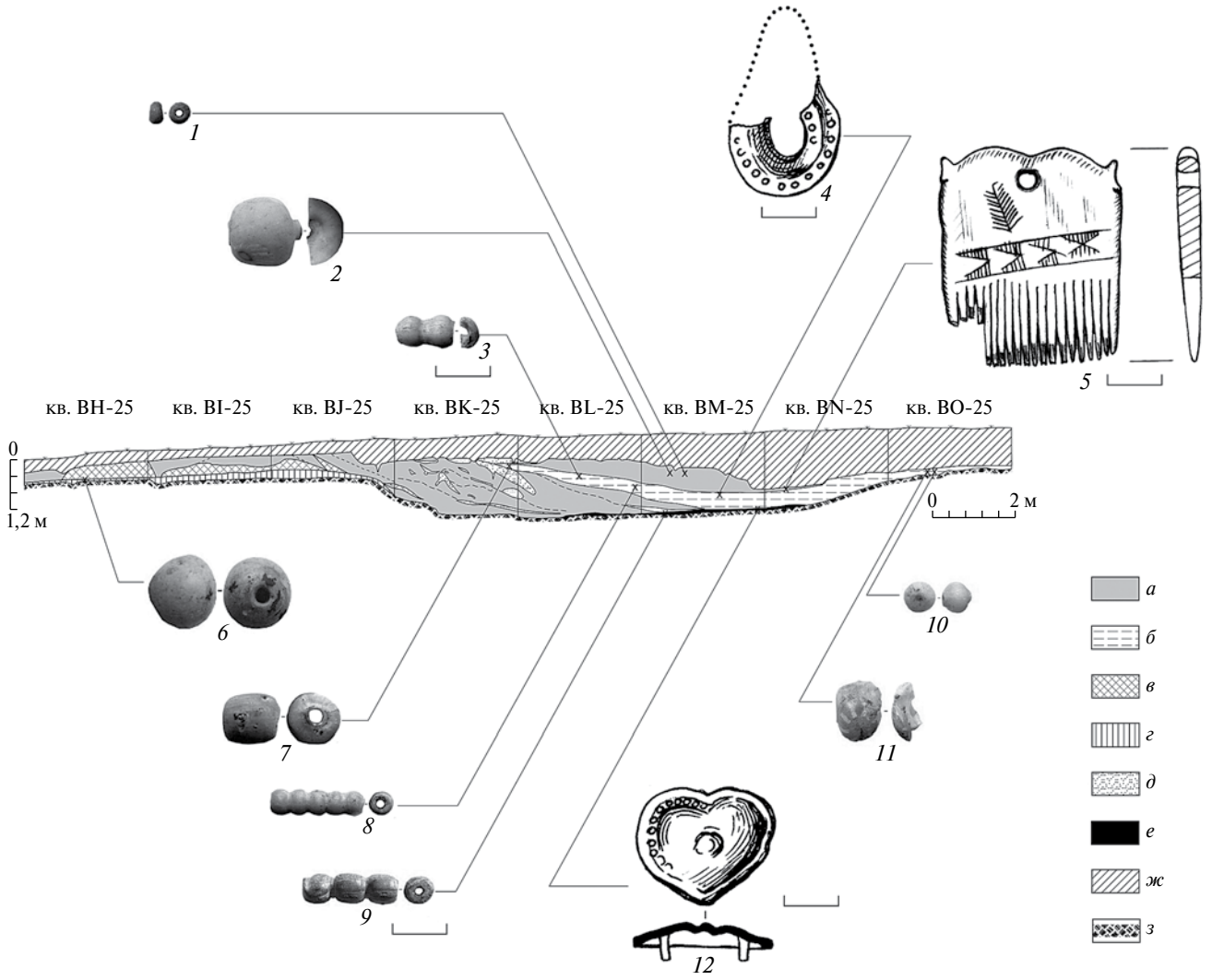


Рис. 6. Находки из вала и рва. *1–3, 6–11* – бусины (стекло); *4* – калачевидная серьга с циркульным орнаментом (белый металл – серебро?); *5* – односторонний гребень (кость); *12* – сердцевидная бляха (бронза). Условные обозначения: *а* – горизонт А; *б* – горизонт Б; *в* – горизонт В; *г* – горизонт Г; *д* – горизонт Д2; *е* – горизонт Е; *ж* – горизонт Ж; *з* – материк.

Fig. 6. Finds from ditch and rampart

2 м в длину. Полосы горизонта Д2, маркирующие места залегания уже истлевших бревен, имели те же размеры. В профилях они выглядят как наклонные в сторону центра рва узкие длинные прослойки горизонта Д2 с включением мелких фрагментов дерева. То, каким образом остатки бревен расположены во рву, говорит в пользу того, что они были сброшены или упали сюда при разрушении деревянных городен, а не были обшивкой стенок рва (рис. 2, *1, 3*; 3, *2, 3*). Вместе с ними в ров высыпался грунт, заполнявший городни (горизонт А1). Эта часть заполнения рва перекрыта грунтом горизонта Б. По заключению канд. биол. наук А.В. Борисова (Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН), консультировавшего нас во время раскопок, это проработанный почвообразованием материал грунтовой забутовки стен, свидетельствующий о том, что ров какое-то время оставался в полузасыпанном состоянии (рис. 5, *2*). Через некоторое время половина оставшейся части рва была засыпана остатками материковой глины из заполнения городен (А2) вместе с остатками бревен, которые все это время в виде небольшого вала располагались на месте разрушенной стены (рис. 5, *2, 3*). Поверхность была выровнена и использовалась в дальнейшей хозяйственной деятельности (рис. 5, *4*). Небольшая часть рва, судя по всему, намеренно оказалась не засыпанной и использовалась для каких-то хозяйственных нужд. В пользу этого говорит и большое количество находок в этой части рва, заполненной грунтом горизонта Ж. Похожую

картину можно наблюдать на Бисеровском II городище ломоватовской культуры, где первоначальный ров после расширения территории поселения стал местом свалки мусора и хозяйственных отходов (Голдина, Кананин, 1989. С. 13).

Описанные оборонительные сооружения были воздвигнуты на поверхности погребенной почвы – горизонт Г (рис. 5, *1*). Единственная индивидуальная находка из верхней части этого горизонта, непосредственно под валом, представлена округлой стеклянной бусиной синего цвета (рис. 6, *6*). В Приуралье подобные бусины найдены в Поломском I могильнике (конец VI – начало X в.), а также на памятниках ломоватовской культуры, где датируются концом VIII – IX в. (Львова, 1973. С. 92, 94, 95. Рис. 2, *25–28*; Голдина, Королева, 1983. С. 40–69. Цв. вкл.). Из горизонта Е на дне рва происходят находки многочастной стеклянной синей пронизки и сердцевидной бляхи (рис. 6, *9, 12*). Многочастные синие пронизки датируются в Старой Ладоге VIII–IX вв. (Львова, 1968. С. 88). В Верхнем Прикамье такие бусины известны на памятниках VIII–XI вв. (Голдина, Королева, 1983. С. 58, 64; Голдина, 2012). Сердцевидные бляхи, подобные кушманской, найдены на Лядинском могильнике X–XI вв. (Ястребов, 1893. Табл. VI, *21, 24*), Омутницком могильнике IX–XII вв. (Семенов, 1985. С. 100. Рис. 5, *10*), могильнике Черемисское кладбище VIII–XI вв. (Никитина, 2012. С. 218. Рис. 112, *3, 4*). Судя по этим находкам, вероятное время функционирования внутренней линии обороны Кушманского городища – IX–X вв.

Из горизонтов Б и А2 происходят находки трех желтых лимоновидных одночастных и двух многочастных бусин (рис. 6, *3*, *7, 8, 10*), лимоновидной бусины с реснитчатыми глазками (рис. 6, *2*), желтой глазчатой бусины (рис. 6, *11*), голубого бисера (рис. 6, *1*), костяного одностороннего зооморфного гребня (рис. 6, *5*), фрагмента калачевидной серьги с циркульным орнаментом (рис. 6, *4*). Желтые лимоновидные бусины в Восточной Европе бытовали в основном в X–XI вв. (Львова, 1968. С. 88; Щапова, 1972. С. 178). В Прикамье подобные предметы известны в IX–XI вв. (Голдина, Королева, 1983. С. 64). Глазчатые бусины наиболее широко были распространены в X–XI вв. (Львова, 1968. С. 75, 76; 1973. С. 88, 89). Голубой бисер известен в широких хронологических пределах с V по XI в. (Львова, 1968. С. 91–94; Голдина, Королева, 1983. С. 63).

Калачевидные серьги с циркульным орнаментом датируют X–XII вв. Они известны не только на чепецких памятниках, но и в родановской культуре и марийских могильниках. Подобные серьги найдены в погр. 16 X–XI вв. Веселовского могильника; погр. 8 VIII–X вв. могильника Черемисское кладбище; погр. 5 конца VIII – X в. Юмского (Загребинского) могильника; погр. 31 второй половины X в. могильника Нижняя Стрелка (Никитина, 2012. С. 62, 65, 67, 154, 204, 228, 290. Рис. 48, *12*; 58, *4*; 122, *5*; 184, *2*); в Агафоновском II могильнике XII в. (Голдина, Ютина, 2012. С. 456, 471. Рис. 7, *135*), Омутницком могильнике IX–XII вв. (Семенов, 1985. С. 97, 111. Рис. 2, *17*).

Зооморфные односторонние гребни известны с IX в. По Л.А. Голубевой, рассматриваемый гребень относится к варианту 4, распространенному в IX–X вв. (1979. С. 59, 111. Табл. 25, *2, 13*). На городище Иднакар подобные гребни зафиксированы во всех хронологических горизонтах (Иванова, 1998. С. 162–169).

Судя по рассмотренным находкам, окончательная засыпка рва и нивелировка поверхности на месте внутренней линии обороны Кушманского городища произошла в пределах X–XI вв., вряд ли позже первой половины последнего.

Таким образом, исследования внутренней линии укреплений Кушманского городища Учкакар доказали результативность использования геофизических методов при выявлении оборонительных сооружений, не выраженных в рельефе, и продемонстрировали ограничения при оценке их геометрических параметров. Показана эффективность разработанных принципов определения конструкции дерево-земляных укреплений при изучении объектов финно-угорского средневековья Приуралья. Полученные результаты позволили оценить хронологию процесса возведения, функционирования и разрушения оборонительных сооружений Учкакара, а также роль внутренней линии укреплений в развитии поселения. В целом, итоги данной работы позволяют конкретизировать особенности формирования и развития системы оборонительных укреплений средневековых городищ лесной зоны Приуралья.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-04239а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. М.: ИА РАН, 2012. 296 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. ГПУ, 2008. 603 с.

Бобачев А.А., Горбунов А.А., Модин И.Н., Шевнин В.А. Электротомография методом сопротивлений и вызванной поляризации // Приборы и системы разведочной геофизики. 2006. № 2. С. 14–17.

Борисевич Г.В. Реконструкция сооружений городища Слободка // Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в земле вятичей. М.: Наука, 1987. С. 180–184.

Голдина Е.В. Хронология бус могильников неволинской культуры // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2012. С. 286–320.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 216 с.

Голдина Р.Д., Королева О.П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1983. С. 40–71.

Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю. Оборонительные сооружения Верх-Саинского I городища // Междунар. (XVI Уральское) археол. совещание: мат-лы конф. Пермь: Перм. ГПУ, 2003. С. 147–149.

Голдина Р.Д., Ютина Т.К. О датировке и хронологии погребальных комплексов Агафоновского могильника (IX–XII вв.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2012. С. 447–472.

Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров. М.: Наука, 1979 (САИ; вып. Е1–59). 113 с.

Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. 232 с.

Домбровский К., Стопиньский В., Ступницкая Е. Исследование археологических памятников методом определения величины электросопротивляемости грунта // СА. 1962. № 3. С. 105–115.

Иванова М.Г. Кушманское городище // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск: Удм. НИИЯЛИ, 1976. С. 93–106.

Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.

Иванова М.Г. Отчет об исследованиях на Кушманском городище Учкакар в Ярском районе Удмуртской республики в 2014 г. // Архив УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск. 2015.

Иванова М.Г., Журбин И.В. Археолого-геофизические исследования оборонительных сооружений // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3 (43). С. 82–91.

Иванова М.Г., Журбин И.В., Кириллов А.Н. Оборонительные сооружения городища Иднакар: основные итоги междисциплинарных исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2 (54). С. 97–108.

Коваль В.Ю. Главная линия оборонительных укреплений Ростиславля Рязанского // РА. 2015. № 1. С. 73–87.

Кучера М.П. Городища // Археология Украинской ССР. Т. 3. Киев: Наук. думка, 1986. С. 372–396.

Львова З.А. Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. I: Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. Вып. 10. Л.: Изд-во ГЭ, 1968. С. 63–94.

Львова З.А. Бусы I Поломского могильника // АСГЭ. Вып. 15. Л.: Изд-во ГЭ, 1973. С. 83–104.

Милованов С.И. К вопросу о времени возведения оборонительных укреплений Печернего города Владимира-на-Клязьме // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 184–192.

Михайлов К.А. Реконструкция древнейших укреплений Старокиевского городища // Проблеми давньоруської та середньовічної археології. Київ: Інститут археології НАН України, 2010 (Археологія і давня історія України; вип. 1). С. 308–315.

Моргунов Ю.Ю. Сампсониев Остров: Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в IX–XIII вв. М.: Наука, 2003. 187 с.

Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII вв. М.: Наука, 2009. 303 с.

Моргунов Ю.Ю. Летописный город Снепород и его округа. X–XIII вв. СПб.: Филолог. фак. СПбГУ, 2012. 252 с.

Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2012. 408 с.

Никитина Т.Б., Михеева А.И. Оборонительные сооружения Важнангерского городища // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: мат-лы Всерос. конф. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 194–201.

Оборин В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в Средние века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 255–298.

Первухин Н.Г. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. Вып. II. СПб.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1896. С. 13–121.

Раппопорт П.А. Очерки истории русского военного зодчества X–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956 (МИА; № 52). 184 с.

Семенов В.А. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов: НИИ при Совете министров УдмССР, 1985. С. 92–118.

Скакун Н.Н., Тарасов В.А. Результаты применения магниторазведки каппаметрии при исследовании поселения трипольской культуры Бадаки // Археологические вести. 2000. № 7. С. 60–69.

Спицын А.А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. Вып. I. СПб.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1893. С. 85–92.

Стрикалов И.Ю. Оборонительный комплекс Южного городища Старой Рязани в свете новых исследований // Археология Подмосковья: мат-лы науч. семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 109–132.

Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во МГУ, 1972. 215 с.

Якубчинова М. Раннесредневековое городище Бойна I – Валы – великоморавский центр в юго-западной Словакии // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 213–225.

Ястребов В.Н. Лядинский и Томниковский могильники. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1893 (Мат-лы по археологии России; № 10). 64, 32 с.

Frühmittelalterlicher Burgenbau in Mittel- und Osteuropa: Tagung Nitra vom 7. bis 10. Oktober 1996. Bonn: Habelt-Verlag, 1998. 447 p.

INTERDISCIPLINARY STUDIES AND RECONSTRUCTION OF THE DEFENSES AT KUSHMAN UCHKAKAR FORTIFIED SETTLEMENT

Roman N. Modin[*], Igor V. Zhurbin[**], Margarita G. Ivanova[***]

** Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia (modin.roman@mail.ru)*
*** Physical-Technical Institute, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia (zhurbin@udm.ru)*
**** Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia (margrig45@mail.ru)*

The article presents the materials of interdisciplinary field studies and the results of reconstructing the inner line of defenses at Kushman Uchkakar, which dates to the 9th-13th centuries and is one of the key sites of Cheptsa archaeological culture. Alongside with Idnakar and Guryakar, Uchkakar is a large fortified settlement in the Cheptsa river basin, with a cemetery and three settlements in the immediate vicinity. The inner defensive structures at Uchkakar, which are not visible on the ground, have been detected with the help of geophysical methods. The article presents the methods used for uncovering and recording the strata. The reconstruction is based on studying – Rus fortification and on the assumption that the inner line of defenses at Uchkakar will have been timber-laced earthen ramparts. Analysis of the structure and composition of the strata in the filling of the ditch, the mutual alignment of the horizons and the remains of the timber constructions allow assuming that the defenses will have comprised two rows of ground-filled timberwork. The reconstruction is a new achievement in the archaeology of the Urals region. We have identified the time periods when the defensive structures will have fallen into disuse and become part of the settled territory. Based on the location of chronologically indicative finds (fig. 6) the article offers a chronological framework for the creation, functioning and deterioration of the line of defenses. The defensive structures must have been built during the initial period of existence of Uchkakar and eventually perished in the 10th-11th centuries The materials of the present study add to the already existing source base on the building and functioning of defensive systems at Medieval Finno-Ugric sites in the Urals region.

Key words: Middle Ages, Cheptsa culture, Uchkakar, geophysics, rampart, ditch, defensive constructions, cultural layer, timber-laced rampart.

REFERENCES

Arkheologiya drevnego Yaroslavlya. Zagadki i otkrytiya [Archaeology of ancient Yaroslavl. Enigmas and discoveries]. Moscow: IA RAN, 2012. 296 p.

Belavin A.M., Krylasova N.B., 2008. Drevnyaya Afkula: arkheologicheskiy kompleks u s. Rozhdestvensk [Ancient Afkula: the archaeological complex near Rozhdestvensk]. Perm': PermGPU. 603 p.

Bobachev A.A., Gorbunov A.A., Modin I.N., Shevnin V.A., 2006. Electrical tomography method of resistivity and induced polarization. *Pribory i sistemy razvedochnoy geofiziki [Devices and systems of Exploration Geophysics]*, 2, pp. 14–17. (In Russ.)

Borisevich G.V., 1987. Reconstruction of the buildings at Slobodka fortified settlement. *Nikol'skaya T.N. Gorodishche Slobodka XII–XIII vv. K istorii drevnerusskogo gradostroitel'stva v zemle vyatichey [Slobodka fortified settlement of the 12th–13th cc. On the history of Old Russian town development in the land of the Vyatichi]*. Moscow: Nauka, pp. 180–184. (In Russ.)

Dombrovskiy K., Stopin'skiy V., Stupnitskaya E., 1962. Investigating archaeological sites with soil resistivity measurement. *Sov. arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 3, pp. 105–115. (In Russ.)

Frühmittelalterlicher Burgenbau in Mittel- und Osteuropa: Tagung Nitra vom 7. bis 10. Oktober 1996. Bonn: Habelt-Verlag, 1998. 447 p.

Goldina E.V., 2012. A chronology of beads from Nevolino culture cemeteries. *Drevnosti Prikam'ya epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaya atributsiya [Antiquities of the Kama region in the Iron Age (6th c. BC–15th c. AD: a chronological attribution]*. Izhevsk: Izd-vo Udm. univ., pp. 286–320. (In Russ.)

Goldina R.D., Kananin V.A., 1989. Srednevekovye pamyatniki verkhov'ev Kamy [Medieval sites in the upper reaches of the Kama]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. univ. 216 p.

Goldina R.D., Koroleva O.P., 1983. Beads from Medieval cemeteries on the Upper Kama. *Etnicheskie protsessy na Urale i v Sibiri v pervobytnuyu epokhu [Ethnic processes in the Urals and Siberia in prehistoric times]*. Izhevsk: Izd-vo Udm. univ., pp. 40–71. (In Russ.)

Goldina R.D., Pastushenko I. Yu., 2003. Defensive structures of Verkh-Saya 1 fortified settlement. *Mezhdunarodnoe (XVI Ural'skoe) arkheologicheskoe soveshchanie: matly konf. [International (16th Ural) archaeological meeting: materials of the scientific conference]*. Perm': PermGPU, pp. 147–149. (In Russ.)

Goldina R.D., Yutina T.K., 2012. On the dating and chronology of the burial complexes of Agafonovo cemetery (9th–12th cc.). *Drevnosti Prikam'ya epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v.n.e.): khronologicheskaya atributsiya [Antiquities of the Kama region in the Iron Age (6th c. BC-15th c. AD): a chronological attribution]*. Izhevsk: Izd-vo Udm. univ., pp. 447–472. (In Russ.)

Golubeva L.A., 1979. Zoomorfnye ukrasheniya finno-ugrov [Zoomorphic adornments of the Finno-Ugrians]. Moscow: Nauka. 113 p. (SAI, E1–59).

Gubaydullin A.M., 2002. Fortifikatsiya gorodishch Volzhskoy Bulgarii [Fortification of Volga Bulgaria settlements]. Kazan': In-t istorii AN Resp. Tatarstan. 232 p.

Ivanova M.G. Otchet ob issledovaniyakh na Kushmanskom gorodishche Uchkakar v Yarskom rayone Udmurtskoy respubliki v 2014 g. [Report on investigations at Kushman Uchkakar fortified settlement in the Yar region of Udmurtia in 2014]. *Arkhiv Udm. IIYaL UrO RAN [Archive of Udmurt institute of history, language and literature, UB RAS]*. Izhevsk, 2015. (Unpublished).

Ivanova M.G., 1976. Kushman fortified settlement. *Voprosy arkheologii Udmurtii [Issues of Udmurt archaeology]*. Izhevsk: Udm. NIIYaLI, pp. 93–106. (In Russ.)

Ivanova M.G., 1998. Idnakar: Drevneudmurtskoe gorodishche IX–XIII vv. [Idnakar. An ancient Udmurt fortified settlement of the 9th–13th cc.]. Izhevsk: Udm. IIYaLI UrO RAN. 294 p.

Ivanova M.G., Zhurbin I.V., 2010. Archaeological and geophysical investigations of defensive structures. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia]*, (43), pp. 82–91. (In Russ.)

Ivanova M.G., Zhurbin I.V., Kirillov A.N., 2013. Defensive structures of Idnakar fortified settlement: main results of interdisciplinary studies. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia]*, 2 (54), pp. 97–108. (In Russ.)

Koval' V. Yu., 2015. Main line of defense works of Rostislavl'-Ryazansky. *Ros. arkheologiya [Russian Archaeology]*, 1, pp. 73–87. (In Russ.)

Kuchera M.P., 1986. Fortified settlements. *Arkheologiya Ukrainskoy SSR [Archaeology of Ukrainian SSR]*, 3. Kiev: Nauk. dumka, pp. 372–396. (In Russ.)

L'vova Z.A., 1968. Glass beads from Staraya Ladoga. Part 1: Manufacture, area and time of distribution. *Arkheologicheskiy sb. GE [Archaeological Bulletin of the State Hermitage]*, 10. Leningrad: Izd-vo GE, pp. 63–94. (In Russ.)

L'vova Z.A., 1973. Beads from Polom 1 cemetery. *Arkheologicheskiy sb. GE [Archaeological Bulletin of the State Hermitage]*, 15. Leningrad: Izd-vo GE, pp. 83–104. (In Russ.)

Mikhaylov K.A., 2010. Reconstruction of earliest fortification elements on the Old Kyiv site of ancient settlement. *Problemi davn'orus'koï ta seredn'ovichnoï arkheologiï [Problems of Old Russian and Medieval archaeology]*. Kiïv: Ins-t arkheologiï NAN Ukraïni, pp. 308–315. (Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni, 1). (In Russ.)

Milovanov S.I., 2014. Fortifications of the Pecherny Town in Vladimir-on-the-Klyazma: new archaeological data on the chronology. *Rus' v IX–XII vekakh. Obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura [Rus in the 9th–12th centuries: society, state, culture]*. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 184–192. (In Russ.)

Morgunov Yu. Yu., 2003. Sampsoniev Ostrov: Pogranichnaya krepost' na posul'skoy okraine Yuzhnoy Rusi v IX–XIII vv. [Sampson Island: A frontier fortress on the outskirts of the Sula region of Southern Rus in the 9th–13th cc.]. Moscow: Nauka. 187 p.

Morgunov Yu. Yu., 2009. Drevo-zemlyanye ukrepleniya Yuzhnoy Rusi X–XIII vv. [Wooden and earthen fortifications in Southern Rus, 10th–13th centuries]. Moscow: Nauka. 303 p.

Morgunov Yu. Yu., 2012. Letopisnyy gorod Sneporod i ego okruga. X–XIII vv. [The annalistic city of Sneporod and its neighbourhood. 10th–13th centuries]. St. Petersburg: Filol. fak. SPbGU. 252 p.

Nikitina T.B., 2012. Pogrebal'nye pamyatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya [Burial sites of the 9th–11th cc. in the Vetluga-Vyatka interfluve area]. Kazan': Inst-t istorii AN Resp. Tatarstan. 408 p.

Nikitina T.B., Mikheeva A.I., 2004. Defensive structures of Vazhnanger hillfort. *Udmurtskoy arkheologicheskoy ekspeditsii – 50 let: mat-ly Vseros. konf. [Fiftieth anniversary of the Udmurt archaeological expedition: materials of the all-Russian scientific conference]*. Izhevsk: Udm. IIYaLI UrO RAN, pp. 194–201. (In Russ.)

Oborin V.A., 1999. The Komi-Permyaks. *Finno-ugry Povolzh'ya i Priural'ya v Srednie veka [Finno-Ugrians of the Volga and Urals regions in the Middle Ages]*. Izhevsk: Udm. IIYaLI UrO RAN, pp. 255–298. (In Russ.)

Pervukhin N.G., 1896. An essay in archeological study of Glazovdistrict in Vyatka province. *Mat-ly po arkheologii vostochnykh guberniy Rossii [Materials on the archaeology of Russia's eastern provinces]*, II. St. Petersburg: Tip. E. Lissnera i Yu. Romana, pp. 13–121. (In Russ.)

Rappoport P.A., 1956. Ocherki istorii russkogo voennogo zodchestva X–XIII vv. [Sketches on the history of Russian military architecture inj the 10th–13th cc.]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 184 p. (MIA, 52).

Semenov V.A., 1985. Omutnitsa cemetery. *Mat-ly srednevekovykh pamyatnikov Udmurtii [Materials from medieval sites in Udmurtia]*. Ustinov: NII pri Sovete ministrov UdmSSR, pp. 92–118. (In Russ.)

Shchapova Yu.L., 1972. Steklo Kievskoy Rusi [Glassworks of Kievan Rus']. Moscow: Izd-vo MGU. 215 p.

Skakun N.N., Tarasov V.A., 2000. The results of magnetic prospecting and magnetic susceptibility measurements at the Bodaki site. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological news]*, 7, pp. 60–69. (In Russ.)

Spitsyn A.A., 1893. The Urals region. Archaeological investigations on the earliest inhabitants of Vyatka province. *Mat-ly po arkheologii vostochnykh guberniy Rossii [Materials on the archaeology of Russia's eastern provinces]*, I. St. Petersburg: Tip. E. Lissnera i Yu. Romana, pp. 85–92. (In Russ.)

Strikalov I. Yu., 2011. The defensive complex of Southern fortified settlement at Staraya Ryazan in the light of new studies. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of the Moscow region: materials of the scientific seminar]*, 7. Moscow: IA RAN, pp. 109–132. (In Russ.)

Yakubchinova M., 2014. Bojná I–Valy Early Medieval hillfort: a Great Moravian center in southwest Slovakia. *Rus' v IX–XII vekakh. Obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura [Rus' in the 9th–12th centuries. Society, state, culture]*. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 213–225. (In Russ.)

Yastrebov V.N., 1893. Lyadinskiy i Tomnikovskiy mogil'niki [Lyada and Tomnikovo cemeteries]. St. Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova. 64, 32 p., 15 l. ill. (Mat-ly po arkheologii Rossii, 10).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2018, № 2, с. 98–112

КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПАМЯТНИКОВ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЮЖНОТАЕЖНОЙ ЗОНЫ СРЕДНЕЙ СИБИРИ

© 2018 г. П. В. Мандрыка*, П. О. Сенотрусова**

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

**E-mail: pmandryka@yandex.ru;*

***E-mail: polllina1987@rambler.ru*

Поступила в редакцию 26.01.2017 г.

В начале II тыс.н.э. в южнотаежной зоне Средней Сибири складывается лесосибирская археологическая культура. Ее ареал охватывает среднее и нижнее течение р. Ангара, долину Енисея вдоль Енисейского кряжа, а также верховья Подкаменной Тунгуски. Для этой культуры характерны погребения по обряду кремации на стороне с разнообразным набором сопроводительного инвентаря, появление укрепленных поселений, распространение керамики с гребенчатой орнаментацией и др. Среди инвентаря выделяются импортные и местные изделия, именно в их использоании выражается ее своеобразие. Хозяйственный уклад носил комплексный характер, сочетая коневодство, охоту, рыбную ловлю, собирательство, черную металлургию. Население поддерживало культурные связи с сопредельными районами и отдаленными территориями Евразии. Ее носители были активно включены в культурные и политические процессы, протекавшие на территории Северной Евразии. На это указывает обилие предметов импорта, поступающих не только из сопредельных к ареалу культуры районов, но и из Волжской Болгарии, Монголии и Китая.

Ключевые слова: Средняя Сибирь, южная тайга, средневековье, лесосибирская археологическая культура, погребения, поселения, керамика, хозяйство.

DOI: 10.7868/S0869606318020083

Изучение средневековых памятников южнотаежной зоны Средней Сибири[1] имеет длительную историю, наибольшее количество материалов относится к периоду развитого средневековья. Были вскрыты могильники, одиночные погребения, поселения и городища этого времени, расположенные в Нижнем Приангарье и в среднем течении Енисея. Анализ всего массива имеющихся источников позволяет поставить вопрос об определении культурной принадлежности этих памятников и объединении их в рамках единой археологической культуры.

История изучения. В археологическом отношении южная тайга Средней Сибири исследована неравномерно, большинство памятников локализовано в долине Нижней Ангары и Енисея. Первые средневековые материалы в Нижнем Приангарье выявлены Н.И. Витковским в 1882 г. на Втором Каменном острове и возле д. Чадобец (Витковский, 1889а. С. 37; 1889б. С. 5, 6). В 1924 г. в фонды Красноярского краеведческого музея поступила коллекция средневековых предметов, собранная в нижнем течении Ангары, у деревень Матерая, Панова, Карапчанка, Чадобец, Невонка (Дроздов и др., 2007, С. 26). В 1932–1934, 1936–1937 гг. в Нижнем Приангарье работала Ангарская археологическая экспедиция под руководством А.П. Окладникова. Согласно его отчету 1937 г., к эпохе позднего железа относятся погребения, горны и керамика с «...тонким гребенчатым орнаментом...» (Окладников, 1937. Л. 16). Одно средневековое погребение им было найдено ниже р. Большая Кежма, другое богатое “тунгусское” погребение отмечено в устье р. Тасеева (Окладников, 1937. Л. 21). В конце 1960-х годов проводились раскопки в зоне затопления водохранилища Усть-Илимской ГЭС, выявлены средневековое погребение в устье р. Карапчанка и материалы позднего железного века на стоянке

[1] Средняя Сибирь – это обширная территория, расположенная между долиной р. Енисей и Верхоянским хребтом. Среднесибирская подзона южной тайги занимает среднее и нижнее течение р. Ангара и среднее течение Енисея. С севера она ограничена Ангаро-Тунгусским водоразделом, с южной стороны граничит с Красноярско-Канской лесостепью. Территория включает Приангарское южнотаежное плато и Енисейский кряж (Средняя Сибирь, 1964. С. 334. Рис. 63).

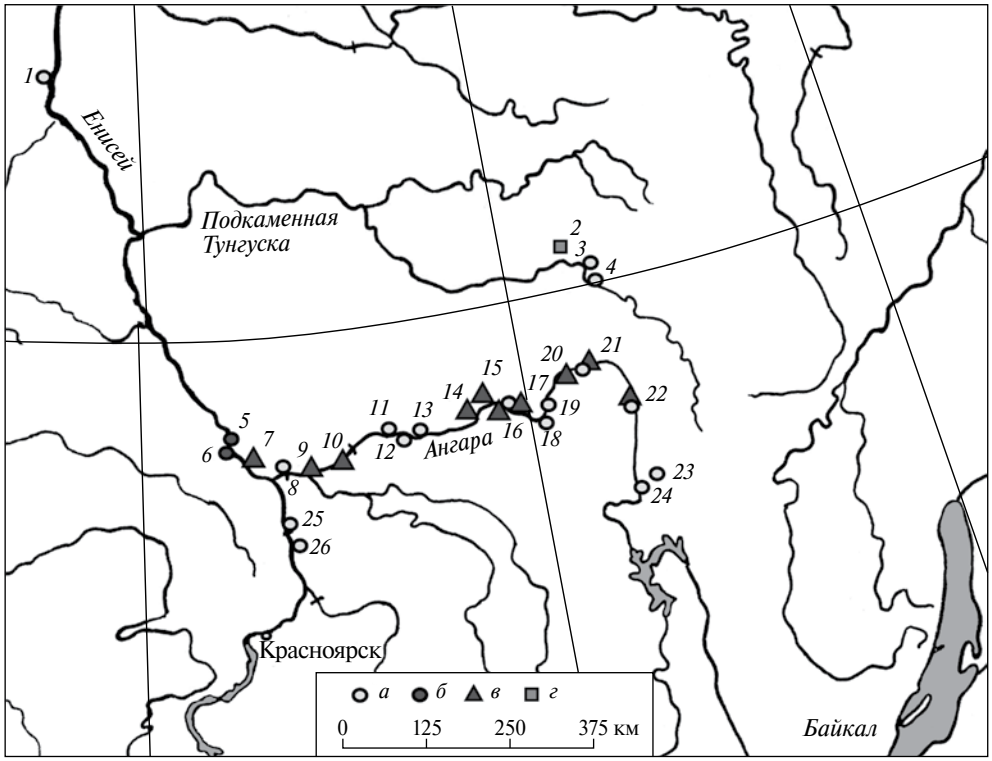


Рис. 1. Карта-схема расположения памятников лесосибирской культуры. *1* – Сургутиха; *2* – клад на р. Хушмо; *3* – Водозимская Заимка 1; *4* – Зимовье Панова В.Ф.; *5* – Усть-Самоделка 4; *6* – Лесосибирское 1; 7 – Каменка; *8* – Стрелковское 1; *9* – Усть-Тасеева; *10* – Скородумский Бык; *11* – Ельчимо 2; *12* – Усть-Карабула; *13* – Красногорьевский 2; *14* – Чадобец; *15* – Кода 2; *16* – Усть-Кода; *17* – Проспихинская Шивера IV; *18* – Усть-Кова; *19* – Аплинский Порог; *20* – Капонир; *21* – Сергушкин 3, Взвоз; *22* – Отико; *23* – Усть-Илим; *24* – Воробьево; *25* – Шилка 9; *26* – Бобровка. Условные обозначения: *а* – стоянка, поселение; *б* – городище; *в* – погребение, могильник; *г* – клад.

Fig. 1. Schematic map localizing the Lesosibirsk culture sites

Усть-Илим (Васильевский, Бурилов, 1971. С. 212, 258).

В 1980-е годы отрядом Красноярского государственного педагогического университета проводилось полевое изучение комплекса Усть-Кова, где отмечено девять средневековых погребений по обряду кремации на стороне и шесть ритуальных объектов с железными и костяными изделиями (Леонтьев, Дроздов, 1996). Несколько одиночных погребений с таким же обрядом было выявлено в 1970–1990-е годы на стоянках Чадобец, Сергушкин 3, Отико, в устье р. Кода (Сенотрусова, 2013. С. 4, 5). В середине 2000-х годов проводились исследования могильника в устье р. Тасеева (Лысенко, Гревцов, 2006. С. 48), а в 2010 г. на Скородумском Быке на Ангаре зафиксировано три средневековых погребения (Фокин, 2013. С. 127). В бассейне Среднего Енисея погребения по обряду кремации на стороне выявлены на комплексах Усть-Шилка II и Каменка (Мандрыка, 2006а, б).

С 2008 по 2012 г. в Северном Приангарье работала Богучанская экспедиция Института археологии и этнографии СО РАН под общим руководством академика А.П. Деревянко. Средневековые погребения по обряду кремации на стороне, датированные авторами раскопок в рамках первой половины II тыс., отмечены на памятниках Окуневка, Капонир, Кода 2, Сергушкин 3, Отико (Богучанская..., 2014, 2015). На Острове Каменном I выявлено парное погребение по обряду ингумации XIV–XV вв. (Леонтьев, Вдовин, 2013. С. 204). Наибольшее количество средневековых захоронений изучено на некрополе Проспихинская Шивера IV, где за 2009–2011 гг. авторами статьи на площади около 7000 м^2 выявлено 87 средневековых погребений. Еще одно подобное захоронение вскрыто нами и на стоянке Проспихинская Шивера II в 2011 г.

К настоящему времени в южнотаежной зоне Средней Сибири известно около 130 средневековых погребений, большая часть которых выполнена по обряду кремации на стороне. Наиболее информативный памятник – могильник Проспихинская Шивера IV, для которого проведены археоботанические, антропологические и остеологические определения (Сенотрусова и др., 2014),

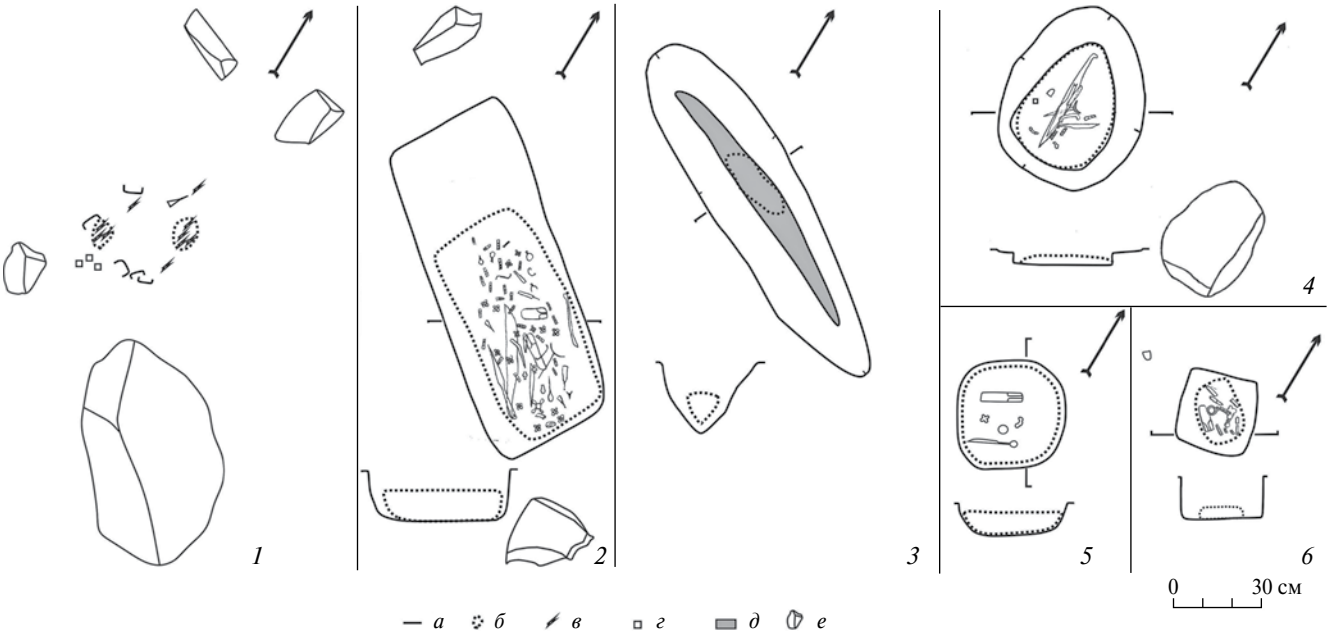


Рис. 2. Схема типов погребений могильника Проспихинская Шивера IV. *1* – погр. 54; *2* – погр. 21; *3* – погр. 20; *4* – погр. 28; *5* – погр. 63; *6* – погр. 16. Условные обозначения: *а* – границы ямы; *б* – скопление костей; *в* – фрагменты жженых костей; *г* – фрагменты керамики; *д* – следы древесного тлена; *е* – камень.

Fig. 2. Scheme of burial types of the Prospikhino Shivera IV burial ground

получена серия радиоуглеродных дат, определен состав сплава украшений из цветных металлов.

Кроме погребальных комплексов в регионе отмечены и поселенческие памятники развитого средневековья. Главным маркером их хронологической принадлежности служит керамика лесосибирского типа (Мандрыка и др., 2013). В 90-е годы XX в. эта посуда выявлена на Енисее на многослойных поселениях Бобровка и Шилка 9 (Мандрыка и др., 2013. С. 68). На городище Лесосибирское I (Мандрыка, 2003) получен эталонный поселенческий комплекс, сопровождаемый такой керамикой. Впоследствии открыты и изучены другие поселения с аналогичной посудой: Лесосибирское 2 и городище Усть-Самоделка 4 под Енисейском. Работа с научной литературой и архивными источниками показала наличие керамики лесосибирского типа на многих других памятниках южнотаежной части Средней Сибири (рис. 1). Находки в погребениях проспихинскошиверского некрополя Нижней Ангары миниатюрных сосудов этого же типа позволило провести корреляцию погребальных и поселенческих комплексов и рассматривать их в рамках одной археологической культуры, которую мы предлагаем назвать «лесосибирской».

Погребальные комплексы. Для характеристики погребального обряда носителей этой культуры решающее значение имеют материалы могильника Проспихинская Шивера IV. Формирование некрополя было постепенным, могилы располагались как линейными рядами на равном расстоянии друг от друга, так и между ними, нарушая порядок. Можно предположить, что каждый ряд формировался в относительно короткий промежуток времени, когда устройство очередной могилы происходило при визуальной видимости предыдущей. Отсутствие порядка в размещении погребений как в рядах, так и между ними может указывать на то, что в разные периоды умерших хоронили на разных участках некрополя (Сенотрусова и др., 2014. Рис. 2).

В ходе полевых и лабораторных исследований материалов некрополя выделены следующие основные элементы погребальной обрядности: преимущественно полная кремация тел, находящихся на разных стадиях разложения мягких тканей; захоронения части праха в грунтовых ямах разных форм и устройства (рис. 2)[2]; наличие как индивидуальных, так и коллективных погребений (обломков костей от двух до четырех индивидов в одной могиле); помещение на погребальный костер сопроводительного инвентаря и заупокойной пищи; присутствие в погребениях небольших керамических сосудов, антропоморфных изображений и миниатюрных предметов; наличие берестяных или деревянных

[2] В четырех случаях фрагменты жженых костей были рассыпаны по древней поверхности, инвентарь этих погребений аналогичен другим комплексам некрополя.

подстилок и перекрытий в части погребений; размещение возле могил надмогильных камней (двух и более). Выделенный комплекс особенностей обряда на могильнике устойчив, характерен он и для других погребальных комплексов южнотаежной зоны Средней Сибири[3]. К настоящему времени они локализуются по нижнему течению р. Ангара и в районе ангарской стрелки (см. рис. 1).

Некоторые компоненты погребальной обрядности, фиксируемые исследователями, нуждаются в дополнительном подтверждении. По материалам погребений со стоянки Капонир высказана идея о сжигании тел умерших в деревянных колодах, для скрепления частей которых использовались железные скобы (Гаркуша и др., 2013. С. 230). Отметим, что на Проспихинской Шивере IV скобы из прямоугольного прута отмечены только в девяти погребениях, часть из них зафиксирована в слое некрополя, вне могильных ям. В этнографических материалах известны свидетельства использования скоб для сооружения надмогильных и могильных деревянных конструкций (Мурашко, Кренке, 2001. С. 20), для соединения деталей шаманских бубнов и другой утвари. Не исключая применения скоб для скрепления крышек и оснований колод, подчеркнем, что в этнографии народов Сибири части колод скреплялись пазами, а применение металлических деталей крепления относится уже к Новейшему времени. Однозначно говорить о применении скоб из средневековых погребений для скрепления колод нельзя. Этот вопрос требует специального исследования.

Погребения лесосибирской культуры сопровождаются разнообразным и многочисленным инвентарем. Только на могильнике Проспихинская Шивера IV коллекция предметов насчитывает около 2900 ед. Количество вещей и их обломков в каждом погребении составляет от 1 до 185 предметов. Выявлены особенности состава погребального инвентаря для различных половозрастных групп (Сенотрусова и др., 2014).

Сопроводительный инвентарь погребений находит определенные аналогии в археологических комплексах первой половины II тыс. на территории Сибири. На культурные связи указывает значительное количество импортных вещей (Сенотрусова, Мандрыка, 2012, 2013). Среди них выделяется комплекс предметов, который условно можно назвать “кыргызским”, в него входят сабля, железные поясные накладки и ременные наконечники, некоторые типы пряжек, возможно, отдельные типы наконечников стрел (рис. 3, *3, 21, 22, 26, 27*; 4, *51, 52*). Шумящие, лапчатые и колоколовидные подвески, бронзовые пронизки со вздутиями, четырехлепестковые и трехчастные нашивки (рис. 4, *39, 40*; 5, *70, 72, 85, 93*) сопоставляются с материалами севера Западной Сибири. Но наибольшая часть вещей находит аналогии в материалах юга Западной Сибири (с Алтая, Верхнего Приобья, Чулыма). Это относится к оружию, орудиям труда, некоторым украшениям (рис. 3, *14, 15, 28, 39–41, 49, 63–66, 72, 74*; 4, *45–49*; 5, *19, 35–41, 54–59*).

Выделяются вещи, которые отражают местные традиции. Это тесаки, ножи с загнутым окончанием рукояти и ножи с кольцевидным навершием, некоторые типы долотовидных и шипастых наконечников стрел; биметаллические шумящие подвески, железные браслеты и разнотипные подвески, Y-образные предметы, стилизованные антропоморфные железные изображения; керамические сосуды; трубчатые железные пронизки с рифленой поверхностью, кольцевидные и якорьковидные бронзовые подвески; луки с концевыми роговыми накладками-вкладышами (рис. 3, *4, 6, 8, 10, 16, 17, 35*; 4, *8, 13, 14, 20, 36, 37, 58*; 5, *9, 10, 50, 52, 92, 94, 100, 101*).

Отдельно остановимся на керамике из погребений, поскольку именно ее наличие позволило провести корреляцию погребальных и поселенческих материалов. Сосуды из могил небольших размеров (диаметром до 6.6 см, высотой до 7), шаровидной или параболоидной формы с округлым или немного приплюснутым дном (рис. 3, *76, 77*; 4, *61, 62*). Все они, за исключением одного гладкостенного, украшены в верхней половине формы. Орнамент наносился гребенкой, наколами приостренного стека, углом гладкой прямоугольной лопатки, кружковым штампом. Отметим тождественность поселенческой и погребальной керамики по форме, орнаменту и составу формовочной массы. Различие состоит только в размерах сосудов, что позволяет утвердительно говорить об изготовлении уменьшенных копии бытовой посуды для погребений (Мандрыка и др., 2013. С. 67). На Проспихинской Шивере IV сосуды были отмечены в 20 погребениях, инвентарь которых позволяет датировать их XI–XIII вв. В более поздних комплексах сосуды встречаются реже. Среди погребений XIII в. только в одном отмечен случай их присутствия в количестве 3 экз. В группе погребений, датируемых второй половиной XIII – XIV в., керамика тоже зафиксирована только в одном комплексе.

Совокупность признаков отмеченной погребальной обрядности имеет своеобразный характер, хотя традиция сжигания тел умерших в средние века отмечена на

[3] Известны сведения о еще нескольких могильниках. Одни – разрушены грабителями (в районе устья р. Мура и возле п. Манзя, другие – выявлены недавними разведками и раскопками (в г. Енисейске, на комплексе Гермянка, на стоянке Добголя)).

Рис. 3. Сводная таблица инвентаря погребений XI – начала XII в. могильника Проспихинская Шивера IV. Материал из погр. 4, 21, 49, 50, 52, 56, 59, 67, 71, 72, 80, 82, 89, 90. *1, 2* – наконечники копий; *3* – сабля; *4* – тесак; *5–9* – ножи; *10* – скребок; *11* – кресало; *12* – Y-образный предмет; *13* – тесло; *14–16* – наконечники стрел; *17* – накладка-вкладыш на кибить лука; *18, 19* – рыболовные крючки; *20* – скоба; *21–25* – ременные наконечники; *26–29, 31, 32, 43, 46–48, 63–66* – накладки; *33* – ложка; *30, 34–36, 49–51, 72* – подвески; *37, 38* – держатели кистей; *39–41* – застежки; *42, 62, 67* – пряжки; *44, 45, 54–61* – пронизки; *52* – кольцо; *53, 74* – серьги; *68–71* – нашивки; *73* – монета; *75* – цепь; *76, 77* – сосуды. *1–16, 18–22, 26, 27, 45, 60, 61, 67* – железо; *23–25, 29–32, 34–44, 46–59, 62–66, 68–75* – бронза; *28* – серебро; *17, 33* – рог; *76, 77* – керамика. Без масштаба.

Fig. 3. Summary table of the inventory of the 11th–early 12th century from the Prospikhino Shivera IV burial ground

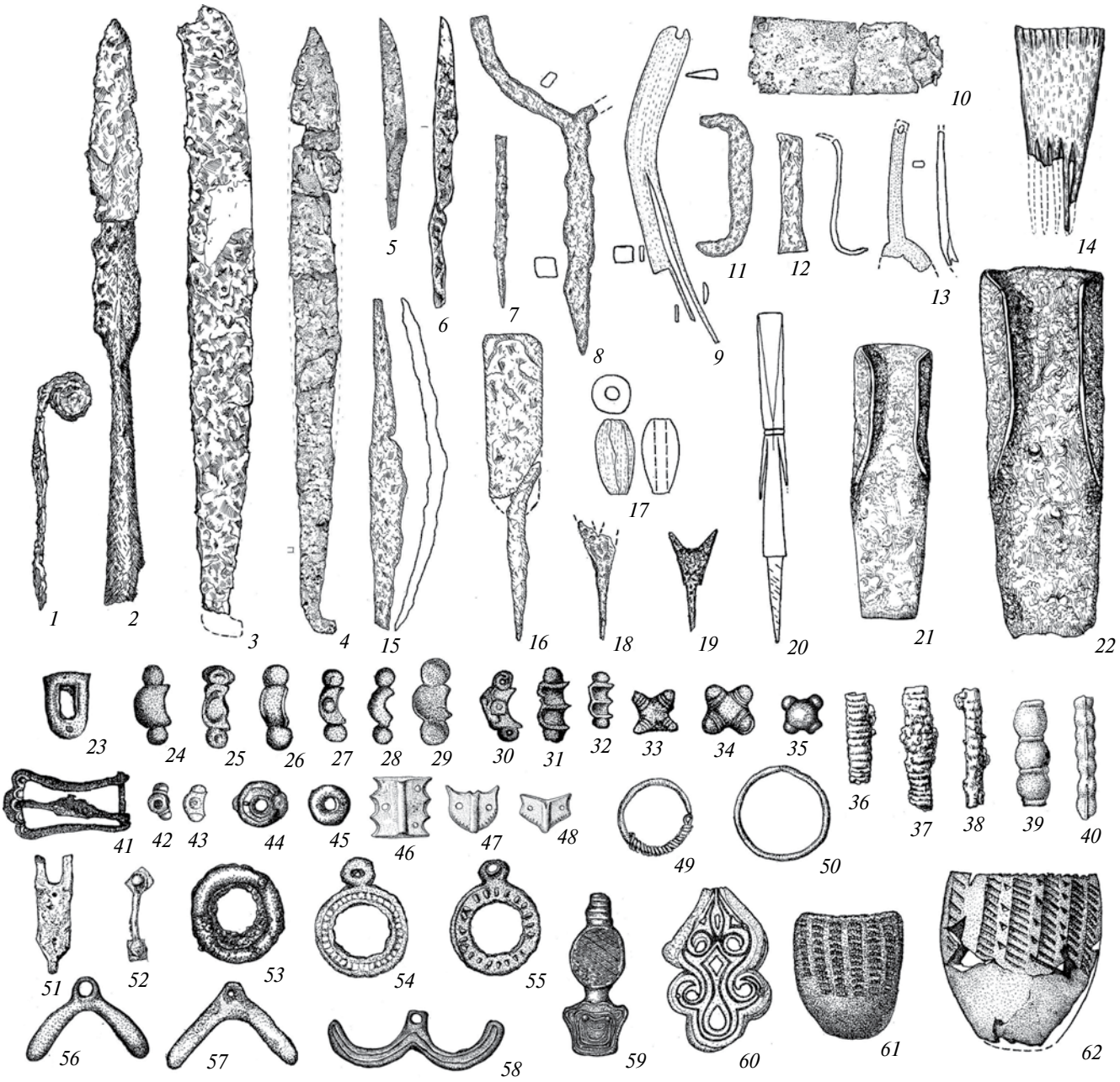
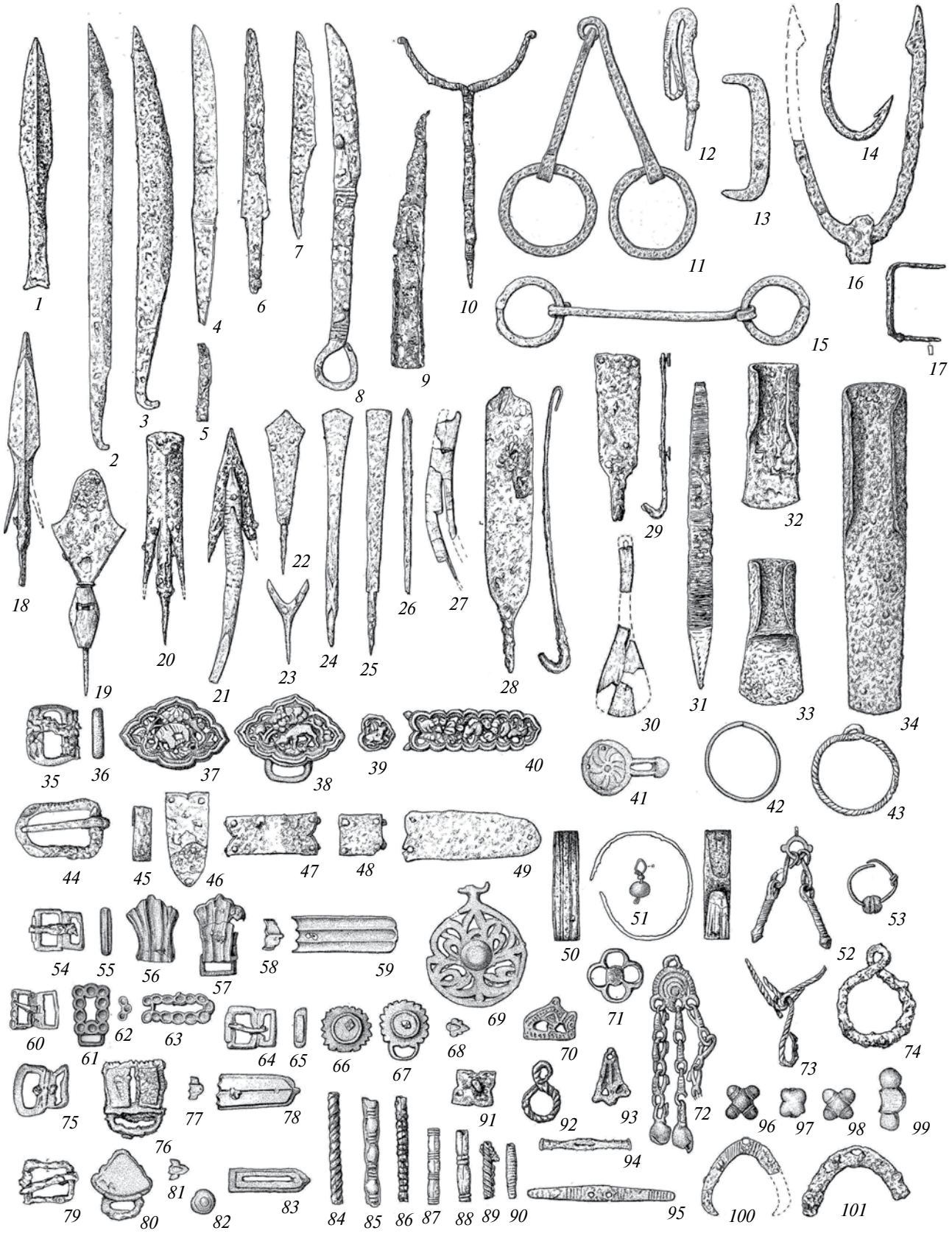


Рис. 4. Сводная таблица инвентаря погребений начала XII – середины XIII в. могильника Проспихинская Шивера IV. Материал из погр. 23, 43, 48, 73, 76, 78, 87. *1* – прут; *2* – наконечник копья; *3, 4* – тесаки; *5, 6, 15* – ножи; *8* – Y-образный предмет; *9* – накладка-вкладыш на кибить лука; *10* – пластина; *11* – кресало; *12* – скребок; *13* – ложка; *14* – гребень; *16, 18–20* – наконечники стрел; *17* – втулка; *21, 22* – тесла; *23, 51* – ременные наконечники; *24–32, 42–48, 52* – накладки; *33–35* – нашивки; *36–40* – пронизки; *41* – пряжка; *49, 50* – серьги; *53* – кольцо; *54–58* – подвески; *59, 60* – держатели кистей; *61, 62* – сосуды. *1–8, 10–12, 15, 16, 18–22, 36–38, 41, 51, 52* – железо; *9, 13, 14, 17* – рог; *23–35, 39, 40, 42–45, 53–60* – бронза; *36–50* – серебро. Без масштаба.

Fig. 4. Summary table of the inventory of the early 12th–the first half of 13th century from the Prospikhino Shivera IV burial ground

многих сопредельных территориях. В отличие от таежной зоны Западной Сибири в ареале лесосибирской культуры не известна традиция сооружения курганных насыпей, нет здесь погребений по обряду кремации или обожжения на месте. В южной тайге Средней Сибири нет погребальных комплексов с каменными курганами, столь характерных для енисейских кыргызов. Некоторое сходство элементов погребальной обрядности лесосибирской культуры наблюдается с комплексами Красноярской лесостепи.

Применение “лесосибирцами” практики сожжения тел умерших на стороне, следует связывать с местными традициями. На территории Северного Приангарья такие погребения появляются еще в период раннего железного века. Они извест-


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100
101

ны в материалах второго этапа цэпаньской археологической культуры (IV–II вв. до н.э.) (Привалихин, 2011). Эти погребения совершены в грунтовых ямах, в заполнении зафиксированы фрагменты угля и различный сопроводительный инвентарь. Еще одна характерная местная особенность – сожжение трупов, находящихся на разной степени разложения мягких тканей. Такие действия также отмечены для материалов раннего железного века Нижнего Приангарья (Мандрыка, 2014) и уходят своими корнями еще в неолит (Базалийский, 2012). Наиболее ранние средневековые погребения по обряду кремации в районе исследования датируются VI–VIII вв. (могильник Усть-Кова), в таежной зоне Среднего Енисея – VI–VIII вв. (могильник Усть-Шилка II), на территории Красноярской лесостепи – IV–VI вв. (боровской тип памятников). Отметим, что распространение кыргызских погребений за пределы Минусинской котловины происходит после 840 г. (Кляшторный, Савинов, 2005. С. 65), а сложение красноярско-канского варианта культуры енисейских кыргызов произошло еще позднее (Савинов, 1989. С. 146). Учитывая более раннюю дату появления подобных захоронений в таежной зоне Средней Сибири, следует исключить их появление вследствие "кыргызского влияния". Они возникают на данной территории в ходе автохтонного развития погребальных традиций с сохранением отдельных элементов еще с периода раннего железного века. При этом нельзя исключить возможность участия в этом процессе населения из южнотаежных районов Западной Сибири.

Поселения и керамика. Один из наиболее значимых признаков лесосибирской культуры – своеобразная керамика, украшенная разными оттисками гребенчатого штампа. Она объединяется в особый тип (Мандрыка и др., 2013). Подобные сосуды выявлены на многих поселениях Приангарья, Подкаменной Тунгуски, Енисея. В контексте ее однокультурности наибольший интерес представляют однослойные поселенческие комплексы городищ Лесосибирское 1 и Усть-Самоделка 4. Раскопками изучалось только первое из них. Городище примыкает к краю енисейской террасы и окружено трехрядной оборонительной линией (рис. 6, *1*). Сохранившаяся внутренняя площадка – около 1840 м^2. Следы долговременных построек на ней не выявлены, но отмечены теплотехнические сооружения для обработки черного металла, кострища, железные ножи, каменные орудия, скопления фрагментов керамики и обломков костей и зубов лошади, лося и рыб. Для слоя получена радиоуглеродная дата 875 ± 30 (СОАН-4099). Калиброванная дата лежит в интервале между 1040 и 1245 г. по 2 сигме, что позволило ограничить время функционирования городища XI–XIII вв. (Мандрыка, 2003. С. 91).

Второе городище Усть-Самоделка 4 – мысовое, с одной линией обороны, состоящей из рва и вала (рис. 6, *2*). Внутренняя площадь – около 500 м^2. Рекогносцировочными работами в слое выявлена керамика лесосибирского типа, железные шлаки, фрагменты костей лошади. Нужно подчеркнуть, что оба памятника расположены в 2.7 км друг от друга и являются, видимо, элементами одной оборонительной системы, проходящей по правому берегу Енисея ниже устья Ангары. На поселениях вместе с керамикой фиксируются следы металлургического производства, кости животных, а также железные изделия (ножи, тесло, вильчатый наконечник стрелы, тесак и т.д.). Вещи находят аналогии в материалах погребальных памятников.

Керамика лесосибирского типа имеет ряд устойчивых черт (рис. 6). Посуда круглодонная, горшковидной формы. Выделяются сосуды закрытой формы в виде "матрешки" с ярко выраженным зауженным перехватом между шейкой и плечиком. Обрез края прямой или округлый в сечении. В орнаментации преобладают горизонтальные и наклонные ряды из оттисков зубчатого, реже гладкого орнаментира. В орнаменте отмечаются композиции, сочетающие горизонтальные полосы и наклонные или вертикальные отрезки. Небольшие сосуды выдавливались из целого куска формовочной массы, более крупные формы конструировались ленточным способом.

Керамика с гребенчатой орнаментацией была широко распространена в Сибири на протяже-

Рис. 5. Сводная таблица инвентаря погребений середины XIII – XIV в. могильника Проспихинская Шивера IV. Материал из погр. 6, 7, 8, 10, 11, 12, 14, 29, 45, 65. *1* – наконечник копья; *2, 3* – тесаки; *4–8* – ножи; *9* – навершие пальмы; *10* – Y-образный предмет; *11, 15* – удила; *12* – кресало (?); *13* – кресало; *14* – рыболовный крючок; *16* – острога; *17* – скоба; *18–26* – наконечники стрел; *27* – накладка-вкладыш на кибить лука; *28, 29* – крюки; *30* – ложка; *31* – напильник; *32–34* – тесла; *35, 44, 54, 60, 64, 75, 79* – пряжки; *36, 45, 55, 65* – тренчики; *37, 38, 56, 57, 61, 55, 67, 76, 80* – бляхи-обоймы; *39, 47, 48, 58, 62, 68, 77, 81, 91, 99* – накладки; *40, 46, 49, 59, 63, 78, 83* – ременные наконечники; *41* – застежка; *42* – височное кольцо; *43, 52, 69, 70, 72, 74, 92–95, 100, 101* – подвески; *50* – браслет; *51, 53* – серьги; *71, 82, 96–98* – нашивки; *73* – цепь; *84–90* – пронизки. *1–26, 28, 29, 31–34, 43–50, 52, 73, 74, 84, 86–92, 94, 95, 100, 101* – железо; *27, 30* – рог; *35–42, 51, 54–72, 75–83, 93, 96–99* – бронза; *53* – серебро. Без масштаба.

Fig. 5. Summary table of the inventory of the middle of 13th-14th century from the Prospikhinskaya Shivera IV burial grana

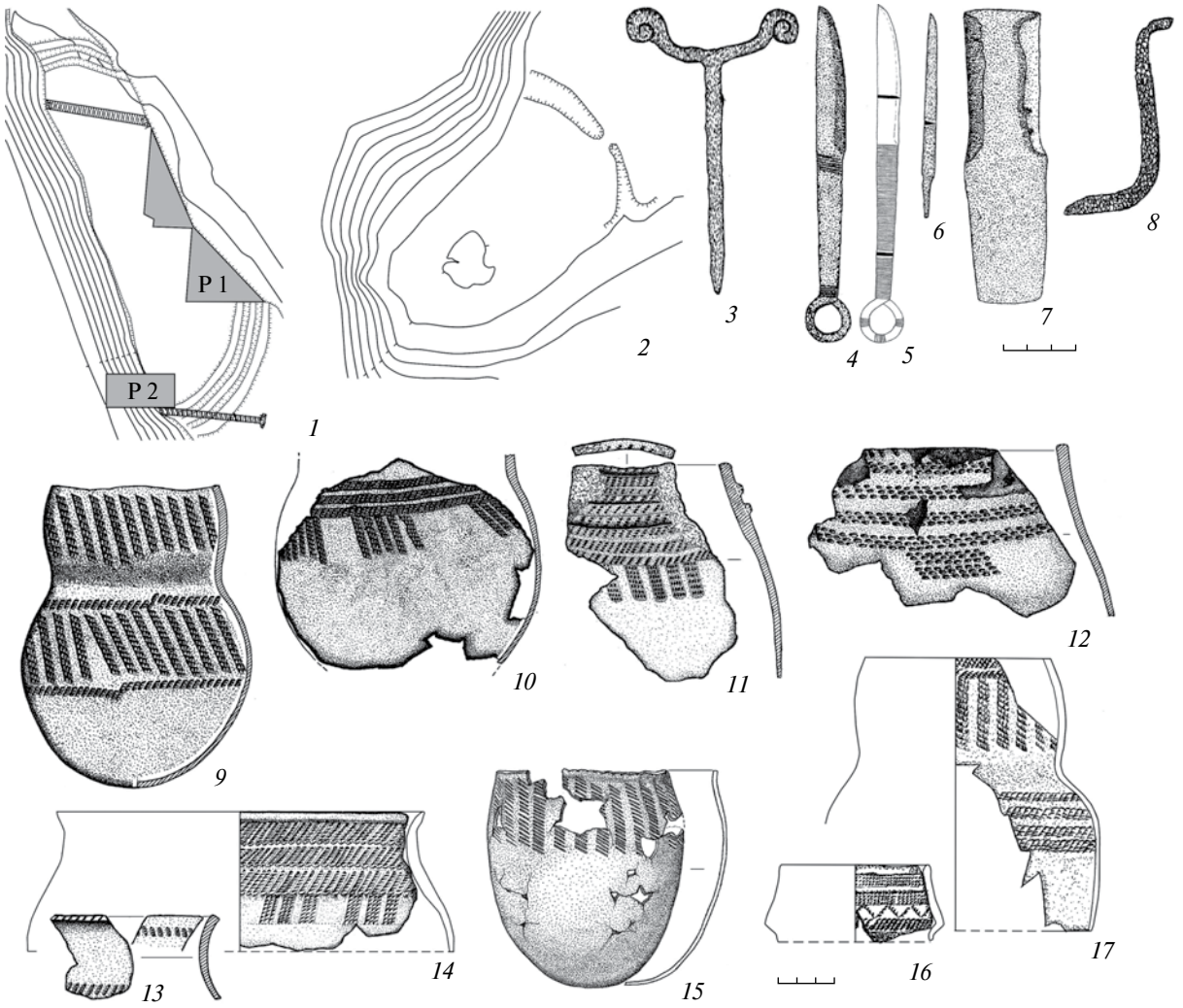


Рис. 6. Сводная таблица материалов поселений лесосибирской археологической культуры. *1* – план городища Лесосибирское 1; *2* – план городища Усть-Самоделка 4; *3* – Y-образный предмет; *4–6* – ножи; *7* – тесло; *8* – пластинка; *9–17* – сосуды. *3–8* – железо; *9–17* – керамика. *3* – Шилка IX; *4, 7, 8* – Стрелковское 1; *5, 6, 9–13* – Лесосибирское I; *14–17* – комплекс Проспихинская Шивера IV.

Fig. 6. Summary table of the materials from the Lesosibirsk culture settlements

нии средневековья, но лесосибирская посуда своеобразна. Она отличается от западносибирской из таежной зоны менее выраженной профилировкой горшков, более скудной или насыщенной орнаментацией, а также отсутствием пояса ямок или "жемчужин" под венчиком и оттисков фигурных штампов. В тайге Западной Сибири гребенчатая средневековая керамика распространяется с середины I тыс. (Чиндина, 1977. С. 62) до позднего средневековья включительно (Боброва, Березовская, 2009. С. 149; Чемякин, Карачаров, 2002. С. 59, 62, 63). В лесостепной зоне Средней и Западной Сибири также известны средневековые сосуды, украшенные гребенчатым орнаментиром. Они выявлены под Красноярском (Фокин, 2009. С. 126) и в Среднем Причулымье (Беликова, 1996. С. 63). Во всех случаях авторы датируют такие сосуды началом II тыс. Они отличаются от лесосибирских горшков профилировкой, наличием отогнутого наружу венчика, бедностью орнаментации, разреженностью гребенчатых элементов.

Отличная от лесосибирской керамическая традиция была распространена в развитом средневековье и на территориях, расположенных к востоку и северу от Нижнего и Среднего Приангарья. В Прибайкалье в VI–X вв. использовались баночные сосуды с плоским дном, позже также встречаются круглодонные сосуды и чаши. Орнамент посуды бедный, представлен прочерченными линиями, оттисками гладкого штампа, часто сосуды не украшались (Николаев, 2004. С. 72). В Якутии и на Таймыре на протяжении всего средневековья

преобладала керамика с валиковым декором (Гоголев, 1990; Хлобыстин, 1998. С. 138).

Хозяйство носителей лесосибирской культуры было комплексным, основанном на сочетании охоты, коневодства, рыбной ловли и, очевидно, собирательства. На разведение лошадей указывают находки их костей на поселениях, а также детали конской амуниции в погребениях и среди случайных сборов (Сенотрусова, 2012). На поселениях отмечены многочисленные свидетельства плавки железа и его последующей обработки. Кроме железоплавильных горнов углубленного типа на поселениях отмечается широкое использование орудий из камней без вторичной обработки (молотов, пестов, терочников, оселков, гладилок и др.) или с минимальной подработкой естественной формы (скребки) (Князева, 2011).

Хронология. Для определения времени существования лесосибирской археологической культуры решающее значение имеют материалы городища Леососибирское 1 и могильника Проспихинская Шивера IV. Для первого получена радиоуглеродная дата, указывающая на время его функционирования в пределах XI–XIII вв. Хронология некрополя строится на абсолютных радиоуглеродных датах и датировке через аналогии. Они укладываются в рамки XI–XIV вв., и по имеющимся материалам разделяются на три хронологические группы, различающиеся набором сопроводительного инвентаря.

Первая, наиболее ранняя группа погребений (XI–XII вв.), отличается наличием бронзовых поясных накладок прямоугольной формы с прорезью в нижней части; предметов поясной гарнитуры, сопоставимых с ранними этапами аскизской археологической культуры кыргызов; спиралевидных серег; ажурных подвесок “сросткинского” облика; бронзовых цепей и двусоставных застежек с ромбическим туловом (рис. 3). Для второй хронологической группы погребений (XII–XIII вв.) характерны миниатюрные бронзовые и железные накладки и ременные наконечники разной формы, серебряные кольчатые серьги (рис. 4). Третья группа (XIII–XIV вв.) имеет наиболее устойчивые и яркие особенности в составе сопроводительного инвентаря, включающего поясные наборы с бляхами-обоймами; черешковые наконечники копий; удила; пластинчатые браслеты; бусы и бисер; ножи с двумя уступами и вытянутым лезвием; серьги в виде знака вопроса; шумящие подвески; цепи с 8-образными звеньями (рис. 5).

В целом время существования лесосибирской культуры можно ограничить XI–XIV вв. Не исключено, что после подробных публикаций материалов, добытых за последние годы, эта датировка будет скорректирована.

Ареал культуры определяется размещением могильников и памятников с керамикой лесосибирского типа. На юге по Енисею он ограничивается поселением Бобровка, а по Ангаре – стоянкой Воробьева. Последняя выступает и крайним восточным рубежом. Далее вверх по Ангаре такая посуда нам не известна. Отдельные находки лесосибирской керамики в верховьях Подкаменной Тунгуски позволяют пока только наметить северную границу ареала. То же можно сказать и о левобережных районах Среднего и Нижнего Енисея, поскольку Обь-Енисейское междуречье продолжает оставаться практически не исследованным в археологическом отношении. По разведочным данным с верховьев р. Кеть (Чиндина, 1974) можно ожидать распространения подобной керамики и на этой территории.

Таким образом, в начале II тыс. в южнотаежной зоне Средней Сибири получает распространение лесосибирская археологическая культура, имеющая ряд отличительных черт. Для нее характерны погребения по обряду кремации на стороне, с последующим помещением части пряха в грунтовые могилы. Широко используются своеобразные сосуды лесосибирского типа с гребенчатой и гладконакольчатой орнаментацией. На правобережье Енисея ниже Ангары отмечаются укрепленные поселения, ранее в данном районе не известные. Хозяйство носителей этой культуры имело комплексный характер, сочетая охоту, рыболовство и коневодство. На высоком уровне находилась черная металлургия и металлообработка. Следы цветной металлургии пока не выявлены, хотя бронзовые и серебряные изделия найдены на памятниках в большом количестве.

Среди инвентаря лесосибирской культуры выделяются импортные и местные изделия, именно в их использовании выражается ее своеобразие. В числе вещей местного производства отметим тесаки, ножи с оформленным навершием, тесла крупных размеров, черешковые наконечники копий, долотовидные и шипастые наконечники стрел, Y-образные предметы. Среди украшений выделяются своей многочисленностью железные рифленые пронизки, бронзовые трехчастные и четырехлепестковые нашивки, железные украшения (подвески, цепи, браслеты).

С чем была связана в начале II тыс. в Нижнем Приангарье смена культурных традиций, сейчас сказать сложно. Подчеркнем, что появление лесосибирской керамики в районе резко сменяет посуду с валиковой традицией, существовавшей на этой территории около тысячи лет (Мандрыка, 2011). Сейчас не известен ни один сосуд, на ко-

тором в орнаменте сочетались бы элементы раннесредневековой керамики усть-ковинского типа (обмазочные налепные валики, налепная лента по горлу, ряды из оттисков гладких орнаментиров (Мандрыка, Бирюлева, 2012)) и декор из мелкозубчатой гребенки. Вместе с тем другие признаки культуры, а именно традиция ковки ножей с оформленной рукоятью, втульчатых ножей, железных цепей, широкое использование рога в изготовлении предметов быта, концевых накладок луков и наконечников стрел восходят к раннему средневековью района и имеют местные корни.

Ряд действий погребального обряда также имеет аналогии в материалах более раннего времени. Возможно, что комплексы переходного времени от одной керамической традиции к другой пока просто не выявлены. Также нельзя исключать, что лесосибирская культура сформировалась именно в западной части южной тайги Средней Сибири и затем уже с долины Енисея распространилась вверх по Ангаре. На это косвенно указывает гребенчатая керамика, широко распространенная в средневековье именно в таежной зоне Западной Сибири, а также большое число импортных предметов из этого района. Эти находки указывают на постоянные и устойчивые контакты между западносибирским населением и носителями лесосибирской культуры на всем протяжении ее существования. Для проверки предложенной гипотезы необходимо проведение целенаправленных работ в Обь-Енисейском междуречье.

Относительно этнической принадлежности представителей лесосибирской культуры сказать что-либо определенное сложно. Наибольшего внимания заслуживает точка зрения В.А. Туголукова, который, проанализировав сведения о доэвенкийском населении Приангарья, выдвинул вполне определенное мнение о принадлежности коренного населения Нижней Ангары к енисейскоязычным племенам (Туголуков, 1985. С. 63). Новые данные позволяют эту точку зрения дополнить, отметив связь легендарных чулугдов с огнем, сказаний тунгусов об их уничтожении и побед над ними. Подкрепляет эту гипотезу и факты наличия в лесосибирской культуре железных условно антропоморфных изображений, близких по стилистическим и иконографическим особенностям к изображениям главного шамана кетов Доха (Иванов, 1954. С. 93–95).

Таким образом, имеющиеся на сегодня материалы позволяют говорить о наличии в XI–XIV вв. в южнотаежной зоне Средней Сибири одной археологической культуры. Ее носители были активно включены в культурные и политические процессы, протекавшие на территории Северной Евразии. На это указывает обилие предметов импорта, поступающих не только из сопредельных ареалу культуры районов, но и из Волжской Болгарии, Монголии и Китая. Об усилении военной напряженности в изучаемом регионе свидетельствует появление именно в это время укрепленных поселений, большого количества оружия в погребениях. Проведение целенаправленных исследований в Обь-Енисейском междуречье и на обеих Тунгусках позволит конкретизировать границы распространения лесосибирских комплексов, их связи с другим населением из таежной зоны Восточной Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Изв. Лаборатории древних технологий. Вып. 9. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. С. 43–101.

Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. 272 с.

Боброва А.И., Березовская Н.В. Коллективное погребение из кургана 13 Тискинского могильника // Проблемы археологии и истории Северной Евразии / Ред. М.П. Черная. Томск: Аграф-Пресс, 2009. С. 139–150.

Богучанская археологическая экспедиция. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014. 105 с.

Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015 (Тр. Богучанской археологической экспедиции; т. 1). 564 с.

*Васильевский Р.С., Бурилов В.*В. Археологические исследования в 1968 г. в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Вып. II. Новосибирск: Ин-т геологии и геофизики СО РАН, 1971. С. 202–283.

Витковский Н.И. Следы каменного века в долине р. Ангары // Изв. Восточно-Сибирского отд. Русского географ. об-ва. Т. XX, вып. 1. Иркутск: Тип. газеты “Восточное Обозрение”, 1889а. С. 1–42.

Витковский Н.И. Следы каменного века в долине р. Ангары // Изв. Восточно-Сибирского отд. Русского географ. об-ва. Т. XX, вып. 2. Иркутск: Тип. газеты «Восточное Обозрение», 1889б. С. 1–35.

Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Марченко Ж.В. Средневековые погребальные комплексы могильника Капонир (Северное Приангарье) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. С. 221–232.

Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья XIV–XVIII вв. Иркутск: Изд-во ИрГУ, 1990. 192 с.

Дроздов Н.И., Макулов В.И., Леонтьев В.П., Привалихин В.И., Чеха В.П. История исследования археологических памятников Кежемского района Красноярского края // Страницы истории земли Кежемской / Сост. В.М. Шураев. Красноярск: Бизнеспрессинформ, 2007. С. 19–42.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. Л.: Изд-во АН СССР, 1954 (Труды Ин-та этнографии. Новая серия; т. XXII). 842 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филолог. фак. СПбГУ, 2005. 348 с.

Князева Е.В. Технология металлургии и металлообработки на территории Нижнего Приангарья в средние века: опыт экспериментально-трасологических исследований // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. С. 108–116.

Леонтьев В.П., Вдовин А.С. Парное захоронение эпохи средневековья со стоянки Остров Каменный-I в Усть-Илимском районе Иркутской области // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий / Ред. Л.Л. Карнаухова. Красноярск: ККМ, 2013. С. 197–204.

*Леонтьев В.П., Дроздов Н.*И. Средневековый могильник многослойного поселения Усть-Кова на Ангаре // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3. С. 39–46.

Лысенко Д.Н., Гревцов Ю.А. Погребения по обряду трупосожжения могильника Усть-Тасеева // Археология, этнология, палеоэкология северной Азии и сопредельных территорий. Т. II / Ред. Н.И. Дроздов. Красноярск: КГПУ, 2006. С. 47–48.

Мандрыка П.В. Средневековое городище в енисейской тайге // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2003. Т. 2, вып. 3: Археология и этнография. С. 89–91.

*Мандрыка П.*В. Позднесредневековое погребение по обряду трупосожжения на стороне в енисейской тайге // Енисейская провинция. Вып. 2 / Ред. А.С. Вдовин. Красноярск: Красноярский пед. ун-т, 2006а. С. 150–158.

Мандрыка П.В. "Ритуальное погребение" в берестяной коробке на Енисее // Интеграция археологических и этнографических исследований / Ред. Н.А. Томилов. Красноярск; Омск: Наука, 2006б. С. 264–267.

Мандрыка П.В. Тонковаликовая керамика раннего железного века из южнотаежной зоны среднего Енисея // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 3: Археология и этнография. С. 118–126.

Мандрыка П.В. Проблемы раннего железного века Северного Приангарья // Труды IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Т. II / Ред. А.Г. Ситдиков и др. Казань: Отечество, 2014. С. 207–210.

Мандрыка П.В., Бирюлева К.В. Керамика средневекового поселения Проспихинская Шивера-I // Древности Приенисейской Сибири. Вып. V / Ред. П.В. Мандрыка. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. С. 50–61.

Мандрыка П.В., Бирюлева К.В., Сенотрусова П.О. Керамика лесосибирского стиля на комплексе Проспихинская Шивера-IV в Нижнем Приангарье // Вестник ТГУ. История. 2013. № 2. С. 67–71.

*Мурашко О.А., Кренке Н.*А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX в. М.: Наука, 2001. 155 с.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV вв. Владивосток; Иркутск: Ин-т географии СО РАН, 2004. 306 с.

Окладников А.П. Предварительный отчет о работе Ангарской археологической экспедиции в 1937 г. // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1937. Д. 222. 32 л.

Привалихин В.И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества / Ред. В.М. Ярошевская. Красноярск: ККМ, 2011. С. 161–185.

Савинов Д.Г. Красноярско-канский вариант культуры енисейских кыргызов // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: тез. докл. / Ред. В.И. Парамонова и др. Красноярск: Краснояр. ун-т, 1989. С. 144–147.

Сенотрусова П.О. Предметы конского снаряжения в материалах могильника Проспихинская Шивера-IV // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы / Ред. С.В. Алкин. Новосибирск: НГУ: ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 230–231.

*Сенотрусова П.*О. Могильник Проспихинская Шивера-IV как источник для реконструкции погребальной обрядности и социальной структуры населения Северного Приангарья развитого средневековья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул: АлтГУ, 2013. 26 с.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В. Монгольский компонент в культуре средневекового населении Северного Приангарья // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы III междунар. конф. Вып. 3 / Ред. Д. Тумэн и др. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. С. 426–432.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В. Культурные контакты населения севера Западной Сибири и Северного Приангарья в средние века // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи / Ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2013. С. 194–198.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Пошехонова О.Е. Особенности погребальной обрядности средневекового населения Северного Приангарья (по материалам могильника Проспихинская Шивера-IV) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1. С. 103–114.

Средняя Сибирь / Отв. ред. Л.Г. Каманин, Б.Н. Лиханов. М.: Наука, 1964. 480 с.

Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 284 с.

Фокин С.М. Средневековые материалы Ладейского и Ермолаевского городища // Проблемы археологии и истории Северной Евразии / Ред. М.П. Черная. Томск: Аграф-Пресс, 2009. С. 124–130.

*Фокин С.*М. Новые сведения о погребальной обрядности населения Нижнего Приангарья в эпоху железа // Вестник ТГУ. История. 2013. № 2 (22). С. 125–128.

Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 344 с.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья. Екатеринбург: Тезис, 2002. 74 с.

Чиндина Л.А. Разведка в верховьях Кети // Из истории Сибири. Вып. 15 / Ред. Л.И. Борженко. Томск: Изд-во ТГУ, 1974. С. 139–148.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 196 с.

CULTURAL ATTRIBUTION OF THE HIGH MIDDLE AGES SITES IN THE SOUTHERN TAIGA ZONE OF CENTRAL SIBERIA

Pavel V. Mandryka*, Polina O. Senotrusova**

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

**E-mail: pmandryka@yandex.ru;*

***E-mail: polllina1987@rambler.ru*

The Lesosibirsk archaeological culture was formed in the southern taiga zone of Central Siberia in the early 2nd millennium AD. Its area covers the middle and lower reaches of the river Angara, the Yenisei valley along the Yenisei Ridge, as well as the Stony Tunguska headwaters. This culture is characterized with cremation burial ceremony on the side with a variety of accompanying inventory, emergence of fortified settlements, spread of ceramics with comb ornament, etc. Both imported and local products can be distinguished in the inventory, it is in their combination that its originality is expressed. The economic structure was of a complex nature, combining horse breeding, hunting, fishing, gathering, and ferrous metallurgy. The population maintained cultural ties with neighbouring areas and remote territories of Eurasia. Its bearers were actively included in the cultural and political processes developing in Northern Eurasia. This is indicated by the abundance of imported goods, coming not only from territories adjacent to the culture area, but also from Volga Bulgaria, Mongolia and China.

Keywords: Central Siberia, southern taiga, Lesosibirsk culture, burials, settlements, ceramics, economy.

REFERENCES

Bazaliyskiy V.I., 2012. Burial complexes of the Late Mesolithic – Neolithic Ages in Baikal Siberia: funeral traditions, absolute age. *Izv. Laboratorii drevnikh tekhnologiy [Reports of the Laboratory of ancient technologies]*, 9. Irkutsk: Izd-vo IrkGTU, pp. 43–101. (In Russ.)

Belikova O.B., 1996. Srednee Prichulym'e v X–XIII vv. [The Middle Chulym area in the 10th-13th centuries]. Tomsk: Izd-vo TGU. 272 p.

Bobrova A.I., Berezovskaya N.V., 2009. Collective burial from mound 13 of Tiskino cemetery. *Problemy arkheologii i istorii Severnoy Evrazii [The issues of archaeology and history of Northern Eurasia]*. M.P. Chernaya, ed. Tomsk: Agraf-Press, pp. 139–150. (In Russ.)

Boguchanskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya [Boguchany archaeological expedition]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2014. 105 p.

Boguchanskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya: ocherk polevykh issledovaniy (2007–2012 gody) [Boguchany archaeological expedition: The review of filed investigations (2007–2012)]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2015. 564 p. (Trudy Boguchanskoy arkheol. ekspeditsii, 1).

Chemyakin Yu.P., Karacharov K.G., 2002. Drevnyaya istoriya Surgutskogo Priob'ya [The ancient history of the Surgut Ob region]. Ekaterinburg: Tezis. 74 p.

Chindina L.A., 1974. Reconnaissance in the upper Ket. *Iz istorii Sibiri [From the Siberian history]*, 15. L.I. Borzhenko, ed. Tomsk: Izd-vo TGU, pp. 139–148. (In Russ.)

Chindina L.A., 1977. Mogil'nik Relka na Sredney Obi [Relka cemetery on the Middle Ob]. Tomsk: Izd-vo TGU. 196 p.

Drozdov N.I., Makulov V.I., Leont'ev V.P., Privalikhin V.I., Chekha V.P., 2007. The history of archaeological research on the sites of Kezhemsky District, Krasnoyarsk territory. *Stranitsy istorii zemli Kezhemskoy [Pages of the history of Kezhma land]*. V.M. Shuraev, ed. Krasnoyarsk: Biznespressinform, pp. 19–42. (In Russ.)

Fokin S.M., 2009. Medieval materials of Ladeyskoe and Ermolaevo settlements. *Problemy arkheologii i istorii Severnoy Evrazii [The issues of archaeology and history of Northern Eurasia]*. M.P. Chernaya, ed. Tomsk: Agraf-Press, pp. 124–130. (In Russ.)

Fokin S.M., 2013. New data on the funeral ceremonies of the Lower Angara population in the Iron Age. *Vestnik Tomsk. gos. univ. Istoriya [Tomsk State Univ. Journal History]*, 2 (22), pp. 125–128. (In Russ.)

Garkusha Yu.N., Grishin A.E., Marchenko Zh.V., 2013. Medieval burial complexes of Kaponir burial ground (The Northern Angara basin). *Vestnik Novosib. gos. univ. Seriya: Istoriya, filologiya [Novosibirsk State Univ. J. Series: History, Philology], vol. 12, iss. 5: Arkheologiya i etnografiya [Archaeology and Ethnography]*, pp. 221–232. (In Russ.)

Gogolev A.I., 1990. Arkheologicheskie pamyatniki Yakutii pozdnego srednevekov'ya XIV–XVIII vv. [Late medieval archaeological sites of Yakutia of the 14th-18th centuries]. Irkutsk: Izd-vo IrkGU. 192 p.

Ivanov S.V., 1954. Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX – nachala XX v. [Materials on the figurative arts of the Siberian peoples of the 19th–early 20th century]. Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 842 p. (Trudy Instituta etnografii. Nov. ser., XXII).

Khlobystin L.P., 1998. Drevnyaya istoriya Taymyrskogo Zapolyar'ya [The ancient history of Taimyr Arctic region]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 344 p.

Klyashtornyy S.G., Savinov D.G., 2005. Stepnye imperii drevney Evrazii [Steppe empires of ancient Eurasia]. St. Petersburg: Filol. fak. SPbGU. 348 p.

Knyazeva E.V., 2011. Metallurgical techniques metal treatment in the Lower Angara basin in the Middle Ages: an experience in experimental trasology study. *Vestnik Novosib. gos. univ. Seriya: Istoriya, filologiya [Novosibirsk State Univ. J. Series: History, Philology]*, vol. 10, iss. 5: *Arkheologiya i etnografiya [Archaeology and Ethnography]*, pp. 108–116. (In Russ.)

Leont'ev V.P., Drozdov N.I., 1996. Medieval burial ground of the multi-layer settlement of Ust-Kova on the Angara. *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*, 3, pp. 39–46. (In Russ.)

Leont'ev V.P., Vdovin A.S., 2013. Medieval pair burial from the settlement Island Kamenny-I in Ust-Ilymsk District of Irkutsk Region. *Arkheologicheskie issledovaniya drevnostey Nizhney Angary i sopredel'nykh territoriy [Archaeological studies in the antiquities of the Lower Angara basin and the adjacent areas]*. L.L. Karnaukhova, ed. Krasnoyarsk: KKM, pp. 197–204. (In Russ.)

Lysenko D.N., Grevtsov Yu.A., 2006. Cremation type burials of Ust-Taseevo burial ground. *Arkheologiya, etnologiya, paleoekologiya severnoy Azii i sopredel'nykh territoriy [Archaeology, Ethnology, Paleoecology of Northern Asia and the adjacent areas]*, II. N.I. Drozdov, ed. Krasnoyarsk: KGPU, pp. 47–48. (In Russ.)

Mandryka P.V., 2003. *Medieval settlement in the Yenisei taiga. Vestnik Novosib. gos. univ. Seriya: Istoriya, filologiya [Novosibirsk State Univ. J. Series: History, Philology]*, vol. 2, iss. 3: *Arkheologiya i etnografiya [Archaeology and Ethnography]*, pp. 89–91. (In Russ.)

Mandryka P.V., 2006a. Late medieval burial of cremation type on the side in the Yenisei taiga. *Eniseyskaya provintsiya [The Yenisei Province]*, 2. A.S. Vdovin, ed. Krasnoyarsk: KPU, pp. 150–158. (In Russ.)

Mandryka P.V., 2006b. "Ritual burial" in birchbank box on the Yenisei. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy [Integration of archaeological and ethnographic research]*. N.A. Tomilov, ed. Krasnoyarsk; Omsk: Nauka, pp. 264–267. (In Russ.)

Mandryka P.V., 2011. Thin roller ceramics of the early Iron Age from the southern taiga zone of the Middle Yenisei. *Vestnik Novosib. gos. univ. Seriya: Istoriya, filologiya [Novosibirsk State Univ. J. Series: History, Philology],* vol. 10, iss. 3: *Arkheologiya i etnografiya [Archaeology and Ethnography]*, pp. 118–126. (In Russ.)

Mandryka P.V., 2014. Issues of the early Iron Age of the Northern Angara basin. *Trudy IV (XX) Vseross. arkheol. s"ezda v Kazani [The papers of the IV (XX) All-Russian Archaeol. Congress in Kazan]*, II. A.G. Sitdikov et al., eds. Kazan': Otechestvo, pp. 207–210. (In Russ.)

Mandryka P.V., Biryuleva K.V., 2012. Ceramics of the medieval settlement of Prospikhino Shivera-I. *Drevnosti Prieniseyskoy Sibiri [Antiquities of the Yenisei Siberia]*, 5. P.V. Mandryka, ed. Krasnoyarsk: SFU, pp. 50–61. (In Russ.)

Mandryka P.V., Biryuleva K.V., Senotrusova P.O., 2013. Pottery of Lesosibirsk style in the complex of Prospikhino Shivera-IV in the Lower Angara. *Vestnik Tomsk. gos. univ. Istoriya [Tomsk State Univ. Journal. History]*, 2, pp. 67–71. (In Russ.)

Murashko O.A., Krenke N.A., 2001. Kul'tura aborigenov Obdorskogo Severa v XIX v. [The culture of Obdorsk indigenious population in the 19th century]. Moscow: Nauka. 155 p.

Nikolaev V.S., 2004. Pogrebal'nye kompleksy kochevnikov yuga Sredney Sibiri v XII–XIV vv. [Nomadic burial complexes of the South of Central Siberia in the 12th-14th centuries]. Vladivostok; Irkutsk: Inst. geografii SO RAN. 306 p.

Okladnikov A.P. Predvaritel'nyy otchet o rabote Angarskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1937 g. [Preliminary report of the Angara archaeological expedition work in 1937]. *Arkhiv IIMK [Arkhiv Instituta istorii material'noy kul'tury]*, F. 2, Op. 1937, D. 222. 32 l. (Unpublished).

Privalikhin V.I., 2011. The Tsepan culture of the early Irpon Age in the Northern Angara basin. The history of discovery, investigation results and prospects. *Vtoroy vek podvizhnichestva [The second age of selfless devotion]*. V.M. Yaroshevskaya, ed. Krasnoyarsk: KKM, pp. 161–185. (In Russ.)

Savinov D.G., 1989. Kransnoyarsk-Kansk variety of the Yenisei Kyrgyz. *Problemy izucheniya Sibiri v nauchno-issledovatel'skoy rabote muzeev: tez. dokl. [The issues of*

studying Siberia in the research work of museums: Abstracts]. V.I. Paramonova, ed. Krasnoyarsk: KU, pp. 144–147. (In Russ.)

Senotrusova P.O., 2012. Items of horse harness and caparison in the materials of Prospikhino Shivera-IV burial ground. *Arkheologiya, etnologiya i antropologiya Evrazii. Issledovaniya i gipotezy [Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia. Studies and hypotheses]*. S.V. Alkin, ed. Novosibirsk: NGU; IAET SO RAN, pp. 230–231. (In Russ.)

Senotrusova P.O., 2013. Mogil'nik Prospikhino Shivera-IV kak istochnik dlya rekonstruktsii pogrebal'noy obryadnosti i sotsial'noy struktury naseleniya Severnogo Priangar'ya razvitogo srednevekov'ya: avtoref. diss. ... kand. istor. nauk [Prospikhino Shivera-IV burial ground as a sourse for reconstruction of funeral ceremonies and social order of the Northern Angara population in the High Middle Ages: Synopsis of the Candidate's diss. in History]. Barnaul: AGU. 26 p.

Senotrusova P.O., Mandryka P.V., 2012. The Mongolian component in the culture of medieval population of the Northern Angara basin. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri: materialy III mezhdunar. konf. [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: Proceed. of the 3rd Intern. Conference]*, 3. D. Tumen, ed. Ulan-Bator: Izd-vo MongGU, pp. 426–432. (In Russ.)

Senotrusova P.O., Mandryka P.V., 2013. Cultural contacts of the population of the North of Western Siberia and the Northern Angara basin in the Middle Ages. *Arkheologiya Severa Rossii: ot epokhi zheleza do Rossiyskoy imperii [Archaeology of the North of Russia: from the Iron Age to the Russian Empire]*. V.A. Borzunov, ed. Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 194–198. (In Russ.)

Senotrusova P.O., Mandryka P.V., Poshekhonova O.E., 2014. Peculiarities of burial rites of the medieval population of the Northern Angara basin (based on the materials from Prospikhino Shivera-IV burial ground). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]*, 1, pp. 103–114. (In Russ.)

Srednyaya Sibir' [Central Siberia]. L.G. Kamanin, B.N. Likhanov, eds. Moscow: Nauka, 1964. 480 p.

Tugolukov V.A., 1985. Tungusy (evenki i eveny) Sredney i Zapadnoy Sibiri [The Tungus (the Evenks and the Evens) of Central and Western Siberia]. Moscow: Nauka. 284 p.

Vasil'evskiy R.S., Burilov V.V., 1971. Archaeological research in the Ust-Ilymsk Hydropower Station flooding area in 1968. *Materialy polevykh issledovaniy Dal'nevostochnoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Field investigation materials of the Far Eastern archaeological expedition]*, II. Novosibirsk: Ins. geologii i geofiziki SO RAN, pp. 202–283. (In Russ.)

Vitkovskiy N.I., 1889a. Traces of the Stone Age in the Argara valley. *Izv. Vostochno-Sibirskogo otd. Russkogo geograf. ob-va [Bulletin of East Siberian Branch of the Russian Geographical Society]*, vol. XX, iss. 1. Irkutsk: Tip. gazety "Vostochnoe Obozrenie", pp. 1–42. (In Russ.)

Vitkovskiy N.I., 1889b. Traces of the Stone Age in the Argara valley. *Izv. Vostochno-Sibirskogo otd. Russkogo geograf. ob-va [Bulletin of East Siberian Branch of the Russian Geographical Society]*, vol. XX, iss. 2. Irkutsk: Tip. gazety "Vostochnoe Obozrenie", pp. 1–35. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2018, № 2, с. 113–129

ПУБЛИКАЦИИ

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАМЕННЫХ ЗАГОНОВ В ОКРЕСТНОСТЯХ КИСЛОВОДСКА

© 2018 г. Д. С. Коробов[1,*], А. В. Борисов[2,], А. Н. Бабенко[1,*], А. Ю. Сергеев[1,*], Е. В. Чернышева[2,**]**

[1]Институт археологии РАН, Москва, Россия

[2] Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино, Россия

**E-mail: dkorobov@mail.ru; mnemosina_a@mail.ru; elfyatina@yandex.ru*

***E-mail: a.v.borisovv@gmail.com; chernysheva1988@gmail.com*

Поступила в редакцию 18.07.2017 г.

В статье приводятся некоторые результаты комплексных исследований мест содержания скота – каменных оград и скальных навесов, проводившихся в 2015–2016 гг. в среднегорной и высокогорной зонах Кисловодской котловины. Внутри каменных оград и вокруг них осуществлялись топографическая съемка и шурфовка, фотограмметрическая фиксация каменных сооружений, устраивались фоновые почвенные разрезы. Проанализированы археоботанические остатки, стабильные изотопы и пыльца, полученные из зоогенных отложений. Осуществлен анализ морфолого-генетических, химических и микробиологических свойств почв в загонах и скальных навесах. Проведенные комплексные исследования каменных загонов позволяют надежно отнести возникновение подобных сооружений к позднему бронзовому – раннему железному веку и к раннему средневековью и выявить следы их переиспользования в Новое и Новейшее время. Предварительные наблюдения позволяют наметить сезонное использование аланским населением Кисловодской котловины мест содержания скота в субальпийской зоне, предположительно в весенне-летний период, и в непосредственной близости от поселений во внутренних территориях котловины – в осенне-зимний.

Ключевые слова: отгонное скотоводство, Северный Кавказ, раннее средневековье, археоботаника, палинология, палеопочвоведение.

DOI: 10.7868/S0869606318020095

Среди древностей, оставленных населением Северного и Южного Кавказа, существует одна разновидность каменных сооружений, пожалуй, наиболее слабо изученных в археологическом плане. Речь идет о многочисленных каменных оградах, огораживающих пространство для содержания скота и в изобилии расположенных в горной зоне региона. Хорошая степень их сохранности и свежие следы использования обычно приводят исследователей к мысли о недавнем времени функционирования подобных мест содержания домашних животных, являющихся ярким свидетельством отгонного скотоводства (Шаманов, 1972. С. 84, 85). Между тем еще в начале 1960-х годов Т.М. Минаевой высказывалось предположение о принадлежности подобных каменных сооружений, обследованных ею на р. Гиляч в Карачаево-Черкесии, к эпохе раннего и развитого средневековья – VII–XII вв. (Минаева, 1960. С. 206, 207). Б.А. Калоев предполагает и более древнее происхождение каменных оград в горной зоне (1993. С. 174).

Некоторые сведения о каменных оградах и примыкающих к ним домиках пастухов были накоплены исследователями абхазских высокогорий Н.М. Альбовым, М.М. Иващенко, Н.И. Квезерели-Копадзе, Ц.Н. Бжанией, В.П. Пачулиа, Ш.Д. Инал-Ипа, высказывавшими разные точки зрения на время и особенности их функционирования. Отталкиваясь от работ этих исследователей, Ю.Н. Воронов в начале 1970-х годов детально обследовал несколько десятков данных сооружений на северо-западе Абхазии, получивших здесь наименование «ацангуара» – «ограда карликов». В ходе проведенных раскопок внутри оград и помещений домов ему удалось обнаружить значительное количество археологических находок, датирующихся исключительно эпохой раннего средневековья (VI–X вв.) (Воронов, 1973).

В ходе многолетних исследований Кисловодской котловины нами неоднократно фиксировались каменные ограды для содержания скота, которые располагаются как возле поселений эпохи ранне-

го средневековья, так и на значительном удалении от них. Они представляют собой разнообразные небрежно сложенные каменные стенки, получившие у местных археологов условное наименование «коши». Так, в каталоге археологических памятников региона (Афанасьев и др., 2004) имеется информация об 11 подобных объектах, обследованных в процессе разведки 1996–2000 гг. Они зафиксированы как поселения Беловодское 1, 2, 1а и 2а (№ 516–518, 533), Зубчихинское 2 и 2а (№ 474 и 475), Левоберезовское 6 (№ 611), Правоберезовское 7 (№ 571), а также Верхнеаликоновские Коши (№ 633), Коши Березовские (№ 432), Эчкивашские Коши (№ 664). В публикации отмечалась их вероятная принадлежность к карачаевским загонам для скота, датируемых Новым временем (XVIII–XIX вв.), некоторые из которых переиспользовались вплоть до современности. К этим памятникам следует прибавить информацию о поселении Эшкаконское 14 (№ 756), исследованном в 1977 г. В.Б. Ковалевской и отнесенном ею к эпохе раннего средневековья по аналогии с абхазскими ацангуарами.

Каменные загоны для скота фиксировались одним из авторов настоящей статьи в процессе разведок в Кисловодской котловине в 2001–2009 гг. Так, например, в ходе археологической разведки 2007 г. в долине р. Кич-Малка зафиксированы новые загоны для скота, относящиеся к современности и к более раннему времени (Коробов, 2016. С. 146, 147). Устроенные внутри загонов возле укрепления Зубчихинское 1 почвенные зондажи показали наличие археологического материала эпохи раннего средневековья, что наводит на мысль о более раннем времени создания данных каменных оград, чем предполагалось нами ранее.

Накопленная к настоящему времени информация о местах содержания скота в окрестностях Кисловодска потребовала обобщения и систематизации этих данных в виде особого мультидисциплинарного исследования. Подобное исследование следов занятия скотоводством древнего и средневекового населения Кисловодской котловины проводилось нашим коллективом в 2014–2016 гг. Археологические объекты, идентифицируемые как места содержания скота, – каменные загоны и естественные скальные навесы (ниши/гроты) – изучались в ходе полевых исследований в высокогорной и среднегорной зонах котловины на территории Карачаевского и Малокарачаевского р-нов Карачаево-Черкесской Республики (КЧР), а также Предгорного р-на Ставропольского края.

Полевым исследованиям предшествовала работа по дешифрированию аэрофотосъемки, в ходе которой было обнаружено и картографировано 1073 каменных загона, условно разделенных на «древние» и «современные» (Коробов, 2016). Подобные объекты распространены в верхней части Кисловодской котловины, на высотах от 1500 до 2500 м (рис. 1). Эта территория, как известно из данных кавказской этнографии, активно использовалась карачаевцами в XIX – начале XX в. в качестве пастбищной (Шаманов, 1972) и продолжает использоваться в качестве таковой и по сей день. Однако наметилась тенденция в датировании некоторых каменных оград для содержания скота периодом раннего средневековья по аналогии с абхазскими ацангуарами (Воронов, 1973), что дает повод для пересмотра сложившегося представления о времени бытования подобных сооружений.

В настоящей работе мы охарактеризуем некоторые результаты комплексных исследований данных сооружений, проводившихся в 2015–2016 гг. в среднегорной и высокогорной зонах изучаемого микрорегиона, частично освещенные в ряде публикаций (Коробов и др., 2017; в печати). Они концентрировались в окрестностях пер. Гум-Баши и возле Гуд-Горы на абсолютной высоте около 2100–2200 м, а также в долинах р. Березовая и Кич-Малка, в балках Зубчихинская и Беловодская (абс. выс. от 1200 до 1400 м) (рис. 1). На территории загонов, сохранившихся в виде каменных стенок, проводилась топографическая съемка, шурфовка пространства внутри каменных оград, устраивались фоновые почвенные разрезы, осуществлялась фотограмметрическая фиксация каменных сооружений с дневной поверхности при помощи штанги и дистанционного управления фотоаппаратом. В 2016 г. профессиональным оператором П.С. Сидоровым (телеканал Flight TV) была также проведена низковысотная аэрофото- и видеосъемка с беспилотного квадрокоптера Phantom 3 Advanced, по результатам которой были получены фотограмметрические изображения изучавшихся сооружений с воздуха (рис. 2).

В высокогорной зоне наши исследования первоначально были сосредоточены на каменных загонах и внутри скальных гротов в окрестностях пер. Гум-Баши (рис. 1, *I*). Там осмотрено 10 каменных загонов для скота, а также отдельные небольшие строения («домики пастухов»), находящиеся возле скалы Белая Гора (загоны Гум-Баши 1–3, 5) и к западу от нее (загоны Гум-Баши 4 и 6), в боковых балках р. Мара (загоны Мара 1 и 2) и Баба (загоны Баба 1 и 2).

Наиболее детальные работы проводились на территории загонов Гум-Баши 1–4.

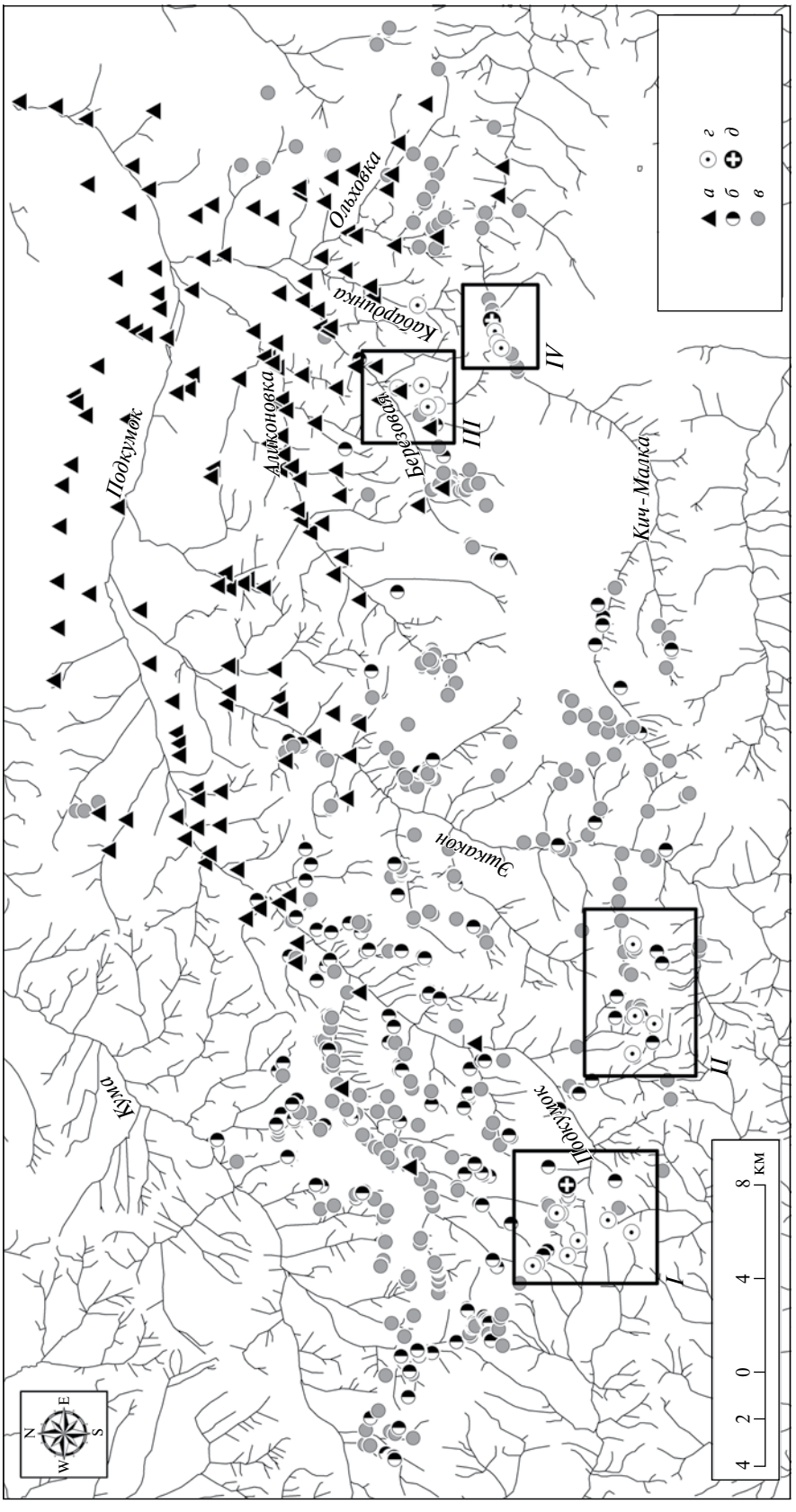
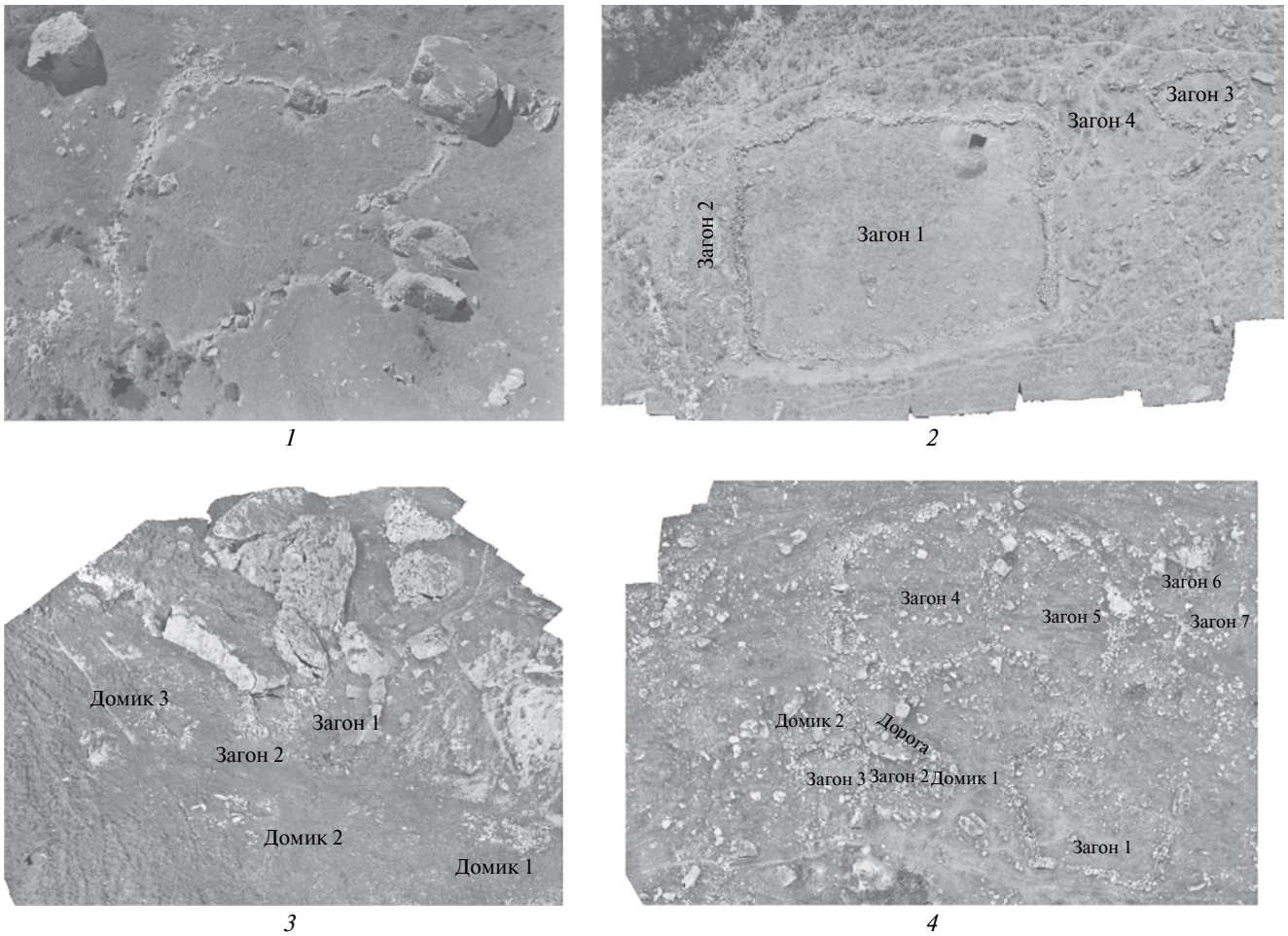


Рис. 1. Карта расположения каменных загонов и раннесредневековых укреплений в Кисловодской котловине. Обследованные участки: *I* – возле пер. Гум-Баши; *II* – возле Гуд-Горы; *III* – в балках Зубчихинской и Беловодской; *IV* – на р. Кич-Малка. Условные обозначения: *а* – укрепленные поселения I тыс.; *б* – "древние" загоны; *в* – "современные" загоны; *г* – каменные загоны, обследованные в 2015–2016 гг.; *д* – гроты и навесы, обследованные в 2015–2016 гг.

Fig. 1. The map of stone enclosures and early medieval fortifications in the Kislovodsk Depression



1 *2*

3 *4*

Рис. 2. Фотограмметрические планы каменных загонов, полученные с помощью низковысотной аэрофотосъемки с квадрокоптера. *1* – Гуд-Гора 1; *2* – Кич-Малка 1; *3* – Гуд-Гора 3; *4* – Кич-Малка 2.

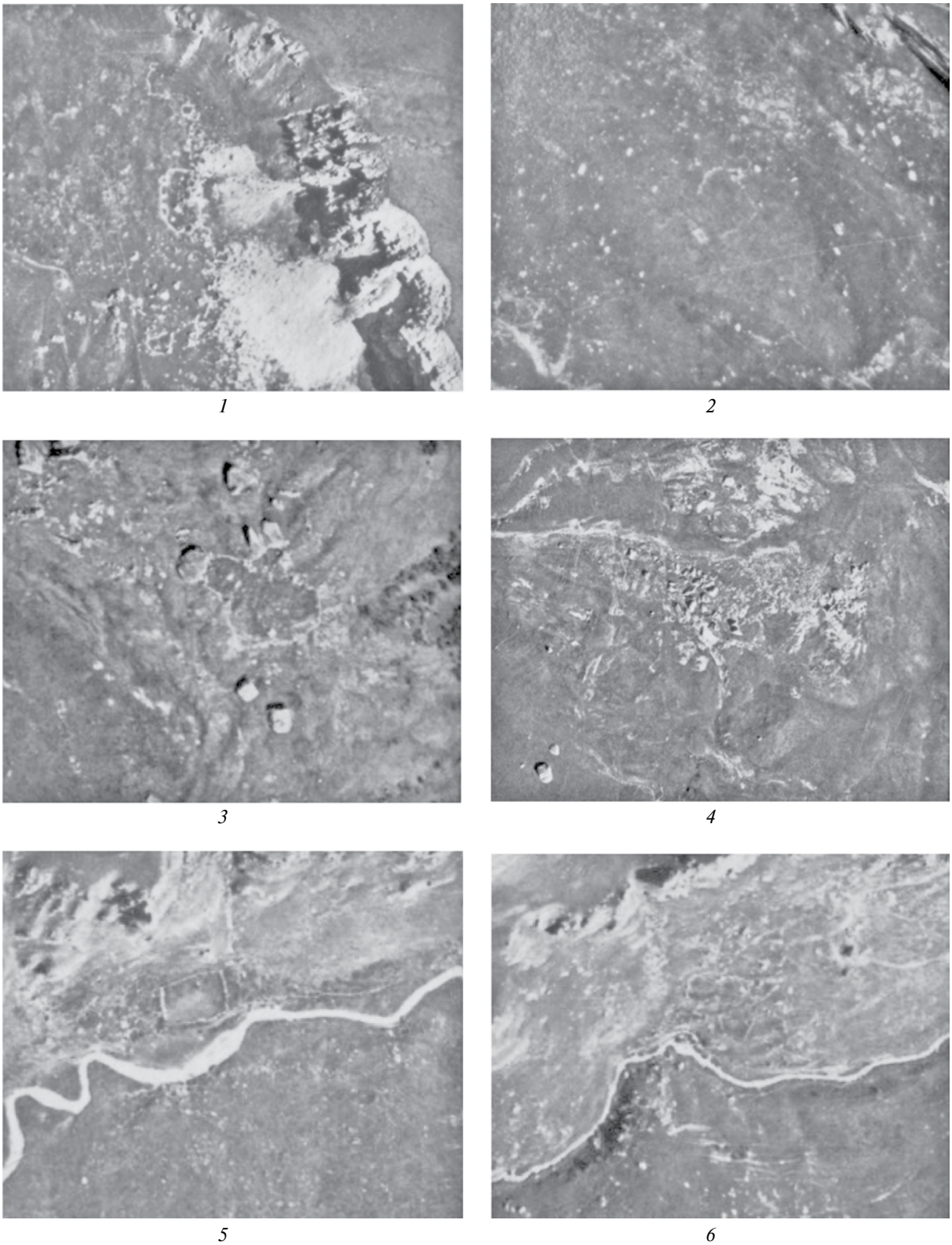
Fig. 2. Photogrammetric plans of stone enclosures, obtained by means of quadrocopter low-altitude aerial photography

Каменный загон Гум-Баши 1. Крупный каменный загон с несколькими постройками в виде небольших помещений, расположенный в 1.1 км к востоку-юго-востоку от проселочной дороги, ведущей от трассы Учкекен – В. Мара на Скалистый хребет. Загон находится под каменными осыпями к юго-западу от скалы Белая Гора. Его внутренние размеры составляют 15–21 × 39 м. На территории загона на поверхности прослеживается семь отдельных построек и восемь крупных обломков скалы (рис. 3, *1*; 4, *1*). Размеры каменных развалов построек составляют 2.4–3.8 × 3.0–8.2 м.

Каменный загон Гум-Баши 2 расположен в 33.5 м к северо-востоку от загона Гум-Баши 1 (рис. 3, *1*; 5, *б*). Размеры внутреннего пространства загона составляют 5.4 × 5.9 м. Он пристроен к двум крупным обломкам скалы. С восточной стороны в каменной стенке, небрежно сложенной из разных по размеру необработанных камней и сохранившейся в виде невысокого развала, прослеживается разрыв (вход?) шириной 0.6 м.

Каменный загон Гум-Баши 3 расположен к юго-юго-западу от загона Гум-Баши 1 на расстоянии 61 м (рис. 3, *1*). Представляет собой невысокую стенку, сложенную из разнообразных камней, пристроенную к двум крупным обломкам скалы (рис. 5, *4*). В юго-восточной стороне прослеживается вход – разрыв в стене – шириной 2.1 м. Размеры внутреннего пространства загона – 10 × 14 м.

Каменный загон Гум-Баши 4. Крупный каменный загон, состоящий из трех отдельных загонов, пристроенных друг к другу (рис. 3, *2*; 4, *2*), находится в 1 км к северо-западу от проселочной дороги, ведущей на Скалистый хребет от асфальтовой дороги из Учкекена в В. Мару. Загон 1 расположен южнее, его внутренние размеры составляют 30 × 35 м. С северо-западной стороны к нему примыкают загон 2 (6 × 7.2 м) и загон 3 (7.7 × 8.4 м). На южной стороне загона 1 находятся две однотипные постройки 1 и 2 размерами 5.1 × 7.4 и 4 × 8 м, состоящие из двух комнат – помещения 1 бóльших размеров (2.8 × 3.1 и 2.6 × 4.2 м) и помещения 2 – меньших (2 × 2.6



1 *2*

3 *4*

5 *6*

Рис. 3. Примеры отображения “древних” каменных загонов на аэрофотоснимках 1975 г. *1* – Гум-Баши 1–3, 5; *2* – Гум-Баши 4; *3* – Гуд-Гора 1; *4* – Гуд-Гора 3; *5* – Кич-Малка 1; *6* – Кич-Малка 2.

Fig. 3. Examples of mapping “ancient” stone enclosures on aerial photos taken in 1975

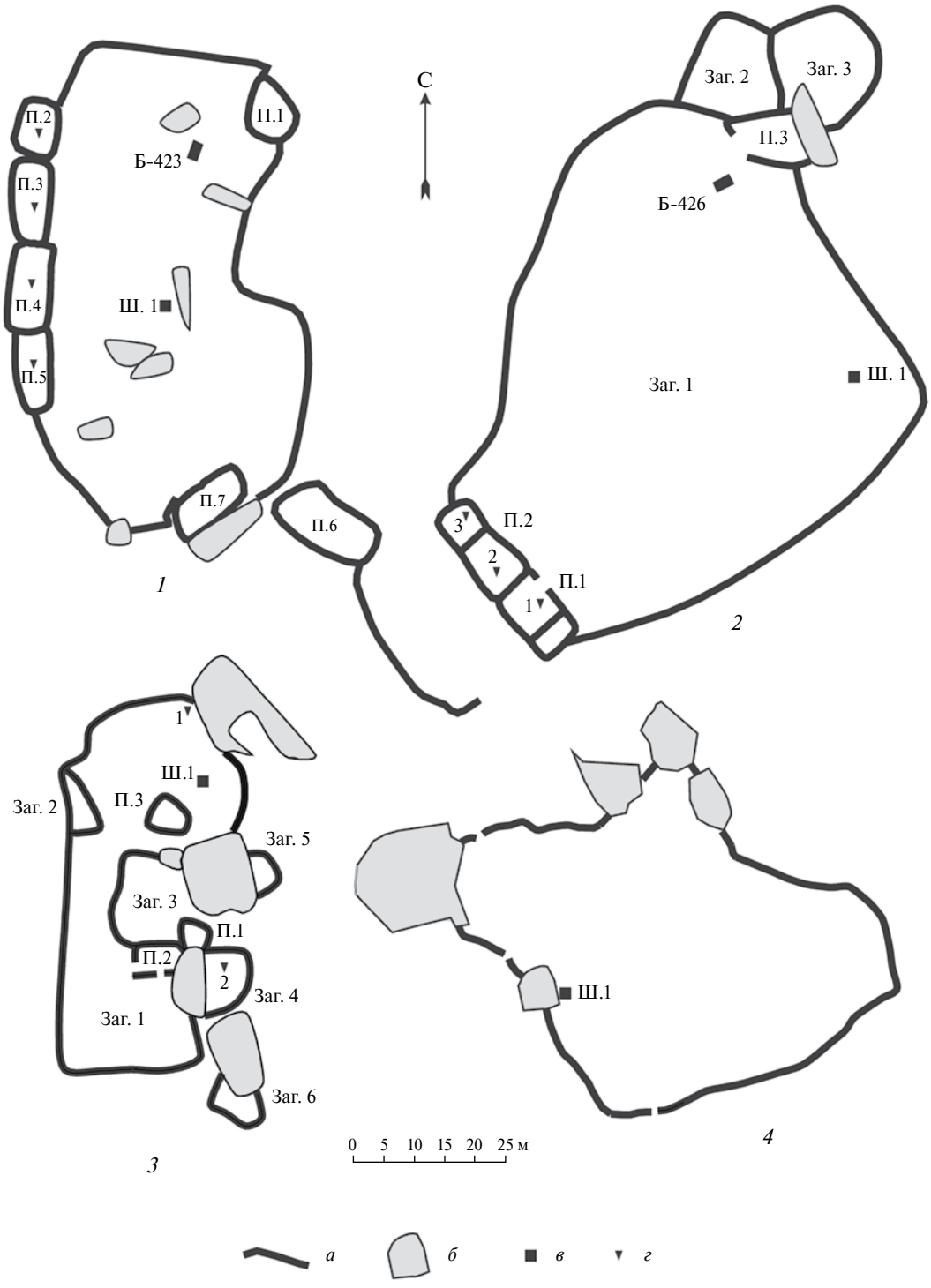


Рис. 4. Планы каменных загонов в окрестностях Кисловодска. *1* – Гум-Баши 1; *2* – Гум-Баши 4; *3* – Зубчихинский 1; *4* – Гуд-Гора 1. Условные обозначения: *а* – каменные стенки; *б* – скальные обломки; *в* – шурфы, почвенные разрезы; *г* – почвенные зондажи.

Fig. 4. Plans of stone enclosures in the vicinity of Kislovodsk

и 2.2 × 2.6 м), причем меньшие по размеру комнаты находятся с внешней стороны этих построек, а бóльшие примыкают друг к другу. В постройке 1 имеется вход в северо-восточной части помещения 1 шириной 0.8 м. Стены построек мощные, шириной около 1 м, видна двупанцирная кладка. Максимальная высота каменного развала прослеживается на общей для двух построек стене и достигает 0.7 м. Примечательно, что постройки 1 и 2 напоминают своими деталями домики кобанской археологической куль-

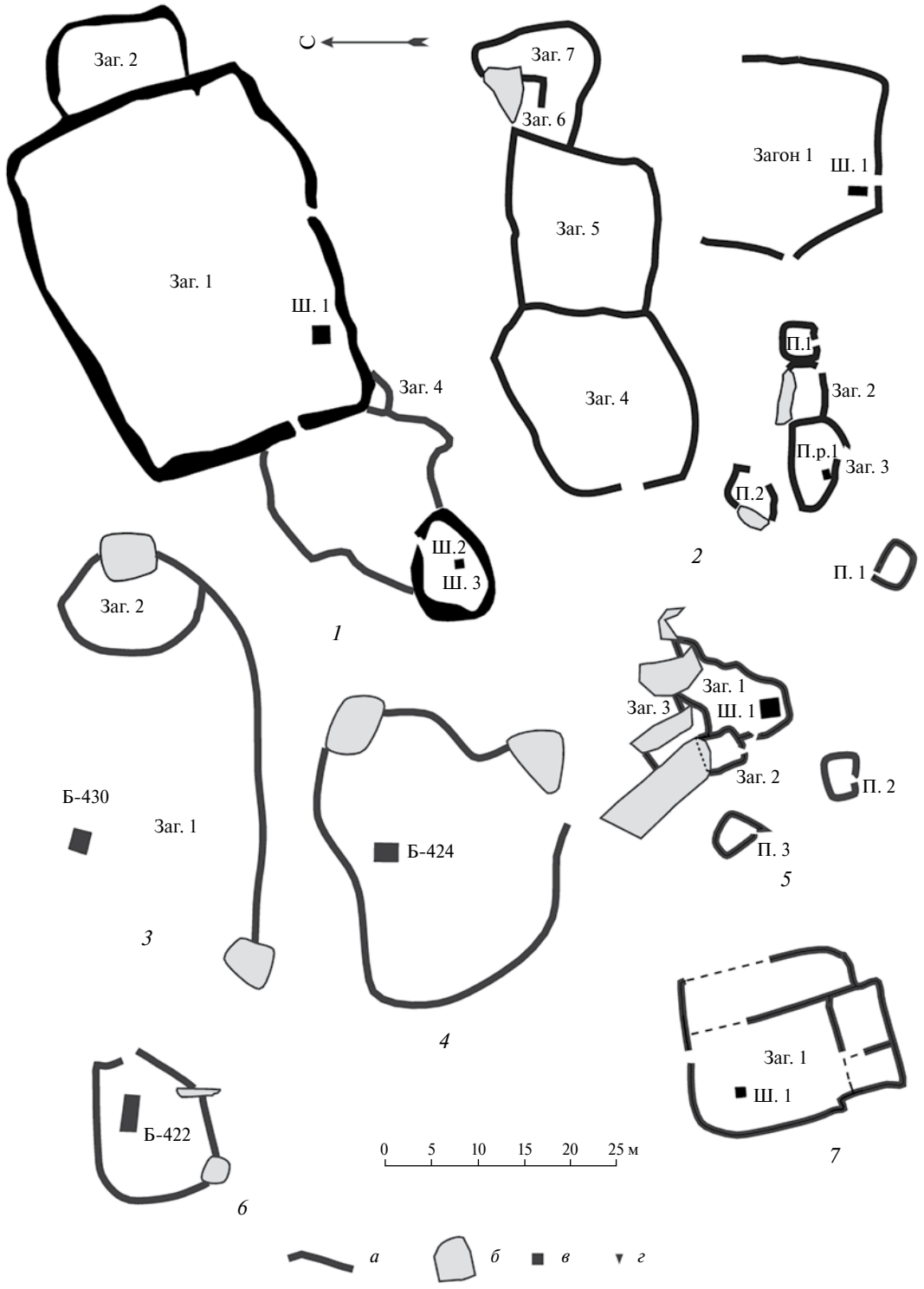


Рис. 5. Планы каменных загонов в окрестностях Кисловодска. *1* – Кич-Малка 1; *2* – Кич-Малка 2; *3* – Беловодский 2; *4* – Гум-Баши 3; *5* – Гуд-Гора 3; *6* – Гум-Баши 2; *7* – Гуд-Гора 4. Условные обозначения: см. рис. 4.

Fig. 5. Stone enclosures in the vicinity of Kislovodsk. Plans

туры, наблюдаемые на поселениях, открытых в недавнее время в ходе работ А.Б. Белинского и С. Райнхольд в окрестностях перевала Гум-Баши (Reinhold et al., 2017. S. 351–354. Abb. 229–231).

В северной части загона 1 располагается крупный обломок скалы. С юго-западной стороны к нему пристроена постройка 3 с внутренними размерами помещения 3.8 × 5.1 м и высотой сохранивших-

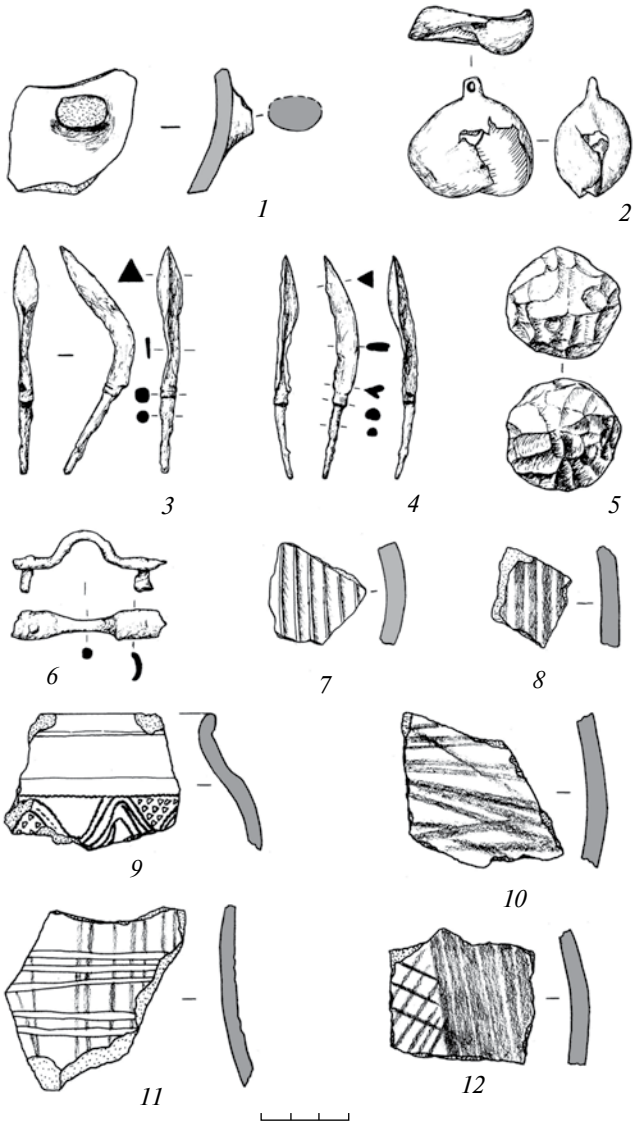


Рис. 6. Находки из каменных загонов (*1–10*) и скальных навесов (*11, 12*) в окрестностях Кисловодска. *1* – Гум-Баши 1, шурф 1; *2–7* – Зубчихинский 1, шурф 1; *8* – Кич-Малка 1, шурф 1; *9* – Кич-Малка 2, шурф 1; *10* – Кич-Малка 3, разрез Б-438-А; *11, 12* – Кич-Малка 2, подъемный материал, почвенный разрез. *1, 7–12* – фрагменты керамики; *2* – бронзовый бубенчик; *3, 4* – железные наконечники стрел; *5* – каменный шарик; *6* – железная колчанная скоба.

Fig. 6. Finds from stone enclosures *(1–10)* and rock shelters *(11, 12)* in the vicinity of Kislovodsk

ся стен до 1 м. В юго-западном углу постройки прослеживается вход шириной 0.65 м. Стены сложены в один ряд из необработанных камней “насухо”[1].

[1] Предыдущими наблюдениями на современных кошарах в долине р. Кич-Малка установлено, что в подобной кладке стен загонов и построек пастухов в качестве связующего раствора использовался навоз, который, разумеется, не сохраняется в стенах древних сооружений (Коробов, 2016. Рис. 4, *5*).

В процессе шурфовки и закладывания почвенных разрезов внутри каменных загонов Гум-Баши 1–4 обнаружен немногочисленный керамический материал кобанской культуры, в верхнем слое заложенных шурфов внутри загона Гум-Баши 1 и зондажей внутри небольших каменных строений найдено большое количество углей и костей животных. Среди керамики из шурфа 1 на каменном загоне Гум-Баши 1 имеются фрагменты посуды эпохи раннего средневековья (рис. 6, *1*). Отобранные на радиоуглеродный анализ образцы угля в настоящий момент обрабатываются в Лаборатории исторической экологии Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН.

Из культурного слоя в зондажах и шурфах отобраны образцы для проведения археоботанических исследований. Примечательно, что культурные злаки в этих пробах отсутствуют. Исключение составляет образец, полученный из почвенного зондажа в помещении 1 постройки 2 в загоне Гум-Баши 4, где найдено небольшое количество макроостатков культурных растений. Хотя их количество (12 экз.) и доля (11.9%) невелики, однако это важное свидетельство использования сельскохозяйственных культур в этом микрорегионе в древности. Уверенно до вида определено по одной зерновке ячменя *Hordeum vulgare* и мягкой пшеницы *Triticum aestivum*, два фрагмента колосового стержня принадлежат также мягкой пшенице. К пшеницам отнесены и две неопределимые до вида зерновки. Третье культурное растение этого памятника – представитель бобовых, вероятно, горох *Pisum sativum*.

Помимо работ на каменных загонах сделан зондаж глубиной около 43 см внутри обширного грота, находящегося у южных отрогов Скалистого хребта под г. Гум-Баши. В предматериковом слое отложения, состоящего главным образом из помета, найден характерный фрагмент стенки раннесредневекового сосуда, что может маркировать время начала формирования отложения. Для уточнения возраста отложения подготовлен материал для трех датировок. Нижние слои отложения характеризуются наличием многочисленных угольков и зерен культурных злаков. Наиболее интересным результатом стало обнаружение значительного количества обугленных зерен проса обыкновенного *Panicum miliaceum* (81 зерновка) в одном из флотационных образцов из предматерикового слоя. Наличие угля и культурных злаков в отложении свидетельствует, вероятнее всего, об использовании грота пастухами в качестве временного укрытия и загона для скота.

Примечательно, что часть дикорастущих растений, чьи карбонизированные семена обнаружены в шурфах и зондажах, в современное время обитает намного ниже (Шильников, 2010), и оказаться на памятнике они могли только при участии человека или животных (например, *Bromus* sp., *Chenopodium album, Plantago lanceolata, Persicaria maculosa, Fallopia convolvulus, Lampsana communis, Brassica* sp., *Thlaspi arvense*). Конечно, эти выводы предполагают, что в изучаемую эпоху не было смещений высотных поясов и связанных с ними растительных сообществ по сравнению с современностью.

По результатам анализа стабильных изотопов углерода и азота можно констатировать отсутствие резких климатических изменений, которые могли привести к смещению высотных поясов в период начала формирования отложения. Кроме того, предположение о том, что часть семян, обнаруженных в разных пробах с перевала Гум-Баши, могла быть принесена человеком или животными (на шерсти или с пометом) с расположенных ниже территорий, подтверждается и результатами пыльцевого анализа зоогенного отложения Гум-Баши (Коробов и др., 2017. С. 108, 109). Выводы, полученные на основании трех анализов (археоботаническом, изотопном и пыльцевом) могут рассматриваться как подтверждение гипотезы о существовании отгонного скотоводства у населения Кисловодской котловины в эпоху раннего средневековья.

В сезоне 2016 г. осуществлялось обследование высокогорья возле Гуд-Горы – скалистой возвышенности на южной оконечности водораздельного плато между долинами рек Подкумок и Эшкакон с абсолютной высотой около 2460 м – на территории Малокарачаевского р-на КЧР (рис. 1, *II*). Серия каменных загонов для скота, предварительно намеченных для обследования при изучении аэрофотосъемки 1970-х годов, изучена в 2.5 км к северо-востоку от Гуд-Горы.

Каменный загон Гуд-Гора 1. Крупное сооружение неправильной в плане формы, пристроенное к высоким скальным обломкам (рис. 2, *1*; 3, *3*; 4, *4*). Размеры загона составляют 45 × 70 м. В северо-западной, западной и южной стенах загона имеются разрывы (проходы?) шириной соответственно 1.5, 0.9 и 0.5 м. В устроенном в западной части загона шурфе археологические материалы не обнаружены, однако в непосредственной близости от данного сооружения находится не менее пяти отдельных небольших каменных построек (“домики пастухов”?), возле которых найден немногочисленный подъемный материал – фрагменты керамики кобанской культуры и раннего средневековья.

Домик 1 – развалины каменной постройки, расположенной на вершине склона в 130 м к юго-западу от загона Гуд-Гора 1 (рис. 7, *1, 9*). Представляет собой прямоугольную в плане постройку общими размерами 4.5 × 6.7 м, ориентированную длинной стороной по линии СЗ–ЮВ. Юго-западная стена постройки не сохранилась, северо-восточная стоит на высоту 1.4 м. Внутри постройки прослеживается стена, разделяющая ее на два помещения – бóльшее по площади с северо-запада размерами 2 × 3.9 м и меньшее с юго-востока размерами 2.2 × 2.4 м. У юго-западного угла виден проход шириной 1 м.

Домик 2 – каменная постройка, находящаяся в 47 м к северо-западу от домика 1, ориентирована длинной стороной по линии СЗ–ЮВ. Стены сложены из крупных камней, сохранился один ряд каменной кладки. Прослеживается два помещения размерами 2.6 × 3.9 м и 2.6 × 3 м. Общие внешние размеры постройки – 4.3 × 9 м.

Домик 3 – каменная постройка, находящаяся в 164 м к северо-западу от домика 1. Прямоугольное в плане строение, ориентированное по линии СЗ– ЮВ, состоящее из двух помещений (рис. 6, *2*) размерами 2.5 × 4.1 и 2 × 2.1 м. Наилучшим образом сохранилась стена в северо-западном углу постройки. Она состоит из кладки необработанных камней, сохранившихся в один ряд на высоту до 0.55 м. Общие внешние размеры постройки составляют 4.2 × 8 м. В северо-западном помещении возле перегородки в западной стене имеется проход шириной 0.9 м.

Домик 4 – каменная постройка, находящаяся в 151 м на запад от домика 1, на соседнем мысу. Ориентирована длинной стороной по линии ССВ–ЮЮЗ (рис. 7, *3, 10*). Постройка однокомнатная, внутренние размеры помещения – 2.7 × 4.4 м, внешние размеры – 5 × 6.8. Видимая толщина стен составляет 1.2 м, высота достигает 0.6. В восточной стене на расстоянии 1 м от северо-восточного угла находится проход шириной 0.7 м.

Домик 5 – каменная постройка, находящаяся в 195 м к северо-западу от домика 3, ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ, общие размеры – 4.6 × 7.6 м (рис. 7, *4, 11*). Прослеживаются два внутренних помещения размерами 3.4 × 4.7 и 1.8 × 3.2 м. У юго-восточного угла располагается крупный каменный блок, стоящий вертикально, размерами 0.4 × 0.7 × 1 м. Максимальная сохранившаяся высота стен постройки прослеживается на участке южной стены и достигает здесь 0.7 м.

Каменный загон Гуд-Гора 2 представляет собой небольшое сооружение размерами 2.5 × 3.2 м, при-

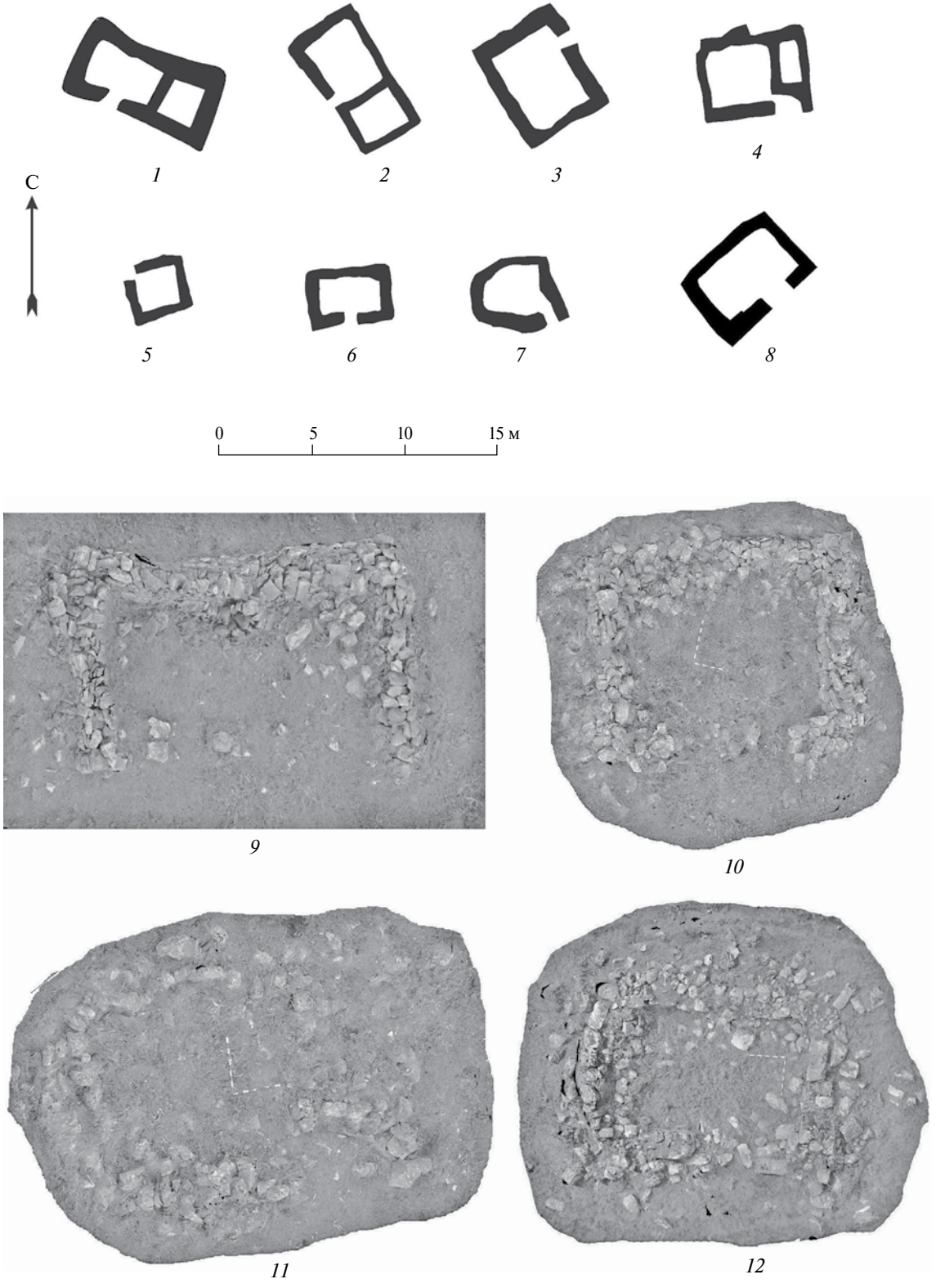


Рис. 7. Планы (*1–8*) и фотограмметрические виды сверху (*9–12*) “домиков пастухов” возле каменных загонов в окрестностях Кисловодска. *1, 9* – Гуд-Гора 1, домик 1; *2* – Гуд-Гора 1, домик 3; *3, 10* – Гуд-Гора 1, домик 4; *4, 11* – Гуд-Гора 1, домик 5; *5–7* – Гуд-Гора 3, домики 1–3; *8, 12* – Кич-Малка 3, домик 1.

Fig. 7. Plans *(1–8)* and photogrammetric views from above *(9–12)* of “shepherds’ houses” near the stone enclosures in the vicinity of Kislovodsk

строенное к двум обломкам скалы, находящимся в 44 м к западу от загона Гуд-Гора 1. Археологические материалы здесь также не найдены.

Еще несколько каменных сооружений для содержания скота обследовались с западной стороны от Гуд-Горы.

Каменный загон Гуд-Гора 3 находится в 1.6 км к северо-западу от одноименной возвышенности. Он представляет собой несколько каменных стен, пристроенных к крупным скальным обломкам и сохранившихся на высоту до 1 м (рис. 2, *3*; 3, *4*; 5, *5*). Общие размеры комплекса сооружений составляют 11 × 12 м. Самое крупное из них, загон 1, пристроен к скальным обломкам, между которыми с северной стороны идут участки каменной стены. Общие размеры загона 1 составляют 8.2 × 11.3 м, в его юго-западном углу имеется проход шириной 1.3 м. К описанному выше сооружению пристроено еще два загона: каменные ограды высотой до 1.4 и размерами 3.3 × 3.8 и 3.4 × 6.3 м.

В устроенном шурфе внутри загона 1 найден материал, относящийся к новейшему времени переиспользования данной ограды, очевидно, во второй половине XX в. Возле загона обнаружен подъемный материал – керамика эпохи раннего средневековья. Археоботаническая проба из данного шурфа показала полное отсутствие культурных злаков.

С южной стороны от комплекса данных загонов прослеживаются остатки не менее трех небольших однокомнатных сооружений – “домиков пастухов”. В 16 м к юго-востоку от каменного загона 1 расположен **домик 1** прямоугольной в плане формы (рис. 7, *5*). Он сложен из камней разных размеров, ориентирован длинной стороной по линии СЗ–ЮВ. В северо-западном углу домика виден проход шириной 0.7 м. Внешние размеры каменного развала составляют 3.6 × 5.6 м, внутренние размеры помещения – 2.1 × 3.2.

Домик 2 находится с юго-западной стороны от загона 1 на расстоянии 7.3 м. Он ориентирован длинной стороной по линии З–В, в южной стене постройки почти посередине имеется проход шириной 0.8 м (рис. 7, *6*). Внешние размеры каменного развала – 3.4 × 4.9 м, внутренние размеры единственного помещения – 2 × 3.3. Постройка заглублена в материковую скалу на 0.8 м.

Домик 3 расположен с западной стороны от загона 2 на расстоянии 4.7 м. Он представляет собой однокомнатную постройку неправильной в плане формы, ориентированную длинной стороной по линии СЗ–ЮВ (рис. 7, *7*). В юго-восточном углу имеется проход шириной 0.6 м. Длина постройки – 5.4 м, ширина – 4.8, внутренние размеры помещения – 2.4 × 3.2. Высота стен сохранилась на 0.8 м.

Каменный загон Гуд-Гора 4 расположен в 1.4 км к западу-северо-западу от Гуд-Горы. Представляет собой сооружение подпрямоугольной в плане формы, вытянутое по линии С–Ю, общими размерами 18.3 × 22.5 м (рис. 5, *7*). Стены сложены из необработанных камней средних размеров. Наилучшим образом сохранившаяся кладка находится с южной стороны, где она достигает в высоту 0.5 м. В южной части внутри ограды прослеживаются два подпрямоугольных в плане помещения размерами 3.3 × 4.8 и 4.4 × 6.1 м. Еще одна стенка внутри постройки отгораживает с восточной стороны длинное помещение, вытянутое по линии С–Ю, размерами 5.5 × 18.4 м. Северная сторона ограды имеет полукруглую в плане форму, здесь имеется проход шириной 1.2 м.

Заложенный внутри данного строения шурф не дал очевидных следов его использования в древности и средневековье в виде находок фрагментов керамики. Однако по некоторым архитектурным особенностям (двупанцирная кладка стен, полукруглое завершение северной стены, внутренние ограды помещений подквадратной в плане формы) данное сооружение более всего напоминает поселения раннего этапа кобанской культуры, в изобилии обнаруженные в последнее время в высокогорной части Кисловодской котловины и ее окрестностей (Белинский и др., 2009; Reinhold et al., 2017. S. 193–213).

Вторым ареалом, предположительно использовавшимся для отгонного скотоводства в осенне-зимний период, стала нижняя часть Кисловодской котловины. Детальные работы проводились здесь на обширном *каменном загоне 1 в балке Зубчихинская* (рис. 1, *III*). Он располагается в 130 м к востоку от укрепления Зубчихинское 1 на левом берегу одноименной балки. Комплекс загонов ориентирован длинной стороной практически по линии С–Ю, состоит из нескольких каменных загородок, пристроенных к четырем крупным обломкам скалы с их западной стороны (рис. 4, *3*). Загон 1 – самый крупный по своим размерам: длиной 38 м и шириной 18. Внутри него и с восточной стороны располагаются еще пять загонов меньших размеров (1.7–6.8 × 5.5–8 м). В данный комплекс сооружений входят также три небольшие однокомнатные постройки с внутренними размерами помещений 1.7–1.8 × 1.9–2.5 м, стены которых сохранились на высоту до 1.1. В стенах построек прослеживаются разрывы шириной 0.6–0.9 м, которые могли служить проходами.

Внутри каменных загонов и построек в качестве подъемного материала обнаружена керамика аланской культуры. В заложенном внутри загона 1 шурфе найдены многочисленные фрагменты посуды эпохи раннего средневековья, в том числе фрагмент чернолощеной кружки с орнаментом (рис. 6, *7*), два железных трехгранных наконечника стрел (рис. 7, *3, 4*), колчанная обойма (рис. 6, *6*), бронзовый бубенчик (рис. 6, *2*), фрагменты железных предметов, каменный шарик из известняка белого цвета с отколотыми поверхностями диаметром 4 см, вероятно, для стрельбы из пращи. Найденные предметы датируются в пределах V–VIII вв., фрагмент чернолощеной кружки с орнаментом в виде смыкающихся каннелюр находит аналогии в керамике второй половины IV в. (Малашев, 2000. С. 25, 26)

На противоположной стороне мыса, занимаемого укреплением Зубчихинское 1 и поселением Зубчихинское 3, обследованы загоны 1–4 в балке Беловодская (рис. 1, *III*). Более детальные работы с закладкой шурфов и почвенных разрезов велись на *каменном загоне Беловодский 2*. Он частично прослеживается в высокой траве – на поверхности видны его южная и восточная стены, а северная и западная не просматриваются (рис. 5, *3*). Общие размеры загона 1 реконструируются по аэрофотоснимку и составляют 35 × 50 м. Развал основной каменной стены загона прослеживается в длину на 17.5 м, он имеет ширину до 2 и высоту до 0.5. Стена пристроена к двум выходам скалы. С запада к одному из скальных обломков пристроен небольшой отдельный загон 2 округлой в плане формы размерами 7.1 × 8.2 м, представляющий собой каменную стенку высотой до 0.8.

Внутри загона устроен почвенный разрез Б-430, в котором обнаружено 2 кости животных и 34 фрагмента керамики (25 стенок кобанской культуры, одна стенка предположительно II–IV вв., 7 стенок от сосудов эпохи раннего средневековья, в том числе 1 с орнаментом в виде лощеных полосок и 1 стенка от поливного сосуда Нового времени).

В нижней части Кисловодской котловины разведки проводились также в долине р. Кич-Малка в непосредственной близости от укрепления Кич-Малка 1 (рис. 1, *IV*). Здесь, в 0.6–1.3 км к юго-западу от укрепления, с помощью аэрофотосъемки обнаружено три комплекса каменных оград для содержания скота, последовательно пронумерованных по мере удаления от поселения.

Каменный загон Кич-Малка 1 представляет собой ряд сооружений, расположенных в 600 м к западу-юго-западу от одноименного укрепления, на левом пологом берегу р. Кич-Малка на ее первой террасе. На поверхности видно крупное сооружение прямоугольной в плане формы, ориентированное длинной стороной по линии З–В, – загон 1 (рис. 2, *2*; 3, *5*; 5, *1*). Внешние размеры этого сооружения – 30.7 × 41.2 м, внутренние – 28.3 × 38. Стены его сложены из камней средних размеров, возможно, слегка подработанных; камни покрыты лишайником. Развал стены сохранился на внушительную высоту до 1.5 м, он достигает ширины в 1.8. В западной части виден хорошо сохранившийся проход шириной 1.2 м, аналогичный проход такой же ширины расположен в южной стене загона.

К данному загону с восточной и западной сторон примыкают полукруглые в плане каменные строения (загоны 2–4), а также две каменные стенки. Размеры внутреннего огороженного пространства этих загонов составляют 3.2–7.6 × 4.2–13.5 м. Судя по характеру каменной кладки, они предшествовали сооружению загона 1 и скорее всего были частично разобраны и перекрыты при строительстве последнего.

В шурфах, устроенных во внутреннем пространстве каменных оград загонов 1 и 3, достигающих глубины 3 м, обнаружено значительное количество керамических фрагментов аланской культуры эпохи раннего средневековья (V–VIII вв.) (рис. 6, *8*) и костей животных, маркирующих время функционирования данных мест содержания скота. Загоны были устроены на пологих склонах, в погребенной почве которых прослеживаются следы жизнедеятельности населения кобанского и майкопского периодов.

Отстоящий от описанного на 400 м выше по течению реки *каменный загон Кич-Малка 2* представлял собой сложноплановое поселение, состоящее из семи каменных оград, пристроенных к крупным скальным обломкам, среди которых прослеживаются небольшие однокомнатные постройки – “домики пастухов” (?) – числом не менее двух (рис. 2, *4*; 3, *6*; 5, *2*). Общие размеры данного комплекса построек – 44 × 53 м. Имеются следы древней дороги, участок которой сохранился в виде двух подпорных стенок шириной 2.7 и длиной 28 м, идущий вниз по склону в юго-восточном направлении. На поверхности внутри загонов встречается обильный подъемный материал: фрагменты керамики кобанской культуры и эпохи раннего средневековья.

Во внутреннем пространстве загона 1 устроен шурф глубиной 2 м, в загоне 3 – почвенный разрез, в которых обнаружено большое количество керамики и костей животных эпохи раннего средневековья, отложившихся в процессе функционирования данного загона на погребенной почве, где

найдены осколки посуды кобанской культуры. Выразительный фрагмент кубка кобанского времени обнаружен в шурфе 1 в нижних пластах на глубине около 1.5 м от дневной поверхности (рис. 6, *9*).

Похожая ситуация прослеживается и в *каменном загоне Кич-Малка 3*, находящемся в 300 м к западу-юго-западу от описанных выше сооружений. Каменная стенка данного загона располагается на обоих берегах пересохшего ручья – левого притока р. Кич-Малка. Наилучшим образом сохранились северо-западная и юго-восточная стенки загона, огораживающие пространство неправильной подовальной в плане формы размерами 22.6 × 38.4 м. Стенки невысокие, сохранились на два ряда каменной кладки. Внутри загона и в его окрестностях, а также в устроенных возле стенки и внутри каменной ограды почвенных разрезах встречается обильный материал – керамика аланской культуры, датирующаяся эпохой раннего средневековья (V–VIII вв.) (рис. 6, *10*).

В 80 м к югу от загона расположен небольшой "домик пастуха" (рис. 7, *8, 12*). Внешние размеры его составляют 4.6 × 6.5 м, внутренние размеры единственного помещения – 3.1 × 5. Домик сложен из крупных камней с помощью двупанцирной кладки, толщина стен достигает 0.7 м, высота – 0.55. В юго-восточной стене имеется проход шириной 1.5 м.

Помимо каменных загонов, устроенных возле р. Кич-Малка, средневековым населением в качестве мест содержания скота использовались также скальные навесы и карнизы. Так, возле укрепления Кич-Малка 1 обследован один из подобных навесов, внутри которого был устроен разрез глубиной до 1.8 м. В разрезе прослежены отложения навоза, среди которых встречается керамика эпохи раннего и развитого средневековья (рис. 6, *11, 12*). Примечательно, что здесь так же, как и в навесе в окрестностях пер. Гум-Баши, обнаружено значительное количество зерновок проса. Среди найденных 410 археоботанических макроостатков определено два вида проса: обыкновенное *Panicum miliaceum* (44 зерновки) и итальянское *Setaria italica* (252 зерновки); часть зерен была в чешуях. Таким образом, намечается интересная тенденция в употреблении проса средневековыми пастухами, использовавшими скальные навесы в качестве мест содержания скота. Если радиоуглеродное датирование[2] докажет принадлежность полученных материалов к средневековью, то можно будет обсуждать просо в качестве "профессиональной" или "социальной" пищи того времени, так как спектр зерновых культур с синхронных поселений и земледельческих угодий гораздо разнообразнее.

Анализировались морфолого-генетические, химические и микробиологические свойства почв в загонах и скальных навесах. Установлено, что во всех загонах эпохи бронзы и средневековья наблюдается высокая активность фермента уреазы, что связано с поступлением мочевины в почвы и может рассматриваться как надежный индикатор долговременного присутствия скота внутри подобных сооружений (Chernysheva et al., 2015; Чернышева и др., 2016. С. 165–176). Наиболее детальные показатели распределения значений уреазной активности по профилю получены в разрезах на загонах Кич-Малка 1 и 2, где высокая концентрация фермента уреазы прослеживается на глубинах от 0.2 до 1 м. Именно эти верхние слои, содержавшие обильный материал эпохи раннего средневековья, отражают время использования данных каменных загонов в качестве мест содержания скота.

Помимо указанных выше индикаторов А.В. Борисовым и Е.В. Чернышевой разработан новый важный показатель накопления навоза, заключающийся в выявлении присутствия термофильных бактерий. Эти микроорганизмы развиваются при температуре свыше 60 °С и в обычных почвах единичны. При накоплении навоза происходит его компостирование и разогрев, когда температура может достигать 60–70 °С. В подобных условиях растут только термофильные бактерии и актиномицеты, численность которых может достигать нескольких миллионов клеток на грамм почвы. Следует отметить, что интенсивное накопление навоза и его последующий сильный разогрев возможен лишь при длительном стоянии скота в загоне. Эпизодическое либо кратковременное использование загона не приводит к разогреву зоогенных отложений, поэтому высокая численность термофильных микроорганизмов может быть показателем стойлового содержания скота (Чернышева и др., 2016. С. 165–176).

Проведено изучение количества термофильных микроорганизмов в почвах внутри загонов (рис. 8). Достоверное увеличение их содержания отмечено только в шурфе 1, устроенном внутри каменного загона Кич-Малка 1 (рис. 8, *2*). На ключевом участке Кич-Малка 2 обилие термофилов выявлено в верхних горизонтах шурфа и почвенного раз-

[2] Из всех флотационных проб, содержащих макроостатки культурных злаков, отобраны образцы на радиоуглеродное AMS-датирование. Приносим свои благодарности Евразийскому отделу Германского археологического института и лично доктору С. Райнхольд за содействие в организации датирования этих материалов.

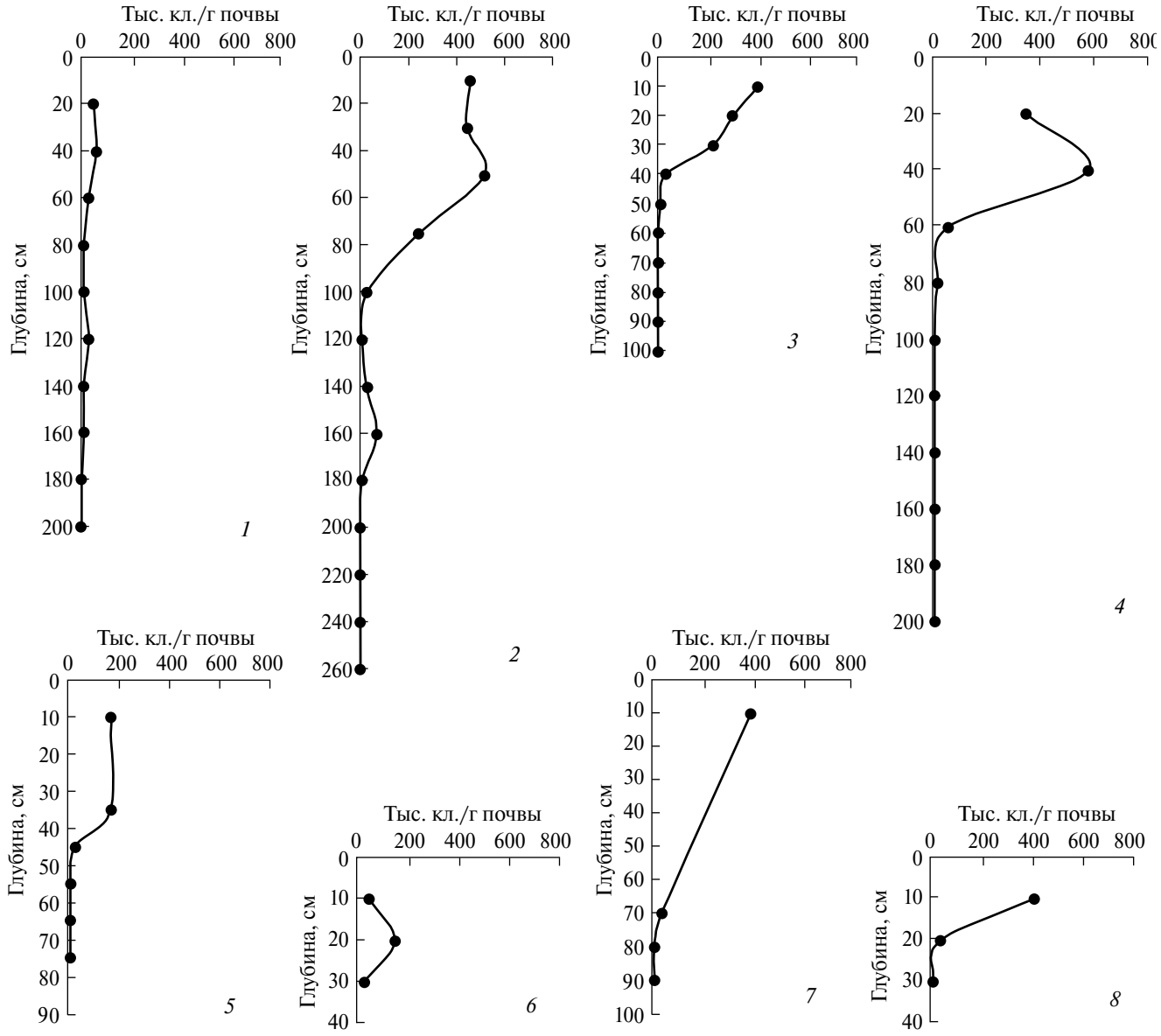


Рис. 8. Результаты анализа численности термофильных микроорганизмов в почвах внутри загонов для скота. *1* – Кич-Малка 1, шурф 2 (Б-440); *2* – Кич-Малка 1, шурф 1 (Б-439); *3* – Кич-Малка 2, почвенный разрез 1; *4* – Кич-Малка 2, шурф 1; *5* – Гуд-Гора 3, шурф 1 (Б-436); *6* – Гуд-Гора 3, фоновый разрез (Б-437); *7* – Кич-Малка 3, постройка (Б-438); *8* – Кич-Малка 3, загон (Б-438-А).

Fig. 8. Results of the analysis of thermophilic microorganisms count in soils inside cattle enclosures

реза, но если в почвенном разрезе (загон 3) этот показатель уменьшается с глубиной, то в шурфе 1 (загон 1) максимум термофилов отмечен в слое мощностью 40 см (рис. 8, *3, 4*). Это указывает на длительное накопление навоза в этот период. В шурфах в Приэльбрусье в окрестностях Гуд-Горы количество термофилов наблюдается на фоновом уровне (рис. 8, *5, 6*). Значительное их количество прослежено в почвенном разрезе под скальным навесом Кич-Малка.

Таким образом, проведенные Кисловодской экспедицией Института археологии РАН комплексные исследования каменных загонов, аналогичных абхазским ацангуарам, в окрестностях Кисловодска и в субальпийской зоне Приэльбрусья позволяют надежно отнести возникновение подобных сооружений к позднему бронзовому – раннему железному векам и к раннему средневековью и выявить следы их переиспользования в Новое и Новейшее время. Сделанные предварительные наблюдения

позволяют наметить сезонное использование аланским населением Кисловодской котловины мест содержания скота в субальпийской зоне в окрестностях Кисловодска, предположительно, в весенне-летний период, и в непосредственной близости от поселений во внутренних территориях котловины – в осенне-зимний.

Стойловое содержание части крупного рогатого скота в течение круглого года на поселении в сочетании с выгонами на близлежащие пастбища и отгоном мелкого рогатого и молочного скота на яйлаги – летние горные выпасы – носит название "внутриальпийского" (по М.-З.О. Османову) или "альпийского" (по В.М. Шамиладзе) скотоводства (Марков, 1981. С. 92; Османов, 1984. С. 86). Аналогичное определение дается и в зарубежных работах (см., например: Jacobeit, 1987. S. 86, 87). Для скотоводства альпийского типа характерны присутствие основных земледельческих поселений с зимним стойловым содержанием скота и сезонный отгон части его на летние пастбища, расположенные на определенной высоте. При этом отгон осуществляется лишь небольшой частью населения, тогда как основная его часть занимается земледелием и заготовкой кормов на зиму. По-видимому, именно такая форма скотоводства существовала у населения Кисловодской котловины в эпоху раннего средневековья.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-02561.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. М.: Науч. мир, 2004. 240 с.

Белинский А.Б., Коробов Д.С., Райнхольд С. Ландшафтная археология на Северном Кавказе: первые результаты исследования предгорного ландшафта Кисловодска эпохи позднего бронзового – раннего железного века // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX: Археология, краеведение / Ред. А.Б. Белинский. Ставрополь: Наследие, 2009. С. 175–218.

Воронов Ю.Н. О датировке абхазских ацангуаров // СЭ. 1973. № 6. С. 30–40.

Калоев В.Б. Скотоводство народов Северного Кавказа с древнейших времен до начала XX века. М.: Наука, 1993. 231 с.

Коробов Д.С. О скотоводстве у алан Кисловодской котловины в эпоху раннего средневековья // Археологическая наука: практика, теория, история: сб. ст. памяти И.С. Каменецкого / Ред. А.Н. Гей, И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2016. С. 137–153.

Коробов Д.С., Бабенко А.Н., Сергеев А.Ю., Чернышева Е.В., Борисов А.В. Комплексные исследования каменных загонов и скальных навесов для содержания скота в окрестностях Кисловодска // Материалы Всеросс. конф. «Палеопочвы, палеоэкология, палеоэкономика» / Ред. А.В. Борисов, Л.Н. Плеханова, С.Н. Удальцов. Пущино: КМК, 2017. С. 107–112.

Коробов Д.С., Борисов А.В., Бабенко А.Н., Сергеев А.Ю., Чернышева Е.В. Изучение ацангуаров в окрестностях Кисловодска // Археологические открытия на Кавказе и сопредельных регионах: хронология и интерпретация памятников: матер. конф., посвящ. 75-летию со дня рожд. Ю.Н. Воронова. Сухум: АбИГИ АНА. (В печати).

Малашев В.Ю. Раннесредневековая керамика могильника Клин-Яр III. Вопросы хронологии. М.: Полимедиа, 2000 (Труды Клин-Ярской экспедиции; II). 52 с.

Марков Г.Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // СЭ. 1981. № 4. С. 83–94.

Минаева Т.М. Поселение в устье р. Узун-Кол // СА. 1960. № 2. С. 193–207.

Османов М.-З.О. О формах и типах скотоводства (по материалам Дагестана. XIX в.) // СЭ. 1984. № 6. С. 77–88.

Чернышева Е.В., Борисов А.В., Коробов Д.С. Биологическая память почв и культурных слоев археологических памятников. М.: ГЕОС, 2016. 240 с.

Шаманов И.М. Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX – начале XX в. // Кавказский этнографический сборник. Вып. V. М.: Наука, 1972. С. 67–97.

Шильников Д.С. Конспект флоры Карачаево-Черкесии. Ставрополь: АГРУС, 2010. 384 с.

Chernysheva E.V., Korobov D.S., Khomutova T.E., Borisov A.V. Urease activity in cultural layers at archaeological sites // J. of Archaeological Science. 2015. V. 57. P. 24–31.

Jacobeit W. Schafhaltung und Schäfer in Zentraleuropa bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts. Berlin: Akademie Verlag, 1987. 462 S.

Reinhold S., Korobov D.S., Belinskij A.B. Landschaftsarchäologie im Nordkaukasus. Studien zu einer neu entdeckten bronzezeitlichen Kulturlandschaft im Hochgebirge des Nordkaukasus. Bonn: Habelt-Verlag, 2017 (Archäologie in Eurasien; Bd. 38). 495 S.

COMPREHENSIVE RESEARCH OF STONE ENCLOSURES IN THE VICINITY OF KISLOVODSK

Dmitry S. Korobov[1, *], Aleksandr V. Borisov[2, **], Anna N. Babenko[1, *], Aleksey Yu. Sergeev[1,*], Elena V. Chernysheva[2,]**

[1] Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[2]Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science RAS, Pushchino, Russia

**E-mail: dkorobov@mail.ru; mnemosina_a@mail.ru; elfyatina@yandex.ru*

***E-mail: a.v.borisovv@gmail.com; chernysheva1988@gmail.com*

The article summarizes results of the comprehensive research of cattle maintenance locations – stone fencings and rock shelters – conducted in the mid- and high-mountainous areas of the Kislovodsk Depression in 2015–2016. Inside the stone fences and around them, topographic surveying, test-drilling, and photogrammetric fixation of stone structures were carried out, background soil cuts were executed. The archaeobotanical remains, stable isotopes and pollen obtained from zoogenic deposits were analyzed. An analysis of the morphological-genetic, chemical and microbiological properties of soils in enclosures and rock shelters was undertaken. The comprehensive studies of stone enclosures allow reliable dating the emergence of such structures by the late Bronze Age – the early Iron Age and the early Middle Ages and to reveal traces of their re-use in the Modern and Contemporary Times. Preliminary observations allow us to locate the seasonal cattle maintenance by the Alanian population of the Kislovodsk Depression in the subalpine zone, presumably in spring and summer, and in the immediate vicinity of the settlements in the interior of the depression in autumn and winter.

Keywords: transhumance cattle breeding, Northern Caucasus, the early Middle Ages, archeobotany, palynology, paleopedology.

REFERENCES

Afanas'ev G.E., Savenko S.N., Korobov D.S., 2004. Drevnosti Kislovodskoy kotloviny [The antiquities of the Kislovodsk Depression]. Moscow: Nauchnyy mir. 240 p.

Belinskiy A.B., Korobov D.S., Raynkhol'd S., 2009. Landscape archaeology in Northern the Caucasus: the first results of research in submontane Kislovodsk landscape of the late Broze Age – the early Iron Age. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza [Materials to the study on historic and cultural heritage of Northern the Caucasus], IX. Arkheologiya, kraevedenie [Archaeology, Regional History]*. A.B. Belinskiy, ed. Stavropol': Nasledie, pp. 175–218. (In Russ.)

Chernysheva E.V., Borisov A.V., Korobov D.S., 2016. Biologicheskaya pamyat' pochv i kul'turnykh sloev arkheologicheskikh pamyatnikov [Biological memory of soils and cultural layers of archaeological sites]. Moscow: GEOS. 240 p.

Chernysheva E.V., Korobov D.S., Khomutova T.E., Borisov A.V., 2015. Urease activity in cultural layers at archaeological sites. *J. of Archaeological Science*, 57, pp. 24–31.

Jacobeit W., 1987. Schafhaltung und Schäfer in Zentraleuropa bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts. Berlin: Akademie Verlag. 462 p.

Kaloev V.B., 1993. Skotovodstvo narodov Severnogo Kavkaza s drevneyshikh vremen do nachala XX v. [Cattle breeding of the Northern Caucasian peoples from the ancient time till the early 20th century]. Moscow: Nauka. 231 p.

Korobov D.S., 2016. On the cattle breeding of the Kislovodsk Depression Alans in the early Middle Ages. *Arkheologicheskaya nauka: praktika, teoriya, istoriya: sb. st. pamyati I.S. Kamenetskogo [Archaeological research: practice, theory, history: Collection of articles in memory of I.S. Kamenetsky]*. A.N. Gey, I.A. Sorokina, eds. Moscow: IA RAN, pp. 137–153. (In Russ.)

Korobov D.S., Babenko A.N., Sergeev A. Yu., Chernysheva E.V., Borisov A.V., 2017. Comprehensive research on stone enclosures and rock shelters for cattle maintenance in the vicinity of Kislovodsk. *Materialy Vseross. konf. "Paleopochvy, paleoekologiya, paleoekonomika" [Proceedings of the All-Rusian Conference "Paleosoils, Paleoecology, Paleoeconomy"]*. A.V. Borisov, L.N. Plekhanova, S.N. Udal'tsov, eds. Pushchino: KMK, pp. 107–112. (In Russ.)

Korobov D.S., Borisov A.V., Babenko A.N., Sergeev A. Yu., Chernysheva E.V. Research on atsanguaras in the vicinity of Kislovodsk. *Arkheologicheskie otkrytiya na Kavkaze i sopredel'nykh regionakh: khronologiya i interpretatsiya pamyatnikov: materialy konf., posv. 75-letiyu so dnya rozhd. Yu.N. Voronova [Archaeological discoveries in Causcasus and in the adjacent regions: chronology and interpretation of the cites: Proceed. of*

the Conf. dedicated to the 75th anniv. of Yu.N. Voronov]. Sukhum: AbIGI ANA. (In Russ.). (In print).

Malashev V. Yu., 2000. Rannesrednevekovaya keramika mogil'nika Klin-Yar III. Voprosy khronologii [Early Medieval ceramics of the Klin-Yar III cemetery. The issues of chronology]. Moscow: Polimedia. 52 p. (Trudy Klin-Yarskoy ekspeditsii, II).

Markov G.E., 1981. Cattle breeding economy and nomadism. Definitions and terminology. *SE [Sov.Ethnography]*, 4, pp. 83–94. (In Russ.)

Minaeva T.M., 1960. The settlement in the mouth of the Uzun-Kol river. *SA [Sov. Archaeol.]*, 2, pp. 193–207. (In Russ.)

Osmanov M.-Z.O., 1984. On the forms and types of cattle breeding (based on the material of Dagestan. 19th century). *SE [Sov. Ethnography]*, 6, pp. 77–88. (In Russ.)

Reinhold S., Korobov D.S., Belinskij A.B., 2017. Landschaftsarchäologie im Nordkaukasus. Studien zu einer neu entdeckten bronzezeitlichen Kulturlandschaft im Hochgebirge des Nordkaukasus. Bonn: Habelt-Verlag. 495 p. (Archäologie in Eurasien, 38).

Shamanov I.M., 1972. Cattle breeding and economic life of the Karachays in the 19th–early 20th century. *Kavkazskiy etnograf. sb. [Caucasian ethnographic collection]*, V. Moscow: Nauka, pp. 67–97. (In Russ.)

Shil'nikov D.S., 2010. Konspekt flory Karachaevo-Cherkesii [Notes on Karachay-Cherkess flora]. Stavropol': AGRUS. 384 p.

Voronov Yu.N., 1973. On the dating of Abkhazian atsanguaras (Dwarf's fence). *SE [Sov. Ethnography]*, 6, pp. 30–40. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2018, № 2, с. 130–147

КЛАД ИЗ СУДЖИ-ЗАМОСТЬЯ И ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДНЕПРОВСКИХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КЛАДОВ I ГРУППЫ

© 2018 г. В. Е. Родинкова[1,*], И. А. Сапрыкина[1,*], С. А. Сычева[2,]**

[1]Институт археологии РАН, Москва, Россия ,

[2]Институт географии РАН, Москва, Россия

**E-mail: vlasta2004@mail.ru; dolmen200@mail.ru*

***E-mail: sychevasa@mail.ru*

Поступила в редакцию 00.00.2018 г.

В 2009 г. на территории слободы Замостье у г. Суджа Курской обл. найден клад, содержавший более 1500 предметов. В основном это вещи круга “древностей антов” I группы, позволяющие соотносить клад из Суджи-Замостья с комплексами типа Мартыновского клада. Но есть в его составе и более ранние изделия – второй половины V – VI и даже II–III вв. Большинство предметов имеет следы использования, ремонта, многие сломаны. Полные комплекты личных украшений отсутствуют. Вещи несколькими скоплениями и поодиночке найдены на площади около 6 м^2 на глубине 0.3–0.7 м в низкой пойме р. Суджа, на расстоянии 50 м от современной береговой линии. Культурные слои римского и раннесредневекового времени на месте находки отсутствуют. Синхронные археологические памятники в ближайшей округе неизвестны. Результаты палеопочвенных исследований показывают, что ранее участок сокрытия клада периодически был обводнен. Особенности состава и условия залегания комплекса делают сомнительной традиционную интерпретацию его как набора материальных ценностей, спрятанных в момент опасности. Клад из Суджи-Замостья, как и некоторые другие сокровища “мартыновского” круга, может иметь сакральный характер.

Ключевые слова: раннее средневековье, Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье, клады типа Мартыновского.

DOI: 10.7868/S0869606318020101

Феномен кладов, фиксируемый практически на всех этапах человеческой истории, лежит отнюдь не только в плоскости материальной культуры. В не меньшей степени он связан с психологией, религиозной и обрядовой практикой, социальной структурой, мировоззренческими системами и другими сторонами жизни древних обществ, которые не имеют прямого отражения в мире материальных объектов. Кладам посвящена огромная литература, анализ которой выходит далеко за рамки настоящего исследования. Здесь коснемся лишь некоторых вопросов, связанных с интерпретацией так называемых днепровских раннесредневековых кладов I группы, известных еще как комплексы “древностей антов” I группы или сокровища типа Мартыновского. Поводом для этого обращения стал клад, найденный на юге Курской обл., на территории слободы Замостье, граничащей с г. Суджа. Особенности его состава и условия залегания позволяют выдвинуть некоторые предположения о его назначении и причинах сокрытия. Но прежде чем перейти к рассмотрению комплекса, представим краткий обзор основных точек зрения, высказывавшихся исследователями по данной проблеме.

Характер и причины сокрытия днепровских раннесредневековых кладов I группы: концепции и мнения. Состоящие преимущественно из мужских и женских украшений и предметов убора сокровища типа Мартыновского выпали в Среднем Поднепровье и на Днепровском Левобережье в середине/третьей четверти VII в.; формирование отложившегося в них вещевого набора началось, вероятно, в конце VI – на рубеже VI–VII вв. (Гавритухин, 1996а). Основы современного понимания этих комплексов как историко-культурного феномена заложила Г.Ф. Корзухина. Изучая клады X–XIII вв., исследовательница пришла к выводу, что они обнаруживаются, как правило, неподалеку от мест обитания людей. Экстраполировав сделанные наблюдения на более ранний период, Г.Ф. Корзухина предположила, что “топография кладов VI–VII вв. является топографией поселений VI–VII вв.” (1955. С. 68). Причиной попадания в землю материальных ценностей она считала внешнюю

опасность, в случае "древностей антов" – угрозу, которую представляли для оседлого населения набеги кочевников (Корзухина, 1955. С. 73, 78).

Вскоре были открыты колочинская и пеньковская раннеславянские культуры, с поселениями и могильниками которых оказались связаны изделия "мартыновских" типов. На местах находок Вильховчикского, Суджанского (1947 г.) и Куриловского кладов зафиксированы культурные напластования, содержавшие, в том числе, груболепную керамику "раннеславянского" облика (Липкинг, 1964. Л. 14, 15; Приходнюк, 1980. С. 101, 129; Родинкова, 2010. С. 78, 79). Гапоновский клад происходит из культурного слоя многослойного поселения, включающего колочинские материалы (Обломский, 1996). В ходе раскопок еще одного колочинского селища выявлен Великобудковский клад[1] (Горюнова, 1992. С. 127).

Таким образом, концепция Г.Ф. Корзухиной, поначалу сугубо умозрительная, получила "наполнение" конкретным материалом и более чем на 50 лет стала господствующей в отечественной археологии. Тезис о "войне седьмого века" в Поднепровье стал практически общим местом и звучит даже в работах исследователей, не занимающихся непосредственным изучением древностей этого региона[2]. Различаются лишь мнения относительно того, чье именно нападение заставило население прятать сокровища – хазар (Корзухина, 1955. С. 78, 79), болгар (Щеглова, 1990. С. 180–182) или славянских племен, продвигавшихся на Левобережье с правого берега Днепра (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 146–148).

Есть, однако, и "альтернативные" точки зрения на характер и историческое значение днепровских раннесредневековых кладов. Так, М.Ю. Брайчевский не считал их появление свидетельством нестабильной социально-политической обстановки. По его мнению, убегая от опасности, прячут громоздкий инвентарь, а компактные, но обладающие большой ценностью деньги и украшения берут с собой. Сокровища типа Мартыновского – одна из форм накопления, свидетельство концентрации богатств в руках отдельных членов общества. Земля же служила наиболее удобным хранилищем таких богатств, откуда они могли быть извлечены в любой момент (Брайчевський, 1952. С. 28, 35; Брайчевский, 1956. С. 84).

Недавно днепровские клады привлекли внимание Ф. Курты (2008. С. 133–137, 140–147). Он подверг критике "чрезмерную озабоченность" советской и постсоветской археологии "этничностью" и ввел "новые категории анализа, такие, как возраст и пол", которые, "возможно, позволят... понять уникальные феномены раннего средневековья, такие, как... клады серебряных и бронзовых аксессуаров женской одежды" (Курта, 2008. С. 134). Работа Ф. Курты содержит фактические неточности и спорные обобщения, обусловленные недостаточным знанием материала, но его гипотеза заслуживает внимания. Суть ее в следующем. В начале раннего средневековья женские украшения и детали убора приобретают в варварской (в том числе славянской) среде особое значение как предметы, манифестирующие общественное положение владельцев. Собственно, аналогичную функцию демонстрации статуса выполняют для своих мужчин и сами женщины. Днепровские клады, в значительной мере состоящие из принадлежностей женского костюма, имеют не прикладное, а символическое значение, и представляют собой "пример демонстративного потребления, известного антропологам как потлач" (Курта, 2008. С. 146). Вотивный характер этих комплексов подтверждается нахождением их в определенных топографических условиях, часто по берегам рек, на заболоченных участках и в других труднодоступных местах, предполагающих невозможность их изъятия для дальнейшего использования. Сокрытие подобных кладов могло сопровождать обряды посвящения или наследования сана, закрепления статуса и т.п. (Курта, 2008. С. 146, 147).

Клад из Суджи-Замостья: состав и условия обнаружения. Клад из Суджи-Замостья, сделавший актуальным новое обращение к проблеме интерпретации сокровищ типа Мартыновского, включает более 500 предметов из металла и 1000 бус из стекла и янтаря (рис. 1–4). Большинство определимых изделий – принадлежности мужского и женского убора; в ряде случаев они составляют небольшие серии, но полные комплекты личных украшений отсутствуют. Практически все вещи имеют следы длительного использования, ремонта, многие сломаны или деформированы. Значительна доля мелких фрагментов металлических, как правило, пластинчатых изделий, первоначальную форму и назначение которых определить невозможно. На некоторых фиксируются отпечатки, по-видимому, органических материалов.

Ременные гарнитуры[3] представлены литыми двухчастными накладками с прямыми боковыми сторонами верхней части типа 3, варианта 3б

[1] Мы не считаем этот комплекс принадлежащим кругу "древностей антов" I группы, но сейчас важен не состав клада, а условия его залегания.

[2] Один из авторов настоящей статьи уже обращал внимание на то, что другие свидетельства военных действий (следы массовых пожаров на поселениях, находки предметов вооружения, человеческие останки со следами насильственной смерти и т.д.) в ареале кладов "древностей антов" пока не выявлены (Родинкова, 2014. С. 391, 392).

[3] Типологические определения большинства предметов даны по И.О. Гавритухину (1996б. С. 22–36).

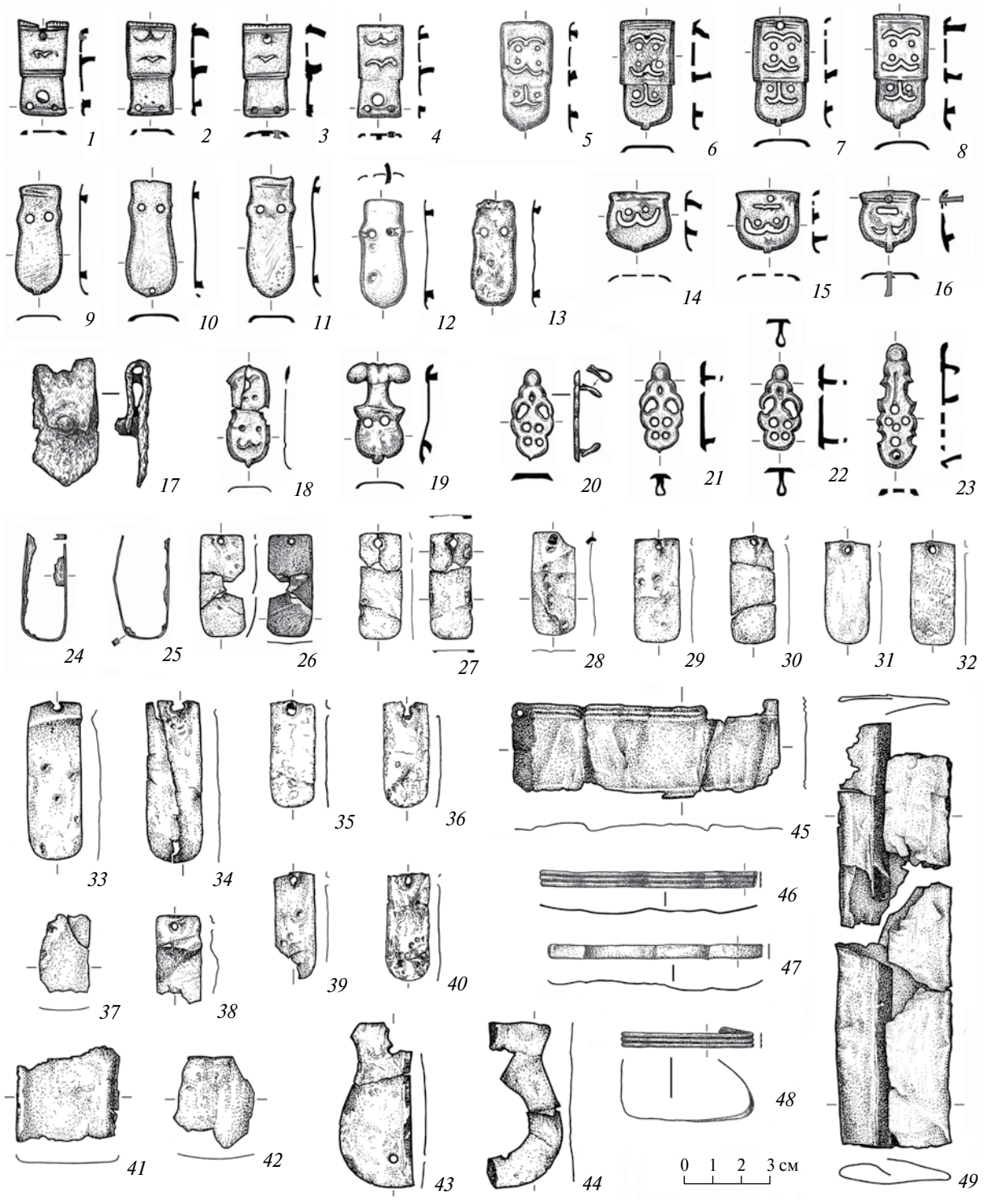


Рис. 1. Клад из Суджи-Замостья. Детали поясных наборов, предметы, связанные с воинским снаряжением. *17* – железо; *18, 24* – свинцово-оловянный сплав; остальное – сплавы с серебром. Рисунки С.А. Смеричинской.

Fig. 1. Sudzha-Zamostie hoard. Details of belt sets, items related to military equipment

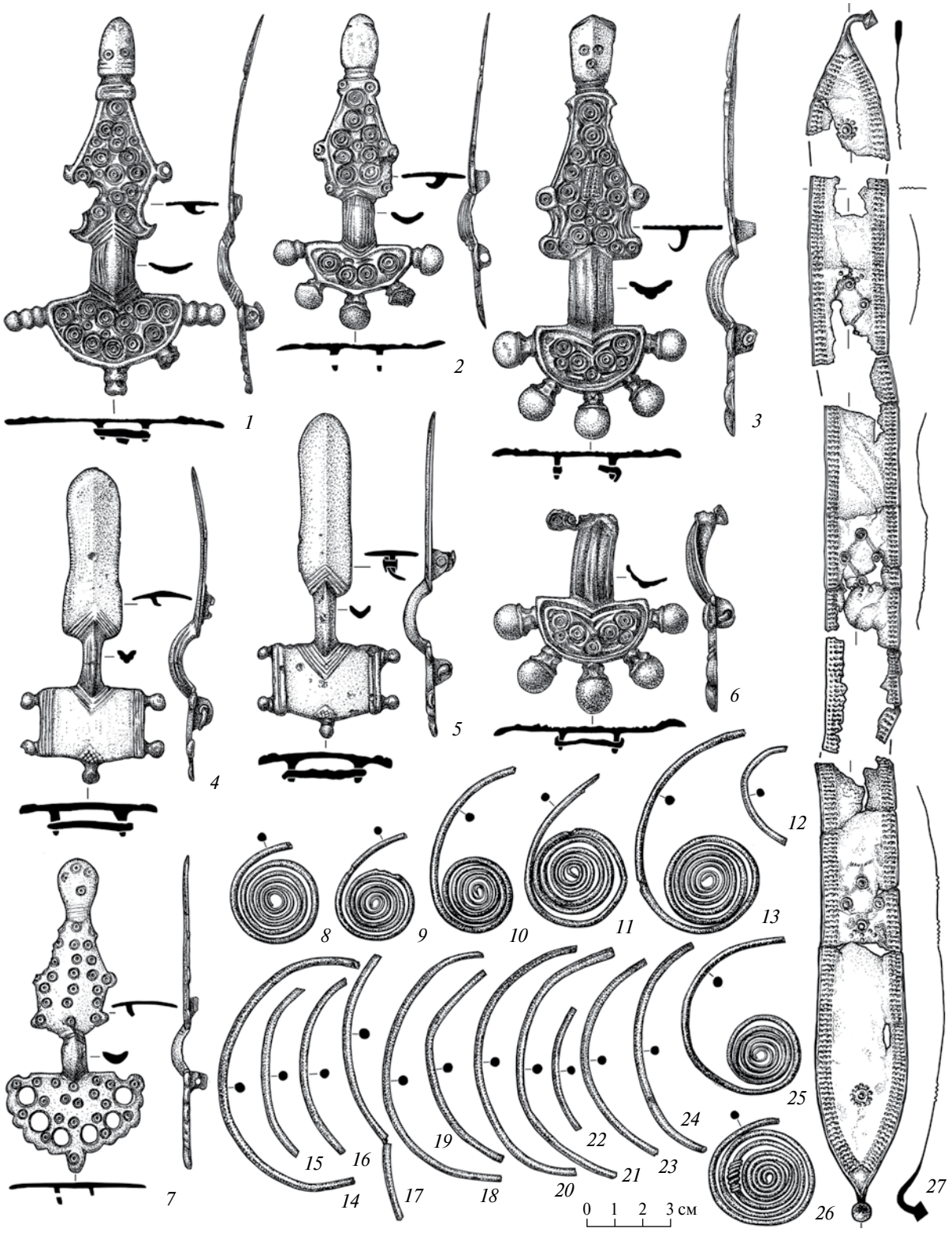


Рис. 2. Клад из Суджи-Замостья. Украшения, детали убора. *1–26* – сплавы на основе меди; *27* – цветной металл, покрытие серебром. Рисунки С.А. Смеричинской.

Fig. 2. Sudzha-Zamostie hoard. Ornaments, details of attire

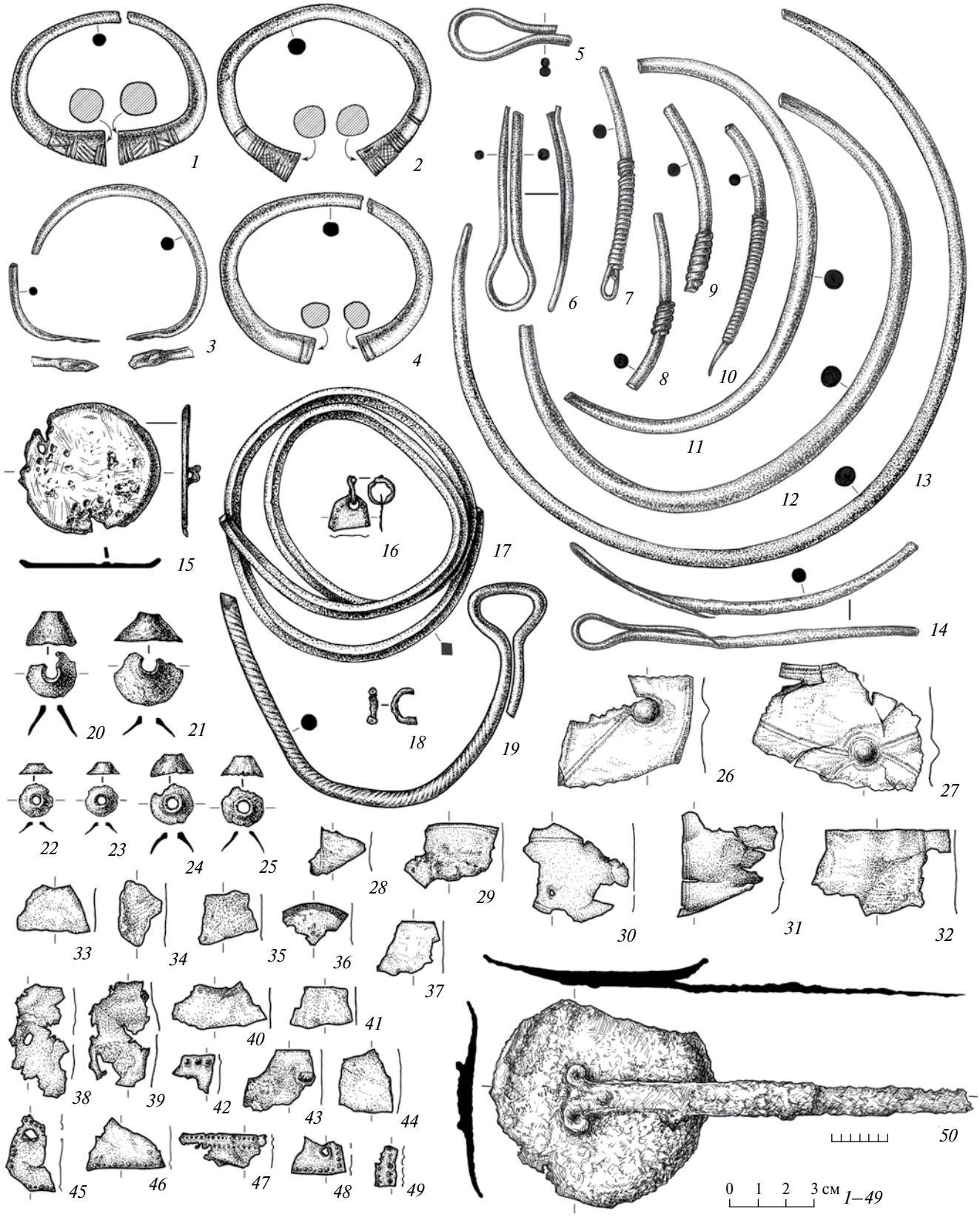


Рис. 3. Клад из Суджи-Замостья. Украшения, детали убора, бытовые предметы. *1–15, 16* (пластина), *42, 45–49* – сплавы на основе меди; *16* (колечко), *18, 50* – железо; *17, 19, 26–41, 43, 44* – сплавы с серебром; *20–25* – свинцово-оловянный сплав. Рисунки С.А. Смеричинской.

Fig. 3. Sudzha-Zamostie hoard. Ornaments, details of attire, household items

Рис. 4. Украшения, детали убора, бытовые предметы, клад из Суджи-Замостья. *1–15, 17–36, 38–40* – сплавы на основе меди; *16, 37, 42–44* – сплавы с серебром; *41* – сплав с серебром, железо; *45–57* – свинцово-оловянный сплав; *58–61* – янтарь; *62–71* – стекло. *15, 21, 22, 30, 38–41, 43–57* – фото В.Е. Родинковой, остальное – фото С.В. Ольховского.

Fig. 4. Ornaments, details of attire, household items, Sudzha-Zamostie hoard

(рис. 1, *1–4*) и типа 2 (рис. 1, *5–8*), горизонтально-симметричной накладкой типа 4 (рис. 1, *18*), щитовидными (рис. 1, *14–16*) и Т-образной (рис. 1, *19*) накладками, бляшкой в форме четырехлепестковой розетки (рис. 4, *41*), литыми наконечниками с выступами на боковых сторонах (рис. 1, *9–13*), деталями коробчатых наконечников – рамками и пластинами (рис. 1, *24–40*). Возможно, обоймой единственной в комплексе пряжки является кородированное железное изделие (рис. 1, *17*). Особо отметим литые ажурные накладки, три из которых практически идентичны, а четвертая отличается деталями (рис. 1, *20–23*). Она находит аналогии в кладе "древностей антов" из Козиевки/Новой Одессы (Корзухина, 1996. Табл. 55, *1*) и материалах погребения 9 аварского могильника Кишкёрёш (Horváth, 1935. Taf. XXIV, *6–13*). Стилистически близкие вещи известны у лангобардов Северной Италии (Гавритухин, 1996а. С. 93). Обращают на себя внимание также принадлежащие мужскому комплексу накладки на Р-образные скобы, обкладки и оковки ножен меча или кинжала (рис. 1, *43–49*; 4, *43, 44*).

С женским убором связаны пальчатые фибулы типологических линий II и IV по И.О. Гавритухину (1996б. С. 36–38) (рис. 2, *1–3, 6*; 4, *38, 39*) и фибула с каймой из птичьих голов варианта Волошское серии Б подтипа семиглавых по В.Е. Родинковой (2004. С. 234) (рис. 2, *7*); фрагменты односпиральных височных колец (рис. 2, *8–26*), гривен (рис. 3, *5–14, 19*); браслеты (рис. 3, *1–4*; 4, *30*), из которых один (рис. 3, *2*) имеет близкую аналогию на городище Никодимово (Родинкова, Седин, 2004. Рис. 4, *3*); двуспиральная (рис. 4, *16*), трапециевидные (рис. 3, *16*; 4, *5–8, 17–20*) подвески, колокольчики (рис. 4, *1, 31–35*), пронизки (рис. 4, *21–29*), ворворки (рис. 3, *20–25*; 4, *45–50*), цепочки (рис. 4, *13–15*); бусы из свинцово-оловянного сплава (рис. 4, *52–54, 57*), янтаря, стекла (рис. 4, *58–71*). Стержни с загнутыми концами, на которые нанизаны фрагменты пластин (рис. 4, *9–12*), О.А. Щеглова считает деталями накосников (1999. С. 300, 301. Рис. 10).

Ближайшие параллели большая часть украшений из Суджи-Замостья находит в кладах типа Мартыновского. Хронологически к ним, очевидно, примыкают фрагменты византийского серебряного блюда, на одном из которых имеется клеймо Константа II (641–668 гг.) или Константина IV (668–685 гг.) (Родинкова, 2012) (рис. 4, *42*). Вместе с тем в комплексе присутствуют и вещи других эпох. В частности, литые подражания составным двупластинчатым фибулам (рис. 2, *4, 5*) и прямоугольные накладки, украшенные рельефными пирамидками (рис. 4, *1–3*), могут быть датированы второй половиной V – VI в. (Гавритухин, 2007. С. 30; Ахмедов, Казанский, 2004. С. 177; Кашкин, Родинкова, 2010. С. 86). Головной венчик-"диадема" (рис. 2, *27*) принадлежит кругу восточноевропейских украшений с выемчатыми эмалями; основной период их бытования – вторая половина II – III в., но отдельные изделия этого круга, возможно, доживают до гуннского времени (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 120–124). Значительный интерес представляет массивное железное изделие – "сковорода" (рис. 3, *50*). Единственная близкая ей вещь, которую пока удалось найти, происходит из раскопок С.А. Изюмовой на городище Супруты в 1977 г. (раскоп XXII, квадрат 532, "штык" 2, № 110 по полевой описи; длина – 73.4 см; экспонируется в Государственном историческом музее) и относится, судя по контексту, к роменскому периоду[4]. Не исключено, однако, что рассматриваемое изделие имеет широкую хронологию, поэтому может быть датировано и более ранним временем.

Следует подчеркнуть широту территориального охвата, демонстрируемую вещами из Суджи-Замостья и их аналогами, и разнообразие категориального состава клада. По последнему признаку, а также наличию таких предметов, как серебряная византийская посуда, накладки на Р-образные скобы и оковки ножен меча/кинжала, рассматриваемый комплекс сближается со знаменитым Мартыновским кладом, эпонимным для данной группы памятников.

Клад из Суджи-Замостья нашел ученик 9В класса Суджанской средней школы № 1 Р.В. Горскис 19 сентября 2009 г. По его словам, вещи составляли не одно, а несколько скоплений, часть артефактов залегала по отдельности. В целом находки занимали площадь в несколько квадратных метров, располагались на разной глубине[5] и были извлечены из земли в течение нескольких дней.

Комплекс поступил на хранение в Суджанский краеведческий музей – филиал Курского област-

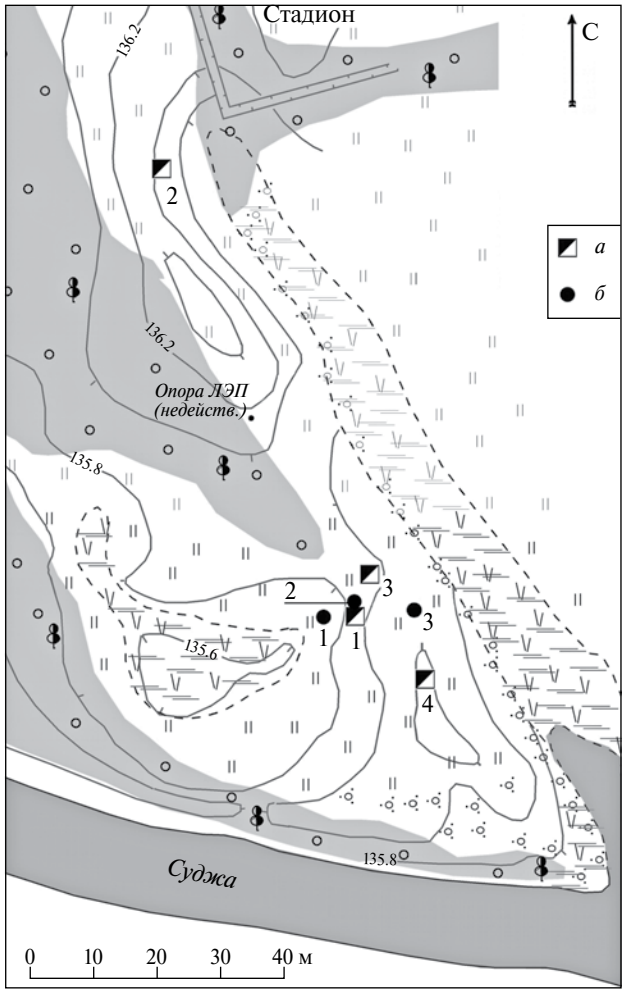
[4] Благодарим А.В. Григорьева, А.М. Воронцова, В.В. Мурашеву за помощь в определении суджанской находки и информацию о находке супрутской.

[5] Сотрудникам ИА РАН Р.В. Горскис сообщил, что первая находка – фрагмент фибулы – была сделана сразу под дерном, но на форуме портала г. Суджа им был размещен текст, в котором указано: "начал копать, сделал 1.5 штыка, и тут появился обломок фибулы"; в целом же вещи находились "с 35 по 170 см примерно в глубину" (http://sudga.ru/forum/thread3213.html запись от 21 октября 2010 г.). Учитывая, что дно кладоискательской ямы в ходе полевых исследований зафиксировано на глубине 0.74 м, можно предполагать, что в цитированном тексте имеется опечатка, и максимальная глубина залегания предметов клада – около 0.7 м. На дне ямы, по славам Р.В. Горскиса, он обнаружил железную "сковороду".

ного краеведческого музея (Акты ВХ ЭФЗК КОКМ № 83, 84 от 05.07.2012 г., № 155 от 10.11.2012 г.), директор которого Л.М. Придубкова со слов Р.В. Горскиса зафиксировала место находки. 17 ноября 2009 г. оно было обследовано сотрудниками ИА РАН О.А. Радюшем и В.Е. Родинковой. Обнаружена яма неправильной в плане формы с неровными краями, размерами около 3 × 2 м, ориентированная в целом по линии СВ–ЮЗ, частично, до глубины 0.2–0.4 м, засыпанная. Остатки вынутого из нее грунта сравнительно равномерно распределялись вокруг. Ни сама яма, ни ее отвалы на момент осмотра не были задернованы (рис. 5, *2*). Участок, где она была выкопана, находится в низкой пойме левого берега в излучине р. Суджа (правого притока р. Псел – левого притока р. Днепр), на мысу, образованном нынешним руслом реки и старицей, на оконечности длинного пологого всхолмления (прируслового вала), примерно в 55 м к северо-северо-востоку от современной береговой линии и в 150 м к югу от стадиона г. Суджа. Высота участка над водой не превышает 1 м. Площадка, на которой расположена кладоискательская яма, имеет уклон к западу, плавно переходя в заболоченную низину, заросшую осокой и камышом. В 20 м к востоку-северо-востоку от нее начинается болото, образовавшееся на месте старичного рукава Суджи (рис. 5, *1*).

Место находки клада ранее в археологической литературе не фигурировало и специально не обследовалось. На данном участке поймы известен единственный памятник – поселение Замостье 1, предположительно относящееся к эпохе ранней бронзы. Оно расположено в 0.4 км к северу от места обнаружения клада; частично уничтожено в процессе строительства стадиона и распашки под огород (Археологическая карта..., 2000. С. 136, 137. № 969 (72)).

Клад из Суджи-Замостья: результаты полевых археологических и почвенных исследований. В 2012–2013 гг. на примыкающей к стадиону территории слободы Замостье проведены полевые исследования. На месте находки клада заложен шурф 1 площадью 6 м^2, ориентированный по линии С–Ю, в границы которого были вписаны кладоискательская яма и ее отвалы[6] (рис. 6). Установлено, что заполнение и отвалы ямы сформированы серым мешаным суглинком – переотложенным грунтом, образовавшимся в результате бессистемной выборки из земли артефактов. В перекопе содержалось значительное количество материала, но, поскольку



1

2

Рис. 5. Участок обнаружения клада из Суджи-Замостья. *1* – топографический план; *2* – кладоискательская яма на месте находки. Условные обозначения: *а* – шурф; *б* – почвенный зондаж.

Fig. 5. The site of the Sudzha-Zamostie hoard discovery

он залегал не *in situ*, данных, подтверждающих или опровергающих информацию о том, что входящие в изучаемый комплекс вещи не образовывали единого скопления, получить не удалось.

[6] Раскопки осуществлялись студентами-практикантами СПбГУ под руководством О.А. Щегловой, промывка грунта – учащимися Суджанского техникума искусств под руководством Ю.С. Спесивцева.

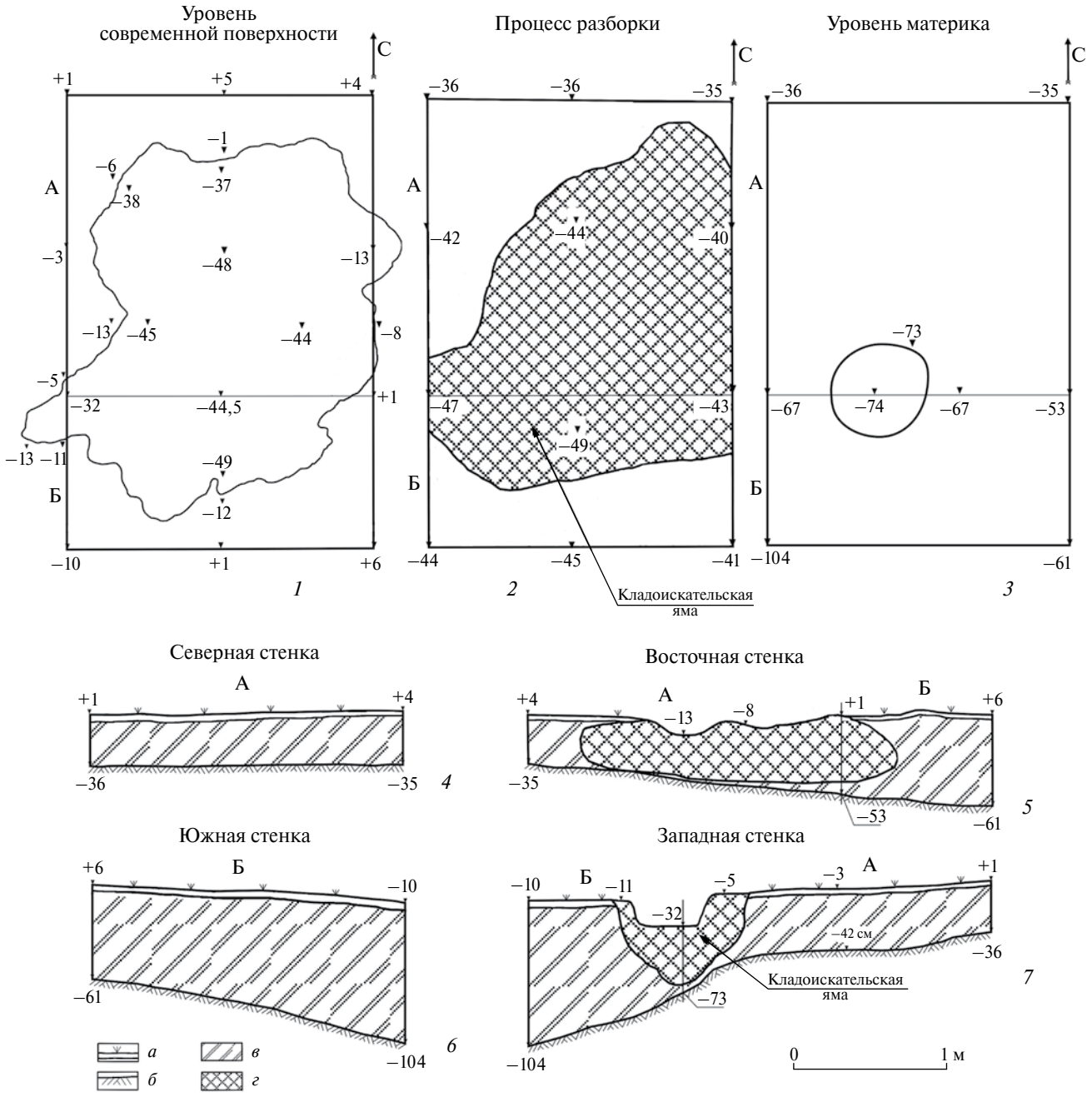


Рис. 6. Шурф 1 на месте находки клада из Суджи-Замостья. Планы (*1–3*) и профили (*4–7*). Условные обозначения: *а* – дерн; *б* – материк; *в* – серо-коричневый суглинок; *г* – перекоп.

Fig. 6. Test pit 1 on the site of the Sudzha-Zamostie hoard discovery. Plans (*1–3*) and profiles (*4–7*)

Из шурфа 1 происходят 1067 предметов, найденные в ходе разборки и промывки заполнения и отвалов ямы. Основу коллекции составляют стеклянные бусы и бисер, встречены также бусины из янтаря, фрагменты изделий из металла. Все они имеют аналогии среди вещей клада и существенно расширяют его состав.

В северной и южной частях шурфа исследованы непотревоженные напластования, представленные серо-коричневым суглинком. Археологический материал в них не зафиксирован. Углубленные объекты, кроме кладоискательской ямы, в пределах вскрытой площади не обнаружены. Культурный слой, с которым можно было бы связать найденные предметы, не выявлен.

Установлено, что на участке нахождения клада имеет место резкий перепад уровня материка: от –0.35 м в северо-восточном углу шурфа до –1.04 м в юго-западном (рис. 6, *6, 7*). Возможно здесь рас-

№	Код лаборатории	Шурф	Глубина отбора образца, м	Радиоуглеродный возраст	
				Новосибирск	Сумы
1	NSK 491	3	0.3	2699 ± 229	2736 ± 43
2	NSK 492	4	0.3	2500 ± 222	2789 ± 40
3	NSK 493	4	0.4	–	2656 ± 41

полагалось одно из палеорусел р. Суджа, тогда читаемое в профиле уступообразное понижение может быть связано, к примеру, с древней береговой линией. Для доказательства этого предположения и получения данных к датировке отмеченного элемента рельефа необходимы специальные геоморфологические и гидрологические исследования.

Чтобы полнее представить археологическую ситуацию в месте находки клада, на прилегающей территории были заложены еще несколько шурфов (рис. 5, *1*). На возвышенном участке прируслового вала, с оконечности которого происходит рассматриваемый комплекс, в 80 м к северо-северо-западу от шурфа 1, исследован шурф 2. В нем зафиксированы почвенные горизонты мощностью около 0.5 м, но культурный слой не обнаружен. Несколько выше кладоискательской ямы по рельефу, в 7 м к северо-востоку и в 15 м к юго-востоку от нее, заложены соответственно шурфы 3 и 4. В шурфе 3 на глубине 0.25–0.35 м найдены фрагменты лепных орнаментированных сосудов эпохи бронзы, предположительно бондарихинской археологической культуры[7], и кремневый отщеп со следами вторичной обработки (рис. 7, *1–9*). Лепная керамика с расчесами, также, вероятно, принадлежащая бронзовому веку, обнаружена и в шурфе 4, на глубине 0.4–0.45 м (рис. 7, *10–15*).

Для трех образцов грунта из вмещающих керамику отложений получены AMS-даты, которые являются результатом эксперимента в коллаборации лаборатории пробоподготовки для AMS Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск) и лаборатории ускорительной масс-спектрометрии Института прикладной физики Национальной академии наук Украины (Сумы) (таблица)[8]. Они калибровались с помощью программы OxCal 4.2 (https://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal.html) (рис. 8). Данные, полученные в Новосибирске, демонстрируют широкий разброс временных значений: 1451–359 гг. до н.э. для шурфа 3 и 1131–88 гг. до н.э. для шурфа 4. Даты, предложенные лабораторией в Сумах, в целом укладываются в рамки первой четверти I тыс. до н.э. Интерпретируя эти результаты, необходимо иметь в виду открытый характер анализируемых образцов и постоянное омоложение углерода в грунте за счет почвообразования (Сычева и др., 2005) и подвижной гидрологической ситуации. В настоящий момент можно уверенно утверждать лишь, что содержащие лепную керамику напластования сформировались в эпохи, более ранние, чем те, к которым относятся предметы из клада.

Таким образом, на участке, где найден клад из Суджи-Замостья, зафиксированы материальные остатки эпохи бронзы. Их распределение позволяет предполагать, что культурный слой здесь носит ультралокальный характер; не исключено, что он связан с упомянутым выше поселением Замостье 1. Объекты археологического наследия раннесредневекового времени не выявлены. Ближайший известный памятник, содержащий синхронные вещам из рассматриваемого комплекса отложения, расположен на расстоянии 1.5 км: это поселение Суджа 4, на котором, по-видимому, в 1947 г. был открыт первый в регионе клад “древностей антов” I группы – Новосуджанский.

Специфика ландшафтной приуроченности находки из Суджи-Замостья делает актуальным воссоздание природных условий, существовавших здесь ранее. Русло р. Суджа, с берегом которой, казалось бы, связан клад, сильно меандрировано. Анализ картографического материала показывает, что на протяжении XVIII–XX вв. оно неоднократно меняло свое положение. К аналогичному выводу приводит изучение космических снимков высокого разрешения, на которых видны староречья и гривы прирусловых валов, отмечающие прежние места расположения русла. В такой ситуации проведение почвенных, геоморфологических, гидрологических и других исследований с целью реконструкции палеоландшафта и древней природной среды является приоритетным направлением работ в регионе.

Первым шагом в данном направлении стало изучение трех почвенных разрезов: у северной стенки шурфа 1 (разрез 2), в 5 м к западу от него (разрез 1) и в 10 м к востоку (разрез 3). Наиболее высокие позиции в микрорельефе занимает разрез 3, низкие – разрез 1; перепад высот между их верхними точками составляет около 0.4 м. Результаты морфологического и физико-химического анализа

[7] Благодарим за помощь в определении керамики С.В. Кузьминых и В.Ю. Лунькова.

[8] Благодарим за совместную работу В.С. Панова.

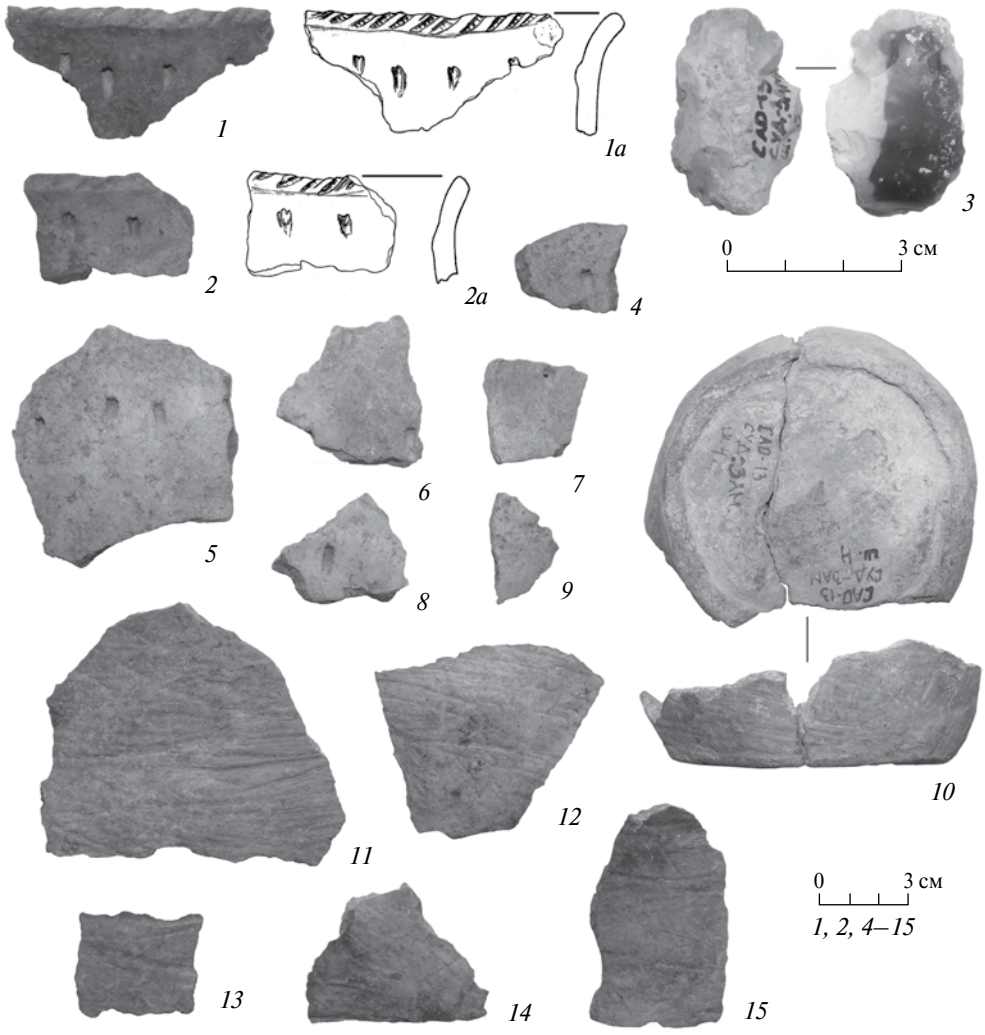


Рис. 7. Находки из шурфов на участке обнаружения клада из Суджи-Замостья. *1–9* – шурф 3; *10–15* – шурф 4.

Fig. 7. Findings from pits on the site of the Sudzha-Zamostie hoard discovery

отложений свидетельствуют, что разрез 3 большую часть времени находился в сухом состоянии, а разрез 1, напротив, чаще был обводнен.

Во всех разрезах вскрыта темногумусовая аллювиальная почва, развитая на сильнокарбонатном суглинке (луговом мергеле или гаже) (Классификация..., 2000. С. 173, 174). Луговой мергель образуется на месте разгрузки жестких грунтовых вод или бывает связан с озерными отложениями, сформировавшимися при заложении поймы в позднеледниковом периоде – раннем голоцене. Гранулометрический состав почвы показывает трехчленное строение: нижнюю аллювиальную часть; среднюю аллювиально-делювиальную с наименьшими скоростями осадконакопления и наиболее преобразованную почвенными процессами; верхнюю – аллювиально-делювиальную с возрастанием скоростей накопления делювия. Аллювиальная слоистость выражена слабо и связана с периодическими, но не катастрофическими паводками. Наиболее стабильна средняя часть профиля (горизонты AU_2 и AB). Во время ее формирования влияние как паводковых, так и склоновых процессов было наименьшим. Поверхность редко заливалась полыми водами с весьма низкими скоростями, поэтому откладывались наиболее тонкие, мелкопылеватые и илистые частицы, активно вовлекавшиеся в почвообразование. Верхняя часть профиля самая динамичная: это молодой нанос облегченного состава с бóльшим содержанием фракции крупной пыли и меньшим – ила, т.е. включающий значительное количество переотложенного склонового материала. Делювиальная природа верхней части лучше выражена в разрезе 2.

Карбонатный профиль в разрезах 1 и 2 обнаруживает трехчленное строение: верхний слой малокарбонатен (2–4%), средняя часть практически бес- или малокарбонатна, в породе же содержание карбонатов весьма значительно (15–20%). Та-

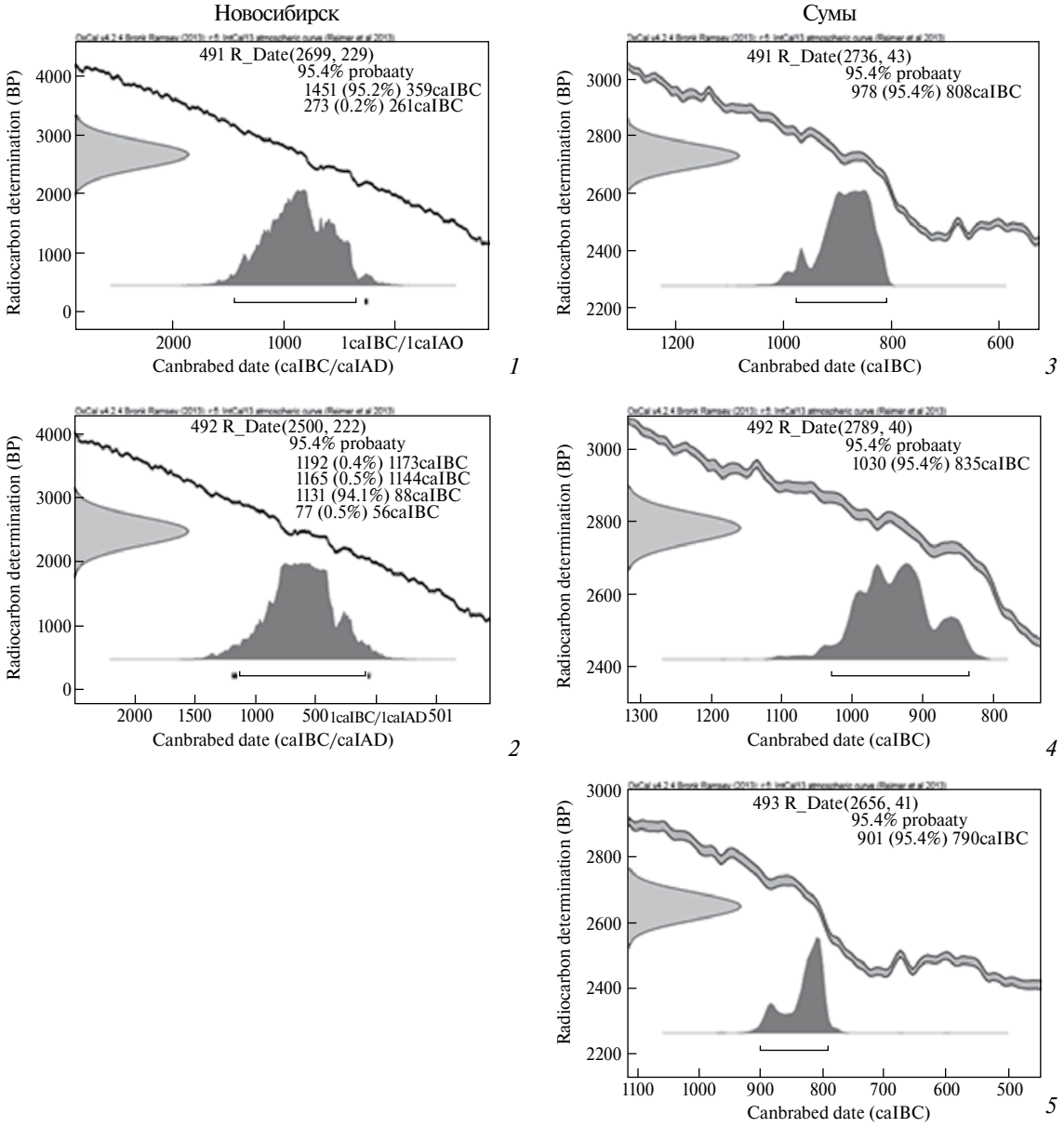


Рис. 8. Калибровка радиоуглеродных дат, полученных для образцов грунта (*1–5*) из шурфов 3 и 4 на участке обнаружения клада из Суджи-Замостья.

Fig. 8. Calibration of radiocarbon dates obtained for samples of soil (*1–5*) from pits 3 and 4 on the site of the Sudzha-Zamostie hoard discovery

кое распределение свидетельствует, что ранее почва испытывала более промывной режим, чем в последнее время. Содержание оксидов железа и алюминия незначительно и слабо колеблется по профилю, это показывает, что почва не оглеена (в данном месте нет застоя воды). Некоторые признаки оглеения заметны только в разрезе 1, в горизонте АВ. В этом же разрезе зафиксировано значительное количество раковин моллюсков, причем встречены виды, обитающие как в текущих (*Viviparus*), так и в стоячих (*Planordis*) водах. Находки раковин отмечаются, начиная с нижней части горизонта AU_1 (с глубины 0.1–0.15 м) до горизонта АВ (глубина 0.5–0.63 м), где их количество и размеры увеличиваются. В разрезе 2 некоторое число раковин представлено в горизонте AU_2 (глубина 0.25–0.5 м), в разрезе 3 их практически нет.

В разрезах 1 и 2 взяты три образца почвы для радиоуглеродного анализа, но в них не обнаружен бензол[9] – основной элемент для датирования по

[9]Анализ осуществлялся в Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (СПб.).

^{14}C. Косвенно это также может свидетельствовать о высоком промывном режиме рассматриваемой территории (Ramsey, 2008. P. 252, 253).

Суммируя изложенное, можно предположить, что на изучаемом участке ранее наблюдалась иная, нежели сейчас, гидрологическая ситуация. Вероятно более частыми были паводки, поверхность испытывала периодическое, хотя и не катастрофическое обводнение, имела место смена режимов стоячих и текучих вод. Не исключено, что в момент сокрытия клада участок, куда он был помещен, находился в режиме подтопления; проверка этой гипотезы требует дальнейших исследований.

Клад из Суджи-Замостья: характер и возможная интерпретация. Таким образом, находка из Суджи-Замостья выделяется на фоне сокровищ типа Мартыновского рядом особенностей. Так, в ее составе преобладают сломанные и деформированные, иногда до неузнаваемости, предметы. В отечественной литературе подобные комплексы традиционно интерпретируются как "производственные", принадлежавшие мастерам-ювелирам. Предполагается, что только ювелиры могли в больших количествах аккумулировать металлический лом, ценный для них в качестве сырья для переплавки. Как "сырьевой", имеющий ремесленный характер, до проведения полевых исследований был определен и клад из Суджи-Замостья (Кашкин, Родинкова, 2010. С. 86). В таком случае, однако, трудно объяснить наличие в данном комплексе стеклянных бусин, которых, напомним, в нем более 1000 и по числу которых он превосходит все доступные сейчас для изучения клады I группы.

Далее, в Судже-Замостье представлены вещи, имеющие разные периоды бытования: от II–III до VII в., а с учетом роменской аналогии "сковороде", и более поздние. Объяснений этому может быть несколько. Во-первых, нельзя исключать того, что предметы, числящиеся сейчас в составе клада, происходят из разных мест и были механически объединены при передаче в музей, хотя данная возможность в силу ряда причин (таких, например, как возраст находчика) кажется маловероятной. Во-вторых, возможно вторичное использование в VII в. (и позже) изделий более ранних эпох, хотя бы в качестве сырья для переплавки. В-третьих, рассматриваемый комплекс может иметь длительный период накопления.

Нетипичен для кладов в традиционном понимании характер залегания материала, найденного в "рассеянном" состоянии на разной глубине. Существует вероятность того, что на его депонирование оказали влияние природные факторы: например, если рядом находилось русло реки, вещи могли сползти по береговому склону. Но не противоречит имеющимся данным и предположение, что обнаруженные в Судже-Замостье артефакты попали в землю не одновременно.

Наконец, особого внимания заслуживают результаты обследования места находки, показавшие отсутствие связи изучаемого комплекса с синхронными памятниками и приуроченность его к низкой пойме, к участку, который периодически был обводнен.

Перечисленные особенности и, главное, их сочетание делают сомнительной интерпретацию клада из Суджи-Замостья как личного сокровища, спрятанного в момент опасности, и позволяют, как предлагает Ф. Курта, говорить не о "прикладном", а о символическом его значении. Составляющие его предметы могли быть намеренно выведены из оборота, не исключено, что не одновременно, а в течение какого-то времени. Анализ состава и условий залегания других комплексов "мартыновского" круга дает основания считать, что некоторые из них также могут иметь сакральный характер (Родинкова, 2014. С. 393, 394). Показательно в этом отношении наличие в кладах ножей, удил, пряслиц и прочих предметов, не обладающих особой ценностью в материальном плане; изделий-"полуфабрикатов", обычное использование которых невозможно; преднамеренно сломанных или деформированных вещей, а также приуроченность находок к специфическим или труднодоступным участкам ландшафта, например к болотам. Тот факт, что подавляющее большинство украшений круга "древностей антов" (в том числе недоделанные вещи) происходит из кладов, а в поселенческих комплексах они встречаются редко, наводит на мысль, что по крайней мере часть этих украшений изначально предназначалась для ритуального, а не утилитарного использования. Интересно, что наличие сломанных, деформированных, бракованных изделий, как и несинхронных основной массе находок "раритетов" характерно для наборов жертвенных вещей, сопровождающих языческие святилища лесной и лесостепной зон Восточной Европы (Свирин, 2006. С. 190).

Как было отмечено, вопрос о сакральном характере днепровских раннесредневековых кладов в отечественной литературе, за исключением статьи Ф. Курты, не поднимался, хотя возможность совершения при их сокрытии каких-то обрядовый действий исследователи не отрицают. Например, железные долото и сверло, лежавшие поверх скопления предметов в Великих Будках, В.М. Горюнова интерпретирует как обереги (1992. С. 127). Некоторое развитие идея вотивных кладов на вос-

точноевропейских материалах римского времени получила у И.Р. Ахмедова. Он считает серию комплексов, найденных на городищах и селищах Поочья и Среднего Поволжья (в том числе знаменитый Мощинский клад изделий с выемчатыми эмалями) и датируемых в целом первой четвертью I тыс.н.э., закладными жертвами, совершенными при освоении новых территорий и мест поселения (Ахмедов, 2003. С. 134–136). Исследователи не исключают, что сакральными могли быть и некоторые клады восточных монет, отложившиеся в конце I – начале II тыс. на территории Древней Руси и в Скандинавии (Дубов, Седых, 2002).

В Западной Европе в эпохи, близкие тем, к которым относятся найденные в Судже-Замостье вещи, наибольшее внимание в интересующем нас контексте привлекают так называемые болотные жертвы. Особенно яркие примеры помещения украшений, оружия и других предметов (часто преднамеренно сломанных) в водную среду с ритуальными целями происходят из германского мира (Ilkjær, 2002; там прочая литература). Появились данные о связанных с водой сакральных комплексах из Балтийского региона. Считается, что это свидетельство контактов или даже непосредственного присутствия германцев среди местного населения (Bliujienė, 2010. P. 138 и сл.; Nowakiewicz, Rzeszotarska-Nowakiewicz, 2012. S. 129–132, 137). На территории современных Белоруссии, России, Украины подобные памятники не выявлены, но существование традиции водных жертвоприношений, правда, в более раннее время, можно предполагать по косвенным данным. Приведем в качестве примера так называемые гривны-короны, которые в основном своем ареале – Ютландии, низовьях Эльбы и Одера, Висло-Одерском междуречье – представлены преимущественно случайными находками в болотах. Их интерпретируют как вотивные предметы, изготовленные специально для совершения ритуалов, предусматривающих упокоение их в воде. Семь гривен-корон обнаружены в аналогичных условиях в Подесенье, в глубине Днепровского Левобережья. Оснований полагать, что в бассейне Днепра они выполняли иные функции и были депонированы при иных обстоятельствах, нежели на своей исконной территории, нет (Shchukin et al., 1993. P. 51, 52).

Подводя итоги, отметим, что хотя традиция выявления и изучения вотивных вещевых комплексов в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы эпохи римских влияний и раннего средневековья только начинает формироваться, находка из Суджи-Замостья и подобные ей сокровища “мартыновского” круга могут быть вписаны в определенный контекст. Какие именно ритуалы сопровождались их сокрытием, пока неясно. Представляется лишь, что они не связаны с освоением новых территорий: колочинская и пеньковская культуры, финал которых маркируют клады “древностей антов” I группы, существуют в зоне выпадения этих кладов со второй половины V в.

Дальнейшее рассмотрение поднятых вопросов должно базироваться на сочетании “вещеведческого” и “ландшафтного” подходов, включающих типологическое, трасологическое, химико-технологическое и др. изучение входящих в клады предметов, с одной стороны, и фиксацию и обследование мест их обнаружения, в том числе с применением естественнонаучных методов, с другой. Это позволит выявить как особенности состава конкретных комплексов, так и специфику их ландшафтной приуроченности, реконструировать природные условия, существовавшие в момент их сокрытия. На основе полученных данных могут быть сформированы новые критерии анализа и оценки социокультурного феномена, археологическим отражением которого являются днепровские раннесредневековые клады.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта России. Курская область. Ч. 2 / Авт.-сост. А.В. Кашкин. М.: ИА РАН, 2000. 240 с.

Ахмедов И.Р. Комплекс предметов с городища Долматово Старожиловского района Рязанской области // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна / Ред. В.П. Челяпов. Рязань: Поверенный, 2003. С. 128–138.

Ахмедов И.Р., Казанский М.М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб.: Петерб. востоковедение, 2004. С. 168–202.

Брайчевский М.Ю. О некоторых спорных вопросах ранней истории восточных славян // КСИА АН УССР. 1956. Вып. 6. С. 79–86.

Брайчевський М.Ю. Антський період в історії східних слов’ян // Археологія. 1952. VII. С. 21–42.

Гавритухин И.О. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // Гавритухин И.О., Обломский А.М., Ахмедов И.Р., Мастыкова А.В., Малашев В.Ю., Родинкова В.Е., Щеглова О.А. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996а (Раннеславянский мир; вып. 3). С. 58–95.

Гавритухин И.О. Типологическое определение инвентаря. Детали ременной гарнитуры. Фибулы // Гавритухин И.О., Обломский А.М., Ахмедов И.Р., Масты-

кова А.В., Малашев В.Ю., Родинкова В.Е., Щеглова О.А. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996б (Раннеславянский мир; вып. 3). С. 22–40.

Гавритухин И.О. Днепровское лесостепное Левобережье. Ингумации, связанные с культурой оседлого населения, и отдельные находки постгуннского времени // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; вып. 9). С. 30–33.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Днепровское Левобережье на заре средневековья: динамика историко-культурных процессов и клады // Гавритухин И.О., Обломский А.М., Ахмедов И.Р., Мастыкова А.В., Малашев В.Ю., Родинкова В.Е., Щеглова О.А. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996 (Раннеславянский мир; вып. 3). С. 140–148.

Горюнова В.М. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести. № 1. СПб.: ИИМК РАН, 1992. С. 126–141.

Дубов И.В., Седых В.Н. О возможных причинах сокрытия кладов восточных монет в Древней Руси и Скандинавии // Клады: состав, хронология, интерпретация: матер. конф. СПб.: Ист. фак. СПбГУ, 2002. С. 11–14.

Кашкин А.В., Родинкова В.Е. Памятники Суджанского региона эпохи Великого переселения народов // Верхнедонской археологический сб. Вып. 5 / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 2010. С. 80–92.

Клад суджанского ювелира [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sudga.ru/forum/thread3213.html.

Классификация почв СССР. М.: Почвенный ин-т им. В.В. Докучаева, 2000. 236 с.

Корзухина Г.Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н.э. // СА. 1955. XXII. С. 61–83.

Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга “древностей антов” в Среднем Поднепровье // Материалы по археологии и этнографии Таврии. Вып. V / Ред.-сост. А.И. Айбабин. Симферополь: Таврия, 1996. С. 352–435.

Курта Ф. Археология идентичностей в Восточной Европе (VI – первая половина VII в.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2 (4). С. 133–154.

Липкинг Ю.А. Отчет об археологических разведках и раскопках в Курской обл. // Архив ИА РАН. 1964. Р-I. № 2937.

*Обломский А.*М. Поселение Гапоново и обстоятельства находки клада // Гавритухин И.О., Обломский А.М., Ахмедов И.Р., Мастыкова А.В., Малашев В.Ю., Родинкова В.Е., Щеглова О.А. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996 (Раннеславянский мир; вып. 3). С. 7–10.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в.н.э.). М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; вып. 10). С. 113–141.

Приходнюк О.М. Археологічні пам’ятки Середнього Придніпров’я VI–IX ст.н.е. Київ: Наук. думка, 1980. 152 с.

Родинкова В.Е. Днепровские фибулы с каймой из птичьих голов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб.: Петерб. востоковедение, 2004. С. 233–243.

Родинкова В.Е. Куриловский клад раннесредневекового времени // РА. 2010. № 4. С. 78–87.

Родинкова В.Е. Новая находка византийского серебряного сосуда с клеймом в Восточной Европе // РА. 2012. № 4. С. 151–158.

Родинкова В.Е. Клады в раннесредневековой истории и культуре Поднепровья // Труды IV (XX) Всерос. археолог. съезда в Казани. Т. II / Ред. А.Г. Ситдиков и др. Казань: Отечество, 2014. С. 391–395.

Родинкова В.Е., Седин А.А. Браслеты Никодимовского городища // Восточная Европа в Средневековье: К 80-летию В.В. Седова / Ред. Н.А. Макаров и др. М.: Наука, 2004. С. 234–246.

Свирин К.М. Археологические признаки языческих святилищ Восточной Европы VI–XIII вв. // Современные проблемы археологии России: мат-лы Всеросс. археолог. съезда. Т. II / Ред.: А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 188–190.

Сычева С.А., Узянов А.А., Чичагова О.А. Корреляция археологического и радиоуглеродного возраста культурных слоев раннеславянских памятников Курского Посеймья // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Курск: Комитет по культуре Курской обл., 2005. С. 46–48.

Щеглова О.А. О двух группах “древностей антов” в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск: Курское обл. отд. Всерос. фонда культуры, 1990. С. 162–204.

Щеглова О.А. Женский убор из кладов “древностей антов”: готское влияние или готское наследие? // Stratum plus. 1999. № 5: Неславянское в славянском мире. С. 287–312.

Bliujienė A. The Bog Offerings of the Balts: “I Give in Order to Get Back” // Archaeologia Baltica. 2010. V. 14. P. 136–165.

Horváth T. Az Üllői és a Kiskőrösi avar temető = Die avarischen Gräberfelder von Üllő und Kiskőrös.

Budapest: Magyar Történeti Múzeum, 1935 (Archaeologia Hungarica. Series nova; XIX). 128 S. (На венг. и нем. яз.)

Ilkjær J. Illerup Ådal: Archaeology as a Magic Mirror. Højbjerg: Møsgaard Museum, 2002. 152 p.

Nowakiewicz T., Rzeszotarska-Nowakiewicz A. Jezioro Nidajno koło Czaszkowa na Mazurach: niezwykłe miejsce kultu z okresu późnej starożytności = Lake Nidajno near Czaszkowo in Masuria: a unique sacrificial site from Late Antiquity. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 2012. 146 s. (На польск. и англ. яз.)

OxCal [Электронный ресурс]: компьютерная программа. Режим доступа: https://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal.html. Дата обращения: 07.12.2017.

*Ramsey C.*B. Radiocarbon dating: revolutions in understanding // Archaeometry. 2008. V. 50. Iss. 2. P. 249–275.

Shchukin M.B., Val'kova T.P., Shevchenko Yu.Yu. New finds of "Kronenhalsringe" in the Chernigov region, Ukraine and some problems of their interpretation // Acta Archaeologica. 1993. V. 63 (1992). P. 39–56.

SUDZHA-ZAMOSTIE HOARD AND THE PROBLEM OF SOCIAL AND CULTURAL INTERPRETATION OF THE DNEPR EARLY MEDIEVAL HOARDS, GROUP I

Vlasta E. Rodinkova[1,*], Irina A. Saprykina[1,*], Svetlana A. Sycheva[2,]**

[1] Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[2] Institute of Geography RAS, Moscow, Russia

**E-mail: vlasta2004@mail.ru; dolmen200@mail.ru*

***E-mail: sychevasa@mail.ru*

In 2009, on the territory of the village of Zamostie near the city of Sudzha, Kursk Region, a hoard containing more than 1500 items was found. These are mainly the items related to Group I of the "antiquities of the Antae", which makes it possible to attribute the Sudzha-Zamostie hoard to the Martynovka type treasure complexes. However, in its composition there are earlier products – of the second half of the 5th–6th century and even of the 2nd–3rd centuries. Most items have traces of use or repair, many are broken. Complete sets of personal ornaments are missing. The items were discovered in several clusters and individually on the area of about 6 m^2 0.3–0.7 m deep in the low floodplain of the Sudzha, 50 m from the modern bank of the river. There are no cultural layers of the Roman and the Early Medieval Period on the site of the finding. Synchronous archaeological sites in the immediate vicinity are unknown. The results of paleopedology studies show that in the past the hoard hiding site was periodically flooded. The composition features and mode of the complex occurrence challenge its traditional interpretation as a set of material assets hidden at the time of danger. The Sudzha-Zamostie hoard, as some other treasures of the "Martynovka" kind, can could be of a sacral nature.

Keywords: the Early Middle Ages, the Middle Dnieper and the Dnieper Left Bank Region, the Martynovka type hoards.

REFERENCES

Akhmedov I.R., 2003. Complex of items from the Dolmatovo fortified settlement in Starozhilovsky District of Ryazan Region. *Problemy drevney i srednevekovoy arkheologii Okskogo basseyna [Issues of the ancient and medieval archaeology of the Oka basin]*. V.P. Chelyapov, ed. Ryazan': Poverennyy, pp. 128–138. (In Russ.)

Akhmedov I.R., Kazanskiy M.M., 2004. After Attila. The Kiev hoard and its cultural and historical context. *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem Srednevekov'e [Cultural transformations and mutual influence in the Dnieper Region in the waning of the Roman period and in the early Middle Ages]*. St. Petersburg: Pet. vostokov., pp. 168–202. (In Russ.)

Arkheologicheskaya karta Rossii. Kurskaya oblast' [Archaeological Map of Russia. Kursk Region], 2. A.V. Kashkin, comp. Moscow: IA RAN, 2000. 240 p. (In Russ.)

Bliujienė A., 2010. The Bog Offerings of the Balts: "I Give in Order to Get Back". *Archaeologia Baltica*, 14, pp. 136–165.

Braychevs'kiy M. Yu., 1952. The Antic period in the history of the Eastern Slavs. *Arkheologiya [Archaeology]*, VII, pp. 21–42. (In Ukrainian)

Braychevskiy M.Yu., 1956. On some outstanding issues of the ancient history of the Eastern Slavs. *KSIA USSR [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the Ukrainian SSR]*, 6, pp. 79–86. (In Russ.)

Dubov I.V., Sedykh V.N., 2002. On possible reasons for hiding Hoards of eastern coins in Ancient Rus and Scandinavia. *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiya: materialy konf. [Hoards: composition, chronology, interpretation: Conference proceed.]*. St. Petersburg: Istfak SPbGU, pp. 11–14. (In Russ.)

Gavritukhin I.O., 1996a. Dating the Dnieper hoards of Group I by synchronization with antiquities from other areas. *Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M., Akhmedov I.R., Mastykova A.V., Malashev V. Yu., Rodinkova V.E., Shcheglova O.A. Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst [Gaponovo hoards and its cultural and historical context]*. Moscow: IA RAN, pp. 58–95. (Ranneslavyanskiy mir, 3). (In Russ.)

Gavritukhin I.O., 1996b. Typological identification of the inventory. Details of the belt sets. Fibulae. *Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M., Akhmedov I.R., Mastykova A.V., Malashev V. Yu., Rodinkova V.E., Shcheglova O.A. Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst [Gaponovo hoards and its cultural and historical context]*. Moscow: IA RAN, pp. 22–40. (Ranneslavyanskiy mir, 3). (In Russ.)

Gavritukhin I.O., 2007. The Dnieper forest-steppe Left Bank region. Inhumations associated with a settled population culture and individual finds of the post-Hunnic period. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n.e. [Eastern Europe in the middle of the 1st millennium AD]*. Moscow: IA RAN, pp. 30–33. (Ranneslavyanskiy mir, 9). (In Russ.)

Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M., 1996. The Dnieper Left Bank on the verge of the Middle Ages: dynamics of social and cultural processes and hoards. *Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M., Akhmedov I.R., Mastykova A.V., Malashev V. Yu., Rodinkova V.E., Shcheglova O.A. Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst [Gaponovo hoards and its cultural and historical context]*. Moscow: IA RAN, pp. 140–148. (Ranneslavyanskiy mir, 3).

Goryunova V.M., 1992. A new hoard of the Antsae Period from the Middle Dnieper region. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological News]*, 1. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 126–141. (In Russ.)

Horváth T., 1935. Az Üllői és a Kiskőrösi avar temető = Die avarischen Gräberfelder von Üllő und Kiskőrös. Budapest: Magyar Történeti Múzeum. 128 p. (Archaeologia Hungarica. Series nova, XIX). (In Hungarian and German).

Ilkjær J., 2002. Illerup Ådal: Archaeology as a Magic Mirror. Højbjerg: Møsgaard Museum. 152 p.

Kashkin A.V., Rodinkova V.E., 2010. Sudzha area sites of the Migration period. *Verkhnedonskoy arkheol. sb. [The Upper Don Archaeological Collection of Papers]*, 5. A.N. Bessudnov, ed. Lipetsk: LGPU, pp. 80–92. (In Russ.)

Klad sudzhanskogo yuvelira (Elektronnyy resurs) [Sudzha jeweller's hoard (Electronic resourse)]. URL: http://sudga.ru/forum/thread3213.html.

Klassifikatsiya pochv SSSR [Classification of soils of the USSR]. Moscow: Pochvennyy inst. im. V.V. Dokuchaeva, 2000. 236 p. (In Russ.)

Korzukhina G.F., 1955. To the History of the Middle Dnieper Region in the middle of the 1st millennium AD. *SA [Sov. Archaeology]*, XXII, pp. 61–83. (In Russ.)

Korzukhina G.F., 1996. Hoards and accidental finds of the circle of "antiquities of the Antae" in the Middle Dnieper Region. *Materialy po arkheologii i etnografii Tavrii [Materials on the archaeology and ethnography of Tavria]*, 5. A.I. Aybabin, ed. Simferopol': Tavriya, pp. 352–435. (In Russ.)

Kurta F., 2008. Archaeology of identities in Eastern Europe (6th–the first half of 7th century). *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2 (4), pp. 133–154. (In Russ.)

Lipking Yu.A. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh i raskopkakh v Kurskoy obl. [Report on archaeological reconnaissance and excavations in Kursk Region]. *Arkhiv IA RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, 1964, R-I, № 2937. (Unpublished).

Nowakiewicz T., Rzeszotarska-Nowakiewicz A., 2012. Jezioro Nidajno koło Czaszkowa na Mazurach: niezwykłe miejsce kultu z okresu późnej starożytności = Lake Nidajno near Czaszkowo in Masuria: a unique sacrificial site from Late Antiquity. Warszawa: Inst. Archeologii Uniw. Warszawskiego. 146 p. (In Polish and English).

Oblomskiy A.M., 1996. Gaponovo settlement and the circumstances of the hoard discovery. *Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M., Akhmedov I.R., Mastykova A.V., Malashev V.Yu., Rodinkova V.E., Shcheglova O.A. Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst [Gaponovo hoard and its cultural and historical context]*. Moscow: IA RAN, pp. 7–10. (Ranneslavyanskiy mir, 3). (In Russ.)

Oblomskiy A.M., Terpilovskiy R.V., 2007. Items of attire with champleve enamels in the Eastern Europe forest-steppe (supplement to the list of G.F. Korzhukhina, I.K. Frolov and E.L. Gorokhovsky). *Pamyatniki kievskoy kul'tury v lesostepnoy zone Rossii (III – nachalo V v.n.e.) [The Kiev culture sites in the forest-steppe zone of Russia (the 3rd–early 5th century AD)]*. Moscow: IA RAN, pp. 113–141. (Ranneslavyanskiy mir, 10). (In Russ.)

OxCal (Electronic resourse): computer program. URL: https://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal.html.

Prikhodnyuk O.M., 1980. Arkheologichni pam'yatki Seredn'ogo Pridniprov'ya VI–IX st.n.e. [Archaeological sites of the Middle Dnieper Region of the 6th–9th centuries AD]. Kiïv: Nauk. dumka. 152 p. (In Ukrainian.)

Ramsey C.B., 2008. Radiocarbon dating: revolutions in understanding. *Archaeometry*, vol. 50, iss. 2, pp. 249–275.

Rodinkova V.E., 2004. The Dnieper fibulae with the edge of bird heads. *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem Srednevekov'e [Cultural transformations and mutual influence in the Dnieper area in the waning of the Roman period and in the early Middle Ages]*. St. Petersburg: Pet. vostokov., pp. 233–243. (In Russ.)

Rodinkova V.E., 2014. Hoards in the early medieval history and culture of the Dnieper region. *Trudy IV (XX) Vseross. arkheol. s"ezda v Kazani [The papers of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]*, II. A.G. Sitdikov et al., eds. Kazan': Otechestvo, pp. 391–395. (In Russ.)

Rodinkova V.E., Sedin A.A., 2004. Bracelets of the Nikodimovo settlement. *Vostochnaya Evropa v Srednevekov'e: K 80-letiyu V.V. Sedova [Eastern Europe in the Middle Ages: To the 80th anniv. of V.V. Sedov]*. N.A. Makarov et al., eds. Moscow: Nauka, pp. 234–246. (In Russ.)

Rodinkova V.E., 2010. Early medieval hoard from Kurilovka. *RA [Russ. Archaeol.]*, 4, pp. 78–87. (In Russ.)

Rodinkova V.E., 2012. New find of a stamped Byzantine silver vessel in Eastern Europe. *RA [Russ. Archaeol.]*, 4, pp. 151–158. (In Russ.)

Shcheglova O.A., 1990. On two groups of the "antiquities of the Antae" in the Middle Dnieper Region. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Dneprovskogo Levoberezh'ya [Materials and studies of the Dnieper Left Bank archaeology]* Kursk: Kursk. obl. otd. Vseross. fonda kul'tury, pp. 162–204. (In Russ.)

Shcheglova O.A., 1999. Female adornment from the hoards of the "antiquities of the Antae": Gothic influence or Gothic heritage? *Stratum plus*, 5, pp. 287–312. (In Russ.)

Shchukin M.B., Val'kova T.P., Shevchenko Yu.Yu., 1993. New finds of "Kronenhalsringe" in the Chernigov region, Ukraine and some problems of their interpretation. *Acta Archaeologica*, vol. 63 (1992), pp. 39–56.

Svirin K.M., 2006. Archaeological features of pagan sanctuaries of Eastern Europe of the 6th–13th centuries. *Sovremennye problemy arkheologii Rossii: materialy Vseross. arkheol. s"ezda [Contemporary issues of the Russian archaeology: Proceed. of the All-Russian Archaeol. Congress]*, II. A.P. Derevyanko, V.I. Molodin, eds. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 188–190. (In Russ.)

Sycheva S.A., Uzyanov A.A., Chichagova O.A., 2005. The correlation between archaeological and radiocarbon age of the cultural layers in the early Slavic sites of the Kursk Seym area. *Yu.A. Lipking i arkheologiya Kurskogo kraya [Yu.A. Lipking and the archaeology of Kursk Region]*. Kursk: Komitet po kul'ture Kurskoy obl., pp. 46–48. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2018, № 2, с. 148–161

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР В ТВЕРСКОМ КРЕМЛЕ: ИТОГИ РАСКОПОК 2012–2014 гг.

© 2018 г. Л. А. Беляев[*], И. А. Сафарова[**], А. Н. Хохлов[***]

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: labeliaev@br.ru*

***E-mail: irina@safarov-tver.ru*

****E-mail: anhbalt@mail.ru*

Поступила в редакцию 07.11.2017 г.

В 2012–2014 гг. экспедиция Института археологии РАН раскрыла остатки собора Преображения в Твери. Это был первый каменный храм, возведенный *ex nihilo* (1285–1290 гг.) во Владимиро-Суздальской Руси после монгольского нашествия 1237–1238 гг. В 1689–1696 гг. его сменил новый собор, уничтоженный в 1935 г. Таким образом, фундаменты собора XIII в. уничтожались дважды. Но их рвы и остатки кладок позволили отделить древний собор от храма XVII в. и восстановить их планы. Обнаружено также кладбище, возникшее еще при раннем деревянном храме свв. Козьмы и Дамиана (XII – ранний XIII в.). Собор был построен из известняка. Он был четырехстолпным, имел *два боковых нефа* и три апсиды. Размер подкупольного квадрата (4.5–4.7 м) вводит храм в группу средних или даже крупных церквей XII–XIII вв. Собранные фрагменты декора немногочисленны, но детали фасадной резьбы по камню позволяют уверенно связать ее с владимиро-суздальской традицией, а мелкие части фресок указывают на роспись интерьера. Благодаря раскопкам одну из ключевых проблем истории древнерусского зодчества можно считать решенной.

Ключевые слова: архитектурная археология, погребальный обряд, архитектура XIII–XIV вв., фрески, декоративная резьба, Тверское княжество.

DOI: 10.7868/S0869606318020113

Кафедральный Спасо-Преображенский собор в Твери, заложенный в 1285 г. и окончательно освященный 8 ноября 1290 г., считается первым во Владимиро-Суздальской Руси, возведенным (*ex nihilo*) после полувекового перерыва в строительстве каменных церквей, вызванного монгольским нашествием 1237–1238 гг. (Основные летописные сведения о строительстве собора см. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 482, 483; Т. 7. С. 179; Т. 9–10. С. 166–167; Т. 15. С. 406; Т. 18. С. 81). В 1689–1696 гг. этот собор сменил новый храм, также до наших дней не дошедший (взорван в 1935 г.).

Облик и строительную историю собора долго пытались восстановить, опираясь на письменные и изобразительные источники (например: Воронин, 1962), но их было явно недостаточно (литературу см. Салимов, 2015). В 1992 г. разведочные работы на месте апсид собора конца XVII в. подтвердили его расположение, но следы фундамента предшествующего здания, по мнению исследователя, не обнаружены (Салимов, 1994. С. 308). Наконец, в 2012–2014 гг. Самбийская экспедиция ИА РАН под руководством авторов статьи провела спасательные раскопки на всей площади собора (1420 м^2) в связи с его воссозданием (рис. 1).

Значимость собора XIII–XIV вв. в истории русской культуры настолько велика, что важно отдельно и подробно осветить детали натурного исследования его остатков, позволяющие, в том числе, судить о хронологии и строительных особенностях. Архитектурный анализ и декор заслуживают специальной статьи (предварительно см. Баталов, Беляев, 2017. С. 163–168), так же, как ранний некрополь (полная публикация: Беляев и др., 2017).

Работы шли три полевых сезона, так что, несмотря на контрактный характер и большой объем, это были достаточно “медленные” раскопки с детальной фиксацией и отбором образцов (уголь и тлен для радиоуглеродного анализа[1], спилы деревянных свай на дендродаты, палинологические

[1] Радиоуглеродное датирование образцов жидкостным сцинтиллятным методом (ЖС) выполнено в радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАНУ, г. Киев.

1

2

Рис. 1. Раскопки Спасо-Преображенского собора в Твери. Общие виды сверху. *1* – с востока; *2* – с северо-востока. Фото 2014 г.

Fig. 1. Excavations of the Tver Saviour-Transfiguration Cathedral. General views from above taken in 2014

пробы, раствор из сохранившихся разновременных кладок). Слой вскрывали на больших площадях пластами по 10 см, а внутри них по литологическим слоям, с дополнительной переборкой грунта и обязательной горизонтальной зачисткой по нижней границе пласта. По тем же пластам разбирали обратную засыпку фундаментных рвов, с дополнительными стратиграфическими разрезами (всего 20). Каждый пласт предварительно исследовали металлодетектором, проверяя им также отвалы. В результате получен огромный объем материала по истории участка тверского кремля с раннего железного века до XX столетия: коллекция индивидуальных находок составила более 6500 предметов,

Рис. 2. Спасо-Преображенский собор. *1* – общий план зачисток с линиями выборки рвов в разных уровнях; *2* – основные элементы. Условные обозначения: *а* – пласт 9 (–90 см от нулевого репера); *б* – пласт 11 (–110); *в* – пласт 12 (–120); *г* – пласт 13 (–130); *д* – пласт 15 (–150); *е* – пласт 17 (–170); *ж* – ямы от свай; *з* – фундаментные рвы; *и* – фундаменты; *к* – погребения; *л* – каменные кладки внутри рвов; *м* – сохранившиеся кладки раннего собора.

Fig. 2. The Saviour-Transfiguration Cathedral. General plans with the lines of ditch excavations

С
- а
- б
- в
- г
- д
- е
1
С
№ 11
№ 10
№ 17
№ 14
№ 13
№ 12
№ 2
№ 1
№ 3
№ 4
№ 7
№ 8
№ 9
КРЫЛЬЦО
№ 6
М.Я. № 8 (ПОСТРОЙКА)
М.Я. № 7 (ПОСТРОЙКА)
- ж
- з
№ 8
- и
- к
- л
- м
2
0 1 2

Рис. 2

массовые исчисляются десятками тысяч (анализ их основной массы впереди).

В результате удалось выявить даже совершенно разрушенные конструкции, такие как неоднократно выбранные рвы фундаментов XIII и XVII вв. (рис. 2; цв. вклейка № 3). Были получены (1) сведения о культурном слое мощностью от 0.5–0.7 до 3 м; (2) вскрыты остатки некрополей, первый из которых возник до постройки каменного собора XIII в., второй (восточнее апсид) существовал с конца XIII до конца XVII в., а третий, внутри храма, с конца XVII по XIX в.; (3) изучены остатки трех каменных зданий (собор конца XIII в.; сменивший его храм конца XVII в.; соборная колокольня XVII–XVIII вв.); (4) проанализированы комплексы второй половины XII – XVI в. в зоне контакта кладок собора и в слое, отложившемся снаружи.

Рельеф и стратиграфия. Зона собора – естественное всхолмление, сложенное рыхлым аллювиальным дюнным песком. Понижение естественного рельефа материка относительно сохранившейся возвышенной части холма в настоящее время составляет: к западу – 3.29 м, к востоку –1.4, к югу – 1.54, к северу – 0.6. Все склоны имеют плавный уклон, за исключением западного, который существенно круче (на протяжении 5 м материк понижается на 1.8–2.16 м), возможно, в результате искусственной подрезки в позднесредневековый период. Стратиграфия сохранилась фрагментарно и только на некоторых менее поврежденных участках (рис. 3).

Подтвердилось, что в 1935 г., при уборке завалов строительного мусора после взрыва собора XVII в., его фундаменты полностью выбрали. При этом затронули культурный слой и зачастую верх материка. На месте собора остался только мощный, местами более метра, пласт строительного мусора с песком и техногенные отложения середины – второй половины XX в., причем на самых высоких участках холма слой разрушения контактировал прямо с материком. Таким образом, культурный слой сформирован на основе сыпучего песка, значительно перемешанного в результате разновременной строительной деятельности и двукратного полного разрушения храмов.

Камень собора XIII в. использовали в конце XVII в. для строительства нового храма, поэтому фундаментные рвы заполнены обратной засыпкой: известняковая и кирпичная крошка, комья глины, куски раствора и забутовки (булыжник, известняк), перемешанные с материковым песком и переотложенным культурным слоем. В засыпке много находок, относящихся к двум хронологическим периодам: XII–XIII вв. (вероятно, попали в засыпку рвов из ранних отложений) и XIV–XVI вв. (попали в обратную засыпку рвов, выбранных в конце XVII в., и в 1935 г. при разрушении храма).

Остатки первого каменного храма представлены не только фундаментными рвами и небольшими участками подошвы бута, но с южной стороны также нижней частью кладок из белого камня, сохранившихся *in situ* (в их числе уникальное южное крыльцо). Следы фундаментных рвов фиксируются в центральной и западной частях раскопа. Их ширина – от 1.6 до 2 м, читаемая глубина – от 0.3 до 0.5 (это придонная часть рва, в разрезе сегментовидная или полукруглая). Дно всегда неровное, со значительными перепадами, нивелировочные отметки (см) рвов следующие: центральной апсиды –140...–148; восточной стены –180...–185; западной стены –180...–185; северной стены –150...–160; южной стены –180...–190; западной галереи –194...–200; южной галереи –210...–240[2]. Глубина рвов на южном и западном склонах холма больше, что объяснимо естественным уклоном материка, в который врезаны основания храма. Абсолютная глубина рвов от поверхности материка (сейчас она сильно разрушена) – не более 0.5 м, от верха обратной засыпки – от 0.9 до 1.2.

Линия выбранного рва образует замкнутый контур в центре исследованной площадки. Его примерная длина – 22 м, сохранная ширина – 16, ориентировка оси по линии З–В с азимутом 76–78°. С восточной стороны контур рва в плане круглится, образуя апсиды. Внутри рвы делят восточную половину на три завершающихся апсидами продольных нефа: центральный шириной более 4 м, длиной 8.5 (от края восточных столбов); боковые по 2.5 м при длине около 8. Местами в границах рвов сохранились участки кладки из мелкого и среднего булыжника и белокаменного бута на белом растворе извести с небольшой примесью песка, без кирпичной крошки: во рву центральной апсиды участок 1.1 × 0.8 м (камни от 13 × 12 × 6 до 23 × × 30 × 20 см); во рву северной апсиды (0.7 × 0.4 м); во рву под восточные столбы (9.7 × 2 м, камни 8 × 10 × 6; 20 × 30 × 10 см, общая ширина рва местами до 3 м). На три метра западнее, у рва южной стены основного объема, такая же кладка (1.6 × 1.2 м) сохранила в верхней части обломок белокаменного квадра (0.6 × 0.64 × 0.6 м) – судя по расположению, это участок подкупольного столба.

[2] Нулевым репером служила отметка верха белокаменного цоколя Восточной башни Путевого дворца – единая для всех раскопов в центре тверского кремля (135.78 м в Балтийской системе).

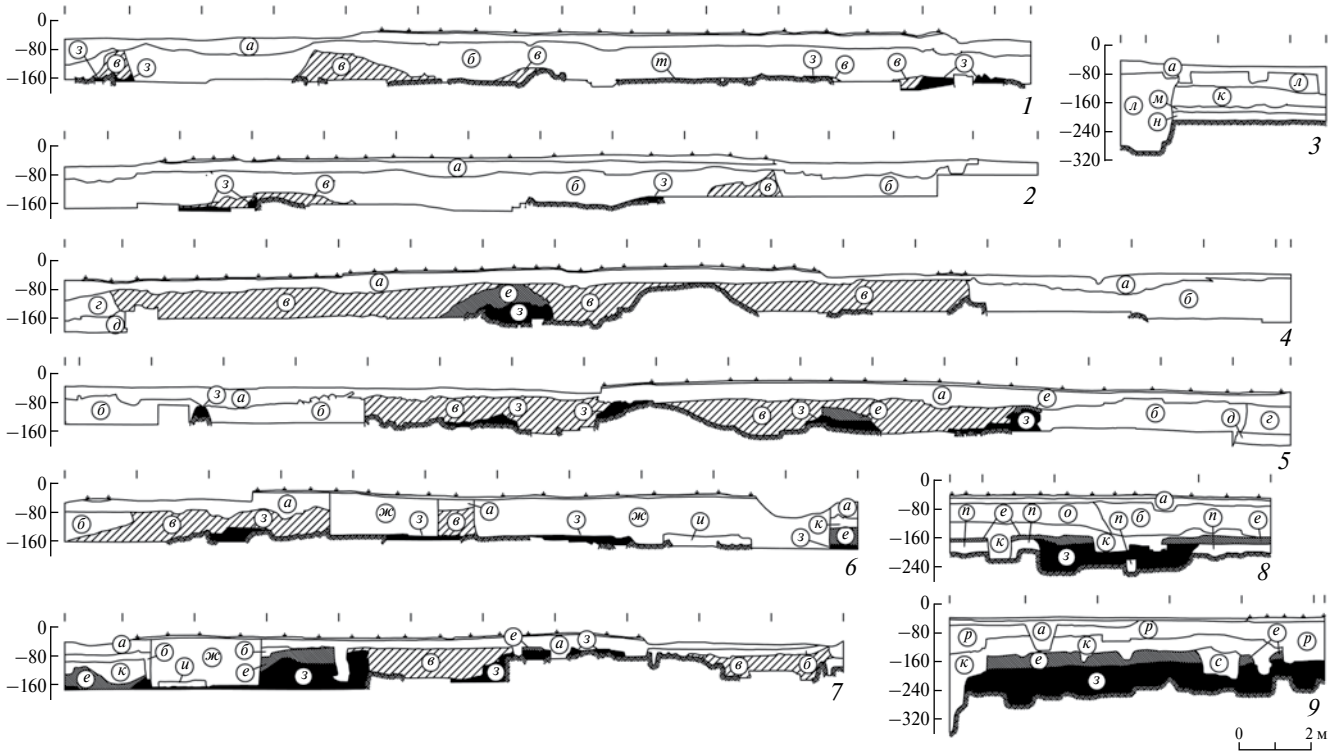


Рис. 3. Фрагменты профилей раскопа. *1* – бровка С–Ю (№ 2), западный профиль; *2* – бровка С–Ю (№ 2), восточный профиль; *3* – южная стенка (кв. К-Н-19); *4* – бровка С–Ю (№ 3), восточный профиль; *5* – бровка С–Ю (№ 3), западный профиль; *6* – центральная бровка З–В, южный профиль; *7* – центральная бровка З–В, северный профиль; *8* – южная стенка (кв. Ч-У-17); *9* – восточная стенка (кв. Ч-7-12). Обозначения: *а* – слой XX в.; *б* – слой разборки собора (1935 г.); *в* – выбранные фундаментные рвы собора конца XIII в.; *г* – слой XVI в.; *д* – слой XV в.; *е* – слой строительства собора конца XIII в.; *ж* – слой дособорного кладбища; *з* – траншея и шурфы 1992 г.; *и* – фундаментный ров апсиды собора конца XVII в.; *к* – слой XV–XVII вв.; *л* – слой строительства собора конца XVII в.; *м* – мостовые XV–XVI вв.; *н* – слой XIV в.; *о* – слой разборки собора конца XIII в.; *п* – слой XII–XIII вв.; *р* – слой XVIII–XIX вв.; *с* – погребения соборного некрополя XIV–XV вв.; *т* – материк.

Fig. 3. Stratigraphic fragments of excavation profiles

С западной стороны основной контур имеет выступ шириной 3.5–4 м, вероятно, от западного притвора. Остатки такого же выступа отмечены с южной стороны. Полосу северного и южного притворов маркируют и сохранившиеся по оси восточных столбов крупные валуны.

Вдоль основного контура храма, на расстоянии 2.6–3 м с юга и с запада, сохранились параллельные ему рвы (ширина 1–2.5 м, сохранность 0.6–0.8) – вероятно, от внешних стен южной и западной галерей. В их заполнении есть небольшие участки кладки из мелкого и среднего булыжника на известковом растворе. На месте предполагаемого южного притвора уцелела часть фундамента из валунов (камни 56–60 × 60–70 × 34–43 см) и мелкого булыжника (10 × 7 × 8 см) на растворе. С севера фундаментные рвы галереи раннего храма полностью уничтожены при разборке собора в 1935 г.

Кладбище середины XII – XIII в. Кладбища конца XIII – XIX в. Рвы и остатки кладок первого каменного храма перекрыли часть погребений кладбища, существовавшего до строительства каменного собора: 34 захоронения перекрыты апсидами и южной стеной основного объема, а также южной и западной частями галереи; 8 погребений сохранилось в пространстве между фундаментными рвами. Часть могил раннего некрополя разрушили также постройки первой половины XV – XVI в. и фундаментные рвы алтаря собора 1680-х годов.

Всего в раскопе выявлено 183 погребения раннего некрополя. Основная их часть (135) лежит к востоку и юго-востоку от апсид Спасо-Преображенского собора конца XIII – XVII в., в северо-восточной части раскопа найдено только шесть погребений. Определены южная и, частично, северная границы первого кладбища – их маркируют канавки от частокольных оград. Наибольшая плотность ранних захоронений зафиксирована в восточной и юго-восточной частях кладбища: здесь могилы располагаются 3-4 рядами, вытянутыми в меридиональном направлении, внутри рядов выявлено

от 2 до 5 ярусов погребений, отмечены намеренные захоронения в старые, вероятно, "семейные" ямы. Вдоль южной, западной и северо-восточной границ некрополя могилы выстроены не в меридиональные ряды, а в широтные линии, образуют пары или располагаются одиночно. Возможно это связано с кратковременным функционированием данных частей кладбища. По-видимому, раскоп вскрыл основную часть некрополя, существовавшего при деревянной церкви Козьмы и Демьяна, известной письменным источникам.

Ранняя дата исследованного дособорного кладбища (вторая половина XII – XIII в.) обоснована стратиграфией, погребальным обрядом и инвентарем, а также данными радиоуглеродного датирования. Все ранние погребения грунтовые, по обряду ингумации, в деревянных колодах. Умершие положены вытянуто на спине, в одном случае – на правом боку со слегка согнутыми ногами; строгая регламентация положения рук отсутствует.

В 54 комплексах обнаружены разные элементы погребального убора*:* височные кольца (в 12 погребениях), остатки головных уборов (в 9 погребениях), фрагменты украшенных тканями с узором из золотных нитей берестяных воротников (в 14 погребениях). Мотивы орнамента на тканях (S-видные фигуры, птицы, крины, кресты, фантастические животные) находят многочисленные аналогии на предметах искусства, преимущественно домонгольского периода. В погребении 121 выявлен уникальный комплекс, в состав которого входили головной убор и воротник-ожерелка с разнообразными нашивными серебряными бляшками. В некоторых захоронениях обнаружены пуговицы из бронзы (в захоронении 21) и отдельные стеклянные бусины (в трех случаях), вероятно, использованные в том же качестве. Остатки кожаной обуви найдены в 10 погребениях. В двух случаях обнаружены нательные бронзовые кресты. В пяти погребениях рядом с умершим (у головы, таза, рук, ног и в районе пояса) найдены железные изделия: стержни, лезвие ножа, неопределенные предметы. В одном женском захоронении, кроме головного убора из ткани с вплетенными в волосы серебряными височными кольцами, находилось нагрудное ожерелье из стеклянных бусин, а на костях пальцев – бронзовые перстни. В одном детском захоронении на уровне пояса найдены бронзовые зооморфные шумящие привески.

От кладбищ, существовавших при соборах конца XIII – XVII и XVIII–XIX вв. уцелело лишь несколько захоронений. К XIV – началу XV в. относятся расположенные за апсидами первого собора пять погребений без инвентаря, в могильных ямах, прорезавших и слой строительства собора, и захоронения раннего некрополя. Основная часть этого кладбища была разрушена застройкой, которая в первой половине XV в. придвинулась с востока к апсидам собора. От позднейшего (XVIII–XIX вв.) кладбища осталось только три грунтовых погребения, примыкавших к южной апсиде нового храма, причем два из них (№ 15 и 18) прорезали остатки фундамента раннего храма (фундамент 6). В этих захоронениях найдены кресты-тельники и детали одежды (пряжки, пуговицы, металлические застежки); ориентировка имеет отклонение к югу на 10–18°.

Незначительное количество сохранившихся захоронений кладбищ у соборов и внутри них объясняется разностью горизонтов погребения: уровень дневной поверхности этих некрополей оказался существенно выше уровня древнего кладбища при деревянной церкви, поэтому могилы активно разрушались как при строительстве собора в конце XVII в., так и при сносе храма в 1935 г. Кости из могил при строительных работах конца XIII и конца XVII в. собирали и хоронили за апсидами, в ямах-костницах (изучены четыре таких ямы).

Отдельные кладки. Фрагменты кладок сохранились к западу и особенно к югу от ядра собора. Опишем только самые информативные их участки. **Фундамент 6** – прямоугольный "пилон" (3 × 3.5 м) отмечает юго-восточный угол южной галереи (рис. 4). Конструктивно он состоит из двух частей: основное монолитное ядро размерами 1.8 × 2.1 м сложено из плит желтоватого известняка (необработанных, толщиной до 10–15 см), на которые уложено до 10 см выравнивающего слоя известкового раствора. Верх фундамента – из крупных (35 × 27 × 32 см) грубо отесанных квадров, грани которых скошены книзу. Фундамент и широкие (5–10 см) швы между квадрами пролиты известковым раствором с включениями небольших фракций керамики из красножгущейся глины (от 0.5 × 1 до 3–4 см). В верхней части кладки толщина слоя раствора составляет около 3 см. Высота сохранности кладки – 30–40 см (нивелировочные отметки подошвы фундамента –165...–175). Фундамент перекрыл погребения 104, 116 раннего некрополя и следовательно сооружен позже них.

Ядро фундамента закрыто обкладкой из грубо отесанных блоков, образующих южный и восточный фасы, с забутовкой промежутка мелким булыжником (10 × 7 × 6; 8 × 3 × 5 см) с редкими включениями битого красного кирпича, на известковом растворе сероватого цвета (легко крошится). Ширина забутовки с востока – около 0.5 м; с юга – около 0.7. Южный фас фундамента сохранился в высоту примерно на 1 м, на четыре ряда блоков. Нижний ряд, видимо, лежал ниже

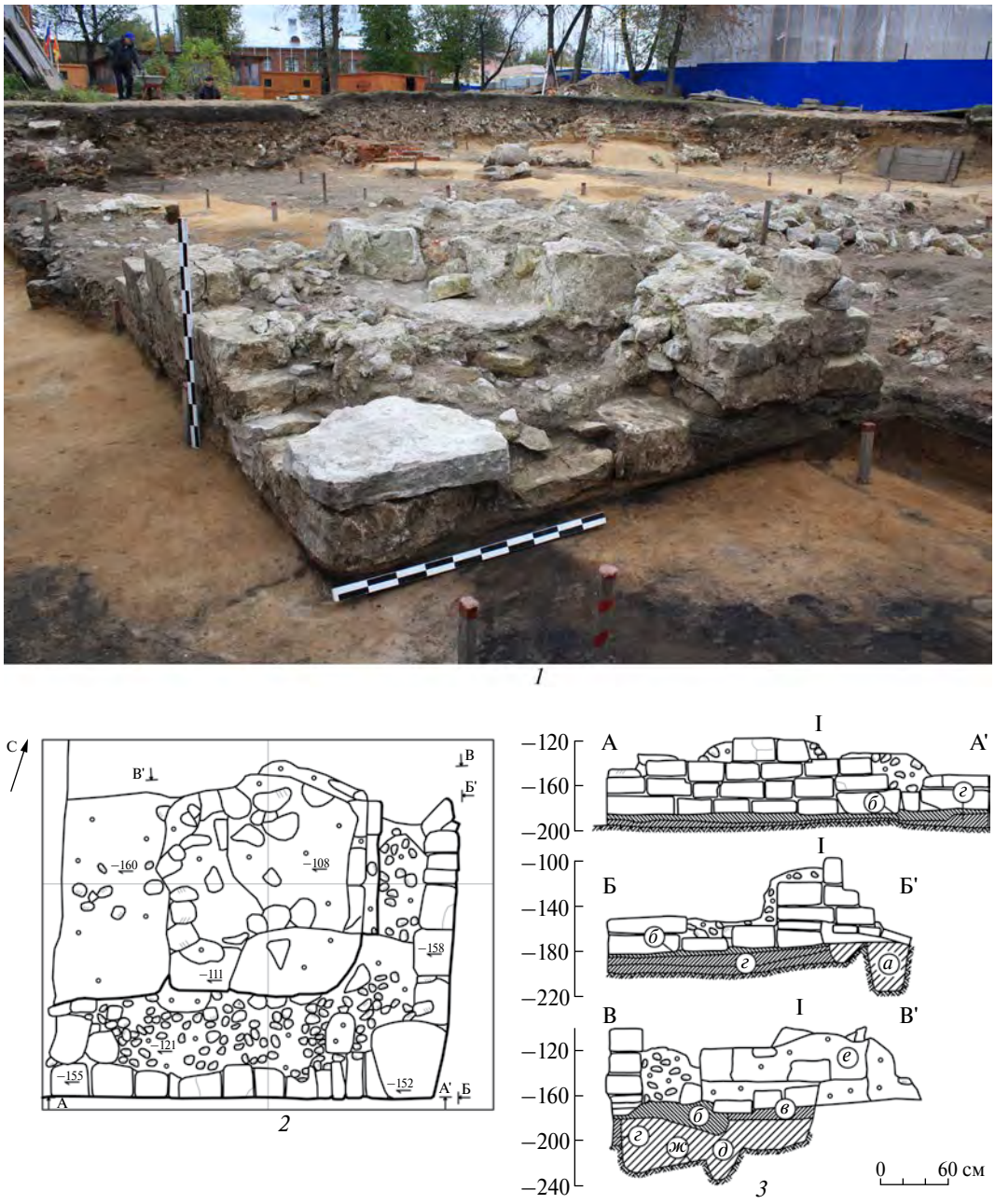


Рис. 4. Юго-восточный пилон. *1* – вид с юго-восточного угла; *2* – план; *3* – разрезы с подстилающими слоями. Обозначения (*3*): *а* – канавки ограды дособорного кладбища; *б* – слой строительства "прикладки"; *в* – слой строительства собора конца XIII в.; *г* – слой XII–XIII вв.; *д* – слой дособорного кладбища; *е* – монолит; *ж* – материк.

Fig. 4. South-Eastern pier

уровня древней дневной поверхности (его камни хуже отесаны, чем в верхних рядах) и служил фундаментом; его блоки от 32 × 12 до 60 × 15 см. Плоские камни в юго-восточном углу фундамента крупные (65 × 10, 54 × 18 см); а выше идут ряды грубо отесанных нестандартных блоков (36 × 28 × 11; 37 × 28 × 13; 30 × 26 × 18; 38 × 23 × 22; 31 × 27 × 21; 28 × 28 × 15; 29 × 30 × 15 см). Два верхних ряда блоков на 4–5 см выступают над нижним. Хорошо отесана только наружная поверхность блоков, внутренняя же почти не обработана. Несмотря на это, а также на разные размеры, блоки подогнаны друг к другу плотно (один даже притесан к выбитой ступеньке нижележащего). Швы между блоками южного фасада составляют 2-3 мм и пролиты известковым раствором без кирпичной крошки (отметки подошва фундамента –182...–186).

Кладка восточного фаса высотой до 0.75 м выполнена в той же технике: снизу плоские плиты,

выше три сохранившиеся ряда блоков (35 × 30 × 19; 42 × 27 × 17; 30 × 16 × 18; 33 × 26 × 15 см) с тонкими (1–1.5 см) швами. На всех камнях видны следы грубой тески, идущие в разных направлениях. Подошва фундамента – в уровне –175...–182. Нижние блоки прикладки стоят на прослойках желтого и серо-коричнево-желтого песка с включениями известковой крошки (общая мощность до 0.06–0.08 м), вероятно, это подсыпка после подрезки и выравнивания южного склона холма.

С севера и запада фундамент 6 разрушен южной стеной и апсидой собора конца XVII в., но далее на юг и запад не выбран: к моменту строительства 1680-х годов южная паперть уже не существовала, ее остатки перекрыл культурный слой, а потому под намеренную выборку камня она не попала. Важным хронологическим маркером стали два погребения (№ 15 и 18), датируемые XVIII в. (см. выше), частично врубленные в кладку с востока.

В культурном слое, перекрывающем фундамент, найдены фрагменты керамической посуды конца XV – XVI в., а при расчистке фундамента обнаружен шлак цветного металла и фрагмент керамической плитки, что указывает на возможность разборки южной паперти в XVII в. (после 1617 г.).

Между рвом южной апсиды и фундаментом 6 сохранился **фундамент 7** – полуразрушенная кладка из булыжника с включениями белокаменных бута и крошки на известковом растворе. Под фундаментом (подошва на отметках –170...–178) отмечен слой кладбища XIII в. При расчистке развала кладки найдены переотложенные фрагменты плиток пола из красножгущейся глины с желтой и зеленой поливой, с ковчежцем, а также мелкие обломки штукатурки с фресками.

Западнее белокаменной кладки 6 выявлена полоса почти полностью выбранного **фундамента 8** (вместе они представляют остатки южной паперти собора), длиной 6.1 м при ширине 1.4–1.7, шедшая по линии З–В с азимутом 72°. В границах фундаментного рва фиксируется известь с включениями мелкого булыжника, коричнево-серой супеси и красной кирпичной крошки; сохранился фрагмент кладки на известковом растворе: два ряда белых камней (прямоугольные и аморфные; 45 × 29 × 15; 44 × 60 × 9; 30 × 30 × 18; 58 × 26 × 20 см) на подушке толщиной 0.06 см, из крошки извести и белого камня (отметки подошвы –174...–175). Фундамент лежал, как и прикладка к фундаменту 6, на прослойке желтого песка с включениями угля, сформировавшейся после подрезки склона холма. В слое обратной засыпки рва обнаружена пуговица бронзовая шаровидная с ушком и фрагмент плитки пола из красножгущейся глины с желтой поливой. Керамический материал представлен обломками сосудов XIV – первой половины XV в. (в переотложенном состоянии). *Terminus post quem* для разборки фундамента дает копейка царя Михаила Федоровича (Московский денежный двор, чекан 1617 г.).

Особого внимания заслуживает **“фундамент” 9 –** *белокаменное южное крыльцо* (рис. 5). В нем выявлено пять разновременных, но взаимосвязанных строительных уровней, включавших девять ступеней. Общая высота крыльца – 0.9–1 м (от подошвы нижней ступени до верхней площадки). Форма крыльца в плане близка к прямоугольнику, ориентированному длинной осью по линии С–Ю, азимут 177°. Ширина в верхней части – около 2.25 м, в средней (менее сохранной) – 1.65. Сохранность ступеней возрастает по мере погружения в грунт: нижние четыре – в очень хорошем состоянии, хотя покрыты мелкими кавернами от действия атмосферных осадков. Пятая и шестая сильно повреждены, их плиты расколоты на отдельные куски. Седьмая и восьмая полностью разрушены; от верхней (девятой) осталось всего два камня. Конструкция крыльца была коренным образом изменена по крайней мере один раз: четыре нижние ступени относятся к первому варианту и сложены из белокаменных плит, перекрывающих друг друга. Верхние же, начиная с пятой, частью лежат на культурном слое, который с запада и востока ограничен опорными стенками на растворе извести (их блоки размерами 36 × 24 × 28; 40 × 20 × 28; 36 × 14.5 × 28; 44 × 15 × 28 см уложены в прокопанные узкие траншеи); стенки сохранились не полностью.

Интересно стратиграфическое соотношение уровней и ступеней с прилегающим культурным слоем. Самый высокий 1-й уровень (отметки 80...–120) включает прямоугольную в плане белокаменную площадку (4.4 × 2.8 м, вытянута по линии З–В), в ремонтных частях которой есть обломки большемерного кирпича (? × 14.5–15 × 7.5 см). Ступенька этого уровня (длина 2.5 м) из шести грубо отесанных блоков белого камня (от 34 × 22 × 23 до 48 × 40 × 14 см) на растворе. Уровню 1 отвечает дневная поверхность с отметками –100...–110.

Уровень 2 (сквозь зондаж 1 × 1 м в центре верхней площадки) отличает желобок (сток?) длиной около 1.4 м, шириной 0.35 и глубиной 0.15–0.2; дно пролито известью с мелкими фрагментами белокаменного бута; по сторонам желобка уложенные в два ряда камни.

Уровень 3 (отметки –108...–120) выявлен после разборки верхнего ряда центральной площадки; это ряд из четырех квадров (34 × 28 × 12; 46 × 15 × 10; 20 × 17 × 14; 38 × 28 × 10 см) на растворе извести. С уровнем 3 связаны находки медных и сере-

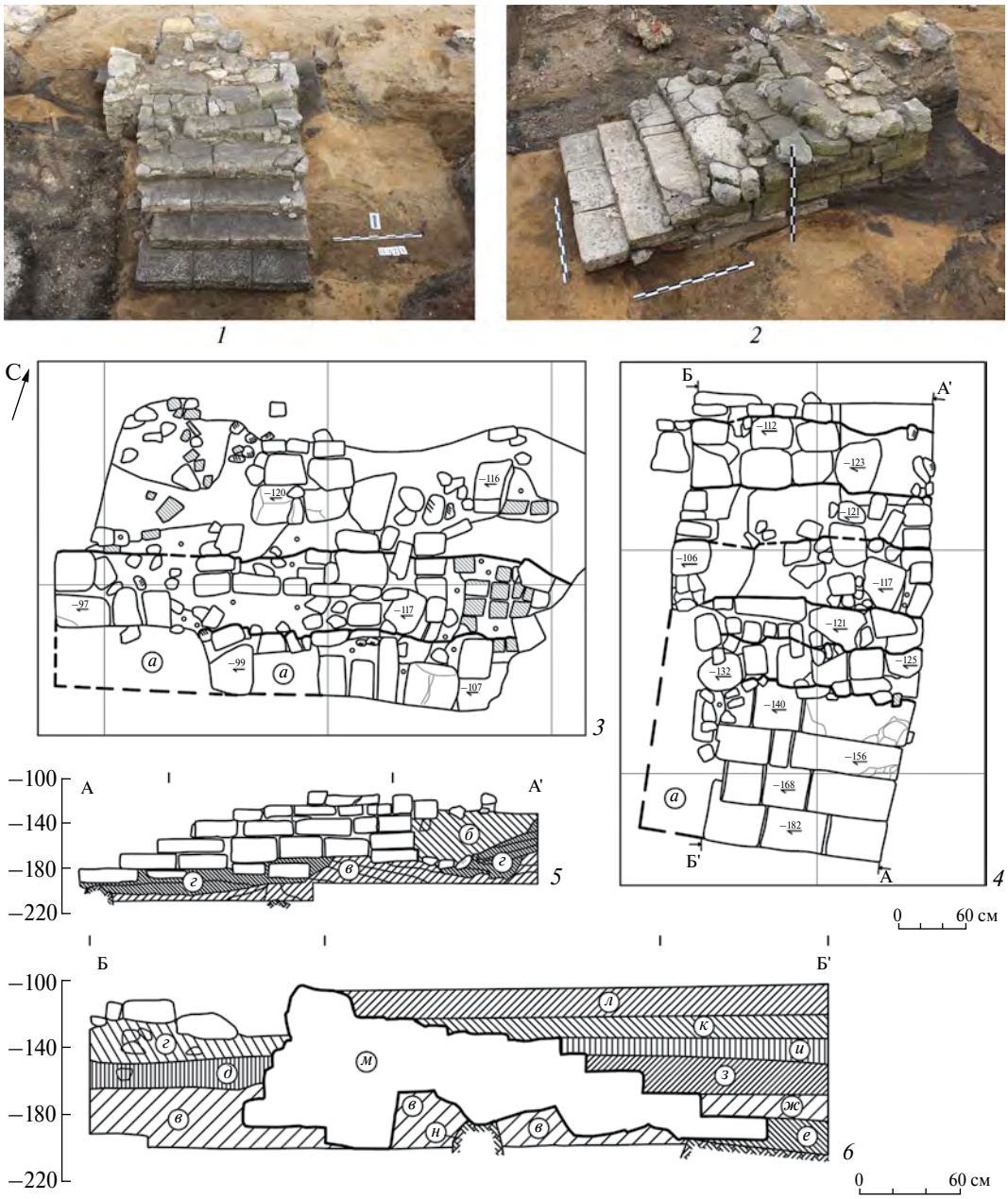


Рис. 5. Спасо-Преображенский собор – 2013. Южное крыльцо. *1* – вид с юга; *2* – вид с юго-востока; *3* – план на 3-м уровне; *4* – план на 5-м уровне; *5* – разрез по А–А'; *6* – схематический разрез по Б–Б' со слоями, перекрывающими ступени. Обозначения (*5, 6*): *а* – разрушенный участок крыльца; *б* – слой выборки рва фундамента 8; *в* – слои и комплексы (ямы) XII–XIII вв.; *г* – слой строительства крыльца; *д* – слой строительства собора конца XIII в.; *е* – слой XIV в.; *ж, з* – слои XV в.; *и–л* – слои конца XV – XVI в.; *м* – крыльцо; *н* – материк.

Fig. 5. The Saviour-Transfiguration Cathedral – 2013. Southern porch.

бряных монет (всего 15) в том числе пуло большое тверское; пула маленькие тверские; подражания маленьким пулам; денга Ивана IV (до 1547 г.) и копейка Ивана IV (после 1547 г.). Они собраны между камнями крыльца и перед ним, на древней поверхности. Ясно, что в конце XV – XVI в. у крыльца еще кипела городская жизнь.

Уровень 4 (отметки −120...−133) – участки более ранней конструкции. С южной стороны крыльца – полуразрушенная ступенька толщиной 10–12 см (длина 1.66 м, ширина около 0.4–0.5), из 5-6 белокаменных плит разного размера (26 × 32; 28 × 20; 40 × 39 см). Плиты растрескались и раскололись, но между ними сохранились швы (до 1.5–2 см) с известковым раствором. Поверхность слоя, связанная со ступенью уровня 4, ниже самого позднего уровня уже на 40–55 см (отметки −130...−135). Дневная поверхность уровня 4 дала два больших тверских пула ве-

ликих князей Бориса Александровича (1425–1461 гг.) и Михаила Борисовича (1461–1485 гг.). Видимо это уровень эксплуатации крыльца второй половины XV (до начала XVI в.). Уровень 5 (отметка –181...–182) – самый нижний, уложен в потревоженный материк.

На разных уровнях крыльца собрано значительное количество индивидуальных и массовых находок, датирующихся XIII–XVI вв. Для хронологии важно, что пять ступеней крыльца и часть западной опорной стены, примерно на ширину 0.5 м, разрушены котлованом подклета постройки середины – второй половины XVI в. – это дает *terminus ante quem* для разрушения как самого крыльца, так и южной внешней паперти.

Крыльцо перекрывает и прорезает ранние культурные отложения. На севере это поверхности строительства каменного собора конца XIII в. (белокаменный щебень с коричневым песком, прослойки 0.08–0.18 м) и заполнение хозяйственных ям (№ 43, 44) второй половины XII – начала XIII в. (слоистый песок коричневый и серый, с включениями угля). На юге крыльцо перекрывает заполнение ям 48 и 49 примерно того же времени (слои с этой стороны подрезаны при строительстве крыльца, и нижняя ступень легла прямо на материк). С запада и востока к крыльцу примыкает полоса выбранного рва фундамента 8.

Дополняет эту картину стратиграфия отложений перед крыльцом. Здесь сохранилось пять ярусов деревянных мостовых. Ярус 1 (отметки –139...–149) – настил из плах (длина от 0.18 до 1 м, ширина до 0.3, толщина до 0.03, сохранились в виде тлена), ориентированных с запада на восток (азимут 70–72°). Это самый поздний из настилов, сохранившихся у южного входа в собор, вероятно, синхронный второму или третьему уровням крыльца. Ярус 2 (отметки –168...–173) – две деревянные лаги, шедшие с севера на юг (азимут 145°) на расстоянии около 1.5 м друг от друга (ширина лаг 0.18–0.24 м, толщина 0.1–0.15). Их частично перекрывал настил из досок (плах) шириной 0.16 м, лежавших перпендикулярно, по линии З–В (азимут 60°; установленная длина 3.8–4 м). Лаги подходят к крыльцу на четвертом уровне, накрывая пять его нижних ступенек, к моменту появления мостовой уже затянутых культурным слоем. Ярус 3 расчищен на отметке –180, это две сгоревшие лаги (размеры 0.7 × 0.1 и 0.4 × 0.1 см), лежавшие на расстоянии 2.6 м друг от друга по линии СЗ–ЮВ (азимут 148°). В это время культурный слой перекрывал две нижние ступени крыльца. Ярус 4 фиксировался с отметок –180...–183 в виде хорошо сохранившегося настила из плах шириной 0.2–0.28 м, вытянутых по линии З–В (азимут 65°), длиной до 5.8 м. Крайняя северная плаха накрывала нижнюю ступень белокаменного крыльца собора самого раннего (пятого) уровня. Наконец, древнейший деревянный настил (ярус 5 на отметках –185...–187) – фрагменты трех истлевших плах длиной от 0.2 до 0.78 м (ориентированы по линии З–В, азимут 55°, шириной до 0.2 м и толщиной до 0.02), и остатки лаги длиной 0.2 и 0.54 м, ориентированной с северо-запада на юго-восток (азимут 145°; ширина до 0.14 м, толщина 0.02). На остатках этой мостовой найдена денга тверская великого князя Ивана Михайловича (1399–1425 гг.). До появления настилов перед крыльцом лежал утрамбованный слой коричневого песка с включениями мелкой гальки и извести.

Описанные ярусы мощения отмечены преемственностью: сходны расположение и ориентировка плах, укладка под ними лаг. Мостовую, вероятно, периодически ремонтировали по мере изнашивания и после пожаров (ярус 3). Настил не точно соответствует ориентировке крыльца, он развернут к западу, что может отражать общую систему планировки участка и связь крыльца собора с двором великих князей, стоявшим к югу.

Стратиграфия, планиметрия и состав находок не позволяют отнести строительство крыльца позже конца XIII – XIV в. – оно возникло на одном из самых ранних этапов жизни собора и, вероятно, одновременно фундаментам 8 и 6, т.е. всей обстройке собора с юга. Со временем облик и конструкция крыльца менялись: нижние ступени быстро перекрыл копившийся десятилетиями культурный слой, в который они за 100–200 лет (к концу XV – первой половине XVI в.) полностью погрузились. Остававшиеся открытыми ступени были повреждены более длительной эксплуатацией и требовали ремонтов, которые отражают три верхних уровня: в это время крыльцо расширяют к западу и востоку (примерно на 1–1.2 м), оно теряет вид лестницы и превращается в площадку перед входом с одной, максимум двумя, ступенями. Возможно таким крыльцо просуществовало до второй половины XVI в., когда его западную часть, уже полностью перекрытую культурными отложениями, повредил заглубленный подклет новой постройки. Несколько позднее (видимо, в начале – первой половине XVII в.) разбирают и наземную часть внешней южной паперти (фундамент 8), что подтверждается находкой монеты 1617 г. (см. выше): как уже сказано, в ее восточную кладку с XVIII в. уже врубали могилы.

Описанные архитектурные фрагменты принадлежат первому каменному собору: они включены в единый план, близки по ориентировке и конструкции. Нижняя часть стен образует панцирь из квадров известняка с забутовкой внутри. Фундамент – мелкий булыжник на растворе и крупные валуны в ответственных узлах. Под ним нет свай (исключение – опасный участок в юго-западном углу, где рвы

Рис. 6. Плитки пола (*1–7*).

Fig. 6. Floor tiles

дополнительно углублены в материк на склоне холма). Рвы прорезают нижележащие слои, которые не содержат материала позднее XIII в., и наоборот – сохранившиеся участки кладок прорезаны более поздними погребениями и сооружениями.

Отметим, что конструкции храма конца XVII в. совсем иные: под всеми его частями обязательно присутствует свайное поле из крупных и глубоко вбитых свай. Их накрывает мощная подушка из кирпичного щебня на глине, в которую погружены также крупные и средние валуны и белокаменный бут. Свайно-фундаментное поле точно отвечает историческим обмерным планам. Принадлежность свай к 1680-м годам подтверждает радиоуглеродное датирование их тлена (29 образцов), давшее дату не ранее конца XVII в. Важно, что подошва фундаментов по периметру XVII в. лежала на очень высоких отметках (от –90 до –115, за исключением фундаментных рвов апсид: отметки –170...–175), что много выше современной поверхности материка. При выборке фундаментов в 1935 г. их уничтожили вместе с основной массой позднего кладбища, так что их линии фиксируются по средним и нижним частям глубоко забитых в материк свай.

Рвы древнего собора лежат значительно глубже, в южной и западной частях достигая отметок –210...–240. В восточной части они заложены мельче (–140...–150) – опять-таки, в отличие от собора XVII в. В сравнении с ранним собором план XVII в. существенно вытянут по оси В–З, добавлена новая алтарная часть и противолежащая ей паперть. Северная стена нового собора, вероятно, примерно совпала с ранней, а вот на юге собор сузили на 2–2.5 м.

Таким образом, остатки каменного собора 1285 г. залегают *выше* захоронений предшествовавшего ему кладбища и культурного слоя XII–XIII вв., частично прорезая их. Но они расположены *ниже* конструкций собора конца XVII в., а также погребений XVIII–XIX вв. Кроме того, они несут следы ремонтов XVI – первой трети XVII в.

Раскопки позволили понять общий план храма конца XIII в. Собор Спаса-Преображения сопоставим по размерам с группой не самых больших, но вполне заметных церквей XII–XIII вв. Это четырехстолпный трехнефный объем с тремя апсидами и подкупольным квадратом со стороной 4.5–4.7 м (судя по ширине восточной части среднего нефа, так как местоположение столбов подкупольного квадрата устанавливается с известным трудом, восточные и юго-западный еще определимы, но северо-западный полностью разрушен в XIX и XX вв.).

Вдоль четверика с юга тянется след стены – вероятно, от узкой галереи шириной около 3–3.5 м (что близко, например, первоначальной галерее Дмитровского собора во Владимире). Галерея не имела апсиды, ее восточный край прямой. Для нас важно, что он может маркировать линию восточной стены четверика, которая внутри здания в уровне сохранности фундаментов не выражена. Юго-восточный угол галереи отмечен слабо выступающей к востоку и, сильнее, к югу монолитной прямоугольной в плане платформой из тесаных квадров известняка (пилон?), в обкладке тесаным камнем достигающей размеров 3.4 × 3 м. Ее назначение не ясно.

На западе линия рва галереи огибает южный угол четверика и продолжается к северу, образуя род нартекса, лишь немногим более широкого (около 4 м), чем южная галерея. Западный компартимент дополнительно делится внутри двумя рвами. Возможно это простенки, фланкировавшие западный вход, но если нартекс возник не сразу, они могли принадлежать изначальному квадратному притвору шириной 4.5–5 м.

Аналогичный притвор имелся и против южного входа, где в основаниях фундамента сохранилось несколько крупных валунов, немного выступающих за линию рва – их намеренно уложили в точки опор (подошва кладки вокруг них разрушена). Следует думать, что у северного входа первоначально тоже имелся притвор. Таким образом, собор принадлежал к традиционному для Северо-Востока Руси трехпритворному типу, притворы которого несколько позже объединили галереями. Но нельзя исключить, что плохо читаемые линии фунда-

Рис. 7. Архитектурное убранство: фрагменты каменной резьбы и фрески. *1–10* – росписи и граффити по штукатурке; *11–20* – резной камень.

Fig. 7. Architectural decoration: fragments of stone carving and fresco

ментов одновременны и отражают разновысокие объемы единой конструкции.

Вероятно, галерея охватывала храм с трех сторон (северная часть фундамента полностью уничтожена при разборке в 1935 г.). В этом случае общая ширина собора превысит 20 м, что сопоставимо с указаниями источника об устройстве подпорной стены для западного фасада длиной более 20 м (в 1622 г. московский подмастерье Михаил Ушаков получил распоряжение “во Твери, у соборные церкви Преображенья Христова, что у архиепископа на дворе” подвести под западную (“переднюю”) стену “каменной бык вдоль по стене десять сажен, а вверх четыре сажени, а в толщину сажень...”, см. Столбцы..., 1913. С. 469–471).

Рис. 6

Вдоль всего фасада южной галереи шла еще одна линия кладки. Она начиналась на юго-востоке от монолитной платформы/пилона и продолжалась к западу тонкой стенкой почти без фундамента. Ширина возможного прохода (1.5–2 м) слишком незначительна, чтобы видеть здесь еще одну галерею. Скорее перед нами род протяженной открытой паперти (ступенчатой террасы-цоколя?), помогавшей сгладить естественный перепад высот и поддержать конструкции южной части собора.

К южной паперти примыкает площадка долго функционировавшего крыльца. Вероятно оно существовало изначально (в этом случае выше уровня сохранности ступени еще продолжались, выводя к порталу притвора). Крыльцо стоит по оси входа в собор, которую и маркирует (ось проходит примерно в 2 м от края восточной пары столбов собора). Аналогичной прикладки-паперти с севера скорее всего не было, во всяком случае в ней нет конструктивной необходимости.

Типологическая особенность плана Спасского собора – развитая восточная часть при сравнительно небольших апсидах (видимо, это общее свойство храмов XIII–XIV вв.). Центральный из восточных компартиментов собора имеет внутри протяженность не менее 8 м (промер по краям подошв фундаментов), а с прибавлением ширины стен – около 10 м. Иными словами, его длина при закладке составляла около половины всего храма, но только часть объема приходилась на алтарное пространство.

Следует отметить, что и в отношении оформления ранний храм хорошо вписывается в рамки зодчества Северо-Восточной Руси. Его полы покрывали керамические плитки (рис. 6) – более 2000 целых и фрагментированных образцов XIV–XVI вв. Собрано немного (около 10 000) разрозненных, в основном мелких фрагментов штукатурки с остатками фресок и архитектурной белокаменной резьбы – около 30 сравнительно крупных осколков (рис. 7; цв. вклейка № 4). Тем не менее весь этот материал выразителен и достоин отдельных публикаций. Одним из дальнейших шагов должно стать рассмотрение остатков собора в историко-топографическом контексте тверского кремля, к настоящему времени неоднократно изучавшегося.

Итак, первый построенный из камня после монгольского нашествия собор Руси наконец обрел, несмотря на страшные утраты, пространственный облик. Наши предшественники (особенно – твердо веривший в наследование Московской Русью традиций XII–XIII вв. Н.Н. Воронин) оказались правы. Отныне можно смело утверждать, что линия Владимиро-Суздальского зодчества не прервалась нашествием, но была продолжена в конце XIII в. Это ободрит историков архитектуры и археологов в поиске тех звеньев, которые помогли сохранить мастерство белокаменной резьбы, соединив домонгольское строительство с архитектурой удельного и московского периодов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баталов А.Л., Беляев Л.А. Зодчество Москвы и Твери второй половины XIII – первой половины XIV века // История русского искусства. Т. IV. М.: Северный паломник, 2017. С. 159–207.

Беляев Л.А., Сафарова И.А., Хохлов А.Н. Некрополь середины XII – XIII в. на месте Спасо-Преображенского собора в Тверском кремле // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 10. Тверь: ТНИИР-Центр, 2017. С. 61–98.

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 558 с.

ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. 286 стб. (Репр. воспр. 2-го изд. М.: Языки славянской культуры, 2001. 496 с.).

ПСРЛ. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1856. 345 с. (Репр. изд. М.: Языки русской культуры, 2001. 360 с.).

ПСРЛ. Т. 9–10: Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Вост. литература, 1965. 256 с.

ПСРЛ. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Вост. литература, 1965. 186, 504 стб.

ПСРЛ. Т. 18: Симеоновская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. 316 с. (Репринт. изд. М.: Знак, 2007. 328 с.).

Салимов А.М. Тверской Спасо-Преображенский собор. Тверь: РИФ: АНТЭК, 1994. 367 с.

Салимов А.М. Средневековое зодчество Твери и прилежащих земель XII–XVI веков: дис. ... д-ра искусствоведения. СПб.: Гос. рус. музей, 2015. 843 с.

Столбцы бывшего Архива Оружейной палаты. Вып. 2. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1913. 241–496 с.

THE SAVIOUR-TRANSFIGURATION CATHEDRAL IN THE TVER KREMLIN: RESULTS OF EXCAVATIONS IN 2012–2014

Leonid A. Belyaev*, Irina A. Safarova, Aleksandr N. Khokhlov*****

The Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

**E-mail: labeliaev@br.ru*

***E-mail: irina@safarov-tver.ru*

****E-mail: anhbalt@mail.ru*

In 2012–2014, the expedition of the Institute of Archaeology RAS uncovered the remains of the Transfiguration Cathedral in Tver. It was the first stone church erected *ex nihilo* (1285–1290) in Vladimir-Suzdal Rus after the Mongol invasion of 1237–1238. In 1689–1696 it was replaced with a new cathedral, which was destroyed in 1935. Thus, the foundations of the 13th century cathedral were destroyed twice. However, the ditches and remains of stonework allowed distinguishing the ancient cathedral from the church of the 17th century and restoring their plans. Besides, there was a cemetery found, which was established at the earlier wooden cathedral of Sts Kosma and Damian (12th–early 13th century). The temple was built of limestone. It had four internal piers, two aisles and three apses. The size of the dome square (4.5–4.7 m) classifies the cathedral church among middle or even large churches of the 12th–13th centuries. The collected decoration fragments are few, but the features of the facade stone carving allow us to reliably attribute it to the Vladimir-Suzdalian tradition, and small fragments of the frescoes indicate the painting of the interior. Thanks to the excavations, one of the key issues of the history of the ancient Russian architecture can be considered as solved.

Keywords: architectural archeology, funeral ceremony, the architecture of 13th–14th centuries, frescoes, decorative carvings, Tver principality.

REFERENCES

Batalov A.L., Belyaev L.A., 2017. Moscow and Tver architecture of the second half of 13th–the first half of 14th century. *Istoriya russkogo iskusstva [The History of the Russian Architecture]*, IV. Moscow: Severnyy palomnik, pp. 159–207. (In Russ.)

Belyaev L.A., Safarova I.A., Khokhlov A.N., 2017. Necropolis of the middle 12th–13th century in the location of the Saviour-Transfiguration Cathedral in the Tver Kremlin. *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu Srednevekov'ya [The city of Tver, Tver region and its adjacent areas in the Middle Ages]*, 10. Tver': TNIIRTs, pp. 61–98. (In Russ.)

PSRL [The Complete Collection of Russian Chronicles], 1. Lavrent'evskaya letopis' [The Laurentian Chrionicle], 1. Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years]. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1926. 286 st. (Reprint. Moscow: YaSK, 2001. 496 p.).

PSRL [The Complete Collection of the Russian Chronicles], 7. Letopis' po Voskresenskomu spisku [The Chronicle according to the Voskresensky Copy]. St. Petersburg: Tip. E. Pratsa, 1856. 345 p. (Reprint. Moscow: YaRK, 2001. 360 p.).

PSRL [The Complete Collection of the Russian Chronicles], 9–10. Patriarshaya ili Nikonovskaya letopis' [The Partiarch or Nikon Chronicle]. Moscow: Vost. lit., 1965. 256 p.

PSRL [The Complete Collection of the Russian Chronicle], 15. Rogozhskiy letopisets. Tverskoy sbornik [The Rogozhsky Chronicle. Tver Collection]. Moscow: Vost. lit., 1965. 186, 504 st.

PSRL [The Complete Collection of the Russian Chronicle], 18. Simeonovskaya letopis' [The Simeonian Chronicle]. St. Petersburg: Tip. M.A. Aleksandrova, 1913. 316 p. (Reprint. Moscow: Znak, 2007. 328 p.).

Salimov A.M., 1994. Tverskoy Spaso-Preobrazhenskiy sobor [The Tver Saviour-Transfiguration Cathedral]. Tver': RIF: ANTEK. 367 p.

Salimov A.M., 2015. Srednevekovoe zodchestvo Tveri i prilezhashchikh zemel' XII–XVI vekov: diss. ... doktora iskusstvovedeniya [The Medieval architecture of Tver and the adjacent areas of the 12th–16th centuries: Doctoral Thesis in Art Studies]. St. Petersburg: GRM. 843 p. (Unpublished)

Stolbtsy byvshego Arkhiva Oruzheynoy palaty [The Columns of the former Archive of the Armoury Chamber], 2. Moscow: Pechatnya A.I. Snegirevoy, 1913, 241–496 p.

Voronin N.N., 1962. Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi XII–XV vv. [The Architecture of North-Eastern Rus' of the 12th–15th centuries], 2. Moscow: Izd-vo AN SSSR. 558 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2018, № 2, с. 162–174

ИСТОРИЯ НАУКИ

НЕОЛИТ СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ В БАЛТИЙСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

© 2018 г. К. Нордквист[1,2,*], А. Крийска[3,]**

[1]Университет Оулу, Финляндия
[2]Хельсинкский университет, Финляндия
[3]Тартуский Университет, Эстония
[*]E-mail: kerkko.nordqvist@gmail.com
[**]E-mail: aivar.kriiska@ut.ee

Поступила в редакцию 07.02.2017

Определение понятия “неолит” осложнено существованием обширной историографии с множеством различных характеристик и описаний. Несоответствие понятий “западноевропейского неолита”, определяемого наличием производящего хозяйства, с одной стороны, и основанного на наличии глиняной посуды “неолита Восточной Европы” – с другой, хорошо прослеживается на материалах Северо-Востока Европы, на которых сосредоточено внимание данной статьи. В начале работы представлена история развития этого термина в Финляндии, Эстонии и на Северо-Западе России. За этим следует обсуждение некоторых ранее во многом упущенных из виду аспектов неолита: открытый взаимодействию и активный характер материальной культуры и развитие социальных и символических сетей. Делается вывод, что “неолит” может рассматриваться только как своего рода “метаконцепция” – эвристический термин, дающий лишь очень приблизительное указание на время и (культурный) контекст, фактические временные рамки и содержание для которого в каждом конкретном случае должны определяться отдельно. Подчеркивается также, что в дополнение к преобладавшему долгое время технико-экономическому и экологическому детерминизму ключевое значение для характеристики всего спектра и всей полноты неолитических трансформаций имеют социокультурные и когнитивные аспекты. Конечная цель статьи состоит в том, чтобы спровоцировать обсуждение и обеспечить более целостный или альтернативный взгляд на неолитическое развитие.

Ключевые слова: неолит, Северо-Восток Европы, история изучения, онтология, социальные и символические сети.

DOI: 10.7868/S0869606318020125

С первых дней археологии производящее хозяйство и керамика были центральными понятиями в определении неолита. Несмотря на исследовательский консенсус относительно того, что фокусирование на этих темах – как и на любом другом отдельном аспекте материальной культуры или экономики – это слишком узкий подход, керамика и производящее хозяйство имеют тенденцию затмевать собой другие стороны неолита и неолитизации (понимаемой здесь в широком смысле как общий процесс происхождения неолита). В контексте современной западной археологии понимание этого процесса в первую очередь как технико-экономического развития представляется в значительной степени устаревшим. Напротив, все более принимаются во внимание социальные и культурные объяснения, а также когнитивные аспекты. В то же время однолинейный (эволюционный) и моноцентричный (европоцентрический) подходы уступили место вариабельности и полицентризму. Как следствие, повторная контекстуализация неолита, продолжающаяся уже несколько десятилетий во всем мире, породила огромный объем литературы, и задача данной работы состоит в привнесении нового вклада в этот массив. Однако особый характер нашей дискуссии придает географический подход: мы сосредоточены на области Северо-Востока Европы, включающей в себя территории современной Эстонии, Финляндии и Северо-Запада России (рис. 1). Тем не менее обсуждаемые здесь концепции отражаются в археологических исследованиях гораздо более обширной территории. Исходя из выбранного подхода, мы установили довольно широкие временные рамки нашего исследования: VI–III тыс. до н.э. (здесь и далее используются калиброванные датировки).

Вариации определений неолита. Первоначальное определение обсуждаемого понятия обычно связывают с трудом Джона Лаббока (Lubbock, 1865.

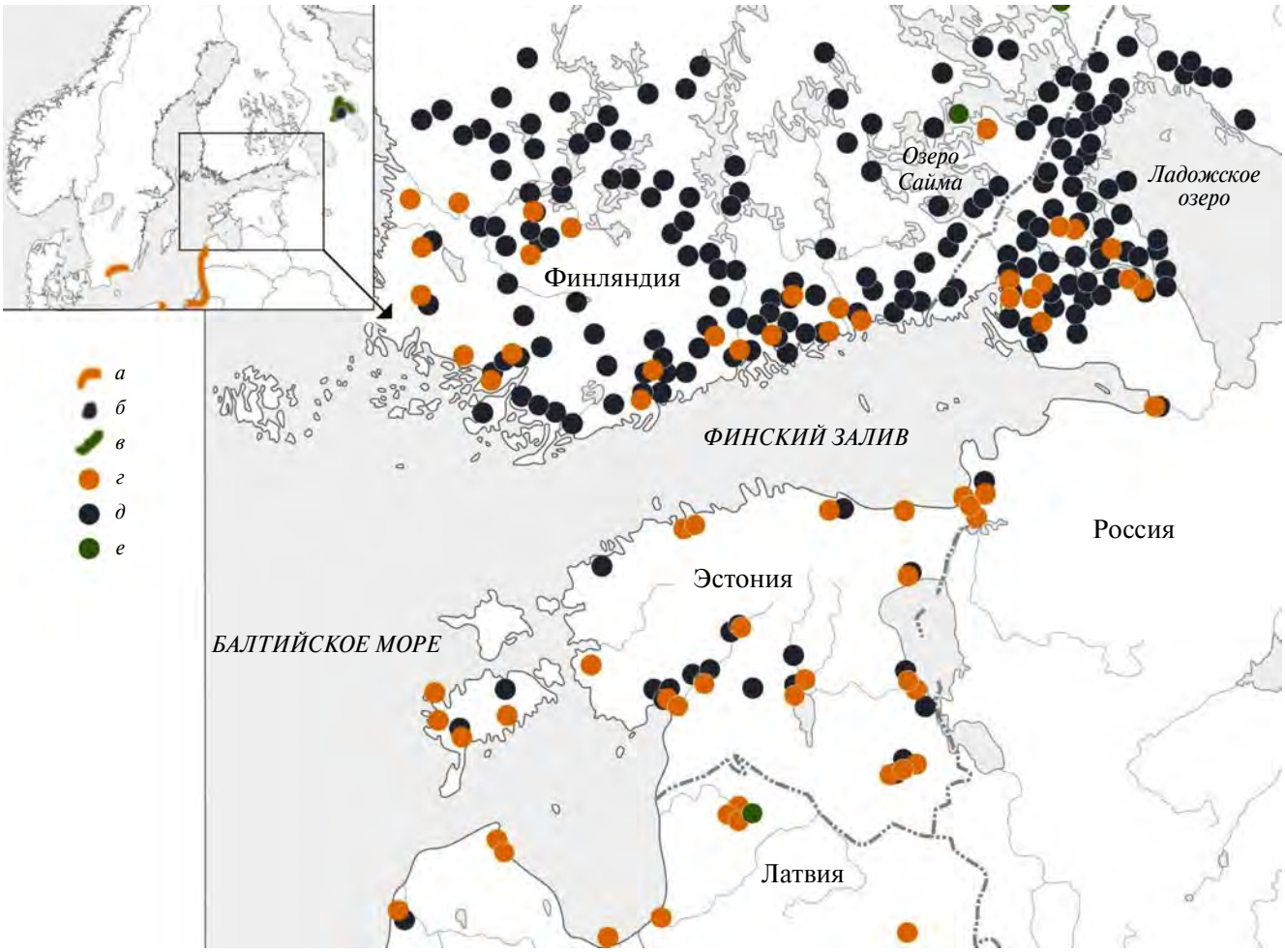


Рис. 1. Природные месторождения и распространение некоторых "экзотических" материалов на Северо-Востоке Европы, преимущественно в центральной части восточного побережья Балтики. Условные обозначения: *а, г* – янтарь; *б, д* – рубящие орудия русско-карельского типа из метатуфа; *в, е* – медь (Карта: А. Крийска и К. Нордквист; здесь и далее на рисунках – техническая реализация: К. Роог).

Fig. 1. Natural deposits and spreading of some "exotic" materials in North-Eastern Europe, especially in the central part of the eastern Baltic coast

P. 154, 155, 444–448), который расплывчато охарактеризовал неолит как период шлифованных каменных орудий, предшествующий освоению металла, но во время которого уже было известно производящее хозяйство. Идея "неолитической революции", представленная Гордоном Чайлдом (Childe, 1936. Chapter V), считается еще более значимой. В то время как для Лаббока основным был технологический критерий, для Чайлда – экономический: "неолитическая революция" – это прежде всего распространение производящего хозяйства (Childe, 1925. P. 1; 1936. P. 66, 67). Таким образом, Чайлд объявил особенности экономики определяющим элементом в периодизации, системе трех веков, которая базировалась на технологических критериях. Его вторая основная идея заключалась в том, что происхождение производящего хозяйства и других признаков неолита было в конечном счете связано с Ближним Востоком. В своем первоначальном значении неолитизация представлялась Чайлду распространением определенного набора неолитических признаков – "неолитической культуры" или, позднее, "неолитического пакета" – через Балканы и далее на северо-запад. Это распространение происходило путем внешней диффузии, т.е. миграций и колонизации (Childe, 1925; 1936).

Чайлд не был единственным, кто развивал идеи о неолите в начале XX в.: в немецкоязычном научном сообществе выделение происходило главным образом на основании керамики (Kossina, 1911. S. 3). Тем не менее после Второй мировой войны идеи Чайлда затмили прочие на Западе, и его модель "света с Востока" ("Ex Oriente Lux") получила развитие в последующие десятилетия, распространяясь ударной волной как революционное событие (Ammerman, Cavalli-Sforza, 1971; Renfrew, 1987).

Однако с накоплением археологических материалов становилось все более очевидно, что даже если элементы "неолитического пакета" могли возникать одновременно в некоторых регионах, то во многих других они необязательно были синхронны или не присутствовали вовсе. Наряду с широкой сменой парадигм в англо-американской археологии, термин "неолитический пакет" и соответствующие идеи о неолите начали сталкиваться с критикой (Hodder, 1990; Thomas, 1991; общий обзор см. Pluciennik, 2008). В дополнение к развенчанию "неолитического пакета", объяснения, базирующиеся только на экономических или экологических факторах, были признаны недостаточными. В качестве альтернативного подхода сначала возросло внимание к развитию, вытекающему из социокультурных факторов (Hodder, 1990; Thomas, 1991), а в последнее время подчеркивается значение когнитивных изменений (Boivin, 2004; Herva et al., 2014; Thomas, 2016). В это же время фокус археологии неолита вышел за пределы западной Евразии, что способствовало крушению традиционных концепций. Свидетельства существования ранних инноваций и локальных центров развития по всему миру бросало вызов представлениям о землях "плодородного полумесяца" как о единственной колыбели цивилизации (Barker, 2006; Jordan, Zvelebil, 2011), а исследования все чаще указывали на разнообразие проявлений неолита также и в Старом Свете (Thomas, 1996. P. 313, 319, 320; 2016; Nordqvist, Kriiska, 2015. P. 546, 547).

Тесная взаимосвязь, предполагаемая между ключевыми элементами "неолитического пакета", прежде всего керамикой и производящим хозяйством, поставила Северо-Восток Европы в периферийную и в то же время исключительную позицию – ранняя керамика, изготовляемая неземледельческими группами, была выделена здесь уже в конце XIX – нач. XX в. (Ailio, 1909; Tallgren, 1922; Брюсов, 1940). При отсутствии признаков производящего хозяйства, производство керамических сосудов стало здесь ключевым элементом в определении неолита. В Финляндии первые упоминания неолита (вероятно, заимствованные из европейской (немецкой) литературы) можно встретить в 1910-х годах (Tallgren, 1914), хотя соответствующий термин – "поздний каменный век" – встречается значительно раньше (Aspelin, 1885. S. 1). Как и термин "мезолит", слово "неолит" входило в активное употребление медленно, в основном после Второй мировой войны, но по-прежнему как хронологическое понятие. Концепция "неолита" впервые по-настоящему обсуждалась К.Ф. Мейнандером, который также ввел термин "субнеолит", чтобы подчеркнуть серьезное различие между Северо-Востоком Европы и земледельческим неолитом более южных территорий (Meinander, 1961. S. 4; 1984). Труды Мейнандера оказали большое влияние на археологию Финляндии, где кроме них было очень мало дискуссий о терминологии каменного века, и понятия "неолит" и "субнеолит" употреблялись как взаимозаменяемые, причем даже и в качестве хронологических дефиниций, хотя термин "субнеолит" несет культурную нагрузку, указывая на группы населения, освоившие технологию производства керамики, но оставшиеся охотниками-собирателями. Только в последнее время стали обсуждаться альтернативные представления о содержании понятия "неолит" и природе этого явления.

В России идея неолита аналогичным образом основывалась на разделении в XIX в. каменного века на палеолит и неолит (Иностранцев, 1882. С. 235, 236; Городцов, 1923. С. 326–329). Тем не менее из-за неразберихи, которая происходила в археологии в конце 1920-х и в 1930-х годах, современная периодизация начала обретать свою форму только в послевоенные десятилетия, когда был принят термин "мезолит" и введена эпоха энеолита на Северо-Западе России (Брюсов, 1952; Гурина, 1967). Расположившемуся между ними периоду неолита изначально было дано несколько критериев (Брюсов, 1952. С. 6; Гурина, 1973. С. 10, 11), но вскоре появление керамики стало доминантой в его определении (Фосс, 1952. С. 16; Ошибкина, 1996. С. 6). Хотя термины "лесной", "северный" или "пережиточный" неолит используются для обозначения неолита охотников-собирателей, они, главным образом, подчеркивают различную окружающую среду и, следовательно, различный облик населяющих ее обществ. Согласно марксистской парадигме культурного развития, считалось, что у охотников-собирателей лесной зоны происходили настолько серьезные изменения в производительных силах, хозяйстве, социальной структуре и пр., что по ним можно было выделить этап неолита (Гурина, 1973. С. 10; Ошибкина, 1996. С. 8, 9). И в рамках эволюционистской концепции социального развития керамика, производимая охотниками-собирателями, не выглядела чем-то необычным (см. также Jordan, Zvelebil, 2011. P. 35, 36). Эта базовая идея не сильно изменилась: несмотря на то что понятия "неолита" и "неолитизации" обсуждались в российской археологической литературе в последнее время (Ошибкина, 1996; 2006; см. также Клейн, 2014), многие из новых работ по-прежнему фокусируются на переосмыслении существовавших ранее типолого-технико-хронологических схем.

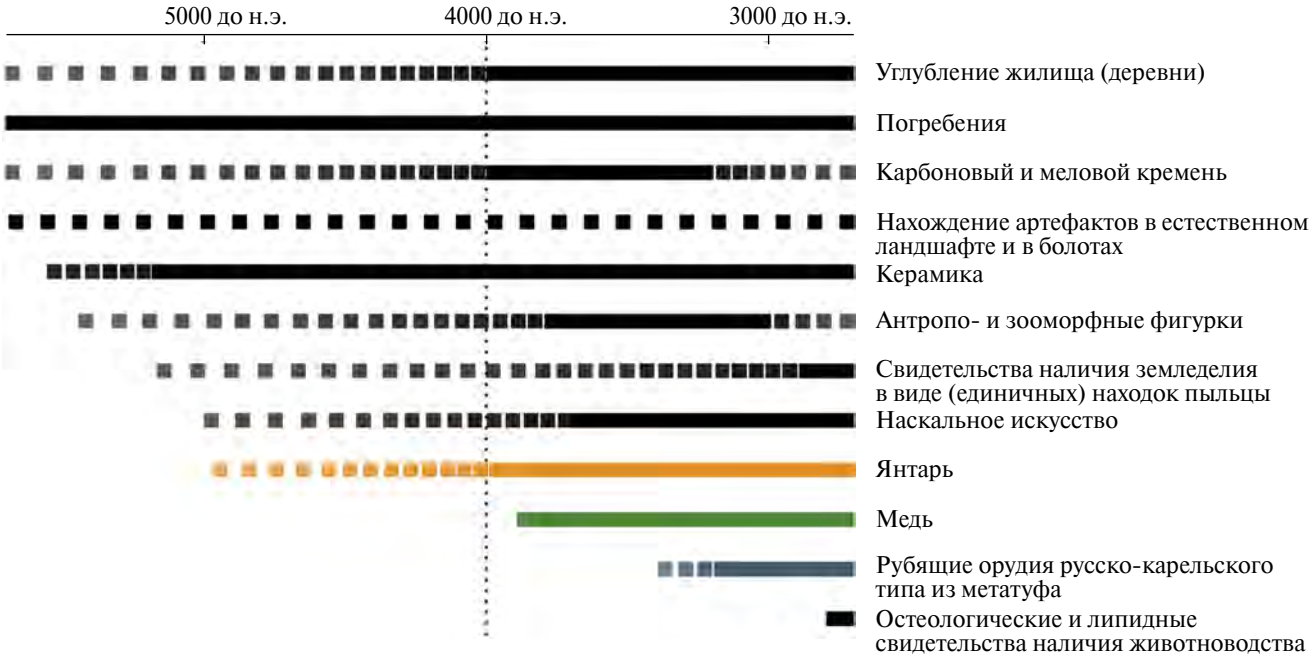


Рис. 2. Распространение отдельных явлений, обычно связываемых с неолитом (Иллюстрация: А. Крийска и К. Нордквист).

Fig. 2. The occurence of individual phenomena, commonly associated with the Neolithic

Аналогичный подход к неолиту также долгое время наблюдался и в Эстонии. Во второй половине XIX и нач. XX в. термин “неолит” использовался для обозначения доисторической стадии, следующей за палеолитом, во время которой появились первые поселенцы на территории Эстонии (Grewingk, 1871. S. 44). Четкой границы между этими периодами на местных материалах выявлено не было, хотя в то же время подчеркивалось существование шлифованных каменных орудий (Jung, 1899. L. 73; Glück, 1906. S. 16). Только после выделения мезолита как периода каменного века начало неолита стало связываться с керамикой (Indreko, 1932). С тех пор эта точка зрения сохранялась, несмотря на накопление вещественного материала или идеологическое давление (Янитс, 1959. С. 289), а к началу XXI в. она стала неотъемлемой частью археологической традиции и периодизации, поддерживаемой не аргументами, а инерцией (Lang, Kriiska, 2001. L. 89). Однако находки пыльцы культурных злаков в болотных и озерных отложениях, сопровождавшие новую стадию в осмыслении каменного века, привели к изменению периодизации и переходу от восточноевропейской традиции к западноевропейской. Соответственно, древнейшая керамика была отнесена к мезолиту, а начало неолита связывалось только с первыми выявленными земледельческими экспериментами, так же, как и с иными крупномасштабными культурными и социальными изменениями (Kriiska, 2009. P. 162) (рис. 2)[1].

Даже если за последние десятилетия и произошло некое переосмысление неолита на территории Эстонии, развитие было связано со сложностями, характерными для изучения традиционного каменного века Северо-Восточной Европы в целом: строгий культурно-исторический (или этно-исторический) подход сочетался с тяжелым технико-экономическим подтекстом и общей ограниченностью теоретической базы. Тем не менее были сделаны некоторые перспективные открытия, наметившие новые направления исследований, некоторые из которых будут представлены ниже.

Различные аспекты неолита. Взаимодействующая и активная материальная культура. Новые теоретические подходы представили неолит так-

[1] Развитие в изучаемом регионе происходило довольно асинхронно и медленно, даже если кажется, что есть поворотный момент около 4000 до н.э. Иллюстрация представляет собой грубое обобщение, в действительности есть множество местных различий и разрывов. В каждом случае все эти свидетельства показывают, что масштабное идеологическое изменение трансформировало мировоззрение и общество, что изменение это гораздо более глубокое, чем просто восприятие отдельных элементов материальной культуры.

Рис. 3. Артефакты, демонстрирующие идеи и материалы, распространявшиеся через сети контактов: *1* – тесло русско-карельского типа из метатуфа из Нурмекюла; *2* – янтарная подвеска из Тамула I; *3* – глиняная фигурка из Валма; *4* – самородная медь с Фофаново XIII; *5* – кремневый наконечник с Тамула I; *6* – фрагмент кольца из метатуфа с Ломми III; *7* – фрагмент гребенчато-ямочной керамики с изображением водоплавающего с Ломми III (*1–3*, *5* – Эстония; *4*, *6*, *7* – Россия) (Фото: А. Крийска и К. Нордквист).

Fig. 3. Artifacts reflecting concepts and materials spread through networks of contacts

же как глубокое изменение ментальных установок и мировоззрения, способа восприятия мира и действий в нем. Согласно этим взглядам, основанным по большей части на реляционной онтологии, мир составляет множество взаимоотношений и взаимодействий (Gibson, 1986; Bird-David, 1999; Ingold, 2000). В пределах этой системы отсчета неолитическое развитие представляет собой прежде всего коэволюцию сознания и материи. Реляционная структура действительности предполагает, что все части мира взаимосвязаны и взаимозависимы, и, следовательно, неразумно изучать отдельные компоненты существования человека в отрыве от его социокультурного окружения. Таким же образом нельзя воспринять какое-либо (материальное) новшество, как, например, технологию производства керамики, без связанных с ним изменений в иных сферах жизни.

Материальная культура, которая ранее по большей части рассматривалась как пассивное отражение изменений, происходящих в других сферах культуры (технологической, экономической, социальной и т.д.), сейчас представляется активным участником взаимного контакта с людьми, способным вызывать изменения в человеке и в обществе. Основная идея состоит в том, что новые формы материальной культуры и технологические методы должны были заставить людей осознать богатство окружающего их мира: добыча, доставка, трансформация и использование нового (минерального) сырья и вещей заставили людей лучше разбираться в материальном мире и открывать новые

измерения и значения окружающей реальности (Boivin, 2004. P. 67–69; Gaydarska, Chapman, 2008. P. 65; Herva et al., 2014. P. 154–156). Это расширение окружающего мира привело к необходимости пересмотра взаимоотношений между человеком и миром, что, в свою очередь, повлекло за собой глубокие изменения в мировоззрении.

Адаптация к использованию глины хорошо иллюстрирует важность свойств, поверхностей, текстур, а также обработки и взаимодействия с веществами, открытыми в неолите. К примеру, пластичность глины привела к открытию новых способов обработки и моделирования, а обжиг стал внедрением нового вида трансформации минерального вещества, в данном случае самой земли, в артефакт. Глина также служит примером новых метафизических свойств (минерального) мира, полученных в начале неолита, так как и керамика, и глина имеют широкую символическую связь с ландшафтами и почвами (Boivin, 2004. P. 67, 68; Herva et al., 2017). Кроме того, производство глиняной посуды может быть описано как магический ритуальный процесс или как социальная традиция, которая была связана с фундаментальными культурными и экологическими трансформациями (Gheorghiu, 2008. P. 183, 184; Jordan, Zvelebil, 2011. P. 50–54; Herva et al., 2014. P. 148, 149; 2017). Поэтому начальная адаптация керамики могла быть связана с социокультурной и символической ценностью керамики и глины, а не только с их практическим или функциональным использованием.

Возрастающее значение минерального мира можно наблюдать через широкое распространение импортируемого сырья и предметов (кремня, сланца, метатуфа, меди, янтаря и др.) (рис. 1–3). Оно обычно интерпретировалось как свидетельство торговли и как показатель социального статуса, но необходимо учитывать и другие аспекты, присущие каменному веку. Примером может служить самородная медь. Так как использование меди в каменном веке часто не имело главной целью изготовление обычных утилитарных предметов, оно должно пониматься как еще одно проявление новых идей и взглядов, как особое внимание к окружающему миру и его свойствам (Nordqvist, Herva, 2013. P. 420, 421). Таким образом, физические/сенсорные свойства природных материалов (напр. блеск, цвет, текстура поверхности), реальные или мнимые качества, связанные с ними или с местами их происхождения, “биографии” самих артефактов (а не обязательно только технологическая или экономическая ценность), могли быть решающими причинами их приятия (Gaydarska, Chapman, 2008. P. 65; Herva и et al., 2014. P. 154, 155). Все это указывает на то, что мир был взаимосвязан по-новому через множество разных сетей.

Расширение символических и социальных сетей. Поселения и их изменения рассматриваются как важная часть неолитического развития. Своего рода оседлость также рассматривалась как предварительное условие для зарождения производства керамики (Núñez, 1990. P. 35, 36; Jordan, Zvelebil, 2011. P. 55, 56), хотя на исследуемой территории развитие, может быть, не приводило, по крайней мере до III тыс. до н.э., к появлению постоянных круглогодичных поселений. Тем не менее изменения в экономике (интенсивное использование водных ресурсов) и расселении (рост оседлости) традиционно воспринимались как результат усложнения общества. Появление археологически идентифицируемых индивидов – еще одна характерная особенность, связанная с неолитом, – в рассматриваемом регионе описывается только через определенные стереотипные примеры статусных индикаторов (“предметы экзотики”). Четким свидетельством социальной стратификации является начало массового производства и ремесленной специализации (янтарь, русско-карельские рубящие орудия), а также появление отдельных могильников. С другой стороны, усложнение структуры общества, интенсификация индивидуальных и межгрупповых связей, а также расширение экономических операций и накопление богатства, возможно, вызывали социальное напряжение, которое могло приводить к усилению агрессии и появлению своего рода военных столкновений.

Некоторые из вышеупомянутых черт существовали еще до неолита, но их ярко выраженное присутствие в это время ставит вопросы масштаба и археологической видимости этих процессов. Например, транспортировка сырья или артефактов не была новшеством, но масштабы ее становятся беспрецедентными. Явное увеличение внутри- и межрегиональных связей свидетельствует о перестройке сети контактов, что было важно не только для перемещения людей, вещей и сырья, но и для перемещения идей. Эти новые сети контактов существенно расширили социальный и физический мир в конкретных условиях, и их реорганизация была на самом деле важной частью строительства неолитического мира. Кроме того, упомянутое выше появление новых значений для окружающей среды и материалов, а также создание понятийных связей между определенными свойствами и определенными материалами или местами свидетельствует о перестройке символических сетей, в свою очередь расширяющих ментальный и духовный мир. Очевидные затраты труда при создании,

например, поселков с углубленными постройками или памятников наскального искусства говорят нам о новом видении значения ландшафта и конкретных мест или точек в нем. Все это указывает на изменение отношений человека и окружающей среды, также как и на изменение отношений между людьми.

С началом неолита ритуальные практики, а наряду с ними, возможно, и ритуальные специалисты, приобрели более значимую роль. Ритуалы и символы тесно связаны с социальной средой и мировоззрением: в широком понимании ритуалы являются символическим выражением существенных понятий, через которые поддерживается порядок в обществе. Ритуалы являются также областью контакта между разными частями или уровнями мира и средством поддержания баланса между этими уровнями: между этим и иным миром или между человеческим и нечеловеческим миром. В обсуждениях символики и ритуалов изучаемого региона доминируют стереотипные взгляды, автоматически связывающие такие вещи как погребения, "предметы экзотики" и "искусство" с сакральной сферой, в то время как "каждодневные" вещества и занятия, такие как камни и производство керамики, представлялись чем-то профанным. Однако такая простая дуалистическая точка зрения не может использоваться для объяснения мира, который возник через взаимные отношения тесно связанных между собой вещей, материалов и явлений: вселенная каменного века не строилась на биполярной оппозиции людей и природы, но была наверняка анимистической и живой и состояла также из множества нечеловеческих действующих лиц (Bird-David, 1999; Brück, 1999).

Вышесказанное не означает абсолютную мистификацию неолитического мира или определение ритуалов людей каменного века как неразумных суеверных действий невежественных дикарей – напротив, мир каменного века для его современников был таким же разумным в своих условиях и в своей собственной системе отсчета, как для нас современный мир, управляемый механикой Ньютона и другими законами физики. Дело в том, что наш западный рационализм пост-Просвещения не может непосредственно понять менталитет людей каменного века, и, следовательно, не может напрямую использоваться для оценки логики или (причинных) связей, имеющихся в незападных онтологиях (Brück, 1999; Ingold, 2000. P. 81–84). Наше неверное представление о структуризации человеческого поведения с точки зрения "универсальной рациональности" вводит в заблуждение при интерпретации явлений, основанных на совершенно иной логике реальности.

Концепция "неолита". Термин "неолит" противоречивый и запутанный, и легко согласиться с мнением, что тяжелое бремя длительной истории изучения этого понятия и скрытые идеологические подтексты часто заслоняли реальную цель исследования. Многочисленная литература по этой теме показывает, что нет единого универсального "неолита" или "неолитического пакета", или единственного правильного пути "становления неолита": если какие-то обобщения могут быть сделаны, они должны оставаться на самом общем уровне. В принципе, неолит можно охарактеризовать как период между существованием обществ (простых) мезолитических охотников-собирателей и обществ бронзового века с металлическими изделиями. Тем не менее даже это определение не освобождает от проблем: во-первых, граница между мезолитом и неолитом, как и между простыми и развитыми охотниками-собирателями, размыта; во-вторых, не все периоды (как мезолит или эпоха бронзы) существуют повсюду на земном шаре; в-третьих, определение фактического зарождения таких "поворотных явлений" как производящее хозяйство или использование металла может быть осложнено в регионах, подобных рассматриваемому, где признаки начала производящего хозяйства могут быть только предположительными, а число изделий из металла крайне невелико.

Если нужно определить неолит более конкретно, то для этого необходимо ограничить исследование определенной территорией. Неолит часто имеет локальный характер, его различия по форме и появлению в каждой области зависят от местных характеристик региона, его донеолитического населения, природной среды, сопредельных территорий и путей проникновения сюда неолита. Такая точка зрения, по общему признанию, близка к марксистским взглядам, отстаивавшимся в Советском Союзе, которые допускали вариации и сосуществование разных видов неолита и рассматривали окружающую среду в качестве основной причины их различного облика (Гурина, 1973. С. 10, 11; Ошибкина, 2006. С. 250), но она резко отличается от эволюционизма марксистской концепции стадиального развития.

Другой подход заключается в том, чтобы использовать неолит исключительно как понятие для целей археологической периодизации. Однако сложно (даже невозможно) выделять неолитический этап как общерегиональный единый хронологический горизонт: в Европе в VI–III тыс. до н.э. есть свидетельства существования огромного числа

неолитических групп, но одновременно с ними повсюду есть районы, население которых определяется как относящееся к мезолиту, халколиту/энеолиту или эпохе бронзы. Вопрос синхронности явлений также проблематичен при определении границ неолита в более узких регионах. Возрастающее количество абсолютных датировок показало, что многие "неолитические черты", даже представленные на одной и той же территории, могут быть метахронны или только частично перекрываться. Тогда возникает вопрос, какие из черт действительно неолитические? С точки зрения чисто археологической периодизации, любая представительная единичная черта – производящее хозяйство, керамика или использование бронзы – может быть выбрана в качестве нижней или верхней границы периода. Но говорят ли в действительности эти границы о чем-то ином, кроме появления земледелия, технологии производства керамики или зарождения металлургии? Без дополнительных сведений они ничего не говорят нам о развитии и природе человеческих сообществ в целом. Таким образом, "неолит" может рассматриваться только как "метаконцепция" – эвристический термин, дающий лишь общее представление о времени и (культурном) контексте, но для которого фактические временные границы и содержание должны определяться в каждом конкретном случае. С другой стороны, применение абсолютного датирования позволяет убрать ограничения и недостатки периодизации, типологии (керамики) и археологических культур, искусственно созданных археологами для аналитических целей. Следовательно, даты позволяют изучать долгосрочные пути развития во времени и пространстве, а также различные тематические и теоретические вопросы, независимо от выделяемого периода.

Технико-экономико-экологические подходы (даже детерминизм), во многом доминировавшие ранее, все еще часто используются при объяснении изменений, касающихся неолита и его материальной культуры. В качестве примера можно привести предлагаемые объяснения возникновения керамики (например, Núñez, 1990. P. 35–38). В Советском Союзе марксистский подход подчеркивал изменения в обществе, но и он был под сильным влиянием технико-экономических течений. В последнее время интерпретационные подходы, делающие упор на социокультурных и когнитивных аспектах, подчеркнули совокупность изменений – неолитическая трансформация в конечном счете затронула все стороны жизни. Кроме того, проявления неолита весьма разнообразны, а долгое время господствовавшее западноевропейское представление – всего лишь один из множества вариантов неолита. Отказываясь от этого единственно правильного образа неолита нужно также отвергнуть и строгую дихотомию между земледельцами и охотниками-собирателями: последние часто по привычке представляются находящимися на более низком социо-экономическом уровне, архаичными, пассивными и нединамичными по сравнению с активными, прогрессивными и динамичными неолитическими группами (Zvelebil, 1996; Finlayson, 2009). Этот непропорциональный акцент на западноевропейском неолите и последующем подъеме земледельческого населения является, в конце концов, только идеологическим наследием XIX и XX вв. (Zvelebil, 1996. P. 159, 160). Даже если неолит подразумевает основные изменения в материальных и ментальных установках, нет никаких оснований считать людей мезолита – или охотников-собирателей в целом – отстающими в развитии или ментально менее приспособленными: эти группы людей просто воспринимали мир иначе и действовали в нем в рамках иной системы отсчета.

Старая идея неолитизации как "неолитической революции" Чайлда также была разрушена. Даже если в некоторых районах неолит мог возникнуть очень быстро, нельзя предположить, что это не могло произойти подобным образом повсеместно. Во многих регионах неолитическое развитие, напротив, представляется относительно медленным процессом, растянувшимся на столетия или даже тысячелетия (Thomas, 1996. P. 311; Nordqvist, Kriiska, 2015. P. 538). Трансформация не обязательно включала в себя массовую диффузию населения, но могла состоять из перемещения небольших групп или даже отдельных людей, несущих новые идеи (или их комбинации). Таким образом, перемены часто требовали активного участия местного населения, чьи интересы, нужды и желание интегрировать, ассимилироваться и воспринимать новые вещи и идеи в их социальную и природную среду имели решающее значение. Даже если неолит и его элементы часто изображаются как прогрессивные, как что-то хорошее и желаемое *по природе своей*, это не обязательно было таким очевидным в контексте того времени (каменного века), так как этот взгляд связан во многом с ретроспективной точкой зрения, когда известен итог развития и результат сделанного выбора. Напротив, не все элементы неолита можно автоматически рассматривать как улучшения и принимать непосредственно и без критики. Кроме того, даже в пределах одних и тех же обществ люди могли по-разному воспринимать новшества: устройство мира и понимание материальной культуры, доступ к ним, могли зависеть от статуса, возраста и пола/рода индивида.

Хотя не всегда возможно точно определить конкретные причины, которые вызвали изменения, очевидно, что в неолитизации имело место много как сознательного, как и неосознанного выбора. Таким образом, все изменения не могут быть сведены к детерминированной адаптации к изменениям окружающей среды посредством новых технологий и материальной культуры – надо учитывать также множество вопросов, связанных с духовным миром. Они относятся к тем темам и направлениям в интерпретации, которые традиционно представлялись за гранью информационных подходов и даже за гранью археологии. Тем не менее, если нам нужно представить образ всех изменений, происходящих в доисторическом обществе, мы не можем сделать это только с помощью измеряемых данных, типологий или естественнонаучных анализов. Требуются также исследования, сопровождаемые теоретическими информационными подходами, протекающими в сфере "неинформационного" или умозрительного. Мы не выступаем здесь за абсолютный релятивизм – некоторые интерпретации всегда более вероятны, чем другие, – но стремление к различным направлениям интерпретации позволяет открыть глаза и осознанать перспективы богатства человеческого духа и воображения.

Статья написана при поддержке проектов "The use of materials and the Neolithisation of north-east Europe (с 6000–1000 BC)" (Академия Финляндии, проект № 269066) (КН) и "Estonia in Circum-Baltic space: Archaeology of economic, social, and cultural processes" и "Natural selection and migrations in shaping human genetic diversity in East European Plain. An ancient DNA study" (Агентство научного исследований Эстонии) (АК).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брюсов А.Я. История древней Карелии. М.: ГИМ, 1940 (Тр. ГИМ; вып. 9). 320 с.

Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 259 с.

Городцов В.А. Археология. Т. I: Каменный период. М., Пг.: Гос. изд-во, 1923. 404 с.

Гурина Н.Н. Из истории древних племен западных областей СССР (по материалам нарвской экспедиции). Л.: Наука, 1967 (МИА; № 144). 205 с.

Гурина Н.Н. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. Л.: Наука, 1973 (МИА; № 172). С. 7–21.

Иностранцев А.А. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 241 с.

Клейн Л.С. Археологическая периодизация в новом тысячелетии // РАЕ. № 4. СПб.: Унив. издательский консорциум, 2014. С. 57–60.

Ошибкина С.В. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996 (Археология). С. 6–9.

Ошибкина С.В. О раннем неолите в лесной зоне // ТАС. Вып. 6, т. 1. Тверь: ТГОМ, 2006. С. 248–253.

Фосс М.Е. Древнейшая история севера Европейской части СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 278 с.

Янитс Л.Ю. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин: Институт истории АН ЭССР, 1959. 382 с.

Ailio J. Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland. Teil I–II. Finnische Altertumsgesellschaft, 1909. 394 S.

Ammerman A.J., Cavalli-Sforza L.L. Measuring the rate of spread of early farming in Europe // Man. 1971. V. 6. № 4. P. 674–688.

Aspelin J.R. Suomen asukkaat pakanuuden aikana. Helsinki: K.E. Holm, 1885. 97 S.

Barker G. The Agricultural Revolution in Prehistory: why foragers become farmers? Oxford: Oxford University Press, 2006. 598 p.

Bird-David N. "Animism" revisited: on personhood, environment and relational epistemology // Current Anthropology. 1999. V. 40. № S1. P. 67–91.

Boivin N. Mind over matter? Collapsing the mind-matter dichotomy in material culture studies // Rethinking Materiality: the engagement of mind with the material world. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2004. P. 63–71.

Brück J. Ritual and rationality: some problems of interpretation in European archaeology // European Journal of Archaeology. 1999. V. 2. Iss. 3. P. 313–344.

Childe V.G. The Dawn of European Civilization. L.: Kegan Paul, 1925. 328 p.

Childe V.G. Man Makes Himself. L.: Watts & co, 1936. 275 p.

Finlayson B. The 'complex hunter-gatherer' and the transition to farming // From Bran Flakes to Bushmills: papers in honour of Professor Peter Woodman. Oxford: Oxbow Books, 2009. P. 175–188.

Gaydarska B., Chapman J. The aesthetics of colour and brilliance – or why were prehistoric persons interested in rocks, minerals, clays and pigments // Geoarchaeology and Archaeomineralogy: proceedings of the international conference (29–30 October 2008). Sofia: St. Ivan Rilski, 2008. P. 63–66.

Gheorghiu D. The emergence of pottery // Prehistoric Europe: theory and practice. Chichester: Wiley-Blackwell, 2008. P. 164–192.

Gibson J.J. The Ecological Approach to Visual Perception. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1986. 332 p.

Glück E. Über neolithische Funde in der Pärnu und die Urbewohner der Pernau-Gegend // Sitzungs-Berichte der Pernauer Alterthumforschenden Gesellschaft. Bd. IV: (1903–1905). Pernau: L.W. Laakmann, 1906. S. 259–318.

Grewingk C. Zur Kenntniss der in Liv-, Est-, Kurland und einigen nachbargegenden aufgefundenen Steinwerkzeuge heidnischer Vorzeit. Dorpat, 1871 (Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft; Bd. VII, 1). 57 S.

Herva V.-P., Mökkönen T., Nordqvist K. A northern Neolithic? Clay work, cultivation and cultural transformations in the boreal zone of north-eastern Europe, c. 5300–3000 BC // Oxford Journal of Archaeology. 2017. V. 36. Iss. 1.

Herva V.-P., Nordqvist K., Ikäheimo J., Lahelma A. Cultivation of perception and the emergence of the Neolithic world // Norwegian Archaeological Review. 2014. V. 47. Iss. 2. P. 141–160.

Hodder I. The Domestication of Europe: structure and contingency in Neolithic societies. Oxford: Blackwell, 1990. 331 p.

Indreko R. Kiviaja kronoloogia küsimusi // Ajalooline ajakiri. 1932. № 4. C. 177–190.

Ingold T. The Perception of the Environment: essays in livelihood, dwelling and skill. London: Routledge, 2000. 465 p.

Jordan P., Zvelebil M. Ex oriente lux: the prehistory of hunter-gatherer ceramic dispersals // Ceramics before Farming: the dispersal of pottery among prehistoric Eurasian hunter-gatherers. Walnut Creek: Left Coast press, 2011. P. 33–89.

Jung J. Muinasaja teadus Eestlaste malt. I: Üleüldine muinasaja kirjeldus. Jurjev, 1889. 284 L.

Kossina G. Die Herkunft der Germanen: zur Methode der Siedlungsarchäologie. Würzburg: Curt Kabitzsch, 1911. 30 S.

Kriiska A. The beginning of farming in the Eastern Baltic // The East European Plain on the Eve of Agriculture. Oxford: Oxbow Books, 2009. P. 159–179.

Lang V., Kriiska A. Eesti esiaja periodiseering ja kronoloogia // Estonian Journal of Archaeology. 2001. V. 5. № 2. L. 83–109.

Lubbock J. Pre-historic Times: as illustrated by ancient remains. Hertford, 1865. 512 p.

Meinander C.F. De subneolitiska kulturgrupperna i norra Europa // Societas Scientiarum Fennica Vuosikirja Årsbok. 39, № 4. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1961. S. 1–23.

Meinander C.F. Kivikautemme väestöhistoria // Suomen väestön esihistorialliset juuret: Tvärminnen symposiumi (17.–19.1.1980). Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1984. S. 21–48.

Nordqvist K., Herva V.-P. Copper use, cultural change and Neolithization in north-eastern Europe (c. 5500–1800 BC) // European Journal of Archaeology. 2013. V. 16. Iss. 3. P. 401–432.

Nordqvist K., Kriiska A. Towards Neolithization: the Mesolithic–Neolithic transition in the central of the eastern part of the Baltic Sea // The Dąbki Site in Pomerania and the Neolithization of the North European Lowlands (c. 5000–3000 calBC). Rahden: Leidorf, 2015. P. 537–556.

Núñez M. On Subneolithic pottery and its adoption in Late Mesolithic Finland // Fennoscandia Archaeologica. 1990. V. VII. P. 27–52.

Pluciennik M. Hunter-gatherers to farmers // Prehistoric Europe: theory and practice. Chichester: Wiley-Blackwell, 2008. P. 16–34.

Renfrew C. Archaeology and Language: the puzzle of Indo-European origins. L.: Cape, 1987. 346 p.

Tallgren A.M. Esihistorialliset aikakaudet // Maailmanhistoria. 1. Helsinki: Tietosanakirja-osakeyhtiö, 1914. S. 47–96.

Tallgren A.M. Zur Archäologie Eestis I. Dorpat: Universität Dorpat, 1922. 139 S.

Thomas J. Rethinking the Neolithic. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 212 p.

Thomas J. The cultural context of the first use of domesticates in continental central and northwest Europe // The Origins and Spread of Agriculture and Pastoralism in Eurasia. L.: London University College Press, 1996. P. 310–322.

Thomas J. What do we mean by Neolithic societies? // The Oxford Handbook of Neolithic Europe. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 1073–1092.

Zvelebil M. Farmers our ancestors and the identity of Europe // Cultural Identity and Archaeology. L.: Routledge, 1996. P. 145–166.

THE NEOLITHIC OF NORTH-EASTERN EUROPE IN THE BALTIC PERSPECTIVE

Kerkko Nordqvist [1,2,*], Aivar Kriiska[3,]**

[1]*University of Oulu, Finland*
[2]*University of Helsinki, Finland*
[3]*University of Tartu, Estonia*
[*]*E-mail: kerkko.nordqvist@gmail. com*
[**]*E-mail: aivar.kriiska@ut.ee*

The definition of the concept "Neolithic Age" is complicated by the existing vast historiography with multiple varying characteristics and descriptions. The discrepancy caused by the incompatibility of the West European Neolithic defined by the producing economy and identification of the Neolithic of Eastern Europe based on the presence of pottery is well traced in the Northeast of Europe, the territory in the focus of this article. The paper starts with introducing the history of this term in Finland, Estonia and in the North-West of Russia. This is followed by discussion of some aspects of the Neolithic that were largely neglected earlier: the mutual and active nature of material culture and the development of social and symbolic networks. The ultimate aim is to present the results of the authors' analysis of the concept "Neolithic" at the present stage. The conclusion is made that the Neolithic can be considered only as a kind of "metaconcept" – a heuristic term that gives only a very approximate reference of the time period and (cultural) context, the actual time frame and content for which should be determined separately for each case. Besides, the paper emphasizes that in addition to the long-standing technical, economic and environmental determinism, socio-cultural and cognitive aspects are of key importance for characterizing the entire spectrum and the variability of the Neolithic transformations.

Keywords: Neolithic, North-Eastern Europe, history of research, ontology, social and symbolic networks.

REFERENCES

Ailio J., 1909. Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland, I–II. Helsingfors: Finnische Altertumsgesellschaft. 394 p.

Ammerman A.J., Cavalli-Sforza L.L., 1971. Measuring the rate of spread of early farming in Europe. *Man*, vol. 6, no. 4, pp. 674–688.

Aspelin J.R., 1885. Suomen asukkaat pakanuuden aikana. Helsinki: K.E. Holm. 97 p.

Barker G., 2006. The Agricultural Revolution in Prehistory: why foragers become farmers? Oxford: Oxford University Press. 598 p.

Bird-David N., 1999. "Animism" revisited: on personhood, environment and relational epistemology. *Current Anthropology*, vol. 40, no. S1, pp. 67–91.

Boivin N., 2004. Mind over matter? Collapsing the mind-matter dichotomy in material culture studies. *Rethinking Materiality: the engagement of mind with the material world*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, pp. 63–71.

Brück J., 1999. Ritual and rationality: some problems of interpretation in European archaeology. *European Journal of Archaeology*, vol. 2, iss. 3, pp. 313–344.

Bryusov A. Ya., 1940. Istoriya drevney Karelii [The history of ancient Karelia]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey. 320 p. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 9).

Bryusov A. Ya., 1952. Ocherki po istorii plemen Evropeyskoy chasti SSSR v neoliticheskuyu epokhu [Studies on the history of the tribes in the Soviet Union's European part during the Neolithic]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 259 p.

Childe V.G., 1925. The Dawn of European Civilization. L.: Kegan Paul. 328 p.

Childe V.G., 1936. Man Makes Himself. L.: Watts & co. 275 p.

Finlayson B., 2009. The 'complex hunter-gatherer' and the transition to farming. *From Bran Flakes to Bushmills: papers in honour of Professor Peter Woodman*. Oxford: Oxbow Books, pp. 175–188.

Foss M.E., 1952. Drevneyshaya istoriya severa evropeyskoy chasti SSSR [The earliest history of the North of European part of the Soviet Union]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 278 p.

Gaydarska B., Chapman J., 2008. The aesthetics of colour and brilliance – or why were prehistoric persons interested in rocks, minerals, clays and pigments. *Geoarchaeology and Archaeomineralogy: proceedings of the international conference*. Sofia: St. Ivan Rilski, pp. 63–66.

Gheorghiu D., 2008. The emergence of pottery. *Prehistoric Europe: theory and practice.* Chichester: Wiley-Blackwell, pp. 164–192.

Gibson J.J., 1986. The Ecological Approach to Visual Perception. Hillsdale: Lawrence Erlbaum. 332 p.

Glück E., 1906. Über neolithische Funde in der Pärnu und die Urbewohner der Pernau-Gegend. *Sitzungs-Berichte der Pernauer Alterthumforschenden Gesellschaft*, IV (1903–1905). Pernau: L.W. Laakmann, pp. 259–318.

Gorodtsov V.A., 1923. Arkheologiya [Archaeology], I. Kamennyy period [The Stone Age]. Moscow, Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 404 p.

Grewingk C., 1871. Zur Kenntniss der in Liv-, Est-, Kurland und einigen nachbargegenden aufgefundenen Steinwerkzeuge heidnischer Vorzeit. Dorpat. 57 p. (Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, VII, 1).

Gurina N.N., 1967. Iz istorii drevnikh plemen zapadnykh oblastey SSSR (po materialam narvskoy ekspeditsii) [From the history of the ancient tribes of the Soviet Union's Western regions (based on the materials of Narva expedition)]. Leningrad: Nauka. 205 p. (MIA, 144).

Gurina N.N., 1973. Some general issues of studying the Neolithic of the forest and forest-steppe zone of the Soviet Union's European part. *Etnokul'turnye obshchnosti lesnoy i lesostepnoy zony Evropeyskoy chasti SSSR v epokhu neolita [Ethnic cultural unities of the forest and forest-steppe zone of the Soviet Union's European part during the Neolithic Age]*. Leningrad: Nauka, pp. 7–21. (MIA, 172). (In Russ.)

Herva V.-P., Mökkönen T., Nordqvist K., 2017. A northern Neolithic? Clay work, cultivation and cultural transformations in the boreal zone of north-eastern Europe, c. 5300–3000 BC. *Oxford Journal of Archaeology*, vol. 36, iss. 1.

Herva V.-P., Nordqvist K., Ikäheimo J., Lahelma A., 2014. Cultivation of perception and the emergence of the Neolithic world. *Norwegian Archaeological Review*, vol. 47, iss. 2, pp. 141–160.

Hodder I., 1990. The Domestication of Europe: structure and contingency in Neolithic societies. Oxford: Blackwell. 331 p.

Indreko R., 1932. Kiviaja kronoloogia küsimusi. *Ajalooline ajakiri*, 4, pp. 177–190.

Ingold T., 2000. The Perception of the Environment: essays in livelihood, dwelling and skill. London: Routledge. 465 p.

Inostrantsev A.A., 1882. Doistoricheskiy chelovek kamennogo veka poberezh'ya Ladozhskogo ozera [Prehistoric Stone Age human of the Ladoga Lake coastal area]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. 241 p.

Jordan P., Zvelebil M., 2011. Ex oriente lux: the prehistory of hunter-gatherer ceramic dispersals. *Ceramics before Farming: the dispersal of pottery among prehistoric Eurasian hunter-gatherers*. Walnut Creek: Left Coast press, pp. 33–89.

Jung J., 1889. Muinasaja teadus Eestlaste malt, I. Üleüldine muinasaja kirjeldus. Jurjev. 284 p.

Kleyn L.S., 2014. Archaeological periodization in the new millennium. *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik [Russian Archaeological Annals]*, 4. St. Petersburg: Universitetskiy izdatel'skiy konsortsium, pp. 57–60. (In Russ.)

Kossina G., 1911. Die Herkunft der Germanen: zur Methode der Siedlungsarchäologie. Würzburg: Curt Kabitzsch. 30 p.

Kriiska A., 2009. The beginning of farming in the Eastern Baltic. *The East European Plain on the Eve of Agriculture*. Oxford: Oxbow Books, pp. 159–179.

Lang V., Kriiska A., 2001. Eesti esiaja periodiseering ja kronoloogia. *Estonian Journal of Archaeology*, vol. 5, no. 2, pp. 83–109.

Lubbock J., 1865. Pre-historic Times: as illustrated by ancient remains. Hertford. 512 p.

Meinander C.F., 1961. De subneolitiska kulturgrupperna i norra Europa. *Societas Scientiarum Fennica Vuosikirja Årsbok*, vol. 39, no. 4. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, pp. 1–23.

Meinander C.F., 1984. Kivikautemme väestöhistoria. *Suomen väestön esihistorialliset juuret: Tvärminnen symposiumi (1980)*. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, pp. 21–48.

Nordqvist K., Herva V.-P., 2013. Copper use, cultural change and Neolithization in north-eastern Europe (c. 5500–1800 BC). *European Journal of Archaeology*, vol. 16, iss. 3, pp. 401–432.

Nordqvist K., Kriiska A., 2015. Towards Neolithization: the Mesolithic–Neolithic transition in the central of the eastern part of the Baltic Sea. *The Dąbki Site in Pomerania and the Neolithization of the North European Lowlands (c. 5000–3000 calBC)*. Rahden: Leidorf, pp. 537–556.

Núñez M., 1990. On Subneolithic pottery and its adoption in Late Mesolithic Finland. *Fennoscandia Archaeologica*, VII, pp. 27–52.

Oshibkina S.V., 1996. Concept of the Neolithic. *Neolit Severnoy Evrazii [The Neolithic of Northern Eurasia]*. Moscow: Nauka, pp. 6–9. (Arkheologiya). (In Russ.)

Oshibkina S.V., 2006. On the Early Neolithic in forest zone. *Tverskoy arkheologicheskiy sbornik [Tver Archaeological Collection of Papers]*, iss. 6, vol. 1. Tver': Tverskoy gosudarstvennyy muzey-zapovednik, pp. 248–253. (In Russ.)

Pluciennik M., 2008. Hunter-gatherers to farmers. *Prehistoric Europe: theory and practice*. Chichester: Wiley-Blackwell, pp. 16–34.

Renfrew C., 1987. Archaeology and Language: the puzzle of Indo-European origins. London: Cape. 346 p.

Tallgren A.M., 1914. Esihistorialliset aikakaudet. *Maailmanhistoria*, 1. Helsinki: Tietosanakirja-osakeyhtiö, pp. 47–96.

Tallgren A.M., 1922. Zur Archäologie Eestis I. Dorpat: Universität Dorpat. 139 p.

Thomas J., 1991. Rethinking the Neolithic. Cambridge: Cambridge University Press. 212 p.

Thomas J., 1996. The cultural context of the first use of domesticates in continental central and northwest Europe. *The Origins and Spread of Agriculture and Pastoralism in Eurasia*. L.: L. University College Press, pp. 310–322.

Thomas J., 2016. What do we mean by Neolithic societies? *The Oxford Handbook of Neolithic Europe*. Oxford: Oxford University Press, pp. 1073–1092.

Yanits L. Yu., 1959. Poseleniya epokhi neolita i rannego metalla v priust'e r. Emayygi (Estonskaya SSR) *[The Neolithic – Early Metal Settlements in the Estuary of the Emajõgi, river (Estonian SSR)]*. Tallinn: Institut istorii AN ESSR. 382 p.

Zvelebil M., 1996. Farmers our ancestors and the identity of Europe. *Cultural Identity and Archaeology*. L.: Routledge, pp. 145–166.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2018, № 2, с. 175–181

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Молодин В.И., Гришин А.Е. ПАМЯТНИК СОПКА-2 НА РЕКЕ ОМИ. Т. 4: КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ КРОТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ. НОВОСИБИРСК: ИЗД-ВО ИАЭТ СО РАН, 2016. 451 с.

Монография В.И. Молодина и А.Е. Гришина “Памятник Сопка-2 на реке Оми”, том 4 продолжает серию изданий материалов этого могильника, расположенного в долине между р. Омь и Тартас в Венгеровском р-не Новосибирской обл. Имя “Сопка” указывает на особенность местонахождения некрополя на возвышенности. Памятник исследовался В.И. Молодиным в течение 13 лет конца прошлого столетия. С 2001 г. материалы могильника систематически вводятся в научный оборот в авторском исполнении или в соавторстве В.И. Молодина с коллегами. Том 1 содержит информацию по эпохам неолита – раннего металла (усть-тартасская археологическая культура) (Молодин, 2001). Том 2 охватывает древнетюркское время (Молодин, Соловьев, 2004). Том 3 представляет погребальные комплексы одиновской культуры западносибирских лесостепей времени ранней и развитой бронзы (Молодин, 2012). Том 4 посвящен кротовской культуре, выделенной В.И. Молодиным в 70-х годах прошлого века. В рецензируемой монографии связанная с ней часть могильника получила название Сопка-2/4Б, В.

Кротовская культура –активно обсуждаемое явление бронзового века Сибири. Она представляет собой феномен археологии, изучаемый комплексно по поселенческим материалам и погребальным памятникам. Ее захоронения включают разнообразный инвентарь: военно-охотничье снаряжение, предметы быта, труда, литейного дела и керамику. Памятники кротовской культуры локализуются в Верхнем Приобье и лесостепном Обь-Иртышском междуречье.

В настоящей рецензии на книгу В.И. Молодина и А.Е. Гришина мы прежде всего информируем читателя об этом новом археологическом источнике и о комплексных методах его интерпретации при вводе результатов раскопок в научный оборот. Авторы монографии, конечно, поднимают ряд дискуссионных вопросов в тексте своего исследования. Мы отражаем часть из них, но для нас главным является именно источниковедческая и информативная сторона рассматриваемой публикации. Полагаю, что она важна не только для специалистов по бронзовому веку Сибири, но и для коллег, занимающихся сходными проблемами изучения культурных явлений на основе крупномасштабных полевых изысканий.

Глава 1 посвящена характеристике погребальных комплексов кротовской культуры. Всего в нее включено 250 захоронений, представленных в виде каталога. В монографии имеется полный план могильника Сопка-2 с погребениями разного времени: начиная с неолита, ранней бронзы, одиновской и кротовской культур, средневековья, а также иных эпох. Они расположены сплошным массивом в северо-западной части могильного поля вдоль края террасы. Их фиксация вначале шла по скоплениям могил, которые гипотетически могли бы быть связаны с курганами. Но в ходе раскопок “курганная версия” не подтвердилась.

В тексте монографии сделана сплошная нумерация комплексов с сохранением более ранней нумерации периода полевых работ. Захоронения кротовской культуры представляют собой грунтовые могилы, которые придерживаются ориентировки по линии СЗ–ЮВ с некоторыми отклонениями. Не исключено, что на ориентировку могил могло повлиять стремление древних людей располагать захоронение сородича по линии, перпендикулярной обрыву террасы и ориентировка на восход солнца.

Описание каждого из захоронений в публикации включает текст, чертеж, фотографию и рисунки находок. Погребальные сооружения кротовской культуры представлены узкими ямами с закругленными углами. Размеры ямы достаточны, чтобы положить в нее труп человека в положении вытянуто на спине. Иногда яма может быть сильно вытянута и в ней появляется свободное место за областью головы и стоп покойного. Глубина ям небольшая, от 40–50 до 124 см от поверхности земли. Дно могил ровное, стенки вертикальные.

Основная поза погребенных людей кротовской культуры – на спине вытянуто, руки протянуты вдоль туловища. Редко встречается положение рук в позе адорации, когда кисти согнутых в локтях рук находятся у плеч. Отмечены в небольшом количестве захоронения в позе на спине скорченно. Доминируют одиночные захоронения, но есть погребения парные (мужчины и женщины), а также погребения взрослых с детьми и собственно детские захоронения. В коллективных могилах погребения могли располагаться ярусами, одно над другим. Сохранность костяков различная, много потревоженных захоронений. Часто

можно наблюдать разрушение именно в области черепа и грудной клетки. Область ног остается непотревоженной. Иногда в погребениях встречается красная минеральная краска, но она не окрашивает костяки.

Достоинством исследования является практически сплошное антропологическое обследование материалов, а также палеогенетическое изучение значительной выборки антропологических образцов различных культур эпохи бронзы данного памятника (Молодин и др., 2013).

Глава 2 рассматривает инвентарь кротовских захоронений. Комплексы кротовской культуры могильника Сопка-2/4Б, В позволили создать коллекцию из 836 предметов. Это самый масштабный набор инвентаря для Западной Сибири до периода доандроновского времени, как отмечают авторы монографии. В захоронениях также встречены кости животных, рыб и птиц.

Керамические сосуды. Всего в погребениях кротовской культуры могильника Сопка-2/4Б, В найден 31 сосуд, что составляет 12.4% от учтенной серии. Это значительно меньше, чем в погребениях андроновской (федоровской) культуры, но больше, чем в серии одиновских и усть-тартасских захоронений (Молодин, Гришин, 2016. С. 213), в которых керамика – большая редкость (около 3% выборки). Сосуды могли ставить в заполнение ямы, на ее дно и рядом с могилой вблизи от северо-восточной стенки ямы. Последняя черта довольно своеобразна и может быть культурно-диагностической (С. 214). Характерной деталью погребальной традиции является умышленная порча сосуда, например, пробивание дна, постановка верх дном. Состав формовочной массы сосудов исследовался при помощи петрографического анализа Н.Н. Добрецовым. Среди минеральных примесей отмечены кусочки глины, обломки посуды (шамота), мелкий песок. В целом авторы приходят к выводу, что керамика кротовской культуры по своим технологическим показателям находится в рамках традиций изготовления посуды лесостепной зоны. Так, ей свойственны расчесы, на которые потом мог наноситься орнамент. Все сосуды в могильнике плоскодонные. Доминируют небольшие по размеру баночные формы. Они меньше по объему, чем поселенческая посуда кротовских памятников. Такое важное наблюдение авторов монографии приводит к выводу, что для похорон сородича отбиралась специальная посуда из всего бытового комплекса или ее изготовляли для этих целей, чем и можно объяснить имеющее место своеобразие.

Далее характеризуется разнообразная технология формования полого тела сосудов кротовской культуры, отраженная в 6 программах (Молодин, Ламина 1989. С. 108–112). Например, имела место формовка полого тела горшка с использованием ленточного налепа, выдавливание дна из одного комка глины и другие.

Посуда кротовской культуры близка по формам керамике елунинской культуры в верхнем Приобье, особенно на памятнике Телеутский Взвоз I, пишут авторы монографии. Последнее наблюдение позволяет им предполагать сосуществование этих культур. Более того, в настоящее время можно считать очевидным, что на территории Западной Сибири, в ее лесостепной полосе в период “доандроновской бронзы” сосуществовала целая свита культур. К ним относятся уже хорошо известные культуры эпохи бронзы: окуневская, самусьская, крохалевская, одиновская. Однако вопрос о таком сосуществовании еще окончательно не решен для таких образований, как ташковская, степановская, логиновская культуры, которые исследованы недостаточно полно, хотя отдельные аналогии кротовской керамике отмечаются в Приишимье и Притоболье, в ташковской культуре (Молодин, Гришин, 2016. С. 212–232).

Предметы быта и личного туалета представлены в комплексах игольниками из кости, которые для кротовской культуры рассматриваются как исключение в погребальном обряде (С. 234). Сами иглы найдены всего в трех экземплярах. Две из них бронзовые, одна костяная. Более широко представлены проколки из кости лося. Их длина варьирует от 14 до 19 см. Очень интересна категория костяных гребней. Они найдены в четырех случаях, и все в могилах женщин. Таким образом, можно сказать, что гребень являлся предметом женского туалета (С. 237, 238), а может быть, связан с особой женской магией.

Изделия из камня включают ножевидные пластины, скребки, скребло, отбойник, отщепы, абразивы, терочники. Очевидно, что носители культуры не утратили приемы обработки каменной индустрии.

Изделия из бронзы представлены находками двух ножей из погр. № 381 и 310. Один из них небольшой, длиной 10 см, обоюдоострый с невыделенным черенком, другой – однолезвийный, длиной 18 см. Медные шилья найдены в количестве 9 экз. В трех случаях выявлены медные пластинки, заточенные с двух сторон. Они получили название бритв (С. 245).

Интересны находки в погребениях предметов литейного производства, таких как тигли и льячки. Тигли в виде чаш со сливом в количестве 4 экз. зафиксированы в захоронении литейщика (погр. № 282). Подобные предметы известны из поселений кротовской культуры, на памятнике Самусь IV и в памятниках логиновского типа (С. 247). Все это позволяет считать, что литье изделий осуществлялось кротовцами на поселениях самостоятельно. Тигли различаются по объему, что дает основание предполагать их предназначение для литья разных по своей массе изделий. Из захоронения литейщика № 282 также известен обломок глиняной воронки или сопла.

Литейные формы в погребениях кротовской культуры зафиксированы в девяти экземплярах. Они сосредоточены в погр. литейщика № 232. Одна литейная форма двустворчатая. В ней отливался безушковый кельт с орнаментом. Орнамент состоит из линии трех заштрихованных треугольников и спускающейся от

центрального треугольника вниз цепочки из заштрихованных ромба и треугольника. Несколько обломков литейных форм обнаружено также в погр. № 282 и 594. Они позволяют предполагать, что являются частью литейных форм кельтов с похожей орнаментацией. Одна створка литейной формы является частью матрицы, в которой отливали кельт, шило и пластину. При этом было отмечено, что вначале форма использовалась для отливки кельта. Потом, когда она пришла в негодность, ее обрезали и вырезали пазы для отливки шила и пластины.

Еще одна форма предназначалась для отливки стержней и втулки вильчатой формы, напоминающей втулки сейминско-турбинских копий (С. 249).

В погр. № 427 была найдена и сама форма для отливки втульчатого копья сейминско-турбинского типа. Втулку этого изделия должна была украшать горизонтальная полоска – пояс из вертикальных коротких линий. Авторы монографии считают такой способ декора оружия оригинальным по сравнению с копьями Сеймы и Турбина (С. 250, 251).

В комплекс литейщика из погр. № 282 входят 4 костяных лопатки для изготовления глиняных форм. (С. 251).

Предметы вооружения занимают особый раздел в монографии (С. 252–284). В.И. Молодин и А.Е. Гришин подчеркивают, что “изучение оружия, представленного в археологических комплексах, имеет исключительно важное значение не только для разработки сугубо оружиеведческой проблематики, но и для оценки уровня развития самого социума, поскольку передовые технологии во все времена использовались человеком прежде всего для производства оружия” (С. 252). Набор оружия в кротовских погребениях превышает количество таких изделий в более ранних одиновских захоронениях. Систематизация оружия представлена по разделам: оружие дальнего боя – лук, стрелы и оружие ближнего боя – булава, кинжалы, наконечники копий, дротиков, кельты.

Лук и стрелы. Луки в погребениях кротовской культуры представлены накладками (15 экз.). Это оружие войны и охоты было по конструкции сложным и составным. О мощности лука свидетельствуют тяжелые наконечники стрел, а о сложности – фронтальные и концевые накладки. Накладки увеличивали мощность оружия, дальность выстрела и пробивную силу стрелы. Авторы отмечают, что сложный лук был на вооружении племен еще серовской культуры эпохи неолита в Приангарье. Сложные луки были у племен самусьской, елунинской, андроновской (федоровской) культур.

Все комплексы кротовской культуры, в которых были найдены накладки на лук, содержали также наконечники стрел. В погр. № 160 и 420 были отмечены колчанные наборы. В погр. № 160 сохранились остатки самого колчана.

Всего в погребениях кротовской культуры могильника Сопка-2/4Б, В было зафиксировано более 238 наконечников стрел: 37 каменных, 199 костяных и 2 бронзовых. Каменные наконечники стрел зафиксированы в 14 погребениях. В погр. № 594 было помещено 6 наконечников стрел, а в погр. № 623 – 12. Наконечники тщательно обработаны струйчатой ретушью с двух сторон. Как правило, наконечники изготовлялись на отщепах из кремня яшмовидных пород и мелкозернистого кварца. Формы изделий в основном линзовидные. Представлены наконечники с прямым, подостренным и редко – с вогнутым основанием. Длина наконечников разная, колебания представлены в диапазоне от ок. 3 до ок. 5–7 см. При анализе материалов авторы приходят к интересному выводу о том, что для эпохи ранней бронзы Сибири (усть-тартасская культура, гребенчато-ямочные комплексы) отмечаются более миниатюрные наконечники стрел, по сравнению с наконечниками стрел кротовской культуры. Это явно свидетельствует о тенденции к увеличению мощности лука в эпоху кротовской культуры. (С. 258), а также, как нам кажется, связано с распространением защитного доспеха из кости, который должен был пробиваться тяжелой стрелой.

Наконечники из кости и рога представлены в кротовских погребениях в количестве 199 экз. Они присутствуют в 29 погребальных комплексах, что составляет 11.6% от всех учтенных захоронений. В 11 случаях в погребениях представлен один наконечник, по два наконечника найдены в восьми случаях, по три – в одном случае, по четыре – в трех случаях. В погр. № 160 костяные наконечники исчисляются десятками (С. 258).

Каменные и костяные наконечники стрел были в основном связаны с мужскими захоронениями, но они есть в трех женских погребениях и двух женских погребениях с ребенком. Такое распределение материала позволяет автором придти к заключению, что луком у кротовских племен владели как мужчины, так и женщины. (С. 258). В одном случае, в погр. № 164 наконечник стрелы сопровождал захоронение ребенка (С. 259). В погр. № 33 кремневый наконечник с выемчатым основанием был найден среди ребер скелета (С. 34). В таком случае возможна постановка вопроса, не был ли он причиной смерти “кротовского” мужчины?

По форме костяные наконечники стрел делятся на втульчатые и черешковые. Втульчатые наконечники редки, представлены всего двумя экз. в погр. № 491. Они напоминают наконечники, имеющие этнологическую аналогию в типе *томар,* предназначенного для охоты на пушных зверей и птиц. Чаще встречаются черешковые наконечники стрел. Всего их учтено около 200. В их число входят наконечники иволистной, ланцетовидной и пламеневидной формы с различными конструкциями черенка. Размеры наконечников колеблются, примерно от 4 с лишним до 9 с лишним или 14 с лишним см. Грозным оружием были наконечники с боковым шипом. Они названы одножальными,

асимметричными. Этнографические аналогии таким наконечникам известны из Северной Америки, где аборигенное население использовало их для ловли рыбы (С. 264). Человеку стрела с таким наконечником могла наносить тяжелую рану, так как выдернуть ее из тела было практически невозможно.

В двух погр. (№ 65 и 465) было найдено всего 11 игловидных наконечников стрел, причем 10 зафиксировано в погр. № 65. Важно отметить, что это укороченный пулевидный подтип наконечников. Оба захоронения принадлежат женщинам. Такое наблюдение авторов монографии очень важно, так как отражает специфику женского лука и стрел. Другой подтип игловидных наконечников, более крупных, уже жесткой привязки к женским захоронениям не имеет. В непотревоженных наборах наконечники стрел присутствуют в количестве от 8 до 46 (С. 269). В каждом колчане имел место один или два типа наконечников. Такая картина может отражать специализацию охоты с луком и стрелами.

Бронзовые наконечники стрел найдены в двух случаях: погр. № 62 и 160. Они были зафиксированы в наборах с другими наконечниками стрел, но, к сожалению, формы их не сохранились. Однако важен сам факт появления таких наконечников (С. 271). В погр. № 160 отмечены фрагменты берестяного колчана (С. 271).

Оружие ближнего боя представлено в погр. № 230 мраморной булавой грушевидной формы. Авторы отмечают, что булавы появляются на Севере Евразии уже у племен одиновской культуры в III тыс. до н.э. Известны они и в могилах окуневской культуры, а также в комплексах сейминско-турбинского времени (С. 272).

К предметам военного снаряжения ударного ручного действия можно отнести бронзовые кельты. Один их них найден в могиле литейщика № 282. Он является кельтом сейминско-турбинского типа. В этой же могиле найдена литейная форма для заготовления такого же кельта, как отмечалось выше. Ареал подобных кельтов широк, но более всего он тяготеет к Прииртышью, пишут авторы (С. 273).

Клинковое оружие связано с находками трех бронзовых кинжалов в погр. № 420, 425, 443. Ценность находок подобного оружия на могильнике Сопка-2/4Б, В обусловлена тем, что именно здесь они связаны с закрытыми комплексами и имеют калиброванные даты (С. 275). Интересно отметить, что в могилах в двух случаях они зафиксированы под костяками в области спины. В погр. № 425 кинжал был найден в могиле ребенка (С. 275). Связь с военной сферой оружия в детских захоронениях отражена также в погр. № 583 одиновской культуры. Здесь в могиле ребенка 6–7 лет была обнаружена пластинка от панциря. Как объяснить такие случаи находок оружия в детских захоронениях? Авторы монографии приводят пример из этнографии хантов и манси. По верованиям этих народов умершие люди могли передавать сородичам в загробный мир необходимые для предков вещи (С. 276). Но, может быть, такие находки отражают некий сакральный смысл детского захоронения с предметами военной деятельности, вплоть до передачи статуса взрослого человека своему ребенку.

Ареал типов рассматриваемых кинжалов огромен. Он охватывает Барабинскую лесостепь, доходит до Иссык-Куля на западе и до Верхнего Приобья на востоке, Сынцзяна на юге. Авторы полагают, что территория, занимаемая племенами кротовской культуры, могла была своего рода очагом производства подобных изделий. Литейщики кротовских племен могли опираться на рудную базу Алтая, охватывающую западные предгорья Алтайской горной системы, включая верховья Иртыша. В.И. Молодин и А.Е. Гришин разделяют точку зрения многих авторов о том, что богатые залежи меди и олова способствовали формированию Алтайского горнорудного центра, а металл Рудного Алтая мог стать основой для производства характерных сейминско-турбинских бронз (С. 279).

Помимо бронзовых кинжалов в погр. № 157 и 162 могильника Сопка-2/4Б, В были зафиксированы кинжалы из кости в виде стержня с заостренным окончанием.

В погр. № 473 найден бронзовый наконечник дротика длиной 14.1 см. Он имеет лавролистное перо и стержень для насада. Отливка по литейной форме из погр. № 427 демонстрирует наконечник копья с вильчатой втулкой сейминско-турбинского типа длиной 28.2 см. Надо полагать, что после отливки наконечник затачивался. Погр. № 473 имеет радиоуглеродную дату, полученную в Университете в Белфасте, дающую диапазон 2340–2060 BC, то есть XXIV–XXI вв. до н.э.

Украшения погребального костюма представлены подвесками из зубов и костей животных. Это клыки и когти медведя, зубы лося, лисицы, клык кабана, резцы лошади, бобра, косули, соболя, зуб крупной собаки. В качестве подвесок встречены кости зайца и челюсти животных. Перечисленные выше украшения могли играть роль амулетов и иных предметов магии. Часть из них нашивалась на одежду.

В погр. № 310 кротовской культуры были найдены накладки из бронзовых пластинок, которые составляли часть нагрудного убора в виде ожерелья с крупной костяной прорезной бляхой в центре. Бронзовые обоймы могли украшать полы одежды.

В шести погребениях зафиксированы бусы. Об ожерелье можно ставить вопрос только для одного захоронения (С. 213). В основном бусы были найдены в погребениях женщин (5 случаев из 6). Одна бусина из мрамора обнаружена в мужском погр. № 83. Бусы изготовлялись из камня белого или серого цвета. По данным геологов, исходный материал для бус происходит из Казахстана или Средней Азии (С. 91).

Серебряные кольца найдены в погр. № 366 (5 шт.), 266 (1 шт.), кольца из золота – в погр. № 219 (2 шт.), 266 (1 шт.), 411 (1 шт.). Кольца из серебра, золота

и бронзы, как отмечают авторы, в Сибири известны еще из погребений афанасьевской культуры, погребениях памятника Карасук III (С. 292).

В пяти захоронениях кротовской культуры найдены бронзовые височные кольца. Височные кольца встречаются парами. Они имеют один оборот, иногда подостренные концы. В трех случаях височные кольца найдены в погребениях женщин. В погр. № 381 височные подвески найдены в погребении мужчины (С. 294).

В трех кротовских захоронениях зафиксированы створки речных раковин, связанных с бассейном р. Иртыш (С. 295). Раковины могли украшать некие предметы, например, сумку из погр. № 295.

К ритуальным предметам погребений могильника Сопка-2/4Б, В относятся останки соболя. Вероятно, этот знаменитый пушной зверек особо почитался кротовскими племенами.

В погр. № 377 найден утюжок – выпрямитель древков стрел. В погр. № 65 и 160 отмечены каменные луновидные подвески, служившие украшением головного убора. В погр. № 65 и 377 зафиксированы каменные диски с отверстием в центре. Диски сделаны из светло-серого песчаника. Аналогии им известны как нефритовые диски глазковской культуры Ангары. Они использовались для украшения головного убора и костюма.

На могильнике кротовской культуры Сопка-2/4Б, В обнаружено около 60 астрагалов овцы. Их находят в погребениях женщин и мужчин. Но в погребениях женщин и детей астрагалы более частое явление. В быту астрагалы могли использоваться для игр или как магические предметы.

В погр. № 366 найден сосудик из черепа животного, насыщенный охрой (С. 303). В погр. № 498 зафиксирована вырезанная из рога головка птицы – глухаря, скорее всего, являющаяся магическим предметом (С. 303).

В Главе 3 рассматривается погребальный обряд. В ней авторы ставят цель сопоставить материалы одиновской и кротовской культур, чтобы проследить динамику культурного развития местного населения. Два массива захоронений – одиновской и кротовской культур – различаются признаками погребального обряда и керамикой. Для одиновских захоронений типичной является поза “полусидя-полулежа”, помещение в руку прокалывающего инструмента. Кротовские захоронения связаны с вытянутой позой погребенного человека. Лишь небольшая серия захоронений включает останки скорченных на спине людей.

Авторы монографии предполагают следующую модель развития некрополя Сопка-2/4Б, В. Племена кротовской культуры систематически приходили на место традиционного кладбища и хоронили своих сородичей, укладывая их в могилы рядами. В ряду могли разместить до шести погребений. Ямы ориентировались по линии З–В. При сооружении нового ряда выкапывалась особая яма. После совершения цикла захоронений в цепочке над местом погребения сооружалась земляная насыпь, которую авторы монографии называют курганом (С. 319).

По половозрастным категориям статистика погребений выглядит так. Могилы детей составляют 19%, взрослых – 59, стариков – 7; мужчин – 28, женщин – 38 % (из серии, пригодной для антропологических определений, которая составляет 84 от всех раскопанных костяков). Следы частичной кремации отмечены в 3, следы рубки костяка – в 1% погребений. Вторичное захоронение зафиксировано в 17% могил.

Далее авторы работы подробно описывают статистику находок. Они отмечают, что 144 захоронения имеют инвентарь (45% выборки). В трех случаях обнаружены кости соболя, в трех случаях – кости рыбы и в одном случае – птицы. Охра найдена в 14, керамика – в 30 погребениях. Самыми частыми предметами в захоронениях являются наконечники стрел из кости (29 случаев) и камня (14 случаев). Важными находками являются остатки инструментов литейщика (льячки, литейные формы кельтов и копья сейминско-турбинских типов). Из оружия на медной основе есть два ножа и три кинжала, бронзовый наконечник дротика.

Наиболее устойчивые наборы комплексов таковы. Сосуды, поставленные у могилы, более тяготеют к захоронениям женщин. Наконечники стрел и накладки на лук более свойственны погребениям мужчин. Костяные проколки чаще встречаются в женских и детских погребениях. Комплексы украшений из подвесок – колечек из золота, серебра, меди, различные бусы – найдены в погребениях женщин и детей (С. 321).

Далее авторы рассматривают специфику погребений одиновской и кротовской культур в сравнении. Они отмечают, что одиновская культура – это более раннее явление, но на некоем отрезке времени обе культуры могли сосуществовать. Авторы книги также анализируют сходство и различие погребального обряда кротовской культуры с погребальным обрядом елунинской, самусьской, окуневской, каракольской культур. В целом они приходят к выводу об очевидной специфике кротовской погребальной традиции.

Глава 4 называется “Культурная принадлежность и проблемы хронологии”. Авторы монографии развернуто обосновывают выделение кротовской культуры и дают определение ее хронологических рамок. По времени памятники кротовской культуры следуют за памятники культуры с гребенчато-ямочной керамикой и предшествуют появлению памятников андроновской культуры. Нижнюю границу памятников кротовской культуры определяют ее слои на памятнике Венгерово-3, отделенные стерильной прослойкой от слоя поселения с гребенчато-ямочной керамикой эпохи раннего металла. Верхнюю границу рассматриваемой культуры определяет слой с кротовской керамикой на памятнике Преображенка III, который был перерезан впускными в него погребениями

андроновской культуры. На могильнике Тартас-1 погребения кротовской культуры перекрыли погребения одиновской культуры. Радиоуглеродный возраст кротовского захоронения на могильнике Тартас-1 определяется в диапазоне XXVII – XXIV вв. до н.э. (С. 353).

Всего для датировки кротовской культуры на могильнике Сопка-2/4Б, В сделано 28 радиоуглеродных дат. Их анализ помещен в особое приложение к книге. (Ж.В. Марченко. "Радиоуглеродная хронология могильника Сопка-2/4Б, В"). Опираясь на это исследование, авторы монографии отсеивают часть дат, явно выпадающих из серии в сторону сильного удревнения. Далее они совместно с Ж.В. Марченко приходят к заключению, что памятники кротовской культуры занимают всё III тыс. до н.э., но распадаются на две хронологические группы. Одна, ранняя, группа датируется в рамках первой пол. III тыс. до н.э., другая, более поздняя, – в пределах второй половины III тыс. до н.э. Важно отметить, что появление литых обоюдоострых кинжалов, бронзовых наконечников копий, кельтов соотносится именно с поздней серией захоронений. Она связана с пятью датами из трех погребений (№ 427, 282, 594). Четыре из этих дат укладываются в диапазон XXIII–XXI вв. до н.э., и лишь одна дата относится к XVIII в. до н.э. (С. 448, 449). Данная информация чрезвычайно интересна для изучения евразийского феномена сейминско-турбинских бронз и решения проблемы связей южносибирского населения с Синьцзяном, откуда, по мнению В.И. Молодина, были занесены идеи форм литых бронзовых обоюдоострых кинжалов (С. 367).

Авторы монографии активно ведут дискуссию о правомерности выделения кротовской культуры на фоне различных культур и типов памятников юга Сибири, таких как могильник Ростовка и елунинская культура. В обеих культурных образованиях найдены предметы сейминско-турбинских бронз, но погребальные обряды их не идентичны. Высокоинформативный могильник Ростовка давно рассматривается как памятник с оружием, близким к оружию кротовской культуры (Молодин, Шатов. 2000). В рецензируемой работе отмечено, что погребальная традиция кротовской культуры близка, но не идентична погребальной традиции могильника Ростовка. Такое суждение не меняет точки зрения В.И. Молодина на включение могильника Ростовка в список некрополей кротовской культуры (С. 356).

Погребальная традиция кротовской культуры, по мнению В.И. Молодина, отлична от елунинской, связанной с обрядами положения человека в могилу в позе скорчено на боку (С. 346, 347). Более того, носители кротовской и елунинской культур различались антропологическими особенностями (С. 358, 360). Мнение С.П. Грушина о существовании кротовско-елунинской общности считается авторами неправомерным (С. 359).

Текст монографии снабжен приложением с данными антропологического обследования костных останков из могильника Сопка-2/4Б, В и упомянутым выше приложением с заключением Ж.В. Марченко по датам радиоуглеродного анализа.

Заканчивая реферативное изложение рецензируемой монографии, считаю необходимым отметить, что данный том, посвященный изучению "материалов могильника Сопка-2/4Б, В в лесостепной зоне Западной Сибири" является важным и крупным исследованием в рамках Евразийской археологии медно-бронзового века, построенным согласно с самыми современными требованиями изучения больших массивов погребальных комплексов. Можно также отметить, что раскопки сплошной площадью обширного могильника с сотнями захоронений – явление редкое и крайне положительное с точки зрения фундаментальной науки. Рецензируемая монография включает полный каталог захоронений с хорошо проработанной текстовой и иллюстративной базой, максимально полное антропологическое определение костных останков, а также данные радиоуглеродного датирования 28 комплексов. Последнее обстоятельство заметно обогатило базу данных по радиоуглеродному датированию археологических памятников доандроновской эпохи Западной Сибири.

Более того, материалы кротовской культуры могильника Сопка-2/4Б, В способствуют дальнейшему развитию знаний о сейминско-турбинском феномене. Они указывают на ранний возраст появления в погребальном обряде носителей кротовской культуры кельтов, кинжалов и наконечников копий сейминско-турбинского типа в XXIII–XXI вв. до н.э. Далее мы сталкиваемся с находками сейминско-турбинских бронз на могильнике Сатыга-XVI, датируемыми XXII–XX вв. до н.э. (Беспрозванный и др., 2011. С. 119). На Алтае к этому времени близка дата Елунинского могильника – XX–XIX вв. до н.э., подтверждающая отмеченный выше тезис о частичной синхронности кротовских и елунинских памятников. Еще западнее, в Поволжье, в Усть-Ветлугинском могильнике находки сейминско-туринских бронз датируются в диапазоне XIX–XVII вв. до н.э. (Юнгнер, Карпелан. 2005. С. 112). Самая молодая и крайняя опорная точка на западе для установления даты сейминско-турбинских бронз – это Бородинский клад. Его возраст ранее определялся XVI в. до н.э. Сейчас Бородинский клад, в связи с удревнением Позднего Элладского I периода, может датироваться XVII–XVI вв. до н.э. в (Бочкарев, 2010. С. 159).

Такая цепочка хронологических вех, имеющая наибольшую древность в Западной Сибири, иллюстрирует их заметное омоложение по мере продвижения на запад. В ней можно видеть отражение процесса неспешного распространения феномена сейминско-турбинского оружия (вильчатых копий с литой втулкой, кельтов, обоюдоострых кинжалов) от Прииртышья на запад на многие сотни километров. Подобный процесс мог идти вследствие дарообменных операций с оружием (первобытной торговли) или быть результатом сопровождающих дарообмен миграций

носителей такого высоко эффективного для своего времени вооружения.

Авторы монографии справедливо отмечают, что с распространением радиоуглеродных калиброванных дат многие стадиальные явления в хронологии памятников Западной Сибири получают новые и более древние определения во времени. Такое удревнение касается в том числе самусьско-сейминского хронологического пласта, который ранее относился к XVI–XIII вв. до н.э. (Косарев, 1987. С. 264), а ныне его нижняя дата опускается до XXIII–XXI вв. до н.э.

Материалы крупного могильника Сопка-2/4Б, В имеют также большое значение для конкретизации ряда черт символизма погребальной практики, связанной с военным делом и кузнечным ремеслом древних сибиряков. Ранее В.И. Молодиным и А.Г. Шатовым была опубликована специальная статья на тему о военном деле носителей кротовской культуры (Молодин, Шатов, 2000). Сейчас, на основе данных могильника Сопка-2/4Б, В, можно поставить вопрос о том, что в кротовской культуре шел процесс акцентирования престижа лиц, не только связанных с охотой, но и литейщиков-оружейников как людей особо значимых в военной, общественной и культовой сферах.

Введенный в научный оборот большой массив новой фундаментальной информации о кротовской культуре по данным могильника Сопка-2/4Б, В обладает весьма значимым научным источниковедческим потенциалом. Он является хорошим фундаментом для дальнейших исследований в истории населения Западной Сибири доандроновской эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беспрозванный Е.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таёжной зоне Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. 183 с.

Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол, 2010. 231 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Сибири и Дальнего Востока // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Гл. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987 (Археология СССР). С. 247–427.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 1: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 127 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 3: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 220 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. 451с.

Молодин В.И., Ламина Е.В. Керамика могильника Сопка-2 // Керамика как исторический источник: сб. ст. / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1989. С. 103–118.

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А., Ромащенко А.Г., Журавлев А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013 (Интеграционные проекты; вып. 46). 220 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальные комплексов эпохи средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 184 с.

Молодин В.И., Шатов А.Г. К реконструкции военного дела носителей кротовской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VI. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 358–363.

Юнгнер Х., Карпелан К. О радиоуглеродных датах Усть-Ветлужского могильника // РА. 2005. № 4. С. 112.

REFERENCES

Besprozvannyy E.M., Korochkova O.N., Stefanov V.I., 2011. Satyga XVI: seyminsko-turbinskiy mogil'nik v taezhnoy zone Zapadnoy Sibiri [Satyga XVI: Seima-Turbino burial ground in West Siberian taiga zone]. Ekaterinburg: Ural'skiy rabochiy. 183 p.

Bochkarev V.S., 2010. Kul'turogenez i drevnee metalloproizvodstvo Vostochnoy Evropy [Cultural genesis and ancient metallurgy of Eastern Europe]. St. Petersburg: Info Ol. 231 p.

Kosarev M.F., 1987. The Bronze Age of Siberia and Far East. *Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR [The Bronze Age of the USSR Forest Belt]*. B.A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka, pp. 247–427. (Arkheologiya SSSR). (In Russ.)

Molodin V.I., Grishin A.E., 2016. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi [Sopka-2 site on the Om River], 4. Kul'turno-khronologicheskiy analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoy kul'tury [Cultural and chronological analysis of the Krotovo culture burial complexes]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN. 451s.

Molodin V.I., Lamina E.V., 1989. The ceramics of Sopka-2 burial ground. *Keramika kak istoricheskiy istochnik: sbornik statey [Ceramics as a historical source: Collected papers]*. V.I. Molodin, ed. Novosibirsk: Nauka, pp. 103–118. (In Russ.)

Molodin V.I., Shatov A.G., 2000. To the reconstruction of the warfare of the Krotovo culture bearers. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Issues of archaeology, ethnology, and anthropology of Siberia and the adjacent areas]*, VI. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, pp. 358–363. (In Russ.)

Molodin V.I., Solov'ev A.I., 2004. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi [Sopka-2 site on the Om River], 2. *Kul'turno-*

khronologicheskiy analiz pogrebal'nye kompleksov epokhi srednevekov'ya [Cultural and chronological analysis of medieval burial complexes]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN. 184 p.

Molodin V.I., 2001. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi [Sopka-2 site on the Om River], 1. Kul'turno-khronologicheskiy analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi neolita i rannego metalla [Cultural and chronological analysis of the Neolithic and early metal burial complexes]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN. 127 p.

Molodin V.I., 2012. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi [Sopka-2 site on the Om River], 3. Kul'turno-khronologicheskiy analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoy kul'tury [Cultural and chronological analysis of the Odinovo culture burial complexes]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN. 220 p.

Molodin V.I., Pilipenko A.S., Chikisheva T.A., Romashchenko A.G., Zhuravlev A.A., Pozdnyakov D.V., Trapezov R.O., 2013. Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya naseleniya Barabinskoy lesostepi IV–I tys. do n.e.: arkheologicheskiy, paleogeneticheskiy i antropologicheskiy aspekty [Multidisciplinary research on the Baraba forest-steppe population of the 4th-1st millennia BC: archaeological, paleogenetic and anthropologic aspect]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskigo otdeleniya RAN. 220 p. (Integratsionnye proekty, 46).

Yungner Kh., Karpelan K., 2005. On radiocarbon dates of Ust'-Vetluga Cemetery. *Ross. Arkheol.*, 4, p. 112. (In Russ.)

Институт археологии РАН, Москва

С.Н. Кореневский

А.А. Чижевский, Е.М. Черных, А.А. Хисяметдинова, А.Е. Митряков, Е.А. Спиридонова, М.Д. Кочанова, А.С. Алешинская. СКОРНЯКОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА ВЯТКЕ. Казань: Казанская недвижимость, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016 (Археология евразийских степей; Вып. 22). 156 с., ил., вклейка. ISBN 978-5-9909131-1-0.

Публикация итогов исследования Скорняковского городища (г. Котельнич Кировской обл.), проведенного в 2012 г., выделяется благодаря полноте представленных материалов и глубине их научной проработки. В этом смысле она по праву занимает место рядом со ставшей уже классической работой Н.А. Кренке "Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э." (М.: ИА РАН, 2011. 548 с.). Хотя объем работ, выполненных на Скорняковском городище, не столь велик, их значение трудно переоценить. Был проведен полный разрез вала и рва, изучена половина сохранившейся до наших дней части площадки городища, почти полностью уничтоженного береговой эрозией. Полевые работы были осуществлены на высоком методическом уровне, столь же качественно выполнена и публикация, продемонстрировавшая положительные стороны сотрудничества археологов, геоморфолога, палеоботаников, археозоолога из разных научных и образовательных учреждений Европейской России – Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Института археологии Российской академии наук, Удмуртского государственного университета. Тщательное археологическое описание стратиграфии вала и рва удачно дополнено геолого-геоморфологической характеристикой этих объектов, а также результатами палинологического анализа. Полученные данные и выводы чрезвычайно важны для изучения населения эпохи раннего железного века (РЖВ) Восточной Европы и, особенно, для понимания ее фортификации. Необходимо также отметить в целом хороший полиграфический уровень публикации, хотя некоторые снимки профилей все же затемнены и детали стратиграфии насыпей разглядеть на них довольно трудно. Правда, для полноты полученной картины не достает заключения палеопочвоведа, а палеоботанические наблюдения не увязаны с общей картиной литологии насыпей, но в целом это не сказывается на потенциале публикации.

Давая самую высокую оценку труду археологов в поле и самому печатному изданию, входящему в заслуженно авторитетную серию "Археология евразийских степей", следует обратить внимание на те существенные вопросы, которые были обойдены руководителями работ. Первый касается методики проведения раскопок. Хотя "методическим аспектам изучения памятника" посвящена целая Глава 1 рецензируемой книги, объем ее едва превышает страницу, на которой, разумеется, невозможно осветить даже самые главные из упомянутых в заглавии аспектов. Из представленного текста можно понять, как проводился отбор образцов для анализов, но в нем совершенно не описана методика самих археологических полевых работ. Правда, имеется обширное Приложение № 1, являющееся, очевидно, выкопировкой из отчета о раскопках, в котором, наряду с подробнейшим описанием всех профилей и бровок,

имеется и описание пластов, из которого можно догадаться (прямо об этом нигде не сказано), что пласты разбирались в плоскости, параллельной современной дневной поверхности. В том же Приложении указано, что после снятия каждого пласта толщиной от 5 до 20 см снимались планы. К сожалению, ни один из них в публикацию не попал и для раскопа с мощностью отложений более 4 м представлено всего три плана – один общий в очень мелком масштабе (вернее, это не фиксационный план, а схема планиграфии насыпей разных этапов – рис. 15) и два частных (для отдельных квадратов на внутреннем склоне вала – рис. 33; 36), причем в двух последних в подрисуночных подписях не указано, на каких уровнях эти планы были сняты. Фотоиллюстрации книги фиксируют ситуации на финальном этапе работ, на уровне поверхности материка, но нет ни одного общего фото пластов. Из-за этого остаются непонятными и те многословные описания пятен разнородного грунта, которые приведены в Приложении № 1, но которые невозможно связать ни с планиграфией, ни со стратиграфией вала. Это, конечно, один из самых существенных недостатков публикации (но не раскопок).

Выбор руководителями работ методики раскопок пластами, параллельными современной дневной поверхности, позволял им качественно отбирать материал из прослоек вала, но не оставил никакой возможности получить выразительные планы и фото, на которых фиксировалась бы смена планиграфических ситуаций в залегании отдельных прослоек насыпи. Вероятно, планы криволинейных поверхностей пластов, на которых залегал практически однородный грунт, были столь невыразительны, что можно понять авторов, отказавшихся от их публикации, – они не прибавили бы информации, ценной для читателей. Но совершенно другая картина получилась бы, если бы насыпь разбиралась строго горизонтальными пластами: в этом случае стали бы видны особенности залегания отдельных прослоек и были бы получены дополнительные сведения о последовательности и особенностях их насыпки. Практика изучения валов показывает, что вскрытие их горизонтальными пластами имеет много преимуществ перед послойными расчистками: удается избежать работы на склонах, четче выделяются все мелкие прослойки, а главное, появляются выразительные планы горизонтальных зачисток, стыковка которых с профилями дает в руки исследователей дополнительные данные для интерпретаций. Разумеется, при использовании горизонтальных пластов отбор материала должен проводиться не суммарно, а из каждой прослойки в отдельности.

Структура монографии также не может быть расценена как вполне удачная, поскольку в ней выводы по интерпретации и датировке открытых объектов (прежде всего, вала и рва) предваряют фактический материал; описание стратиграфии и планиграфии помещено в Приложение в конце книги, а начинать знакомство с валами и рвами нужно именно с них. Здесь же получилось так, что при описании вала авторы вначале дают интерпретацию и датировку отдельных прослоек (Глава 2.1), затем переходят к описанию вещевых находок и керамики, на основании которых получены эти датировки (Глава 2.2), и, наконец, – к физико-географическому описанию района исследований, геологическому строению вала, данным палинологии (Глава 3). Иначе говоря, нарушены базовые принципы логичного и последовательного изложения материала. Чем они показались авторам неудачными, непонятно. Представленные материалы не дают оснований для сомнения в правильности полученных авторами выводов, но вызывающая алогичность их изложения не может быть принята, поскольку создает плохой пример для подражания. Желание поскорее заявить о полученных (безусловно, замечательных) результатах понятно, но неприемлемо с методической точки зрения.

Главным итогом размышлений авторов является Глава 4, в которой дана попытка реконструировать историю укреплений Скорняковского городища и хозяйственной деятельности его обитателей на основе полученных при раскопках данных. Здесь мы вправе были бы ожидать не только выводов, но и обсуждения спорных вопросов, однако именно этого найти и не удалось. Прежде всего, во всем тексте книги ни разу не говорится о том, были ли зафиксированы в теле вала прослойки, в которых можно было бы видеть дерн, образовывавшийся на этапах стабильности насыпи, например, в те продолжительные периоды, когда, по мнению авторов, жизнь на городище прерывалась или ее интенсивность сокращалась вместе с прекращением строительства вала. В первую очередь, речь идет о периодах между ранней и поздней стадиями ананьинского этапа, между ананьинским и пьяноборским, а также пьяноборским и еманаевским этапами (приведена интерпретация авторов). По-видимому, таких следов зафиксировано не было, поскольку на фото профилей раскопа не видно прослоек, которые можно было бы как-то связывать с почвообразованием (вновь выразим сожаление о том, что заключения почвоведа нет), но тогда их отсутствие следовало бы как-то объяснить. И если для отдельных стадий одного этапа строительства вала можно признать, что прослойки, созданные из материкового суглинка “бронировали” поверхность вала (использована терминология авторов), то для периодов длительной стабилизации поверхностей оно неприемлемо, поскольку растительность закрепляется даже на таких поверхностях, и образование дерна происходит неизбежно (а когда насыпь выполнена из культурного слоя, дернообразование должно происходить просто стремительно). Если же дернина все же не образовывалась, должна была начаться эрозия поверхности (размыв ливнями), которой никакое бронирование суглинками воспрепятствовать не могло и которая должна была оставить археологически читаемые следы (глубокие промоины). Но все эти вопросы в монографии остались без ответа. Трудно поверить, что исследователи не задавались ими, но по непонятным причинам решили их не обсуждать. А жаль, ведь это одна из

самых важных проблем при интерпретации древних защитных сооружений, и именно тщательность проведения раскопок на Скорняковском городище, как и привлечение специалистов из естественно-научных областей, давали уникальную возможность попытаться решить ее.

Отсутствие следов почвообразования в насыпи вала Скорняковского городища (а, похоже, что дело обстоит именно так) заставляет сомневаться в "длинной" хронологии этого сооружения, предложенной авторами. Ведь если дернина не успевала образовываться на поверхности вала, то хронологический разрыв между разными этапами его возведения был не таким большим. Присутствие материала ананьинской культуры в насыпях, отнесенных авторами к самому раннему ананьинскому этапу, может объясняться не синхронностью поселения и вала, а тем, что вал начал воздвигаться в период, когда ананьинское поселение уже перестало существовать, и насыпь создавалась из культурного слоя, снимавшегося с площадки давно заброшенного поселения. В этом случае создание первой и второй стадий вала А (ананьинского) следовало бы относить к гораздо более позднему пьяноборскому времени – концу первой половины I тыс. н.э. Отсутствие следов почвообразования на границе между двумя стадиями вала А свидетельствует о том, что между ними не было длительного хронологического промежутка, и сразу после завершения строительства маленького первоначального вала началось поэтапное (авторы публикации обоснованно говорят о четырех этапах) возведение высокого вала стадии 2. Отсутствие почвенного горизонта между валами А и Р (пьяноборским) также может объясняться именно тем, что никакого временного разрыва между ними не было, а тонкая досыпка с материалом пьяноборского времени ("вал Р" по терминологии авторов) возникла в финале возведения первоначальной насыпи, когда на площадке городища уже отложился культурный слой с материалами этого облика.

Однако не отмечено почвообразование и на границе между насыпями пьяноборского и еманаевского этапов. Не означает ли это, что и тут серьезного временного разрыва не существовало, а сразу вслед за созданием первоначального вала (А/Р) с наступлением еманаевского этапа в V в. н.э. начались работы по его дальнейшему наращиванию. Таким образом, вал Скорняковского городища мог формироваться не 1000 лет, как это предполагали авторы публикации, а всего 200–300. Только таким образом можно объяснить отсутствие на поверхности вала следов образования почв или его эрозионного размыва. В противном случае надо объяснять, каким образом на протяжении тысячелетия насыпь с крутыми склонами не покрылась дерном, но и не была размыта осадками.

Разумеется, предлагаемая здесь хронологическая модель не может претендовать на окончательную истинность, но имеющийся в публикации материал просто диктует ее.

Второй вопрос касается фортификационного потенциала исследованного вала и наличия на нем дополнительных оборонительных сооружений. Он не обойден авторами молчанием, но высказанные в книге гипотезы не вызывают ничего, кроме недоумения. При описании вала раннего этапа А авторы указали, что малые размеры насыпи и размещение рва в 1–3 м от нее "свидетельствуют об использовании его (вала. – *В.К.*) в качестве основы для деревянной стены типа городьбы или частокола" (с. 78). Но каким образом на тип фортификации могут указывать размеры вала или расстояние от вала до рва? Никаким. Эти признаки не имеют между собой ровно никакой причинно-следственной связи. Следы от частокола (канава глубиной не менее полуметра) нигде в публикации не упомянуты, на каком же основании вообще ведется речь о частоколе? Следовательно, упоминание частокола – это чистая фантазия, не опирающаяся на факты. Что такое "городьба", в книге не сказано, поэтому остается только сожалеть, что авторы не сочли нужным разъяснить, какие именно следы они обнаружили на поверхности вала и почему они подвигли их к такому предположению. Вообще, в русском языке под словом "городьба" подразумевается любая ограда, в том числе обычный забор. Если бы это было так, то следовало бы ожидать упоминаний о ямах на вершине или склоне вала, но в книге их найти не удалось. При этом из нее никак не следует, что авторы придерживаются концепции защитных сооружений на валах РЖВ лесной зоны Восточной Европы в виде баррикад из наваленных бревен и веток или легких заборов (Коваль, 2015). Остается надеяться, что под словом "городьба" не имелись в виду "городни", т.е. сооружения, свойственные для средневековой русской фортификации, но до сих пор ни разу не зафиксированные на городищах раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. Не желая даже заподозрить авторов рецензируемой книги в подобном умозрительном переносе более поздних достижений оборонного зодчества на архаичные конструкции, надо предостеречь читателей книги от подобных фантазий, не имеющих ни малейших оснований в археологическом материале. Но слова "городьба" и "городня" так схожи, что невольно могут породить столь ложные ассоциации.

О какой бы то ни было фортификации на вершине вала А поздней стадии (т.е. того периода, когда вал был увеличен почти в 10 раз по объему использованного для насыпи грунта) авторы вообще не упоминают. Но столь мощное и трудозатратное сооружение не могло быть насыпью с голой вершиной.

На поверхности вала этапа Р имелась "яма", которую авторы книги посчитали "частью фортификационных конструкций, венчавших гребень вала" (с. 80). Но отсутствие планов, на которых можно было бы увидеть эту яму, для которой не указаны ни глубина, ни размеры, ни разрез, не позволяет слепо доверять предлагаемому выводу. Судя по общему плану, гребень вала был вскрыт на длину около 7 м. Если на этом отрезке была обнаружена только одна яма, то

к каким фортификационным конструкциям она могла принадлежать? Как авторы представляют себе эти конструкции? Где находят их аналогии? Все эти вопросы остались даже без намека на ответ.

Далее идет описание четырех стадий сооружения вала этапа Е (еманаевского), при описании которых авторы не обронили ни слова о каких-либо следах фортификации на валу.

Из всего сказанного по поводу фортификаций на исследованном валу можно сделать следующие выводы:

– При раскопках Скорняковского городища не удалось выявить *никаких* следов дополнительных фортификационных сооружений на гребне и склонах вала. Можно смело утверждать, что по гребню вала *никогда*, ни на одном из этапов его создания, не проходил частокол (нет его траншеи), не стояли срубные сооружения (нет площадки для них, нет следов от бревен, от их заполнения) или иные тяжелые деревянные конструкции, оставляющие в грунте насыпи ясно читаемые следы;

– Представленные в книге материалы являются еще одним подтверждением того, что валы городищ эпохи РЖВ в лесной зоне Восточной Европы не несли на себе каких-то серьезных фортификационных сооружений из дерева, хотя бы отдаленно напоминавших средневековые древо-земляные стены. Здесь могли располагаться только очень легкие конструкции (заборы, баррикады), служившие прикрытием для оборонявшихся от стрел противника. Следовательно, оборонительная система этих городищ была направлена не на отражение длительных осадных действий, а на защиту от быстротечных атак небольших групп противника, не обладавшего тяжелым вооружением и средствами штурма настоящих фортификационных сооружений (стен). В этом смысле валы Скорняковского городища (и других городищ РЖВ) оказываются удивительно схожи с валами города Болгара, воздвигнутыми в середине XIV в. (Коваль, Русаков, 2016). Отсутствие же на валах частоколов (столь часто рисуемых на умозрительных реконструкциях) может объясняться слишком рыхлым грунтом насыпи, требующим чрезмерной глубины закапывания бревен, а также тем, что валы РЖВ постоянно наращивались вверх.

Подводя итог, надо сказать, что представленные выше замечания хотя и указывают на некоторые важные недочеты, допущенные как в ходе раскопок, так и подготовки публикации, ни в коей мере не умаляют ту высокую оценку проделанной коллегами работы, которая была дана в начале обзора. Скорее, они инспирированы тщательностью в фиксации и подаче материала, продемонстрированной исследователями памятника, весомый вклад которых в российскую археологическую науку неоспорим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Коваль В.Ю. Вал Ростиславльского городища раннего железного века // ТАС. Вып. 10. Т. 2. Тверь: Триада, 2015. С. 111–139.

Коваль В.Ю., Русаков П.Е. О фортификации Болгарского городища в XIV в. // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: Матер. Седьмой междунар. конф., посв. памяти Г.А. Федорова-Давыдова: сб. тез. докл. / Под ред. С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдикова. Кишинев: STRATUM plus, 2016. С. 118–120.

Институт археологии РАН, Москва *В.Ю. Коваль*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2018, № 2, с. 186–187

О.В. Двуреченский. ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XV–XVII ВЕКОВ. Тула: ГМЗ “Куликово поле”, 2015. 497 с., [4] л. цв. ил., ил., портр., факс. ISBN: 978-5-903587-26-1.

В первые десятилетия XX в. русское историческое оружиеведение понесло серьезные потери. В 1919 г. в Петрограде от недоедания умер хранитель оружия Эрмитажа, выдающийся ученый Э.Э. Ленц. В 1937 г. был расстрелян талантливый историк военного дела В.В. Аренд. М.М. Денисовой, представившей книгу о поместной коннице Московского государства, было заявлено, что она не знает марксизма. Власть опасалась коллекционеров военных древностей. Замерла научная работа в Оружейной палате Московского Кремля. В сложившейся ситуации вооружение периода Московской Руси изучалось много хуже, чем, например, периода Киевской Руси. Со временем это несоответствие удалось преодолеть, пример тому – названная выше книга О.В. Двуреченского.

Книга представляет собой свод археологических источников, состоящий из семи глав и Каталога находок. В ее основе лежит диссертация “Холодное наступательное вооружение Московского государства (конец XV – начало XVII века)”, выполненная в отделе славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН.

На базе созданного свода и анализа отраженных в нем источников О.В. Двуреченский впервые рассмотрел наступательное вооружение Московского государства как целое явление, поставил и решил такие проблемы, как генезис и установление характерных черт данного комплекса; эволюция отдельных видов холодного наступательного оружия; соотношение составляющих этого комплекса. Исследователь справедливо связал развитие материальной части вооружения с экономическим и политическим развитием Московского государства XV – начала XVII в. Именно наличие развитых государственных и войсковых сил повлияло на сложение наступательного вооружения. Важнейшим итогом работы следует указать, прежде всего, сам свод археологических источников, позволивший объемно представить датированные археологическими и оружиеведческими методами предметы наступательного вооружения рассматриваемого периода. Подобное начинание у нас осуществлено впервые.

Для исследователей позднесредневекового периода России одной из насущных проблем является слабая изученность предметов материальной культуры, в частности, – вооружения. Детальное исследование воинского снаряжения дает историкам и археологам надежно датированные серии вещей, на основе которых можно с большей точностью представить развитие русского военного дела в XV–XVII вв.

Особенно важны результаты данной работы при создании экспозиций и специализированных тематических музейных выставок, посвященных развитию русского оружия, а также при воссоздании исторических битв представителями движения военно-исторической реконструкции.

Во Введении О.В. Двуреченским приведено обоснование выбранной темы, определены территориальные и хронологические рамки исследования, детально разобрана методическая составляющая работы, дан перечень используемых источников, разобраны подходы к каждому из них.

Первая глава посвящена истории изучения вооружения Московского государства конца XV – начала XVII в. Автор отделяет историю изучения вооружения от истории изучения отдельных видов вооружения. В этой главе рассматривается общая история изучения вооружения, эволюция взглядов исследователей на развитие комплекса вооружения в целом. Выделяется ряд периодов.

Вторая глава относится непосредственно к изучению клинкового оружия середины XV – начала XVII в. Исследователем рассмотрены все включенные в свод образцы клинкового оружия, использовавшиеся на территории Московии. Типологизированы изделия клинкового оружия, монтировки рукоятей, металлические детали ножен, рассмотрены вопросы общей эволюции сабель со времен Киевской Руси до середины XVII в.

В третьей главе представлено “Древковое колющее оружие (наконечники копий, рогатин, сулицы, втоки)”. В свод отобрано свыше 200 наконечников. Для каждого вида древкового колющего оружия дана типология. Рассмотрены общие вопросы эволюции наконечников копий, установлено функциональное различие образцов выделенных типов.

В четвертой главе рассматривается “Древковое рубящее оружие (топоры, бердыши)”. В подглавке, посвященной топорам, Олег Викторович обосновывает необходимость рассмотрения всей серии археологически датированных топоров, известной как по материалам археологических экспедиций, так и музейных собраний, с тем, чтобы получить надежную источниковую основу для выделения серий боевых топоров.

Исследователь рассматривает 217 предметов, объединенных в 10 типов. Не вполне можно согласиться с построением типологической таблицы топоров, в которой объединены и боевые, и рабочие образцы (первых насчитано около 30, всего типологизировано 166 предметов). Полагаю, что боевые образцы следовало бы показать отдельно, там более что среди рабочих оказались

колуны, сечки, никак к оружию не относящиеся. Автор справедливо выделил четыре типа специализированных боевых топоров. Обосновывается взгляд на боевой кавалеристский топор как на один из основных предметов наступательного оружия московской дворянской конницы, наряду с саадаком и саблей.

В подглавке, посвященной бердышам, автор разбирает серию в 522 образца, разделенных на четыре типа. Исследователь обосновывает тезис о местной эволюции данного вида оружия, определяет время появления и направления развития данного оружия, специфического на территории Русского государства.

Ударному оружию, булавам, шестоперам, клевцам, кистеням, посвящена пятая глава рассматриваемой книги. В ряде случаев сохранилось ограниченное количество предметов, поэтому О.В. Двуреченскому приходится искать материал за пределами, объявленными как XV–XVII вв., и заключать, что данный вид оружия не имел широкого использования.

В шестой главе автор исследует ручное метательное оружие и его принадлежности – луки, колчаны, налучи, стрелы, самострельные болты. По мнению Олега Викторовича, со второй половины XV в. лук и стрелы, входящие в саадачный набор, становятся основным видом наступательного оружия московской дворянской конницы. Впервые предлагаются к рассмотрению по своим формам стрелы с учетом их внешнего вида, раскраски и оперения. Наконечники стрел – одна из самых массовых серий боевых предметов. Автором впервые для XV–XVII вв. разработана типология наконечников стрел, столь важная как для историков оружия, так и для археологов. Предложена хронология типов стрел, установлена их эволюция. Впервые выделены функциональные группы наконечников, установлено, что развитие в изготовлении стрел было направлено в сторону стандартизации и универсализации. Выявляются наиболее популярные наконечники, широко распространенные в Московской Руси. О.В. Двуреченский касается зарождения и развития самострелов и арбалетов на территории Древней Руси и Русского государства. Он обозначает основные виды самострелов и их функциональное использование. На основании форм арбалетных болтов автор приходит к выводу, что в рассматриваемый период арбалет не вышел из употребления, а продолжал использоваться в крепостном арсенале русских городов и в охотничьем хозяйстве.

В седьмой главе рассматривается “Комплекс наступательного вооружения Московского государства в контексте обзора общего развития военного дела середины XV – начала XVII в.”. Анализируются причины ориентализации русского военного дела в период становления единого централизованного государства. Описываются характерные черты этого процесса, повлиявшего на решение основных внешнеполитических задач, стоящих перед государством. Отдельно рассматривается русское военное дело в контексте эволюции западно-европейской и кочевнической военных традиций. Важно, что данное рассмотрение базируется на комплексе наступательного оружия, анализе письменных и изобразительных источников.

В Заключении О.В. Двуреченский характеризует основные черты развития комплекса наступательных средств, показывает основную тенденцию универсализации и стандартизации всех категорий оружия в контексте становления общерусского войска. Автор отмечает, что со второй половины XVI в. проявляются черты кризиса в использовании приемов военного дела, повлиявшего на дальнейшую эволюцию русского военного дела в эпоху после Смутного времени.

В результате проделанной работы впервые создан свод археологических источников, базирующийся на материалах археологических экспедиций и музейных собраний. Получены значительные серии надежно датированного оружия, которые позволили построить детальную картину эволюции вооружения Московского государства в период с XV по XVII в. О.В. Двуреченский сформулировал основные характерные черты военного дела Московской Руси, связал их с предшествующими и последующими эпохами, обозначил отличительные особенности по сравнению с сопредельными государственными образованиями. Следует также отметить богатый иллюстративный материал и развитую базу данных, делающие все выводы автора обоснованными и легко проверяемыми.

Изыскания О.В. Двуреченского оказались достаточно фундированы, однако их ценность возросла бы, если бы ему были доступны соответствующие материалы Государственного Эрмитажа и Оружейной палаты, а также коллекции бердышей и западно-европейских сабель. Это дорога сегодня затруднена финансовыми барьерами. Мы желаем преуспевающему оружиеведу добраться до пропущенного и приступить к изучению древнерусского доспеха.

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург *А.Н. Кирпичников*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2018, № 2, с. 188–189

ХРОНИКА

ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “АРХЕОЛОГИЯ И ГЕОИНФОРМАТИКА” (Москва, 2017 г.)

24–26 мая 2017 г. в Институте археологии РАН прошла ставшая традиционной Третья международная конференция “Археология и геоинформатика”, посвященная использованию географических информационных систем (ГИС), данных дистанционного зондирования (ДДЗ), геофизических методов и трехмерного компьютерного моделирования в археологии. Предыдущее мероприятие, состоявшееся в 2015 г., уже получило свое освещение на страницах журнала “Российская археология” (Коробов Д.С. Вторая международная конференция “Археология и геоинформатика” (Москва, 2015 г.) // РА. 2016. № 1. С. 175–177). Оно восходит к серии круглых столов, археологических школ и международных конференций, организованных группой археолого-географических информационных систем (АГИС) отдела сохранения археологического наследия ИА РАН в 2003–2015 гг.

Организатором настоящей конференции выступил отдел теории и методики ИА РАН. В ней приняли участие 80 специалистов из 15 городов Российской Федерации, а также представительная делегация иностранных ученых из Вены (Австрия), Берлина и Мюнхена (Германия), Милана (Италия), Киева (Украина), Ейсдена (Нидерланды), Брно (Чехия).

Открытие конференции состоялось 24 мая 2017 г. С приветственным словом к собравшимся обратился заместитель директора по науке ИА РАН А.В. Энговатова. Краткую историю мероприятия и регламент работы форума изложил заведующий отделом теории и методики ИА РАН Д.С. Коробов, после чего прозвучало два пленарных доклада, осветивших основные подходы к комплексным археологическим обследованиям с применением геофизических методов и использованием ДДЗ в Нидерландах (*Дж. Орбонс*) и Чешской и Словацкой Республиках (*П. Мило, Т. Тенцер, М. Вагнер*).

Дальнейшие заседания конференции проводились в рамках нескольких секций. Секция “ГИС в археологических исследованиях” велась под председательством И.В. Журбина (Ижевск) и Д.С. Коробова (Москва). Открыл ее работу доклад *О.В. Зеленцовой*, подготовленный совместно с *Н.А. Макаровым, Д.С. Коробовым* и *А.Н. Ворошиловым (Москва)* и посвященный основным результатам работы коллектива над ГИС “Археологические памятники России”, позволяющей проводить анализ данных о памятниках археологии на разных уровнях – от федерального до микрорегионального. *А.А. Тишкин (Барнаул)* представил доклад авторского коллектива о создании блока археологических карт в атласе “Большой Алтай: природа, история, культура”. ГИС “Курганы Украины” была продемонстрирована *М.Н. Дараган (Киев; Берлин)*. *А.А. Малышев (Москва)* остановился на эволюции системы расселения на п-ове Абрау в античную эпоху, моделируемой с помощью ГИС.

В серии докладов были продемонстрированы отдельные аспекты применения пространственного ГИС-анализа в археологии на материалах широкого культурно-хронологического диапазона. Так, *В.Б. Ковалевская (Москва)* поделилась опытом использования географических программ для изучения отдельного могильника эпохи раннего средневековья Дюрсо близ Новороссийска. *С.Л. Смекаловым* совместно с *В.Г. Зубаревым (Тула)* проводилась работа по использованию ГИС для выявления возможных трасс античных дорог Восточного Крыма по картам XIX в. *М.И. Петров (Великий Новгород)* представил любопытный пример поиска раннего могильника городских жителей Новгорода с помощью геоинформационного анализа. Молодыми исследователями *С.Н. Чаукиным (Москва)* и *А.Г. Колонских (Уфа)* были показаны результаты использования пространственного ГИС-анализа при поиске центральных мест дьяковской культуры Волго-Окского междуречья и при изучении раннесредневековых поселений бахмутинской культуры “Бирского микрорайона”.

Участники форума не обошли своим вниманием также вопросы об использовании Интернет-ресурсов для создания и распространения археологических ГИС. Этому были посвящены доклады *Е.С. Гришина (Старая Купавна)* о перспективах моделирования исторических процессов и пространственно-исторического анализа на основе археологических источников с использованием Интернет-картографирования, *Д.И. Жеребятьева (Москва)* с соавторами об Интернет-ресурсе как источнике и инструменте исторических исследований, а также коллектива исследователей из Казани о геоинформационной Интернет-системе учета данных археологических исследований, представленных в сообщении *Л.А. Вязова*. Завершил работу секции доклад *Т. Тенцера*, подготовленный совместно с *В. Нёйербауэром (Вена, Брно)* об использовании модуля *Space Syntax* для пространственного анализа городской территории по данным археогеофизического обследования римского города Карнунтум в Австрии.

Следующий день, 25 мая, проходил в рамках работы секции “Данные дистанционного зондирования, фотограмметрия и трехмерное моделирование в археологии” под председательством Й. Фассбиндера (Мюнхен) и С.Л. Смекалова (Тула). Он начался с блестящего обзорного доклада *Д. Данелли (Милан)*, в котором автор познакомил аудиторию с современным методическим подходом к использованию в археологии космоснимков высокого разрешения. Далее прозвучали доклады, посвященные конкретным примерам применения ДДЗ при изучении памятников разных археологических культур. *С. Райнхольд (Берлин)* поделилась опытом комплексного использования ГИС, дистанционного зондирования и данных археологии в изучении горных ландшафтов. *И.И. Гайнуллин (Казань)* представил подготовленный совместно с *Б.М. Усмановым* доклад об оценке состояния средневековых городищ с использованием ДДЗ на территории Предволжья в Республике Татарстан. *Е.С. Азаровым (Москва)* применялось

дистанционное зондирование при выявлении и изучении поселенческих памятников древнейших скотоводов эпохи раннего металла в пустынных степях Юго-Востока Русской равнины.

В последние годы наблюдается повсеместный рост интереса к использованию фотограмметрических методов создания виртуальных трехмерных моделей археологических памятников, в том числе полученных с помощью низковысотной аэрофотосъемки и беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). В рамках конференции было заслушано несколько докладов на эту тему. Так, *Э.Э. Казаков* совместно с *Н.Э. Волгушевой* и *А.Н. Мазуркевичем (Санкт-Петербург)* сделал обзор технических возможностей применения фотограмметрического метода в современных археологических изысканиях, которые предоставляет программное обеспечение, разработанное в Группе компаний Геоскан. Специалисты этой компании также участвовали в подготовке доклада о создании единой цифровой модели ландшафта Гнёздовского археологического комплекса, представленного аудитории *В.В. Новиковым (Москва)*.

Фотограмметрические методы компьютерного моделирования были продемонстрированы при реконструкции археологических памятников русской Сибири (*Л.В. Татаурова* с соавторами, *Омск*), визуализации и ГИС-анализе культурного ландшафта первой половины I тыс. н.э. в Юго-Восточной Прибалтике (*О.А. Хомякова* с соавторами, *Москва; Калининград*), построении высокодетальных моделей рельефа Андреевского археологического района близ Тюмени (*О.С. Сизов* с соавторами, *Москва; Тюмень*). Подобные методы и подходы фигурировали и в других докладах: *Д.О. Дрыги* совместно с *А.А. Малышевым (Москва)* о топогеодезических работах в археологических исследованиях памятников периферии Азиатского Боспора; *Е.Г. Дэвлет* и *Е.В. Романенко* совместно с *А.Р. Ласкиным, Ю.М. Свойским, А.С. Тимофеевой* и *А.С. Пахуновым (Москва; Хабаровск)* о подходах к решению проблем документирования петроглифов Сикачи-Аляна; *В.Е. Родинковой* совместно с *Д.И. Исаевым, Д.И. Киселевым* и *А. Дудиным (Москва; Санкт-Петербург)* о моделировании зон затопления при археолого-ландшафтных исследованиях, проведенных коллективом в нижнем течении р. Суджа в Курской обл. Особняком стоит доклад *М.О. Жуковского (Москва)*, посвященный достаточно редкому сюжету применения мультиспектральных ДДЗ для анализа распространения культурного слоя ряда поселений на территории Таманского п-ова и Восточного Крыма.

Два заключительных доклада фактически предваряли работу секции следующего дня, поскольку касались применения геофизических методов в археологических исследованиях. Это внеплановый доклад *М.Н. Дараган*, подготовленный совместно с *К.М. Бондарь (Киев)*, о локализации штолен с боеприпасами времен Великой Отечественной войны, проведенной с использованием магнитной разведки и ГИС-картографирования в 2012 г. на горе Шампань возле Севастополя. Новейшие технологические решения при проведении археологической магнитной разведки были продемонстрированы в докладе специалистов из компании *Eastern Atlas*, представленном *К. Майером (Берлин)*.

В заключительный день, 26 мая, доклады были заслушаны в рамках секции “Трехмерное моделирование и геофизические методы в археологических исследованиях”, прошедшей под председательством П. Мило и М.Н. Дараган. И.В. Журбин поделился результатами комплексных исследований средневекового Кушманского городища Учкакар и его окрестностей. Большой интерес вызвал доклад коллектива археологов и геофизиков из Германии и Румынии об археологических работах в Южном Ираке и Иракском Курдистане, сделанный *Й. Фассбиндером*. Другой совместный проект германских и российских археологов, касающийся археолого-геофизического исследования периферии больших курганов скифского времени на могильниках Кубани, был представлен *А. Гассом (Берлин)*.

Следует отметить, что большинство докладов данной секции касались использования магнитометрического метода при изучении археологических памятников разных эпох и культур. Так, *В.Г. Бездудный* и *О.А. Радюш (Ростов-на-Дону; Москва)* продемонстрировали результаты магнитометрического обследования грунтового могильника черняховской культуры Пены (пос. им. К. Либкнехта) в Курской обл. *А.А. Тишкин* совместно с *А.А. Редниковым (Барнаул)* сделал обзор магнитометрических исследований археологических памятников на территории Алтайского края. *З.Г. Шакиров* и *В.Г. Бездудный* представили подготовленный вместе с *Ф.Ш. Хузиным (Казань; Ростов-на-Дону)* доклад об использовании дистанционных и геофизических методов в работе Билярской археологической экспедиции в Республике Татарстан.

Новые технологии в использовании магнитометрии с применением летательных аппаратов продемонстрировал коллектив авторов из Новосибирска в докладе, озвученном *А.П. Фирсовым*. Коллективом был разработан и применен высокочастотный аэромагнитный комплекс, открывающий принципиально новые возможности в поисковой археологии, в частности, использование геомагнитной томографии. Завершило заседание сообщение *А.А. Клочко*, подготовленное совместно с *Д.Л. Шишковым (Москва)*, которыми создавалась цифровая трехмерная ландшафтно-геофизическая модель территории археологического памятника методами георадиолокации. Были продемонстрированы результаты обследования Троице-Сергиевой Лавры, Спасо-Бородинского монастыря, Сунгирской палеолитической стоянки и других историко-археологических объектов.

Подводя итоги прошедшей конференции, стоит отметить, что по сравнению с предшествующими мероприятиями возрос интерес к методам пространственного анализа данных археологии, проводящегося с помощью ГИС; происходит неуклонное внедрение трехмерного моделирования археологических ландшафтов и объектов с помощью фотограмметрии и низковысотной аэрофотосъемки. Участники конференции высоко оценили проделанные доклады, которые предполагается опубликовать в очередном выпуске электронного издания “Археология и геоинформатика”. Материалы предыдущей конференции были изданы на DVD-носителе к открытию настоящего форума и распространены среди его участников (Археология и геоинформатика. Вып. 8 [Электронный ресурс] / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев, Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2017. DVD-ROM). Было принято решение о проведении очередной, Четвертой международной конференции, в Москве в Институте археологии РАН в 2019 г.

Институт археологии РАН, Москва *Д.С. Коробов*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2018, № 2, с. 190

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА ГАДЗЯЦКАЯ (1931–2017)

18 октября 2017 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончалась Ольга Сергеевна Гадзяцкая, известный советский и российский археолог, специалист по эпохе бронзы, почти 40 лет проработавшая в Институте археологии.

Ольга Сергеевна родилась 6 февраля 1931 г. в Москве в семье историка С.А. Гадзяцкого. После окончания школы в 1949 г. она поступила на исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, где специализировалась на кафедре археологии. Как и другие студенты, Ольга Сергеевна принимала активное участие в работе археологических экспедиций под руководством Б.А. Рыбакова, Б.Н. Гракова, К.Ф. Смирнова и других специалистов. В 1954 г. после окончания с отличием университета О.С. Гадзяцкая была принята в аспирантуру Государственного исторического музея. После закрытия аспирантуры в Историческом музее Ольга Сергеевна какое-то время проработала в Институте славяноведения АН СССР, а с 1958 г. стала штатным сотрудников Института археологии АН СССР. С этого времени началась ее совместная с Д.А. Крайновым работа по исследованию могильников фатьяновской культуры, стоянок эпохи палеолита, неолита и бронзового века в Московской, Ивановской, Ярославской и Калининской (Тверской) областях. Вместе с Дмитрием Александровичем она участвовала в раскопках знаменитых Вашутинской, Сахтышских, Лухских и других неолитических стоянок.

Ольга Сергеевна не только участвовала в полевых работах, проводившихся Верхне-Волжской экспедицией ИА РАН под руководством Д.А. Крайнова, но и вела вместе с ним большую работу по изучению и подготовке к изданию полученных данных. Во многом благодаря ей в нескольких томах серии “Свод археологических источников” были опубликованы материалы всех раскопанных экспедицией фатьяновских могильников.

В 1972 г. О.С. Гадзяцкая защитила кандидатскую диссертацию на тему “История населения Верхнего Поволжья в эпоху бронзы” (научный руководитель – Д.А. Крайнов). Ею была разработана новая типология форм фатьяновских сосудов и классификация их орнамента (Памятники фатьяновской культуры: Ивановско-Горьковская группа. М.: Наука, 1976 (САИ; Вып. В1-21). 135 с.). Эти разработки послужили основой для дальнейшего изучения фатьяновской керамики. Особый научный интерес представляет статья О.С. Гадзяцкой “Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы (Волго-Клязьминское междуречье)” (СА. 1992. № 1), посвященная пока слабо изученному культурному феномену “фатьяноидная керамика”. Она занимает важное место среди исследований взаимоотношений фатьяновского и поздневолосовского населения Верхнего Поволжья.

С 1973 по 1993 г. Ольга Сергеевна была бессменным ответственным секретарем серии “Краткие сообщения Института археологии”, отзывчивым и доброжелательным, что делало работу с ней не только продуктивной, но и приятной. Она оставалась удивительно светлым человеком, чей характер совершенно не менялся с годами. Молодые коллеги благодарили судьбу за то, что среди их учителей была Ольга Сергеевна – блестящий специалист по археологии бронзового века, помимо этого, прекрасно разбирающийся в общей истории России, литературе, искусстве.

Длительное общение с Ольгой Сергеевной, как в экспедициях, так и в стенах Института археологии, позволяет нам говорить о ней как об умном, чрезвычайно скрупулезном и внимательном исследователе, глубоко понимавшем сложную природу археологических материалов; человеке, обладавшем внутренним достоинством, неизменно доброжелательном и исключительно скромном.

Светлый образ Ольги Сергеевны Гадзяцкой навсегда останется в памяти всех, кто был с ней знаком.

Институт археологии РАН, Москва

Е.В. Волкова,
В.Б. Ковалевская, *М.Г. Мошкова*,
В.Г. Петренко, *Ю.Б. Цетлин*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2018, № 2, с. 191

ПАМЯТИ АЙНЫ ПЕТРОВНЫ ПОГОЖЕВОЙ (1933–2017)

20 июля 2017 года ушла из жизни Айна Петровна Погожева, Зося – для ее близких друзей и коллег. Она была серьезным, думающим ученым, прекрасным полевым археологом, специалистом по трипольской культуре и бронзовому веку Горного Алтая и – особо хочется отметить – обаятельным, щедрым человеком. Зося обладала особым талантом притягивать к себе людей, вокруг нее всегда собирались люди разных поколений, профессий, интересов и становились ее друзьями навсегда.

Ее мать, Алма (Полина) Тимофеевна Кусургашева, приехала в Москву из Горной Шории учиться в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. Сталина и после окончания осталась работать в столице. Отец – Петр Петрович Крючков, секретарь А.М. Горького, проходил по делу Третьего московского процесса и был расстрелян в 1938 г. на Бутовском полигоне. О его судьбе Зося узнала только в годы оттепели, будучи уже взрослой. В 1951 г. она окончила московскую среднюю школу и поступила в Киевский государственный университет на исторический факультет – тогда семья недолгое время жила в этом городе. В 1952 г., в связи с переездом в Москву, она переводится на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, занимается на кафедре археологии. Во время учебы принимала участие в археологических экспедициях факультета в Смоленске (с Д.А. Авдусиным), в Великом Новгороде (с А.В. Арциховским), также были экспедиции в Молдавии и Туве. Именно тогда сложился ее устойчивый интерес к археологии. Темой дипломной работы стало изучение керамики Гнездовского могильника. Традиционно еще на студенческой скамье археолог определяет для себя направление будущих исследований, но Айна Петровна не стала славистом. Своими путями шла она в науке; кажется, что кровь шорских предков, часто менявших место жительства, осваивавших новые пространства, во многом определила ее жизнь. Ей также часто пришлось менять дом, место работы, место проведения полевых исследований, окружение.

После окончания университета в 1957 г. А.П. Погожева, тогда Кусургашева, едет в Казахстан, где работает сначала научным сотрудником в Центральном краеведческом музее г. Алма-Аты, а позже в Институте археологии и этнографии АН Казахской ССР. К этому времени относятся большие полевые работы, организованные ИАЭ. А.П. Погожева руководила отрядами в составе Восточно-Казахстанской, Южно-Казахстанской и Илийской экспедиций, проводивших исследования степных курганов эпохи бронзы в пустынных, малонаселенных областях Казахстана в сложных, даже экстремальных условиях. Порой ей, единственной женщине в экспедиции, приходилось всю ночь проводить у костра с винтовкой в руках, чтобы предотвратить эксцессы с наемными рабочими из осужденных.

В 1961 г. Айна Петровна вернулась в Москву и поступила на работу в Музей Восточных культур (ныне Государственный музей искусства народов Востока). В это время она участвует в полевых исследованиях Горно-Зеравшанского отряда, в Пенджикентской и Термезской экспедициях. Интересы молодой исследовательницы касались не только археологии: ею были собраны интереснейшие и редкие этнографические артефакты, предметы, связанные с традиционными народными промыслами, которые в 1960-е годы в среднеазиатских республиках были еще живы.

В 1965 г. А.П. Погожева поступила в аспирантуру Института археологии АН СССР, ее научным руководителем стала Т.С. Пассек. В 1971 г. Айна Петровна защитила диссертацию “Антропоморфная пластика трипольской культуры”, написанную на обширном материале, пред-

ставленном практически на всех трипольских поселениях, охватывающих все три этапа культуры. Предложенная автором типология статуэток позволила выявить определенную динамику формы и стиля от Триполья А до Триполья С, выяснить региональные особенности для этой категории артефактов. Затем Айна Петровна продолжила работу в ИА АН СССР в должности научного сотрудника, руководила экспедициями в Молдавии и Западной Украине, продолжала собирать трипольскую пластику по музеям. Именно к этому времени относится ее насыщенная исследовательская деятельность, появляется серия статей по антропоморфной пластике. Графической фиксацией фигурок из музейных коллекций, проще говоря, рисованием этих весьма непростых предметов Зося занималась сама. Из-под ее руки выходили точные и вместе с тем высокохудожественные рисунки глиняной пластики. Ее привлекали вопросы технологии изготовления пластики, и совместно с А.А. Бобринским в кабинете Истории керамики Института археологии были определены направления дальнейших исследований.

В 1983 г. в издательстве “Наука” Сибирского отделения АН СССР вышла монография “Антропоморфная пластика Триполья”, а в 1985 г. в Мюнхене Германский Археологический Институт издал переработанный вариант этой книги. После выхода этих изданий широкий круг представленных в них артефактов стало возможным использовать в качестве надежного источника для определения места трипольских памятников в системе периодизации. Этому способствовало успешное использование математических методов в обработке серий статуэток из различных поселений, что ранее стало темой специальной статьи коллектива авторов (*Ковалевская В.Б., Погожев И.Б., Погожева А.П.* Количественные методы оценки степени близости памятников по процентному содержанию массового материала” // СА. 1970. № 3. С. 26–39).

В 1974 г. мужа Айны Петровны, ученого-математика И.Б. Погожева, пригласили на работу в Сибирское отделение АН СССР. Семья переехала в Академгородок под Новосибирском, где А.П. Погожева работала в Институте истории, археологии, этнографии и филологии СО АН СССР. Областью ее интересов стал Горный Алтай, а темой – “Бронзовый век Горного Алтая”. Все полевые сезоны она проводила на Алтае, работая в Горно-Алтайском разведывательном отряде в долине р. Катуни. В этот период А.П. Погожева исследует поселение Кара-Тенеш (афанасьевская культура).

В 1983 г. Погожевы вернулись в Москву, Айна Петровна продолжила работу в Институте археологии по своей старой трипольской тематике, но не оставляла алтайский материал, готовила к публикации результаты раскопок поселения Кара-Тенеш, которая была осуществлена позже в соавторстве с археологами из Барнаула. Кроме того, были разведки на территории Западной Украины с целью найти трипольское поселение для дальнейшего изучения. В 1988 г. она вышла на пенсию, но интерес к археологии не иссяк. В 2003 г. вышло в свет ее литературное произведение – повесть “Агни (история одной девочки)”. Эта книга написана ярко и увлекательно, являя собой редкий пример художественной популяризации археологических знаний. Книга объединила те мысли, догадки, а часто и факты, которые рождались во время написания научных работ, при исследовании трипольских поселений и степных курганов. Фактически была создана оригинальная форма научно-популярной литературы. Автор активно использовала свои научные наработки, вплетая их в занимательную сюжетную канву и поднимаясь до глубоких общечеловеческих размышлений. Как пишет она сама: “Хотелось развеять миф о звероподобном облике первобытного человека, примитивные технологии не означают примитивность духа”. Слова и размышления героев этой повести отражали авторские взгляды, являлись авторским кредо:

“Нужно высоко держать светильник,
Чтобы люди шли не спотыкаясь,
Убирая камни на дороге, чтобы память
их не угасала,
И о них чтоб память не исчезла”.

Институт археологии РАН, Москва

Ковалевская В.Б., Петренко В.Г., Гадзяцкая О.С., Мошкова М.Г., Мишина Т.Н.